Учреждение и первоначальное устройство Св. Синода 1721–1725
Стефан Григорьевич Рункевич

Историю Русской Церкви за время от учреждения Святейшего Синода до кончины императора Петра Великого автор первоначально предполагал написать в одном томе из следующих шести глав: I, учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода; II, дела веры; III, образование и просвещение; IV, епархиальная жизнь; V, церковные имущества и VI, духовный суд. Но оказавшаяся в распоряжении автора масса исторического материала, не вполне обработанного, или вовсе не разработанного, или совсем доселе неизвестного, повела к тому, что каждая глава выросла в целый том и каждый том получил монографический характер.

23 августа 1900.

С. Петербург.

В цитатах для обозначения архивов, журналов и многотомных изданий приняты следующие сокращения:

ААЛ. – Архив Александро-Невской Лавры.

АПДК. – Архив Петербургской духовной консистории.

АСС. – Архив Святейшего Правительствующего Синода.

ГА. – Государственный архив.

ДНР. – «Древняя и новая Россия».

ЖМНП. – «Журнал Министерства народного просвещения».

КС. – «Киевская старина».

МАМИД. – Московский главный архив Министерства иностранных дел.

МАМЮ. – Московский главный архив Министерства юстиции.

ОАСС. – «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода».

ПС. – «Православный собеседник».

ПСЗ. – «Полное собрание законов Российской империи» (первое).

ПСП. – «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи».

ПТСО. – Прибавления к «Творениям Святых Отец».

РА. – «Русский архив».

РС. – «Русская старина».

СИРИО. – «Сборник Императорского русского исторического общества».

ТКДА. – «Труды Киевской Духовной Академии».

ХЧ. – «Христианское чтение».

ЧМОИД. – «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских».

ЧОЛДП. – «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения».

I. Преобразования Петра Великого в сфере государственной и состояние церковной жизни в России накануне учреждения Святейшего Синода

Внешний и внутренний рост государства российского. – Церковная жизнь: высшая иерархия; приходское духовенство; монастыри; церковная дисциплина и церковные имения; паства. – Задачи преобразований в строе церковной жизни.

I

Ко времени учреждения Святейшего Синода Россия, после двадцатипятилетней деятельности Петра Великого, явилась неузнаваемою, по сравнению с прежним, во всех частях. Недаром Петр в одной из своих новогодних речей назвал себя Ноем по причине совершенного обновления при нем старого русского мира[1]. Долголетняя упорная война неожиданно выдвинула наше отечество пред глазами изумленной Европы мощным колоссом, не только обладающим силою, но увенчанным и военною славой. На берегу широкой Невы прорублено было окно в Европу, дававшее государственному организму приток свежего воздуха и возможность правильного, свободного дыхания. Полтавская победа вырвала у воинственных тогда шведов пальму первенства на севере Европы и передала ее в руки России. Взятием Азова сильный ущерб нанесен был «исконному врагу Святаго Креста» – полумесяцу, и хотя после несчастливого для нас Прутского похода турки оправились, Россия все же успела при Петре расправить свои долго связанные крылья от моря и до моря. Север стал безопасен, юг не был опасен, на западе Россия была прикрыта бессильною, но устойчивою Польшей, а на востоке российские пределы тянулись на необозримые пространства до «неведомого моря». Новонародившийся флот, – дело рук петровых, – и регулярное войско, поставленное «наукой» и долгим «делом» в уровень с европейскими войсками, давали России, при таком положении, возможность из прежнего состояния пренебрежения войти в семью культурных европейских народов полноправным членом, с уверенностью за будущее, – в те времена, когда благополучие государств все еще обеспечивалось военною силой, а счастье добывалось мечем и огнем.

II

Рядом с внешним ростом России шел рост ее внутренний. С беспримерными усилиями насаждалось образование и выдвигалась забытая сила знания[2]. Безвозвратно ушло то время, когда в предисловии к русской грамматике надо было писать, что она не противна Православию, потому что и святые отцы учились грамматике[3], или когда каждая печатная книга своим появлением обязана была любительскому вниманию и милости какого-нибудь мецената[4]. Теперь безбоязненно и смело выходил в свет учебник французского языка и в своем предисловии поучал, что учение есть «неоцененное сокровище»[5]. А типографии едва успевали исполнять правительственные заказы по изготовлению книг. – Вызваны были к жизни долго дремавшие естественные богатства России, поощрялась промышленность[6]. Значительные изменения внесены были в вековой внутренний уклад русской жизни и совершенно был преобразован весь ее внешний строй. Царь сошел с трона, постепенно удалявшегося на такую высоту, что к нему не достигали уже взоры и вздохи народа[7], «взял топор, молот и пилу» и сам поставил себя в ряд первых и самых усердных работников общенародного блага. Прежний приказной порядок правления, основанный исключительно на доверии и дававший полный простор произволу и злоупотреблениям, вкоренивший в России взяточничество[8], был заменен государственным строем, выдвигавшим на первый план долг и обязанности, для каждого очерченные, где каждый являлся ответственным за свои поступки не только пред своим начальством, но и пред подчиненными, и даже пред посторонними. Все призывались на службу государству, общенародному благу, своим личным благосостоянием и имуществом, и жизнию[9], и эта одинаковость долга уравнивала всех, кто ему служил[10]. С почвы рабского принижения, лицемерия, раболепства и неукоснительной вороватости лица, служащие государству, переводились на почву здоровых и открытых, прямых служебных и должностных отношений. Рабский язык, называемый высоким стилем, витиеватый, неискренний и непомерно длинный, был заменяем языком простым, соответствовавшим действительным мыслям, чувствам и отношениям. Установлен новый, январский год, вместо сентябрьского, и новое летосчисление – с Рождества Христова, вместо бывшего с Сотворения мира[11]. Изменена форма старинного русского неуклюжего платья на более удобный европейский манер[12]. Указами об обязательном бритье бороды и усов произведена перемена и во внешнем

виде человеческого облика в русском народе[13]. Вводимы были изменения в привычный уклад домашней и общественной жизни: установлены общественные собрания – ассамблеи; велено строить в Москве каменные дома с черепичными крышами, наблюдать на улицах и на дворах в столицах чистоту и порядок, мостить улицы камнем; заведены аптеки вместо «зелейных лавок», допущена вольная продажа табаку, дровосекам даны наставления о распиловке дров и т. п.[14]. «Сердце России» – Москва не могла оставаться резиденцией государя, подчинявшего чувство разуму, была заключена в священный футляр первопрестольной столицы и оставлена для воспоминания и вдохновения, на случай надобности, а для нового государственного дела поставлен новый город – Санкт-Петербург, на берегу многоводной и могучей реки, у самого моря. Царь сам прошел всю России, и старая затхлая атмосфера могла оставаться нетронутою разве только в совсем недоступных углах.

Одна часть оставалась почти не тронутою преобразованиями – духовная. Современное Петру состояние и духовенства, и общества в духовном отношении оставляло желать много лучшего.

III

О патриаршем правлении памятный в истории петровского времени «прибыльщик» Курбатов, имевший специальное поручение «изыскивать прибыли» для «государевой казны», писал Петру по смерти патриарха Адриана, конечно, не выдумки: что покойному патриарху, при его болезни, трудно было за всем смотреть, что в духовном управлении большие беспорядки, что по части распоряжения церковными имуществами «во всем очень слабо и неисправно» и поступающие большие доходы «погибают в прихотях владетелей», что единственная в Москве духовная школа в полном расстройстве[15].

Некоторые архиереи давали повод к замечанию, что «не всяк епископ может чистое слово сложить»[16]. Даже патриарх вызывал и со стороны мирского общества, и со стороны духовенства нарекания и упреки в невежестве, когда, не отличая обряда от догмата, формы от сущности, требовал перекрещивать чрез погружение уже крещенных чрез обливание, или, не умея отличить «кесарева» от «Божия», объявлял бритье бороды искажением образа Божия в человеке, преследовал бритье бороды и подстригание волос, входившее еще до Петра в моду у наших «европейцев», отлучал от Церкви имевших общение с «брадобрийцами», приравнивал, как патриарх Адриан, «усатых», т. е. безбородых, к котам и псам и запугивал их вопросом, где они со своим искаженным ликом станут на Страшном Суде. Недостаток образования вел к напыщенности свыше всякой меры. Среди архиереев попадались такие, которые «ревновали о вельми жестокой славе», давая предлог упоминать о стремлении их к чести, «равной царской». Будучи в добром здравии, они, для важности, заставляли водить себя под руки, милостиво и снисходительно принимая земные поклоны «подручной братии», которая «самоохотно и нахально стлалась на землю», только бы снискать благоволение владычного ока и в этом благоволении укрыть свое «неистовство и воровство». Нечего и говорить, что при таком настроении духовное общение между архипастырями и пастырями было в высшей степени затруднено. Двери патриарха для духовенства были закрыты на деле совсем; с большими усилиями можно было дойти разве только до патриаршего дьяка. Ставленников, явившихся для поставления в иереи Господни, не пускали, при испытании, даже в архиерейские сени, а держали на крыльце, в зимнюю стужу, по пяти-шести часов, заставляя приходить туда «мучиться» в продолжение нескольких недель. А тот

недостойный сброд, который окружал архиерея в качестве его приближенной свиты, спешил вытянуть последнюю копейку у новоприбывшего деревенского бедняка. Если кто из духовенства хотел искать архиерейского суда, то «в приказ сторожа даром ни за что» не пускали, а к подьячему или дьяку явиться без взятки не решался и сам истец. Трудно и представить, до какой степени в таких случаях утрачивалось понятие об обязанностях архиерейства. Метко было замечено в одной жалобе на такое положение, что к воротам святителя страшно и приблизиться, как ко вратам адовым. Недоступность архиереев для духовенства была причиною их частой «оплошки», когда они всецело полагались на своих «служебников», а эти заранее были подкуплены людьми виновными или недостойными. Кроме того, как исключение, но все же встречались среди архиереев такие лица, который давали основание осуждать их за «мздоимство и неправду», дозволяли себе зашибить своеручно на молебне человека до крови, употребляли в отношении к провинившимся битье обнаженных плетьми, сажание на цепь с оставлением без пищи и тому подобные приемы «градской казни», – и довели себя до извержения[17].

IV

Из священников немного было таких, которые бы могли «наизусть проповедывать догматы и законы Священного Писания». По образованию священники не стояли на более высоком уровне по сравнению со своею паствой. И пастыри, и паства учились в одних школах, бывших при церквах, где единственным и учителем, и распорядителем был дьячок, все образование которого заключалось в уменье грамоте. Беглое чтение было достаточным цензом для получения священнического сана. Кто умел читать и писать, от того не требовалось уже дальнейшего образования. Проникали в священники и люди мало умевшие грамоте: приближенные к архиерею насельники архиерейского дома выучат кандидата на священство «двум-трем псалмам» и это выученное предложат, за взятку, прочесть на испытании в присутствии архиерея, а архиерей, не подозревая обмана, «посвящает еле грамотного невежду в должность пастыря и учителя». При таких условиях «многие невежды, никогда и нигде не бывшие учениками», носили звание учителей и пастырей и были поставлены учить и наставлять тех, которые считались их духовными детьми. В пастыри народа попадали, как выразился собор 1667 года, «сельские невежды, из которых иные и скота пасти не умели». Невежество духовенства нашло себе обличение даже в тогдашних букварях. В букваре 1708 года, в предисловии, располагающем к учению, после замечания, что «порок невежества», нетерпимый и в мирянах, тем более нетерпим в духовенстве, как сословии, призванном по самому назначению своему быть учащим, говорится: «Кто не вознегодует при виде тьмы невежества в иереях, о которых Христос сказал, что они должны быть светом миру? Кто не поболит христианским сердцем, что слепых ведут слепцы и все идут к погибельной яме? Гибельная вещь – невежество в начальниках. Горе кораблю, бьющемуся среди волн морской пучины, у которого матросы неискусны. Горе больному, который обращается к врачу-невежде!» Патетическая речь обрывалась евангельским возгласом: «Имеющий уши слышать да слышит!» Автор не захотел остановиться на этих весьма убедительных словах и, как бы опасаясь, что не будет достаточно понят теми, к кому это относится, заканчивал свою речь прямым обращением: «А в особенности вы, иереи Господни, вы, священнослужители страшных Христовых Таин, убеждающие своих детей и родственников к наследию служения вашего! Смотрите внимательно, каких желаете иметь наследников себе и служителей Божественных Таин. Если простой

мирянин, не заботящийся о детях, приравнивается к детоубийцам, по слову Златоуста, то тем более повинен тот, кто хочет «предстоять престолу Владычню», где и Небесные Силы предстоят со страхом, если, не радя о духовных детях, дерзнет поставлять в служение ему невежду!» – Невежество вело к грубости в нравах и обычаях. Церковные службы были зачастую совершаемы небрежно или и вовсе были опускаемы. Оставалось в обычае при богослужении двоегласие и многогласие, обращавшее божественную службу в механическое вычитывание слов, из которых составлены молитвы. Невежественные священники «давали молитвы в шапку» для доставки на дом тем, которые не были в церкви. Данная Синодом на первых же его порах инструкция тиуну предписывала наблюдать, чтобы протопопы, священники и диаконы не пьянствовали и не кощунствовали в церкви, чтобы духовенство не бродяжничало, чтобы члены церковного причта не шумели пьяные в церквах и по улицам, не ссорились «по мужичью на обедах», не «доискивались подчиванья», не стремились проявлять «силы и храбрости к питью», не участвовали в кулачных боях, не ходили по кабакам. Иные священники настолько «закоснели в обычае пьянства», что давали повод к укорам, будто «до пьянства попы упиваются, а о церкви и детях духовных небрегут», или что в духовных людях по преимуществу «укоренилась сатанинская злоба безмерного хмельного упивания»[18]. Московские священники, назначенные в крестные ходы, не слушая литургию, расходились по домам прихожан для выпивки и закуски, а за себя посылали ставленников и крестцовых[19]. Пьяный священник бил своего духовного отца[20]. При бракоразводном деле истец напоил допьяна двух священников, и они подписали ложные показания[21]. Рассказывали характерный случай, будто пьяный священник перевенчал свою собственную жену с капитаном, бывшим с нею в нечистой связи[22]. Когда было положено, для установления числа раскольников и для обнаружения тайных, чтобы священники представляли списки не исповедавшихся и не бывших у Причастия, каждый своего прихода, то было замечено, что священники, утаивая раскольников, ложно показывали, будто те причащались у них наедине, ложно удостоверяли также о крещении младенцев, в действительности ими не крещенных[23]. Плутовство практиковалось даже в отношении к своим сослуживцам: при проезде государя в 1719 году чрез Торопец местный поповский староста производил сбор на образ будто бы для поднесения государю, чего не сделал, да и не намеревался делать[24]. В 1714 году в Петербурге священник Троицкого собора был уличен в том, что пытался присвоить чужого гуся, которого он встретил на мосту,

возвращаясь с приятельской вечеринки[25]. Довольно часто возникали жалобы на духовенство за оскорбление словами[26] или действием. В Петербурге один священник, придя в церковь, где отправлял службу его младший сослуживец, и увидя, что «свечи зажжены не по уставу», тотчас же призвал в алтарь церковника и первым делом хватил его посохом[27]; дьякон избил дьячка в церкви[28]; священник избил прихожанку до крови[29]; пономарь хватил по голове священника деревянным запором так, что тот упал[30]; диакон заколол ножом свою жену за то, что получил от нее французскую болезнь[31]; священник обвинялся в животно-грубых отношениях в женщинам[32]. Лишенный сана диакон, вместе с сыном, подобрав себе шайку головорезов-крестьян, стал заниматься разбоем[33]. Тоже и один священник в 1719 году сбежал и стал воровать и ездить на разбой[34]. Крайняя необеспеченность приходского духовенства и тяжкая зависимость его от прихожан, когда прихожане подчас сдавали приходское место чуть ли не с публичного торга[35], при обременении значительными налогами[36], развивали среди священников бродяжничество. Промаявшись на приходе, они «за скудостию» бросали свое приходское место и шли промышлять хлеб своим ремеслом в другие места, преимущественно в Москву[37]. Здесь или выходили в полковые попы, если встречали счастливый случай, когда полковое начальство искало для полка священника, или попадали в крестовые, крестцовые или викарные священники: крестовые, когда нанимались в домовые церкви на определенный, более или менее продолжительный срок[38]; крестцовые, когда нанимались на службу поденно и в ожидании найма стояли на крестцах[39]; викарные, когда нанимались служить ранние обедни в приделах; эти назывались иначе ранними или придельными и существовали преимущественно для совершения заупокойных поминаний[40]. Уважения к духовенству среди пасомых было немного. «Священникам не было пощады от сильных людей». Священников «от церкви Божией сгоняли, били и увечили»[41].

V

Просветительное в собственном смысле этого слова и даже вообще культурное значение монастырей ослабело. Монастырское ученье, оказавшее в древней Руси неоцененные услуги просвещению, и труд, возделывавший пустынные места и обращавший их в города, теперь в монастырях едва ли не отошли в область воспоминаний. Монашество к этому времени оказывалось «уже глубоко испорченным»[42]. В монастыри нашел доступ всякий сброд, бежавший от труда, искавший дарового хлеба, более привольной жизни, и закрыл своею темною массой немногих остававшихся в монастырях подвижников. Иные монастыри были переполнены и мирскими людьми, состоявшими на монастырской службе или стоявшими в монастырях по найму, иногда даже «греками, армянами, индейцами»[43]. Богослужение, молитва, послушание, подвиги и воздержание уступили в монастырях первенствующее место пьянству, безначалию, разнузданности и страсти к наживе. Забыв свои обязанности и обеты, а может быть, по невежеству и не зная их, монахи в бесстрашии пьянствовали, проводили жизнь «во всяком бесчинии», своеволии, «беспутно волочились», ходили по кабакам, производили «многую вражду и мятежи»[44]. Ростовский преосвященный Георгий Дашков писал Петру в 1718 году: «чернецы спились и заворовались»[45]. В Петербурге Меншиков встречает пьяного монаха перед обедней в Петропавловском соборе[46]. Пьянствуют и начальники монастырские[47], и братия[48]. Бывали случаи, что монахи опивались до смерти[49]. В Костромской епархии было много «маленьких и меленьких» монастырей, где все монахи были «забродяги»[50]. Один казанский иеромонах, прожив лет пять в монастыре, в котором принял посвящение, перешел затем в другой казанский монастырь, отсюда через три года вышел в Троице-Сергиев, из Троице-Сергиева через полгода перебрался в московский Данилов, здесь прожил тоже только полгода, затем год провел в Иосифовом волоколамском монастыре, в вязмицком и, наконец, вернулся в Казань[51]. При добывании средств, монахи не стеснялись никакими уставами: венчали браки, притом без «памятей», «всякие мирские дела отправляли», раздавали ссуды, заводили торговые обороты[52]. Одного архимандрита обвиняли в мздоимстве[53], на другого жаловались, что наносит крестьянам и слугам монастырским побои[54], третий, при пропаже денег, самовольно учинил розыск, бил плетьми заподозренных в краже, заколачивал под ногти деревянные спицы и т. п.[55] Архимандрит патриаршего нижегородского

Благовещенского монастыря в праздничные и высокоторжественные дни не принимал участия в соборном служении, жил своевольно, благовест у себя производил не вовремя, не согласясь с соборным[56]. Архимандрит патриаршего Бизюкова монастыря, «всегда пьянствовавший» с монахами и крестьянами, «творил многия бесчиния и драки». Посадил одного монаха на цепь, а крестьяне, по наущению архимандрита, прибили этого монаха чуть не до смерти. Смоленский архиерей, в подчинение которому перешел этот монастырь, посылал к архимандриту монаха с подьячим за объяснениями, но посланных чуть не убили. Архимандрит кричал крестьянам: бейте монахов, они вас разорили[57]. Бывали случаи, что настоятель принимал участие в разбоях и укрывал награбленное[58]. Иеродиакон Александро-Невского монастыря в Петербурге обокрал братию и бежал[59]. У иеромонаха Свирского монастыря Иосифа Сипягина оказалась «забобонная тетрадь», которою он пользовался[60]. О некоторых начальниках монастырей возможны были отзывы, что они «едваль не раскольщики»[61].

VI

Дисциплина среди духовенства была крайне расшатана. Архиерей отзывался о патриархе, что тот «и грамоте мало умеет, на соборе только и сидит уставя бороду, ничего не знает, непостоянен, трус, поучение станет читать, только гноит: слушать нечего»[62]. Архимандрит вел себя в отношении к епархиальному архиерею так, что архиерей просил изъять монастырь из его епархии[63]. Протопоп именовал архиереев шушерою[64]. Монахи привыкли жить «по своей воле», не слушаясь своих настоятелей[65]. Священники были «непослушны» протопопам[66]. Царица Марфа Матвеевна жаловалась, что в Архангельском соборе диаконы кидали в священников воском[67].

Церковное достояние, достигшее в течение веков огромной ценности[68], уплывало без надлежащей пользы для Церкви. Устюжский епископ Боголеп жаловался, что при его престарелом предместнике, не занимавшемся вовсе делами, архиерейский дом оставался без ремонта и пришел в разрушение, а лица, управлявшие при нем делами, более имели заботы о разорении и взятках, чем о благоустройстве архиерейского хозяйства[69]; все было разорено, расхищено; всем хозяйством заправляла архиерейская сватья-баба с внучатами, Ксения Бабаева, и после смерти архиерея забрала хлеб, скарб, деньги; начато было с нею дело, но вследствие влияния ее московских родственников окончилось ничем[70]. Варнаву Холмогорского упрекали в том, что его братья жили на монастырский счет[71]. В монастырях церковное достояние нередко шло на роскошный стол, напитки, шикарный выезд настоятелей, уплывало в посторонние руки[72]. Начальники монастырские не стеснялись держать при себе многочисленную родню, не только пользовавшуюся без всякого права на это монастырским содержанием, но старавшуюся на монастырский счет обеспечить себя и в будущем[73].

VII

Русская мирская жизнь времен петровых, по замечанию Самарина, с одной стороны характеризовалась внешнею набожностью, с другой – глубокою испорченностью. «Равнодушное противоречие религиозных убеждений и жизни, особенно в простом народе, доходило до крайности»[74].

Паства утопала в невежестве. Простой народ не мог, как говорили, отличить правой от левой. Вместе с невежеством самыми видными чертами являлись пьянство и плутовство. Иностранцы писали о России, что нет другой страны в мире, где бы пьянство было таким всеобщим пороком[75]. Относительно плутовства французский посланник Кампредон писал уже после долгой борьбы Петра с этим народным пороком: «наклонность россиян к обману родится вместе с ними и развивается в них воспитанием и примером их родителей. Их плодовитость в изобретении средств обманывать бесконечна; не успеют открыть одного, как они тотчас же выдумывают десять других. Это главный рычаг их деятельности. Можно сказать, они любят обман больше жизни, ибо каждый день можно видеть, что пытка, претерпеваемая одними, и конфискация воровством нажитого богатства у других не в состоянии никого удержать от искушения воспользоваться самой ничтожной выгодою, которую им предлагают в ущерб честности их и интересам монарха»[76]. У многих утрачено было сознание необходимости труда и развивалась привычка к праздности. Частию вследствие отсутствия свободы при заключении брака, частию от наличности первобытной грубой простоты во взаимных отношениях мужского и женского пола, не были крепки и семейные узы[77]. Муж, желавший избавиться от жены, призвал в свой дом «неведомаго монаха» и насильственно постриг свою жену в монашество[78]. Женщины и девицы легкого поведения вызвали в отношении к себе даже особые меры правительства[79]. Пустели церкви, теряя своих посетителей. В 1685 году Псковский митрополит жаловался, что паства отбилась от рук, даней не платят, о храмах не радят, церквами владеют мужики, нанимая к ним священников за возможно дешевую плату, в праздники церкви остаются пусты, без пения[80]. Пришедши в церковь, иные спали или озирались и разговаривали, не слушая богослужения, или начинали драку[81]. Патриарх в одном из своих поучений говорил, что не только «прочие посты, но и святую Четыредесятницу многие презирают»; что и мужчины, и женщины, и дети, и священного чина люди постоянно упиваются и не только не

стыдятся этого, но даже хвастают пьянством, проводят ночи в бражничаньи, а потом, на утро, опускают церковные службы[82]. Многие разночинцы, посадские и поселяне привыкли жить праздно и не только в воскресные дни, но и в великие праздники «никогда в церковь к службе Божией» не ходили и не исповедовались[83]. Число не бывавших у исповеди составлялось из довольно внушительных цифр. В Астраханской епархии не было у исповеди в 1717 году 1060 человек, в 1718 году 1291, в 1719 году 2365, в 1720-м 2586[84]; в Белгородской «многое число»[85]; в Калужской тоже[86]; в Воронежской за 1720 год взято штрафов 27 рублей[87]; в Тверской за 1720 год показано 235 человек[88]; в Тобольской за 1717 год 4909 человек, и с каждым годом эта цифра увеличивалась[89]. Даже москвичи находили возможным объясняться, что по нескольку лет не бывали у исповеди за недосугом[90]. За 1720 год по Москве поступило в приказ церковных дел штрафов за неисповедь 1414 руб.[91] Архиепископ Ростовский Димитрий писал, что с трудом можно где найти истинного сына Церкви; почти в каждом городе изобретается особая «вера»[92]. Господствовали суеверия и под их покровом всевозможные злоупотребления: ложные чудеса, ложные святыни, кликуши, волшебство, вымышленные рассказы из жизни святых, иногда «противные церковному учению, иногда достойные смеха»[93]. Утрачивалось понимание действительной важности предметов, касающихся религии, и рядом с преклонением пред вещью безразличною не было уважения к тому, что должно почитаться более всего священным. Колебались сложившиеся устои вероисповедного уклада. Помещик в разгаре ссоры «бил и увечил» пришедшего с требой священника и «Святыя Тайны разлил из потира и топтал ногами»[94]. «Всю бабью богословию» знали наизусть не только книжные люди, но даже простые деревенские мужики и бабы, а «молитву Господню умел разве сотый или тысячный мужик»[95]. В 1715 году в Петербурге появился лжепророк, выдававший себя за посланного Богом для соединения всех религий мира[96]. «Ересь Тверитинова» в Москве взяла «не одну тысячу прельщенных»[97]. В 1708 году в Москве явился «вор», пытавшийся «обругать святой образ», стоявший на каменном мосту[98]. В 1720 году в Москве же один плотник-изувер, во время крестного хода, ударил дубиною в образ Богоматери[99]. И ко всему этому выступала масса раскольников, провозглашавших, что все православные священники – антихристовы предтечи, что иконы, бывшие в употреблении у православных, не иконы, что Тайны, совершенные на просфорах не старинного образца, не Тайны[100]. Современные проповедники восклицали в своих проповедях, что нечестие дошло до последней степени[101].

VIII

Никакое, конечно, общество не бывает свободно от пороков или застраховано от наличности в своей среде членов, выдающихся по своей порочности и его компрометирующих. И вся эта мрачная картина церковной жизни, набросанная на основании фактов, выхваченных из обширной области жизни, не должна быть принимаема в таком смысле, что только эти дурные и темные стороны и являются исключительным и единственным материалом для характеристики нравственного состояния духовенства и паствы на рубеже петровых преобразований. Представлять себе дело так, будто «духовенство и миряне этого времени старались превзойти друг друга не умом и добродетелями христианской жизни, а пороками»[102], было бы несомненною ошибкой. Эта эпоха сохранила нам таких образованных архипастырей, как Димитрий Ростовский или Стефан Яворский, таких праведников, как тот же Димитрий, или Митрофан Воронежский, или Феодосий Углицкий, такого деятеля общественной благотворительности, как митрополит Новгородский Иов, которого сам Петр ставил в образец всем другим[103]. Эта эпоха не оставалась и без мер, предпринимаемых духовною властью к упорядочению церковной жизни. Но только все прекрасные лучи доброго примера и добрых начинаний поглощались господствовавшею повсюду тьмою. Тьма, самодовольная, сильная своею массой, не хотела уступать места свету и идти по его лучам. Духовный регламент прямо говорит о необходимости мер «к исправлению Церкви»[104]. А позднее Синод, делая распоряжение о духовных школах при архиерейских домах, выражает надежду, что из этих школ «лучшее и исправное священство ожидается»[105]. Любопытную характеристику тогдашнего настроения дает архиепископ Феофан Прокопович в своей проповеди в день открытия Синода, сравнивая современное ему состояние общества с одним библейским моментом. Отметив общее настроение, что «у нас, слава Богу, все хорошо», «здоровые не требуют врача», Феофан продолжает: «говорящие это окаянные обольщают себя, как некогда обольщали себя народ и священство в Иерусалиме, которые, будучи ослеплены крайним безумием и безсовестностью, не видели грядущаго на них гнева Божия, по проповеди пророка Иеремии, и обольщали себя сладким обольщением: мир, мир. Но мира не было, как сетовал пророк. – Какой у нас мир, какое наше здравие? До того дошло, что всякий, хотя бы пребеззаконнейший, считает себя лучше и святее других: вот наше здоровье. До того дошло, что чуть не все,

не замечая бревна в своем глазу, усматривают сучек в глазу ближняго: вот наш мир. До того дошло, что принявшие власть наставлять и учить людей сами не знают начальнаго христианскаго учения, которое апостол называет млеком. До того дошло, в такия времена мы живем, что слепые слепых водят, грубейшие невежды богословствуют и пишут положения, достойныя смеха, распространяют бесовския измышления и находят легко и скоро верующих их бабьим басням, – в то время как прямое и основательное учение не только не получает веры, но приносит, вместо награды, гнев, вражду и угрозы. Таков мир наш, таково наше здоровье!»[106]

В исторической жизни народов бывают двух родов периоды, постоянно сменяющие друг друга: во-первых, когда дурные стороны не обращают на себя внимания или даже намеренно прикрываются ради поддержания впечатления общего благополучия и довольства, – периоды застоя, периоды гибельные для народов; во-вторых, когда лучшие силы человечества безбоязненно и смело раскрывают таящиеся в строе народной жизни несовершенства и, будучи исполнены твердой веры в лучшее будущее, вызывают на борьбу даже мелкие недостатки, неизбежные в жизни, считая все, что есть доброго, не заслугой, а только исполнением долга, и всякому, даже малейшему и обычному в жизни злу не оставляя никакого места: это периоды прогресса, двигающие человечество вперед. Время Петра Великого несомненно принадлежало к периодам последнего рода, и не удивительно, если для характеристики отрицательных сторон тогдашнего строя церковной жизни принимаемы были во внимание и такие несовершенства, которые были и ранее, будут и после, словом, которые неизбежны, от которых не может освободиться жизнь, и что от этого краски в общей картине значительно сгущались.

Но и безотносительно к тенденции времени, для данной эпохи одно было характерно и непререкаемо: это, по выражению петрова манифеста при объявлении духовного регламента, «в духовном чине нестроения и великая в делах скудость»[107]. Великая скудость. Церковь, располагая изобильными средствами как в отношении количества священников, так и в отношении материальных достатков, не проявляла никаких соответственных ее средствам осязательных плодов: ни просвещения, ни образования, ни благотворительности. Церковное образование и просвещение народа остановилось, церковная благотворительность иссякла, преобразовываемое государство далеко шагало вперед, а церковная жизнь продолжала стоять на месте.

Какая была причина этого? Причина крылась в исторически сложившихся стремлениях нашего духовенства к увлечению

экономическими сторонами жизни. Первоначально эти стремления естественно направлены были на созидание церквей на новой земле и обеспечение клира, не имевшего корня в народе. С течением времени они развились до такой степени, при которой утрачивалось уже понимание истинного значения экономического элемента в церковной жизни, всегда долженствующего быть только средством, и то не первостепенным, и никогда целью[108]. Между тем именно экономические стремления и сделались целью долгой вековой деятельности нашего духовенства. Архиереи, в изыскании источников на постройку новой церкви или на обогащение старой убогой, не задумывались иногда давать свое разрешение «проискивать явления икон в пустыне или при источнике» и объявлять такую «происканную» икону чудотворною для привлечения на церковь приношений от богомольцев[109]. Обличительный голос из петровского времени говорил: «пастыри наши не о пастве своей заботятся, но о золоте и серебре, о зданиях и поместьях, об украшении риз»[110]. Собор 1667 года нашел нужным напомнить священству, чтобы оно не торговало Церковию Христовою[111]. Впечатление получалось такое, будто весь клир имеет одну цель: приобрести как можно более, не задумываясь над тем, каким путем идет к нему земное достояние и куда уходит.

Это увлечение духовенства экономическою стороною, если и не говорить о злоупотреблениях своекорыстия, весьма многочисленных, но все же случайных, не вызываемых сущностью дела, повело – в лучшем случае – к размножению числа храмов и священников, к украшению церквей драгоценностями, к отливке громозвучных колоколов. Но храмы не были полны молящимися, священники не исполняли своего прямого назначения, драгоценные оклады заслоняли святой лик.

Петру предстояли три задачи при преобразовании строя церковной жизни: во-первых, освободить духовенство от крайнего увлечения экономическою стороною и обратить его к его прямым, духовным делам; во-вторых, восстановить церковную дисциплину; в-третьих, поднять церковное просвещение.

Была еще одна сторона, настоятельно вызывавшая Петра на преобразования. Церковь являлась в государстве в качестве частного владельца огромного количества земли с людьми. Всем этим владением Церковь распоряжалась при посредстве разного рода «управителей», получая в свое непосредственное распоряжение только доходы. Управители эти допускали подчас такие злоупотребления, что вызывали даже царский указ с поручением воеводе «оберегать Божиих и великого государя людей, христиан православных, от таких разорителей»[112].

Боярские дети Сибирского архиерейского дома, будучи посланы в сибирские города и слободы десятильниками, «причиняли многим ложными нападками разорение; нагим девкам давили груди до крови и продавали их негодным людям; брали великия взятки»[113]. Монастырские крестьяне постоянно жаловались на «непомерныя взятки», на «утеснения», на вымогательство, обиды, растраты, незаконные поборы и всякого рода злоупотребления – и комендантов, и управителей, и бурмистров, стряпчих, выборных, старост, целовальников, подьячих, служителей, приказчиков, дворян, комиссаров. Комендант брал непомерные взятки, стряпчий или подьячий при сборах собирали, сверх следуемого, значительный куш и в свою пользу или, собрав с крестьян следуемое, удерживали собранное у себя, а крестьянам приходилось платить вторично. И не было управы на хищников. Жалобами подобного содержания положительно, можно сказать, наполнен архив, например, даже петербургского Александро-Невского монастыря[114]. Не имея сильных защитников, церковные крестьяне подвергались всевозможным обидам и утеснениям от светских властей. И не только крестьяне, но и священники: «попов по дворянским и боярским вотчинам в колоды и цепи сажали, били, от церквей отсылали»[115]. Необходимо было ввести в отношения к церковным крестьянам со стороны их владельцев и управителей порядок и законность и духовному управлению сообщить силу, чтобы оно было в состоянии постоять за подведомых ему лиц и оградить их от утеснений и обид. И уже по одному этому, в эпоху всестороннего преобразования России, духовное сословие не могло укрыться от действия преобразовательного гения Петра.

Наконец, могло способствовать укреплению у Петра убеждения в необходимости преобразований в церковной жизни и то, что все протесты против петровых реформ, самые ожесточенные, когда Петра изображали антихристом, а его время – последними днями пред кончиною мира, возникали на почве церковной жизни, и если не всегда исходили от лиц духовной иерархии, то развивались, несомненно, при их значительной поддержке[116]. И в этом Петр имел постоянные побуждения стремиться прочистить туман, окутывавший весь строй современной ему церковной жизни.

Преобразования начались со стороны имущественной, экономической, а затем охватили и всю церковную жизнь.

II. Преобразования в строе церковной жизни в царствование Петра Великого за время до учреждения Святейшего Правительствующего Синода.

Петр и патриарх. – Характер преобразований петровых. – Первые преобразовательные указы Петра. – Смерть патриарха. – Преобразования 1700 и 1701 годов. – Дальнейшие изменения в строе церковной жизни: в делах веры, по части церковного образования, в епархиальной жизни, относительно церковного имущества, по части призрения. – Высшее церковное управление, – митрополит Стефан Яворский. – Мысль о Синоде.

I

Еще патриарху Адриану Петр, пока в форме желания, говорил: «священники ставятся малограмотные. Надобно их сперва научить Таинствам, и потом уже ставить в священный чин. Для этого надобно человека, и не одного, кому это делать, и определить место, где быть тому. Надобно промыслить, чтоб и православные христиане, и зловерцы: татаре, мордва, черемисы и другие познали Господа и закон Его. Для того послать бы хотя несколько десятков человек в Киев в школы. И здесь есть школа, можно бы и здесь об этом деле порадеть, но мало учатся, потому что никто не смотрит за школою как надобно. Нужен для этого человек, знатный чином, именем, богатый, и нет его. Евангельское учение – вот знание Божеское, больше всего нужное людям. Многие желают учить своих детей свободным наукам и отдают их здесь иноземцам, другие в домах своих держат учителей иностранцев, которые на родном нашем языке не умеют правильно говорить. Кроме того, иноверцы учат малых детей своим ересям, отчего детям вред и Церкви нашей святой может быть ущерб великий, а языку нашему от неискусства повреждение. Тогда как в нашей школе, при знатном и искусном обучении, всякому бы добру учились»[117].

Нет указаний, чтобы патриарх что-либо предпринял к улучшению строя церковной жизни, несовершенства которого так хорошо были замечены гением Петра. За дело взялся тогда сам государь. И, как всегда, Петр начал преобразования не сразу по какому-либо заранее выработанному, самостоятельно ли, или под посторонним влиянием, плану, а лишь по мере практической нужды, когда совокупность жизненных условий предъявляла с практической стороны настойчивую потребность реформы и в сознании выяснялась не только необходимость устранения того или иного нестроения, но и самые способы этого.

Один исследователь, не понимая истинного характера преобразований петровых в строе церковной жизни, выражается в своей книге, будто до учреждения Синода все «распоряжения Петра относительно Церкви представляют из себя такой хаос, в котором, по-видимому, совершенно не было какой-либо одной руководящей нити и цели[118]. Рядом с этим тот же исследователь приписывает Петру намерение совершить какую-то коренную реформу в Церкви, изменить самые устои церковной жизни, и говорит, будто Петр «действовал при этом с большею осторожностью, чем как поступал он в своих гражданских реформах», потому что в этой области «на каждом шагу имел бесчисленное

множество случаев убеждаться в том, что здесь ему приходится иметь дело с предметами совершенно иного круга, чем те, с которыми встречался он в своих работах по военному или адмиралтейскому ведомствами», и «что оппозиция против его действий в сфере церковной может быть и гораздо более сильною, и гораздо более опасною»[119].

Как будто Петр был какой-то капризный разрушитель, а не самоотверженнейший государь, гениальный реформатор, мудрый переустроитель обширнейшего государства, который возродил дряхлевший государственный организм России и сообщил ему небывалую дотоле мощь! И в церковных реформах не было заранее измышленного, так называемого кабинетного плана, системы, для которых бы ломалась жизнь, но и «руководящая нить», и «цель» были, и они очевидны: государь, замечая в церковной жизни дурное, желал видеть на его месте хорошее, и все церковные реформы петрова времени направлены именно к устранению разного рода нестроений, замеченных в строе церковной жизни. Если эти реформы государь иногда принимал на себя лично и если при этом иногда задевались церковные формы, быть может, более, чем принято считать позволительным, то это – неизбежное условие вообще всех человеческих деяний, не способных обладать абсолютным совершенством, и притом находит себе объяснение как в недостаточной ясности правовых понятий того времени, так и в значительном противоречии действительности, какую предъявляла современная Петру церковная жизнь, принципам церковной жизни, которого, конечно, не мог не заметить гений великого преобразователя. И во всяком случае, причиною преобразований петровых в строе церковной жизни, как и всех вообще реформ этого великого государя, было одно: стремление к общему благу, к устранению своекорыстных злоупотреблений и сознание своей царской ответственности пред Богом, так прямо выраженное в манифесте об учреждении Синода.

II

29 января 1696 года скончался царь Иоанн Алексеевич[120], и Петр остался единоличным самодержцем. Второго уже февраля было объявлено о походе на Азов[121]. Этот поход совсем истощил государственную казну. Были взяты, в пособие государству, значительные суммы у монастырей[122]. И вот в 1697 году выходит указ всем архиереям и настоятелям монастырей лишнего строения не строить и денег без царского указа не издерживать, вести точный счет прихода и расхода денег и хлеба и приходо-расходные книги присылать в Москву[123]. Этот указ не заключал в себе ничего нового, но два указа, данных в следующем году, прозвучали уже как первый звон наступающих преобразований. В 1698 году воспрещено было строить в Сибири, в Енисейском уезде, новые монастыри, обыкновенно устраиваемые ссыльными и пришлыми монахами, – «потому что в Сибири монастырей мужских и женских, где всякаго чина православным христианам постригаться и спасаться, довольное число есть»[124]. А в Верхотуре велено приостановить выдачу жалованья монастырям и священникам, у которых имелись вотчины[125].

С 15 на 16 октября 1700 года, около часу пополуночи[126], патриарх Адриан, как сказано в надписи на его гробнице в Успенском соборе в Москве, «уснул благонадежно на вечную жизнь»[127]. В тот же день тело патриарха было вынесено в церковь Святых Апостолов, а на следующий день, 17 октября, погребено в Успенском соборе подле гробницы патриарха Иоакима[128]. Петр в это время был с войсками под Нарвой. Кончина патриарха заинтересовала многих в высшем московском обществе, как относительно назначения преемника усопшему, так и относительно упорядочения церковного управления, в котором заметны были большие недостатки, особенно по экономической части. 18 октября боярин Тихон Стрешнев в письме к Петру давал отчет о кончине и погребении патриарха и о мерах, принятых к охране имущества патриаршего дома, и спрашивал: «соборную церковь из архиереев кому изволишь ведать? А на Москве архиереи Смоленский, Крутицкий, Вятский. А преж сего изволение твое было ведать Холмогорскому владыке, только по него не послано: изволишь ли послать? Домовых святейшаго кому изволишь ведать?» В ожидании государева указа Стрешнев приказал патриаршим «домовым» оставаться в прежнем положении при своих делах[129]. Прокофий Возницын писал: «прошу твоего государева указу о состоянии патриаршаго дома, чтобы и досталое, и

впредь будучое напрасно растащено и разграблено не было». Он предлагал свои услуги и продолжал: «до сего было мне делать нечего, потому что под его (т. е. патриарха) именем делали, что хотели, и все за ними и в их руках было. А если твой государев указ и повеление будет, можно все в доброе осмотрение взять и по твоей воле и указу учинить»[130]. Но самым интересным было письмо Курбатова, посланное 25 октября. Курбатов писал, что покойному патриарху, при его болезненности, трудно было за всем смотреть, что этим воспользовались подчиненные патриарху и забрали дела в свои руки, в духовном управлении явились «от многих поползновения», в управлении патриаршими доходами во всем видится «слабо и неисправно», доходы погибают «в прихотях владетелей», школа в полном упадке, что многие очень об этом скорбят и что «ежели те же будут в управлении, добра никакого не будет». Курбатов, по самой своей должности «прибыльщика» обязанный представлять государю обо всем, что клонится к прибыли и пользе государства, писал Петру, что Провидению угодно в кончине патриарха дать государю случай к устроению церковных дел по примеру устроения им дел государственных, и предлагал благоусмотрению государя свой предварительный проект. Он предлагал избрать, как бывало и ранее[131], для временного управления патриаршим престолом архиерея, но «могущаго тое управити», и «к нему четырех человек из монахов, ведущих Писания», которые бы заведовали выбором в священные должности; с избранием патриарха обождать, пока прибудет сам государь, который сам все рассмотрит; для управления патриаршими доходами с имения избрать кого-либо «от усердных». Тут Курбатов вспоминал прежний свой проект о том, чтобы переписать все вообще архиерейские и монастырские вотчины и отдать их в охранение кому-либо из «усердных», учредив для того и «особливый расправный приказ». Курбатов указывал и кандидатов для проектированных им должностей: для временного управления патриаршим престолом – архиепископа Холмогорского Афанасия, для управления церковными имениями боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина или стольника Дмитрия Петровича Протасьева, называл и «четырех человек из монахов»[132].

III

Через неделю по возвращении из-под Нарвы[133] Петр сделал так, как проектировал Курбатов. Вместо избрания патриарха был назначен, 16 декабря, экзарх, блюститель и администратор патриаршего трона, но не Холмогорский владыка, на которого указывали Стрешнев и Курбатов и которого и сам почивший патриарх желал видеть своим помощником и преемником[134], а только что посвященный, молодой митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский. При этом ему были поручены только дела веры: «о расколе, о противностях Церкви, о ересях», а все прочие дела, бывшие в ведении патриарха, распределены по другим, государственным приказам, и ведавший этими делами патриарший приказ-разряд уничтожен[135]. 24 января 1701 года восстановлен ранее существовавший и закрытый в 1677 году, заправлявший церковными вотчинами монастырский приказ. Патриарший дом, архиерейские дома и монастырские дела, в экономическом, конечно, отношении, велено ведать рекомендованному Курбатовым боярину, бывшему астраханскому воеводе Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, а с ним быть у тех дел дьяку Ефиму Зотову; сидеть на патриаршем дворе в палатах, где был патриарший разряд, и именоваться монастырским приказом. Жалобы на духовных приносить впредь в монастырский приказ, а на мирских со стороны духовных в приказы, где кто подсуден. Прежняя привилегия, по которой монастырские дела ведались в приказе большого дворца, была уничтожена, и имевшиеся в этом приказе монастырские дела велено отослать в монастырский приказ[136]. Позднее, указом 7 ноября, велено монахов, попов и диаконов по всяким искам на них ведать впредь в патриаршем духовном приказе, а в свидетельствах – в московском судном приказе, по прежнему указу, также по прежнему указу по жалобам духовных на мирских – в приказах, где кто ведом; также по прежнему указу оставлены в московском судном приказе дела о зауморных животах, о рядных и сговорных записях, о завещаниях и тому подобные, бывшие ранее в патриаршем разряде[137]. Через неделю после восстановления монастырского приказа вышел указ о посылке уполномоченных для описи патриаршего дома, архиерейских домов и монастырей с их вотчинами[138]. Монашествующим велено оставаться неисходно там, где их застанут переписчики, исключая особо уважительных причин, требующих перехода в другой монастырь, причем такой переход может быть допущен только однажды для каждого лица и не иначе как по письменному разрешению

настоятеля. Из монастырей, мужских и женских, велено, под угрозою ссылки, выселить всех без исключения не имеющих монашеского чина, как живущих при родственниках или состоящих на службе при монастырях, так и проживающих по найму. Дозволено иметь монастырским начальникам и братии, «кому пристойно», только по одному келейнику, из старых, а не молодых. Подобным образом и в женских монастырях. В женских монастырях подтверждено постригать не ранее сорока лет. Воспрещено покупать к патриаршему дому землю и монастырям совершать обмен земель без высочайшего разрешения. Все оброчные статьи архиерейских домов и монастырей, мельницы, перевозы, мосты, рыбные ловли, велено, в устранение бывших злоупотреблений, отдать в оброк с новых торгов, не дожидаясь окончания срока прежних условий. Все строительные работы в монастырях отданы под контроль монастырского приказа. Велено приостановить впредь до указа выдачу заслуженного уже жалованья монастырским старцам и старицам. Начет денег на одном архимандрите велено «доправить правежом»: бить до тех пор, пока не уплатит, и так поступать и с другими в подобных случаях[139]. В богадельнях, бывших на попечении патриаршего дома, велено оставить только престарелых и больных, которые не могут ходить за сбором милостыни, да по одному здоровому на десять больных для присмотра[140]. Указ 30 декабря 1701 года вносил коренную реформу в монастырское хозяйство. Определено давать монашествующим денежное и хлебное жалование «в общежительство их», а вотчинами и угодьями впредь им никакими не владеть, «не ради разорения монастырей, но ради лучшаго исполнения монашескаго обещания». «Древние монахи сами трудолюбными своими руками пищу себе промышляли и общежительно жили, и многих нищих от своих рук питали», – говорилось в указе, – «а нынешние монахи не только не питают нищих от трудов своих, но сами чужие труды поедают; начальники впали в роскошь, а подначальных держат в нужде; из-за вотчин происходят ссоры, убийства и обиды многия». На каждого монашествующего, без различия его должности и звания, положено по указу выдавать по десяти рублей и десяти четвертей хлеба в год и дров по мере надобности. Где в монастырях приходилось дохода с вотчин менее положенного указом количества, те монастыри оставить при даче в размере прежнего их дохода. Все доходы с вотчин и угодий монастырских собирать в монастырский приказ и употреблять на выдачу монашествующим положенного им содержания, а из остатка от этой выдачи давать на пропитание нищих в богадельни и на пособие беднейшим монастырям, не имеющим вотчин и получавшим и ранее

пособие деньгами и хлебом от государственной казны. Этим же указом число монастырских «слуг и служебников» сокращено было до «самаго малаго числа, без которых по самой нужде быть невозможно»[141].

Все эти реформы в строе церковной жизни, относящиеся к 1700 и 1701 годам, носят по преимуществу экономический характер. Они отвечают как обстоятельствам времени, когда государственная казна была истощена и Петр повсюду искал денег на нужды войны, так и личному характеру государя, чрезвычайно бережливого в отношении всякого рода общественных сумм, причем Петр, конечно, не мог равнодушно слышать, что «огромные доходы» с церковных имений растрачиваются «по прихотям владетелей». Нельзя отрицать, что вообще экономические мотивы в церковных реформах Петра, как и во всех почти реформах петровых, играли выдающуюся роль. Однако они далеко не всегда служили целью и даже исходною точкой. Решение о междупатриаршестве, кроме реформы управления церковными имениями, сопровождалось упорядочением церковного управления и суда: упразднен патриарший приказ-разряд и точно определена подсудность бывших в нем разнообразных дел. И даже самый закон 30 декабря 1701 года, внося реформу в строй монастырского хозяйства, выставлял ее средством возвращения монашествующих к задачам древнемонашеской жизни.

Дальнейшие преобразования коснулись всех сторон церковной жизни.

IV

Об отношении государственной власти к делам веры Петр говорил: «Господь дал царям власть над народами, но над совестью людей властен один Христос»[142]. История петровского времени показывает, что смысл этих слов был принят за правило в отношениях государства к делам веры. Такой характер отношений обусловливался не только личными убеждениями государя, но и ясно выражавшимися государственными потребностями. При множестве иностранцев, состоявших на службе в России, при настойчивом стремлении Петра к привлечению в Россию возможно большего их числа, постоянная будничная практика естественно требовала предоставить желанным гостям полную свободу веры, тем более что иностранцы ехали в России вообще неохотно и всякое стеснение, а в особенности в деле веры, задерживало бы и без того не столь обильный, как хотелось Петру, их приезд. Кроме такого рода требований жизни, всякий государственный ум не мог не проникаться сознанием, что «древняя православная Русь» не по дням, а по часам стала превращаться в «Россию», захватывая для культурной обработки, какую в состоянии была дать, вместе с дикими местами все более и более разноплеменных и разноверных народов, требовавших применения в отношении к ним начал полной веротерпимости.

Вызванным в Россию иностранцам была законом обеспечена свобода вероисповедания[143]. Они имели свои церкви и свое духовенство и в городах, в которых жили в значительном числи, как в Петербурге, Москве и некоторых других[144], и при полках[145]. Приобретенным войною прибалтийским городам, населенным иноверцами, Дерпту, Риге, Пернову, Ревелю, предоставлена свобода евангелической веры и сохранение того ее положения, в каком она находилась ранее, до присоединения городов к России[146].

Вместе с обеспечением иноверным христианам свободы их вероисповедания, само собою разумеется, должно было исчезнуть то презрительное к ним отношение со стороны православных, по которому они считались «погаными» еретиками и при котором даже высшие представители Церкви позволяли себе глумиться над их Таинствами и обрядами. Была исходатайствована грамота от Константинопольского патриарха Иеремии, от 31 августа 1718 года, о том, чтобы при присоединении лютеран и кальвинистов к Православной Церкви не перекрещивать их, ограничиваясь помазанием их Св. миром[147]. Пять

месяцев спустя, при указе 7 февраля 1719 года, эта грамота была обнародована во всеобщее сведение[148]. 3 июля 1719 года, по жалобе армянского архиерея Минаса о том, что православные священники перекрещивают и перебрачивают армян, вышел указ поступать на будущее время в отношении армян по точному указанию церковных правил[149].

В отношении к раскольникам правительство выдвинуло на первый план гуманные меры. Когда Петр, по дороге в Архангельск, проходил мимо выговских раскольничьих скитов и ему сказали, что там живут раскольники, он спокойно заметил: «пусть живут», – и прошел, не тронув их. В другой раз государь высказался о раскольниках, что когда нельзя обратить их от суеверия рассудком, то не помогут огонь и меч[150]. При назначении митрополита Стефана местоблюстителем патриаршего трона Петр поручал ему иметь «попечение о научении и обращении отторгшихся от Церкви Российской безумием раскольников», и первое местоблюстительское слово Стефана в Москве было обращено к их увещанию[151]. В «обещании архиерейском», написанном по мысли Петра и им исправленном[152], архиереи обязывались относиться к противникам Церкви с «кротостью и разумом»[153]. Быстро выдвинут был на иерархическое поприще Питирим, ставший Нижегородским епископом, практиковавший в отношении к раскольникам «состязания» и «вразумление»[154]. С раскольниками и правительство, и духовенство заговорили языком увещательных грамот. 13 февраля 1718 года, по поводу обращения к Православию раскольников Ямбургского и Копорского уездов, выдана была царская грамота с приглашением и других раскольников принести покаяние и обратиться от раскола[155]. Обратившийся сам из раскола ямбургский иерей Константин Федоров писал увещательное послание к старорусским раскольникам[156].

V

Но на свободе собственно вероисповедания для инославных христиан и на стремлении пользоваться гуманными мерами в отношении к раскольникам дело и оканчивалось. Совращения православных в инославие или в раскол не допускалось и отношение государства к православной вере по сравнению с другими вероисповеданиями не было безразличным. Государство считало своим долгом заботиться и об охранении, и о распространении православной веры. Еще назначая митрополита Стефана местоблюстителем патриаршего престола, Петр поручал ему «крайне прилежать» о проповеди слова Божия подвластным российской империи идолопоклонникам и магометанам: остякам, вотякам, лопарям[157]. Указом 6 декабря 1714 года велено Сибирскому митрополиту Феодору ехать в землю вогульскую и вотяцкую, к татарам, тунгусам и якутам и пожечь их кумиры; кто обратится в христианство, тем давать холст на рубахи ко крещению и объявлять льготу в ясаке; на издержки брать средства у комендантов местных городов; ехать в города: Верхотурье, Пелым, Березов, Нарым, Тобольск, Енисейск, Якутск, – по рекам б). Митрополит Феодор, выехав из Тобольска, весь 1719 и большую половину 1720 года разъезжал по «вышним городам» ради крещения инородцев. Где можно было, митрополит ездил «по всем рекам» сам, где было ему нельзя, туда посылал «иноков». Крещены были люди «разных языков: вогулы, остяки, татары – идолопоклонники, киштимы, сеяны и прочие»[158]. В «Петербургских Ведомостях» за 20 сентября 1720 года появляется уже известие, что в Сибирской епархии приняли крещение 30000 человек «из неверных народов»[159]. За 21 января 1721 года в тех же «Ведомостях» напечатано «известие» от митрополита Феодора, что в Сибири крещено к тому времени до 40000 язычников и построено до двадцати церквей, а прежние «языческия капища помощию Божиею опровержены и идолы сожжены»[160]. Указом 12 июля 1715 года велено у помещиков-татар их крестьян христианской веры «отписать на государя» с землями и угодьями; если же помещики-татары примут христианство, то не отписывать[161]. По договору 1717 года с калмыцким ханом Россия обязывалась выдать ему беглых калмыков и на будущее время таких в своих пределы не принимать; но для тех, которые выразили бы желание обратиться в христианскую веру, сделано было исключение: их положено было не выдавать и хану предложено не обижаться за это, потому что по закону христианскому таких не принимать и от крещения им отказывать

отнюдь не возможно. Обращавшимся в христианство беглым калмыкам русское правительство давало землю для поселения и строило церкви, образовывая новые села[162]. По взятии Азова 3000 кибиток калмыков, отошедших в российские пределы, крестились и были поселены на Дону[163]. В 1704 году крестились ясачные черемисы всего Яранского уезда[164]. Число крещеных татар в казанских пределах было, по-видимому, весьма значительно. По крайней мере, английский дипломат Витворт, бывший при русском дворе, упоминает в 1708 году о крещении к этому времени двенадцати тысяч башкирских татар по реке Уфе[165]. В «Петербургских Ведомостях» за 20 сентября 1720 года напечатано, что в Казанской епархии крещено «из неверных народов» свыше четырех тысяч человек и что для крещенных построены Церкви[166].

Новокрещенные обыкновенно были обнадеживаемы, что будут освобождены на семь лет от податей. Но обещание это очень часто не исполнялось[167]. Витворт говорит, что башкирские татары были крещены насильственно[168]. Насколько известие это может иметь общее значение или фактическую достоверность, видно из того, что когда, правда – значительно позднее, до правительства дошли слухи, что один из священников распространяет, будто есть царский указ о принудительном крещении татар в уфимских пределах, велено было священника этого сыскать, а татарам объявить, что крестить будут только тех, которые волею своею того пожелают[169].

В новозавоеванном крае восстановлен древний Коневский монастырь в 1719 году[170], строились правительством православные церкви, как было в Пернове и Дюнамюнде[171], или в Дудорове мызе, в 1713 году[172]. Обстраивалась церквами новая столица, Петербург, со своими окрестностями[173].

Рядом с увещаниями, в отношении к раскольникам предпринимались стеснительные для их исповедания меры, которые бы понуждали их обращаться к Православию. Царские указы подвергали всех остающихся в расколе переписи и двойному по сравнению с православными окладу[174], а затем, сверх того, и особому штрафу за некоторые действия, как, например за тайное венчание, т. е. венчание не в Православной Церкви[175]. Занесенных в двойной оклад, в случае их обращения к Православию, велено освобождать от оклада, «дабы, на то смотря, и другие обращались»[176]. Светским властям (московскому вице-губернатору) велено оказывать духовной власти (Златоустовскому архимандриту Антонию) в делах о расколе «всякое вспоможение, в чем будет касаться до гражданского суда»[177].

Попытки пропаганды иноверия или раскола пресекались весьма решительно. Раскольничьи учителя «брались» и высылались в Петербург, как было, например, в дерптском дистрикте и в Москве[178]. Уличенная в расколе старица сидела в приказе церковных дел под караулом[179]. Испробовали заключения и последователи тверитиновской «ереси»[180]. В 1719 году высланы были из Москвы иезуиты, хотя главным образом по соображениям политическим, но и потому, между прочим, что они имели в Москве немало учеников, навербованных преимущественно среди мещанства, которых тоже велено было арестовать[181]. Приезжавший в Москву польский чрезвычайный и полномочный посол Воллович, на свои ходатайства, чтобы в России дана была «вольность» римскому католичеству и унии и чтобы в Смоленске дано было место для постройки костела, которого там ранее не было, получил исполненный достоинства ответ, что в России никакого утеснения вере римской не делано и делать не велено, и она отправляется свободно, где есть римскокатолики, как в Петербурге и Москве, но в Смоленске римскокатоликов нет, поэтому и костелу там быть незачем[182]. Попытки поругания веры наказывались смертью. Пойманный в Москве в 1708 году злоумышленник, имевший намерение «обругать» стоявший на улице образ, был подвергнут пытке[183]. В «Петербургских Ведомостях» 1720 года было оповещено о сожжении в Петербурге одного «иконоборца», нанесшего в Москве при духовной процессии удар кресту[184].

VI

Общение с другими Православными Церквами поддерживалось в тех формах, в которых это общение установилось в последние века. С тех пор, как после падения Константинополя Москва явилась, в качестве наследницы павшей Византии, державною мировою столицей Православия и русский царь был признан «прямым преемником и наследником византийских императоров», «представителем, опорою и защитником всего Вселенского Православия»[185], восточные и вообще все внероссийские Православные Церкви постоянно обращались к России за милостыней, иногда за покровительством, и получали, хоть и в экономичных дозах, и то и другое[186]. С 1689 года архиепископ Синайской горы был принят «в призрение» русских государей, по просьбе его, чтобы русские государи были «строителями и обладателями монастырей Синайской горы, как новые, вместо Иустиниана царя, ктиторы, и подавали защиту[187]. В 1696 году присылали в Россию за милостыней по прежним жалованным грамотам монастыри: Богословский на острове Патмосе – проигумена Филофея[188], янинский Никольский в Македонии, «именуемый от Господня Мосту», – архимандрита Нектария[189], Успенский, «называемый Вела», тоже архимандрита Нектария[190]. В 1697 году прислал просительные грамоты к царю, царицам и царевнам архиепископ Иоанникий из монастыря Неопалимой Купины на Синае о даче милостыни[191]. В 1700 году присылали к Петру просительные грамоты о даче милостыни монастыри: янинский, «называемый Патером», с архимандритом Симеоном[192], и янинский Рождество-Богородичный с игуменом Харитонием[193]. В 1701 году дана Петром жалованная грамота сербскому монастырю Архангелов Михаила и Гавриила на приезд в Россию за милостыней «в седьмой год»[194]; константинопольский патриарх Каллиник благодарил за присылку двух сороков соболей и просил еще пособия на постройку патриаршего дома, тогда уже начатую[195]; с игуменом Феофаном была прислана просительная грамота о даче милостыни от «сербскаго Раковца в Фрушской горе монастыря»[196]. В 1702 году просили: Успенский монастырь на остров Халки чрез архимандрита Ефрема, на выкуп заложенных церковных сосудов[197], и заздринский Михаило-Архангельский монастырь в Далмации чрез игумена Герасима, на церковное строение[198]. В 1703 году с архимандритом Иоасафом просил милостыни Успенский в Погонианской епархии монастырь[199] и жаловался на свою скудость бывший Солунский

митрополит Мефодий[200]. В 1704 году присылали с просьбами о милостыне по прежде данным грамотам: погонианский Троицкий монастырь – архимандрита Анфима[201] и Петропавловский монастырь Погонианской епархии – архимандрита Моисея, от имени архиепископа Евфимия[202]; Ианнобогословский монастырь на острове Патмосе благодарил за присылку икон и милостыни и просил еще добавить последней на выкуп заложенных церковных сосудов[203]; а Халкидонский митрополит Константин просил дать посланному им его референдарию Дмитрию Николаеву, вместо милостыни, икон на сумму ее стоимости[204]. В 1705 году «славяносербский патриарх» Арсений прислал к боярину Федору Головину грамоту об исходатайствовании у Петра заступничества за Православную Церковь в Венеции, страдающую от нападок Римской Церкви[205]. В 1706 году прислал Петру с иеромонахом Леонтием грамоту Антиохийский патриарх Афанасий с благодарностью за полученную уже милостыню и с просьбою оказать пособие в предпринимаемом патриархом печатании духовных книг на арабском языке для бедных арабов[206]. В 1715 году приезжавший в Россию Черногорский митрополит Даниил получил архиерейское облачение, церковные сосуды, десять тысяч рублей деньгами и дозволение присылать в Россию из своего цетинского Рождество-Богородичного монастыря чрез два года на третий за новою милостыней двух или трех монахов с двумя или тремя бельцами, причем обещано каждый раз выдавать посланным по пятисот рублей из казны[207]. В 1717 году выехал в Россию Романский и Галицкий митрополит Пахомий, бежавший от мести турок за то, что при Прутском походе встретил царя «с подобающим поклонением»; был принять в России и проживал то в Киеве, то в Москве[208]. В том же году Александрийский патриарх Самуил прислал к Петру грамоту с просьбою о даче милостыни александрийскому патриаршему престолу, обители святого Саввы Освященного в Египте и обители святого великомученика Георгия[209]. В 1718 году, по просьбе Константинопольского патриарха Иеремии с нарочно посланным, дана патриарху царская грамота на ежегодное получено соболей на три тысячи рублей[210]. В 1718 году обращался к России с просьбой о пособии Сербский митрополит Моисей[211].

Афонские монастыри один за другим высылали в Россию своих игуменов и архимандритов, которые возвращались назад не с пустыми руками. Греческий Ватопедский монастырь с 1655 года, за удержанные в Москве принадлежавшие монастырю мощи, получал чрез каждые четыре года по пятисот рублей[212]. В 1696 году дана жалованная грамота афонскому Георгиевскому изуграфскому монастырю на приезд за

милостыней «в пятый год»[213]. В том же году присылал за милостыней архимандрита Афанасия афонский Евсфигменский монастырь[214]. Этот же монастырь присылал в 1717 году митрополита Григория[215]. В том же году обращался в Петру с просительною грамотой афонский Хиландарский Введенский монастырь, присылавший архимандрита Макария[216]. В 1715 году Хиландарская сербская лавра, стоявшая во главе славянских обителей на Афоне, получила сто рублей милостыни и разрешение на сбор пожертвований в Москве[217]. В 1701 году присылал просительную грамоту с архимандритом Василием афонский Павлогеоргиевский монастырь[218]. В 1703, 1707, 1712 и 1720 годах приезжали игумены русского афонского Пантелеймоновского монастыря и получали обычную дачу в полтораста рублей соболями; кроме того, иногда еще богослужебные книги, церковные сосуды и утварь и разрешение на сбор пожертвований по всей России[219]. В 1714 году прислал к Петру и царевичу Алексею просительные грамоты с игуменом Феофаном афонский Филофеев монастырь[220]. Афонский греческий Иверский монастырь имел в Москве свое подворье – греческий Николаевский монастырь, откуда время от времени получал транспорты вещевых приношений[221]. Получали «милостынную дачу» от казны и другие афонские монастыри[222].

В 1705 году все афонские монастыри обращались к русскому царю с просьбою о помощи[223].

Западнорусские православные, изнывавшие под двойным гнетом римского католичества и унии, видели в выраставшей могуществом великой России единственную свою надежду и получали от нее, по мере возможности, как денежную помощь, так и покровительство. В 1708 году дана виленскому Святодуховскому монастырю жалованная грамота на ежегодное получение 50 рублей[224]. Своему послу в Польше, князю Долгорукому, русское правительство давало наказ «предлагать и домогаться, чтобы как на львовскую епископию, так и на прочие православные епископии никто из униатов допущен не был, а были бы посвящены из православных монахов»[225].

VII

Для установления в среде членов самой Православной Церкви строгой церковной дисциплины были предприняты меры к обязательному ежегодному исполнению всеми православными Таинства исповеди. И в прежнее время существовали так называемые исповедные ведомости, сказки и именные росписи исповедовавшихся и причащавшихся[226]. Но они введены были не повсюду, и при патриархах составлялись ведомости обыкновенно только о не бывших у исповеди долгое время[227]. Митрополит Стефан 28 сентября 1702 года распорядился собрать в московском церковном приказе сведения, исправно ли бывают у исповеди сами московские священники и их семьи, а затем обязать всех приходских священников составлять ежегодно росписи исповедавшихся, в тетрадях в десть, в двух экземплярах, и один экземпляр оставлять при церкви, а другой представлять в церковный приказ[228]. Распоряжение исполнялось не очень исправно. В 1716 году, 8 февраля, выдан об исповеди царский указ общего значения. Сенат объявлял: «великий государь указал послать во все епархии к архиереям и в губернии к губернаторам указы, велеть в городах и в уездах всякого чина мужеска и женска пола людям объявить, чтобы они у отцов своих духовных исповедовались повсягодно». О всех не бывших у исповеди приходские священники обязаны были представлять своему духовному начальству ежегодно ведомости; эти ведомости шли к светской власти, и та должна была брать с не исповедавшихся штрафы – втрое против дохода с них. А не исповедавшийся, несмотря на штраф, все-таки обязан был исполнить исповедь[229]. 17 февраля 1718 года царским указом вновь подтверждено, чтобы все ежегодно исповедовались. За исправностью отбывания исповеди должны были следить приходские священники, ежегодно составлять ведомости и о бывших, и о не бывших у исповеди и присылать эти ведомости в духовные приказы. С не исповедавшихся, по этому указу, штрафы должны были собирать уже приходские священники, за небытие у исповеди в первый раз – по рублю, во второй – по два, в третий – по три, с разночинцев и с поселян, а с крестьян по 5, по 10 и по 15 копеек. Не исповедавшиеся, независимо от штрафа, подвергались и наказанию от светских властей, которым духовные должны были сообщать о не бывших у исповеди, и в конце концов опять-таки обязаны были отбыть исповедь. Если бы оказалось, что священники стали укрывать не бывающих у исповеди, то штрафовать священников в первый раз пятью, во второй – десятью, в третий –

пятнадцатью рублями, а после третьего штрафа, в случае той же вины, лишать священного сана[230]. Этим же указом велено было собрать справки, представляют ли священники во исполнение прежнего указа ведомости о не исповедавшихся и какое налагается наказание на не бывших у исповеди[231]. 16 марта новый царский указ повелевал взять у всех священников показания, не написали ли они в представленных ими ведомостях не исповедавшихся исповедавшимися; для объявления дан был срок в три месяца. Если же кто в этот срок не объявит правды, а потом окажется, что он утаил не исповедавшихся, такой священник подвергался лишению сана и имущества, телесному наказанию и отсылке в каторжный работы[232]. Московский приказ церковных дел назначил было священникам для представления исповедных ведомостей срок на 1 июня 1718 года, потом этот срок отодвинул на 1 февраля 1719 года, разослав предварительно, в декабре 1718 года, формы исповедных ведомостей[233]. Из дальнейшей практики встречается, что 5 января 1720 года по Москве были выставляемы с барабанным боем, как всегда, публикации, чтобы все не исповедавшиеся несли за себя в приказ церковных дел штраф[234].

Тем же указом 17 февраля 1718 года, который подтверждал об обязательности исповеди, велено было «подтвердить указом и прибить в городах и по селам и деревням печатные листы, дабы все разночинцы и посадские и поселяне в Господские праздники и в воскресные дни ходили в церковь к вечерне, утрени и литургии» обязательно, исключая случаев болезни или какой невозможности. За этим следить должны в приходах сами священники, а также, где случатся, приказчики и старосты. В эти дни повсюду, в городах, селах и деревнях, воспрещено было заниматься в лавках и на площадях каким бы то ни было торгом, за чем строго должны были следить граждански власти «под опасением немалого наказания»[235].

8 декабря 1718 года государь указал объявить в Москве, чтобы в соборах, монастырях и приходских церквах во время совершения литургии богомольцы стояли с безмолвием и слушали богослужение со всяким благоговением. А если кто начнет с кем разговор или вообще будет стоять неблагочинно, с того брать штраф, не выпуская из церкви, по рублю с человека, и употреблять взятые деньги на церковное строение. Для присмотра за поведением богомольцев «употребить, кого пристойно, из людей добрых»[236].

VIII

В мае 1715 года вышел указ о поимке кликуш, где они проявятся. Велено было приводить их в приказы для розыска. Указ вызван признанием одной кликуши, что она кричала в церкви притворно, с целью взвести оговор против досадившего ей человека[237]. Ловили и арестовывали лжепророков, выдававших себя за провозвестников воли Божией[238]. Полиция забирала женщин и девиц легкого поведения и отправляла их в принудительную работу на прядильный двор[239]. Для поднятия семейных уз, чтобы устранить практику выдачи замуж и женитьбы исключительно по воле родителей, без собственного внутреннего расположения, царским указом 1702 года воспрещены были так называемые рядные записи о браке, делаемые еще при младенчестве брачующихся, с неустойкою в случае невыполнения, и велено было быть обручению за шесть недель до свадьбы, причем обручение признавалось не имеющим силы, если бы после него у жениха или невесты были обнаружены какие-либо телесные или нравственные, непредвиденные ранее, недостатки[240].

В устранение возможности погребения живых велено было не погребать умерших ранее истечения трех дней со смерти, а чтобы не держать мертвых тел в домах, разрешено было выносить их в церкви[241].

Сам царь показывал пример усердия к молитве и богослужению, религиозности, хотя яркие формы прежней набожности оставлены были навсегда. Все выдающиеся явления государственной жизни и памятные дни и события в жизни царя и государства были ознаменовываемы богослужениями и постройкою церквей. В именины царя отправлялось торжественное богослужение[242], неопустительно совершались молебны по случаю разных побед[243], по случаю заключения мира[244].

Чтение реляции о Полтавской победе сопровождалось в Рязанской епархии молебном и пятидневным звоном[245]. Молебнами ознаменовывались и годовщины даже не особенно достопамятных для государства событий, как, например, годовщина взятия Шлиссельбурга[246]. Закладка Петербургу положена закладкою Петропавловского собора; в память взятия Нарвы построена в Петербурге церковь св. Матфея; историческим памятником является Исаакиевский собор[247].

Чтобы не вводить народа в соблазн некоторыми уклонениями от принятого церковного обычая, Петр считал своим долгом обеспечить эти нововведения надлежащим авторитетом, где его собственный авторитет не мог иметь надлежащего значения, и, например, исходатайствовал грамоту

Константинопольского патриарха Иеремии на разрешение русскому войску в походах не соблюдать постов, за трудностью добывания постной пищи[248]. Исходатайствовал и лично себе разрешение от поста по причине болезненности организма[249].

В 1707 году, указом 27 апреля, «лучшаго ради благолепия и чести икон», велено иметь о них «в художестве управление и повелительство» митрополиту Стефану, а «в искусстве художества» надзирать служившему в оружейной палате художнику-архитектору Зарудному: чтобы писали благолепно и удобно по древним свидетельствованным подлинникам и образам, и сами иконописцы были жизни честной, не пьяницы. Иконописью могли заниматься только мужчины. Желающие заняться этим искусством должны были обучаться у мастеров. Всем мастерам был назначен экзамен, после которого следовала выдача дипломов трех степеней. Получивший диплом назывался свидетельствованным мастером и, уплатив небольшую пошлину в 1 рубль, 75 или 50 копеек, смотря по степени диплома, получал уже право на оклад, назначенный для поощрения к усовершенствованию и прилежанию в государевых делах, и являлся правительственным изографом. Во главе всех изографов стоял Зарудный, наименованный суперинтендентом или суперинтендентором; при нем была «палата изографств исправления»; он, в свою очередь, был «под послушанием его преосвященства, митрополита Стефана». Изографы должны были пересмотреть всю наличность имеющихся в продаже икон и положить на них клейма трех степеней со взысканием пошлины в 30, 20 и 10 копеек. В церкви дозволено было принимать только иконы с клеймами и с подписью иконописца[250].

IX

Были приняты меры к подъему образования среди духовенства. Заботы Петра по части принудительного насаждения образования в России известны. Заводились школы арифметическая, инженерная, «немецкая»[251], из русской школы лучшие ученики посылались за границу для усовершенствования в науках[252], для детей привилегированных сословий установлено принудительное обучение[253]. Все силы были привлечены к работе: Симоновский архимандрит переводил в 1708 году фортификационную книгу и поправлял перевод Овидия[254], офицеры были приучаемы к литературным занятиям – вести дневники в календарях, для чего и календари печатались с пробельными листами[255]. Из западной Европы вызываемы были образованные люди на службу в Россию, не только военные, но и юристы, для работы в коллегиях[256].

Естественно, что при таком отношении Петра к народному образованию не могло и духовное образование оставаться покойно в прежнем своем положении. В 1708 году, указом 15 января, велено поповым и диаконовым детям учиться в греческой и латинских школах, а которые учиться в тех школах не захотят, тех в попы и диаконы на места отцов и никуда не посвящать, не принимать даже в подьячие и вообще никуда ни в какие чины, кроме военной службы[257]. 11 ноября 1710 года указ этот был подтвержден, причем, кроме поповых и диаконовых детей, в нем были еще упомянуты дети дьячков, пономарей, церковных сторожей и просвирен[258]. По высочайшему указу 28 февраля 1714 года, дополненному указами 28 декабря 1715 года и 18 января 1716 года, при архиерейских домах и монастырях учреждались «цифирныя» школы. Собственно, касательство этих школ до духовного ведомства, по самому тексту указов о них, ограничивалось тем, что помещения для школ отводились при архиерейских домах и монастырях. Но, затем, учителя были из адмиралтейской, не духовной школы, по два на каждую губернию; ученики – «дьяческия и подьяческия дети из всяких чинов людей», кроме дворянских; содержание школ относилось на счет губернских доходов, рассылка учителей производилась по распоряжениям сенатской канцелярии[259]. Однако Соловьев в своей «Истории» прибавляет, что эти указы относились и до детей духовенства[260]. Что именно так и было на практике, едва ли подлежит сомнению.

В последующие годы указы об обязательном обучении священно-церковно-служительских детей были повторяемы и подтверждаемы.

Учению отдано было преимущество при определении на приходские места пред наследственностью[261]. Самовольно оставивших школы велено сыскивать и вновь водворять в школы с наказанием[262]. Когда в феврале 1718 года префект славяно-латинских школ в Москве стал жаловаться, что школьные здания валятся и часть уже упала, что школьный двор в развалинах и запустении, что кельи для учителей так ветхи, что в них жить нельзя, да и таких недостаточно, – государь повелел: двор очистить, здание починить, деревянные ветхие кельи заменить каменными и для расширения помещения отдать под училищный монастырь часть иконного ряда[263]. Вероятно, для сообщения большей энергии училищной администрации, славяно-латинские школы, кроме хозяйственной части, в 1718 году подчинены монастырскому приказу еще «судом и расправою»[264].

В 1712 году вышел указ о новом переводе Библии на славянский язык[265]. Предприняты были попытки к охранению и изданию древних исторических памятников, и на первый раз велено было собрать по монастырям древние акты, жалованные грамоты и другие письменные памятники. И вообще всякие исторические документы – рукописные и печатные[266].

X

В области епархиальной жизни было издано несколько указов, имевших выдающееся значение. При сенатском указе 22 января 1716 года разослано всем архиереям в руководство и губернаторам для сведения обещание, которое было истребовано от преосвященных – Астраханского Иоакима и Вологодского Павла при наречении их в Петербурге в 1716 году на архиерейские кафедры. Документ этот начинался оговоркой, что хотя архиерей всегда обязывается вообще поступать во всем по разуму Священного Писания, однако, в частности, принимает на себя следующие обязательства: во-первых, никого не проклинать и не отлучать от Церкви по личным побуждениям, из страсти, разве кто покажет себя явным преступником и разорителем заповедей Божиих или станет против Церкви, сделавшись еретиком, и после трех увещаний, по заповеди Христовой, не покорится; такой предается анафеме, но не «вседомовно», а лишь единолично; это обязательство основано было на канонах: на четвертом правиле Седьмого Вселенского Собора и сто тридцать четвертом Карфагенского, и также на тридцать девятой заповеди иустинианової. Во-вторых, с противниками Церкви поступать с кротостью и разумом, правильно, по апостолу Павлу, что рабу Господню «не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учительну, незлобиву, с кротостию наказующу противныя»: по требованию шестьдесят шестого правила Карфагенского собора. В-третьих, монашествующих содержать по правилам и уставам, не позволяя скитаться по монастырям или по мирским домам без архиерейского разрешения и крайней нужды: четвертое и одиннадцатое правила Четвертого Вселенского Собора. В-четвертых, церквей свыше потребы не строить и не допускать строить, дабы потом не пустели; приведено в основание восемьдесят четвертое правило Карфагенского собора и двадцать седьмая заповедь иустинианова. В-пятых, не умножать церковного причта свыше потребы ради корыстных целей, не ставить ради наследия, но ставить «ради паствы людей» и действительной нужды Святой Церкви: шестое правило Четвертого Вселенского Собора. В-шестых, посещать и назидать свою паству всякое лето, или, по крайней мере, раз в два или три года, самому архиерею, по обычаю апостольскому, и не ради «лихоимания и чести», но апостольски и в Господе прилежно наблюдать за тем, как пребывают верные в вере и благочестии, «а наипаче священники», учить и запрещать, чтобы не было расколов, суеверий и богопротивного чествования не признанных

Церковию мнимых святынь, вроде «неведомых гробов», чтобы не боготворили святых икон и не вымышляли ложных чудес, чтобы нигде не допускали беснующихся притворных в колтунах, босых и в рубашках ходящих и отсылали этих притворщиков к градскому суду. Наконец, в-седьмых, в мирские дела и обряды не входить, разве какая явная неправда будет; в этом последнем случае прежде увещать, а потом писать царю, поступая в этом по заповеди апостола: защищать немощных[267]. В этом обещании Петр собственноручно прибавил в шестом пункте слова, «а наипаче священники», обязательство относительно обозрения епархий архиереями и конец пункта, о беснующихся притворщиках, а также весь седьмой пункт[268].

По табели 1710 года архиереям было назначено определенное содержание, от тысячи до двух тысяч трехсот сорока рублей в год[269].

В низшем клире произведен опыт капитальной чистки разбором духовного сословия в 1705 году. Кроме священнослужителей и церковников, в духовном сословии числилось множество лиц, не состоявших на службе Церкви. Велено было всех духовного ведомства судей, дьяков, подьячих, монастырских слуг и служебников, поповичей, дьяков и пономарей и прочих церковных причетников и их детей и свойственников переписать и разобрать: которые годны, отмечать в солдаты и, вместо службы, положить в оклад. Указ вызван был необходимостью иметь деньги на сформирование двух новых полков, и оклад был довольно значителен: дьяки должны были платить от двадцати до сорока рублей, подьячие от двадцати пяти до рубля и меньше, поповичи, дьячки и всякого причета люди – годные в солдаты по рублю, негодные по восьми гривен, малолетние по полуполтине[270]. Для упорядочения приходской жизни в 1711 году освященным собором с молодым еще тогда Сенатом изданы были правила для избрания в приходы священников и диаконов. Решено: строго придерживаться правил святых отец и рукополагать во священники не ранее тридцати лет, в диаконы не моложе двадцати пяти; не посвящать новых священнослужителей сверх прежнего числа; тех больных и престарелых, на места которых посвящаются новые, свидетельствовать и впредь устранять от службы и треб под страхом жестокого наказания; где приходы скудные, там не ставить диакона и второго священника, хотя бы прежде таковые и были; переходных грамот, кроме крайней нужды и предварительного отыскания прихода, и грамот на крестец – отнюдь не давать; при определении во священный чин производить испытание более осмотрительно и строго; за нарушение этих правил архиереям обещаны царский гнев и удаление от

престола[271].

В устранение того порядка, при котором приходы зачастую оставались под управлением наемного священника в ожидании, пока свой кандидат доучится или достигнет совершеннолетия, изданы были указы в 1718 году, по которым дети священно-церковно-служителей и «других чинов, кто пожелает», должны были заранее быть подготовлены учением к занятию приходского места, чтобы по смерти священника немедля можно было заместить открывшуюся вакансию. Хотя наследственные права на приход на этот раз еще не были отменены, но образованию отдано преимущество пред ними. С этою целию воспрещено членам причта строить на церковной земле собственные дома, а существующие определено купить на сборные церковные деньги, или же выстроить новые, и беспрепятственно передавать новоназначенному священнику, независимо от его отношений к семейству его предшественника. Заведывание церковными домами – дома причта строить и ремонтировать – поручено местным церковным старостам. Для большего порядка велено в каждом приходе быть определенному числу дворов, домашних церквей не иметь, а у кого были, тем в их церкви дать подвижные антиминсы[272].

Для улучшения быта войскового духовенства установлен в пользу полковых священников в 1705 году налог по одной гривне с каждой церкви: так называемый гривенный сбор[273]. В 1710 году указ о гривенном сборе был подтвержден и в нем упомянуты, кроме священников, и полковые причетники[274].

В жизни монастырей имело значение распоряжение о вызове в только что обстроенный петербургский Александро-Невский монастырь лучших монахов со всей России. Здесь они проживали как бы на испытании и отсюда получали различные назначения – на высшие степени[275]. Указом 29 ноября 1715 года назначать новых архимандритов в монастыри велено только из монашествующих петербургского Александро-Невского монастыря, потому что «о монахах в губерниях его величеству неизвестно»[276]. Распоряжение, очевидно, вызвано было тем соображением, что благоустройство монастырей зависит от благонадежности настоятелей. Обращают также на себя внимание следующие распоряжения, клонившиеся к материальному ущербу для монастырей. С 1705 года, по причине тягостей Шведской войны, дача монашествующим уменьшена вдвое: вместо десяти рублей и десяти четвертей хлеба в год – пять рублей и пять четвертей[277]. В 1707 году два приговоренных к каторге преступника, за старостью и дряхлостью, отправлены в монастырский приказ для содержания их в кандалах в

вечной работе, к какой окажутся годными. Тем же указом велено подобным образом поступать и на будущее время[278]. А сенатским указом 29 июля 1719 года назначено в монастыри пять отставных за ранами и дряхлостью солдат, с жалованьем и прокормлением от монастырей наравне с гарнизонными солдатами. Обещано и впредь присылать солдат в монастыри и богадельни на монастырский и богаделенный счет[279]. В этих распоряжениях как будто сказалась уже слабая попытка, позднее обнаружившаяся яснее, об обращении монастырей на практическое служение народу для государственной пользы путем привлечения их к роли исправительных колоний и богаделен.

XI

С восстановлением монастырского приказа и передачею церковных вотчин ему в управление монастыри остались только номинальными собственниками своей земли, а управление ею и доход с нее, за исключением части, назначенной на содержание монастырей, перешли в распоряжение монастырского приказа.

Впоследствии передача церковных вотчин монастырскому приказу объяснялась исключительно желанием упорядочить платежные их силы: церковные вотчины, будто бы, взяты были не навсегда, а лишь «доколе располагаемый по душам оклад платежей состоится», после же сего вотчины архиерейских домов и монастырей предполагались к отданию «им по прежнему во владение»[280]. В науке высказано еще мнение, что «монастырский приказ имел назначение устроить и обеспечить содержание тех церковных учреждений, от которых переходили к нему имущества»[281]. По словам профессора Горчакова, к обращению церковных вотчин, как известно, обладавших всегда исключительными привилегиями, если не в собственность, то, по крайней мере, в ведение государства, к петровскому времени народились побуждения и экономического характера, и государственного, и нравственного: требовалось уравнять тягости налогов и повинностей народа, уничтожив привилегии церковных имений, освобождающие их от участия в государственных тяготах; требовалось, при развивавшейся централизации управления, привести церковные вотчины к единству управления, лишив их привилегий особого управления и суда; наконец, изъятием вотчин из ведения духовенства предполагалось приостановить все более дававшую себя знать порчу нравов в иночестве[282].

И действительно, управление церковными вотчинами монастырским приказом ознаменовалось в некоторой степени уравнением крестьянских повинностей, некоторым упорядочением крестьянского быта, увеличением, на первых, по крайней мере, порах, доходности церковных имений, а также уравнением содержания архиерейских домов и монастырей. Различные привилегии разных монастырей были сглажены и все крестьяне относительно повинностей были подведены под одну мерку[283]. Крестьянам церковных вотчин запрещено наниматься по контрактам в работу на срок свыше пяти лет и вступать в браки с кабальными, крепостными и помещичьими крестьянами[284], чтобы таким путем не была утрачена их принадлежность к церковным вотчинам. В той

же цели крестьянам церковных вотчин запрещено писать поручные записи без ведома стряпчих духовного ведомства[285]. В 1710 году разрешено не взыскивать недоимки сборов и повинностей в церковных вотчинах с дворов запустелых, но числившихся по переписным книгам 1678 года, по которым производились сборы; разрешение дано было с тою целию, чтобы оставшимся крестьянам не было большой тяготы и оттого большей пустоты не учинилось[286]. Выходили указы, направленные к уравнению сборов с церковных вотчин со сборами с крестьян дворцовых, которые в общем платили несколько менее, чем церковные крестьяне[287]. Управление церковными вотчинами поручено было стольникам[288]. Церковные вотчины велено сдавать под двойной и тройной оброк по сравнению с прежним[289]. На содержание архиерейских домов и монастырей назначаемы были определенные оклады, более или менее равномерные[290]. Монастырский приказ содержал школы и богадельни в Москве, некоторым церквам оказывал пособие[291].

Но упорядочение церковных вотчин и обеспечение тех учреждений, которые содержались на счет вотчин, не было исключительною или даже главною целью восстановления монастырского приказа. Чтобы вынести тягости Шведской войны, правительство брало отовсюду, откуда только можно было взять: и с крестьян, и с помещиков, и с состоящих на государственной службе[292], и с духовенства[293], и с православных, и с раскольников. Установлены монополии табачная, на продажу соли, и вся соль, бывшая у частных лиц, отписана в казну. Сданы на откуп рыбные ловли. Наложена пошлина на бороду и усы[294]. В 1705 году установлена монопольная продажа от казны дубовых гробов вчетверо дороже их действительной стоимости; все дубовые гробы отписаны были у частных лиц на казну и взяты в монастыри, которые и должны были продавать их, а деньги отсылать в Москву; продажа гробов сосновых оставлена была свободная[295]. От монастырей и архиерейских домов, кроме собственно земельных вотчин, взяты были разные угодья, рыбные ловли, звериные промыслы, мельницы, кабацкие и таможенные сборы[296], свободные запасы хлеба[297], денег[298] и меди[299], старые деньги[300], серебряная посуда[301], свечные деньги[302], привесы у икон, церковный здания[303]. Нечего и говорить, что все суммы, сосредоточивавшиеся в центральных духовных учреждениях, как, например, в патриаршем казенном приказе, были под строгим отчетом государству[304]. Ограничив крайним минимумом размеры содержания богатых монастырей, у которых взяты были вотчины, правительство ни копейки не прибавило к содержанию тех бедствовавших монастырей, которые со своих вотчин получали менее назначенной

монастырской нормы, и не взяло даже у них их вотчин[305]. Первоначально назначенное монастырям жалование вскоре было уменьшено на половину, а потом и вовсе прекращалось во многих случаях[306], что бывало, впрочем, и в допетровское время[307]. Задачею того времени являлось взять от церковного имущества в пользу государства все, что оказывалось сверх необходимого на удовлетворение самых неотложных церковных нужд. И эта задача казалась естественною в то время, когда при Петре «русское государство явилось необыкновенною силою, сильнее которой ничего не было в русском народе, пред которою затихло и земство, и тесно связанная с земством Церковь»[308].

С течением времени монастырский приказ расширял область своего ведомства и забирал некоторые вотчины, первоначально к нему не отошедшие. В таком случае вотчины были «отписываемы на монастырский приказ», а лишившемуся их монастырю назначалось денежное вознаграждение, которое впоследствии зачастую прекращалось[309].

Первоначально церковные вотчины перешли только в управление монастырского приказа. Но с течением времени, имея вотчины в своих руках, правительство привыкало смотреть на них как на свою собственность, по крайней мере, в некоторых случаях, и распоряжалось ими по своему усмотрению. Монастырский приказ не только сдавал церковные вотчины в оброк[310], но и продавал их[311]. По царским указам, церковные вотчины были отдаваемы в вечное владение частным лицам[312], были отписываемы на губернию, как в новозавоеванном крае[313], на верфь, как в Олонецких краях[314]. И таким путем многие вотчины ушли из духовного ведомства.

Быть может, в самом деле монастырский приказ имел временное лишь назначение: уяснить положение церковного хозяйства; а как только степень доходности церковных вотчин выяснилась, они стали возвращаться первоначальным и законным их владельцам, под условием только исправной выплаты в пользу государства следуемого с них оброка или излишка доходности против необходимых и точно положенных расходов[315]. Вернее: монастырский приказ просто оказался не в состоянии справиться с оказавшимся у него делом. Прежде всего, проявился крайний недостаток людей для заведывания этим делом. По московской губернии следуемые сборы направлялись в «губернию» непосредственно из монастырского приказа[316]. Производились сборы с вотчин посредством служителей монастырского приказа. Но так как монастырский приказ тотчас же ощутил недостаток в таких служителях, притом же они для

церковных вотчин являлись излишним бременем, требуя для себя и содержания, и жалованья, и подвод, то скоро было предоставлено некоторым архиерейским домам, как Смоленскому, Тверскому, Архангельскому, собирать самим, своими приказными людьми, положенное с вотчин, из собранного удерживать в свою пользу определенное жалованье, а остатки отсылать непосредственно в «губернии», давая монастырскому приказу только отчетную ведомость[317]. Архиереи этим правом стали пользоваться в широкой степени и остатки, вместо отсылки в губернии, удерживали у себя. У Архангельского, например, архиерея таких остатков к 1713 году накопилось 5258 рублей[318].

Рядом с этим, при той системе, когда управление все еще было вместе с тем и кормлением, размеры сборов и повинностей росли на деле гораздо быстрее, чем по закону, народ разбегался от тяжестей непосильного обложения, а между тем все более и более накоплялась недоимка государственных сборов, церковное хозяйство разорялось и грозило в близком будущем полным кризисом[319].

Затем монастырский приказ, определенный для заведывания церковными вотчинами по прежней приказной системе, сосредоточил в себе все вообще дела, связанные с церковными вотчинами. Но впоследствии, когда приказная система, постепенно устраняемая Петром, должна была наконец совсем уступить место новой системе коллегий, при которой дела распределялись по их характеру, а не по их происхождению, монастырский приказ естественно должен был пасть[320].

Один иностранный дипломат, состоявший при русском дворе, в исторической записке об экономическом положении России писал, что при начале войны со Швецией Петр, нуждаясь в деньгах, отобрал в пользу казны и сделал государственным достоянием все имения, бывшие во владении епископов и монастырей. А в 1711 году, когда, при войне с турками, опасались возмущения, часть имений была возвращена, но патриаршие имения все остались в пользу казны по смерти патриарха Адриана[321]. И Горчаков, в своем исследовании о монастырском приказе, отмечает, что с 1711 года возвращение вотчин монастырям стало «явлением обыкновенным»[322]. Но началось оно гораздо раньше: по указанию протоиерея Горчакова, еще с 1702[323] года, и с течением времени все увеличивалось. Условием возврата вотчин была непременная гарантия монастырскому приказу выплаты получаемого с них дохода[324]. Вотчины и угодья стали сдаваться монастырям-владельцам на оброк[325], большею частью по их же просьбе[326]. Но иногда монастыри затруднялись

выплачивать оброк, слишком высокий, и просили взять отданные им на оброк их собственные мельницы или рыбные ловли обратно в казну и сдать, кому угодно[327]. Наконец, 16 октября 1720 года, будучи в Сенате, государь указал все вотчины, ведомые в монастырском приказе всякими сборами, кроме вотчин, отданных в вечное владение, раздать в те монастыри, у которых они были взяты, и ведать их архимандритам и игуменам «по-прежнему», «а с тех вотчин оклад монастырскаго приказа и вновь всякие положенные доходы, сбирая их, платить безнедоимочно»[328]. Высочайшее это повеление было объявлено Сенатом 15 декабря[329].

XII

В декабре 1705 года Мусин-Пушкин, по указу великого государя, приказал: нищих, которые являются в Москве и ходят по рядам и по улицам и сидят по перекресткам, прося милостыню, пришлые из городов и вышедшие из богаделен, ловить, и деньги, сколько при них сыщется, брать поимщикам себе, а пойманных приводить в монастырский приказ и чинить им наказание, и всякого чина людям заказывать, чтобы тем бродящим нищим милостыни никто не давал. Кто хочет подать милостыню, пусть дает в богадельни. Кто этого указа не будет слушаться и будет подавать милостыню бродящим нищим, таких хватать, приводить в монастырский приказ и брать с них штраф, из которого половина поступает в монастырский приказ, а половина тому подьячему, который станет приводить провинившихся в монастырский приказ. Для поимки и нищих, и благодетелей послать из монастырского приказа подьячих с приставами и солдатами по улицам[330]. Указом 16 января 1712 года велено учредить по всем губерниям, по примеру учрежденных в Новгороде митрополитом Иовом, воспитательные дома для незаконнорожденных и «шпиталеты», или богаделенки, для «самых увечных и престарелых», – таких, которые не могут быть употреблены ни в какую работу, даже сторожевую[331]. Указы о нищих были несколько раз подтверждены, и каждый раз с особым оттенком. 21 января 1712 года велено: нищим по миру на Москве, мужеска и женска полу, ребятам, старцам и старицам, милостыни не просить и по мостам не сидеть, а быть им в богадельнях по-прежнему; из монастырского приказа накрепко смотреть, чтобы по улицам и по мостам не было нищих, просящих милостыни, а если такие явятся, то ловить их и приводить в монастырский приказ, здесь чинить им наказание и отсылать в богадельни и монастыри, а которые окажутся не записанными в богадельни, тех после жестокого наказания отсылать в прежние места, откуда кто пришел[332]. 25 февраля 1718 года велено: неистовых монахов и нищих мужеска и женска пола, которые являются в Москве и ходят по гостям, по рядам и по улицам, и сидят по перекресткам, и из богаделен жалованные, и просят милостыни по дворам и под окнами, брать и приводить в монастырский приказ. Милостыни им «отнюдь не подавать», а отсылать в богадельни предположенное подаяние. Кто будет замечен в том, что подал милостыню, того приводить в монастырский приказ и в первый раз брать штрафу пять рублей, во второй десять. Для наблюдения за исполнением указа определить из монастырского приказа

«нарочных поимщиков», «из каких чинов пристойно»[333]. Указом 20 июня 1718 года Сенат объявлял: хотя относительно нищих многими указами подтверждено, чтобы престарелых и увечных отсылать в богадельни, а прочих, не состоящих в богадельнях, брать, наказывать и отсылать в прежние места их жительства, а молодых в работу, тем не менее государю стало известно, что число нищих опять умножилось. Посему опять подтверждается забирать таких нищих, которые не состоят в богадельнях, под караул, «бить нещадно батожьем», если будут пойманы в первый раз, и отсылать к их владельцам с распискою и приказом кормить их и смотреть накрепко, чтобы они, бродя по улицам и по рядам, милостыни не просили; если такие нищие окажутся из дворцовых крестьян, то старосты дворцовых сел должны собирать на хлеб им и на одежду с обывателей тех сел и деревень. «А за то прокормление, кроме престарелых и увечных, заставили бы их, что потребно, себе работать, дабы они не даром хлеб ели». Если же эти нищенствующие, способные к работе, попадутся во второй или третий раз, то бить их на площади кнутом и отсылать в каторжную работу, а женщин в шпингауз, детей бить батогами и отсылать на суконный двор «и к прочим мануфактурам». С помещиков же, хозяев, властей, старост и приказчиков брать штрафу «за неусмотрение» за каждого человека по пяти рублей[334]. В 1714 году, указом 5 июня, велено собирать на содержание лазаретов и для пропитания и лечения больных и раненых солдат венечные памяти вдвое[335]. От этого сбора освобождена была Новгородская епархия, потому что в ней митрополит Иов по собственному почину с начала Шведской войны устроил «многие шпитали» сверх учрежденных в епархии больниц, странноприимниц, нищепитательниц, воспитательного дома для подкидышей и кормления заключенных в тюрьмах[336]. В том же году, указом 4 ноября, велено учредить в городах, по примеру преосвященного Новгородского Иова, «при церквах, при которых пристойно, при оградах», «гошпитали», в Москве «мазанки», в других городах деревянные, «для зазорных младенцев, которых жены и девки рождают беззаконно и стыда ради отметывают в разныя места, отчего оные младенцы безгодно помирают, а иные от тех же, кои рождают, и умерщвляются». Несчастным матерям предоставлено было приносить своих детей к госпиталям и класть «тайно в окно, чрез какое закрытие», чтобы не было видно лица приносящих. В «госпиталях» этих «для сохранения зазорных младенцев» должны были быть набраны «искусные жены», которым полагалось содержание по три рубля в год жалованья и по полуосьмице хлеба в месяц на прокормление; младенцам на содержание положено было по три деньги на день. После

этого матери, уличенные в умерщвлении своих детей, должны подлежать смертной казни. На покрытие расходов по этим воспитательным домам отпускались суммы из «неокладных прибылых губернских доходов»[337]. Указом 23 мая 1715 года велено брать при определении в дьяки по сто рублей на содержание лазаретов для больных и раненых[338]. Впоследствии, указом 22 марта 1716 года, положено из денег, собираемых на лазареты при определении «со всех чинов давать пенсии увечным и престарелым офицерам, не способным более к службе»[339]. Указом 11 июня 1716 года велено принимать больных и раненых солдат в лазареты бесплатно[340].

XIII

Во главе управления Русской Церкви стоял местоблюститель, экзарх всероссийского патриаршего трона, митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский.

Митрополит Стефан, в мире Семен Иванович[341] Яворский, родился в 1658 году, в местечке Яворе[342]. Родители Яворского были из мелкого дворянства, шляхты, и занимались мелочною торговлей[343]. То было время казацких волнений и борьбы России с Польшей. После заключения Андрусовского договора в 1667 году, поставившего Днепр границею между Россией и Польшей, родители Яворского, вместе со многими другими православными русскими, оставшимися под Польшей, перешли, избегая бывших в польском государстве гонений на православных, на русскую сторону Днепра и поселились близ Нежина, в селе Красиловке, ныне Козелецкого уезда. Тут они и умерли. Мать похоронена в церкви: умерла, очевидно, когда ее сын был уже митрополитом, по всей вероятности в 1702 году. По крайней мере, в этом году митрополит, на память о ней, прислал в Красиловскую церковь Евангелие[344]. У митрополита Стефана был брат, впоследствии бывший нежинским протопопом, Павел, был другой брат, Федор, состоявший у него в Москве не то экономом, не то домашним секретарем. В 1704 году митрополит Стефан просил письмом наместника Киевской митрополичьей кафедры Иоанникия Салютовича «быть милосердым» к «брату, диакону Виктору»[345]. В 1710 году упоминается игумен нежинского монастыря Игнатий Яворский.

Образование Семен Яворский получил сначала в Польше, потом в Киевской академии. В Киеве Яворский обратил на себя внимание кафедрального проповедника, иеромонаха Варлаама Ясинского, бывшего впоследствии Киево-Печерским архимандритом, а затем митрополитом Киевским. Ясинский принял в Яворском отеческое участие и послал его, по тогдашнему обычаю, для усовершенствования в науках, в Польшу, где Яворский изучал философию в иезуитских коллегиях во Львове и Люблине и богословие в Вильне и Познани, причем должен был признать папу главою Церкви и, по крайней мере наружно, стать униатом. Принимая унию, он принял и новое имя – Станислава-Симона. Когда, по окончании учения, Яворский вернулся в Киев, «к матери своей – Церкви, Церковь, жалеющая своих детей, подражая Отцу Небесному, по примеру блуднаго сына, приняла Стефана и данною ей от Христа властию простила

и разрешила, как готова это делать не только для своих отпадших сынов, но и для своих врагов – еретиков, зловерцев, папистов, лютеран и прочих».

Вернулся Яворский в Киев со степенью магистра свободных наук и философии. Он превосходно овладел латинским языком, писал по-латыни стихи искусно до виртуозности, и на испытании в Киевской академии после возвращения из-за границы он за свои стихи был увенчан венком поэта. Некоторое время он оставался в Киеве светским, не решаясь еще избрать для себя определенный жизненный путь, был «юн, на всякое дело угоден», возбуждал к себе общий интерес, писал похвальные стихи в честь гетмана Мазепы и заручился его благорасположением и покровительством. Варлаам продолжал быть для Яворского покровителем, заботился о том, чтобы «талант учения его не был закопан в земле попечений житейских, но сотворил бы приобретение Святой Церкви», и убедил его постричься в Лавре. Пострижение совершал сам Варлаам в 1689 году. Новоначальный инок Стефан оставался в Лавре, пел и читал на клиросе за богослужением в церкви, в келлии писал и сочинял, что ему было поручаемо, и в особенности прилежно читал душеполезные книги. Скоро начал говорить проповеди, сначала в Лавре, потом и в других храмах. На монашеском поприще Яворский сразу выдвинулся своими талантами: он был «и в пении искусен и громогласен, и рукописанию изрядному обучен», «слово его было твердо, солию премудрости растворено», происходило «с пользою великою и услаждением слышащих», и все желали его слышать. По отзывам современников, Стефан обладал «удивительным даром» витийства и мог привести слушателей в любое настроение[346]. Чрез некоторое время Варлаам, бывший уже митрополитом, определил Стефана учителем в академию, где он сначала преподавал риторику и красноречие, а потом, не позднее 1691 года, стал уже префектом и профессором философии и, наконец, профессором богословия. Один старинный биограф Стефана говорит, что с назначением Стефана в академии прекратилась нужда, а вместе с нею и обычай посылать оканчивающих курс юношей за границу для усовершенствования в науках, потому что вместе со Стефаном в самой академии водворилось последнее слово заграничной науки. Стефан воспитал в академии целую серию учителей, проповедников, администраторов. Свой предмет читал Стефан блестяще. Его лекции, на латинском, конечно, языке, сохранились в рукописях Московской духовной академии. Будучи в академии, Стефан продолжал произносить проповеди в церквах и написал много похвальных речей знатным людям. Он, несомненно, был модным проповедником и украшением всякого

церковного торжества. Так, например, он говорил речь в Батурине при браковенчании племянника гетмана Мазепы, которую затем посвятил гетману. Кроме того, митрополит привлек его к участию «в духовных и епаршеских делах», и он «в кафедре митрополичьей» помогал «словом, советом, рассуждением и делом». С 1697 года он был произведен в игумена Киевского Никольского пустынного монастыря и в этой должности исполнял разные поручения митрополита по поездкам по разным делам к разным великим лицам в разные места – и в Киевской епархии, и в Малой России, и в Москву, в которой ему пришлось побывать уже не раз.

В 1700 году митрополит Варлаам возбудил пред патриархом Адрианом ходатайство об учреждении в Киевской митрополии Переяславской епархии. Он представил и двух кандидатов к посвящению во епископа этой епархии: вторым киево-михайловского игумена Захарию Корниловича, а первым Стефана Яворского. Оба в самом начале года прибыли в Москву, были приняты патриархом и получили поручение подождать. На этот раз, проживая в Москве в ожидании дальнейшего решения своей судьбы, Стефан имел случай однажды, при погребении «знаменитого военачальника», боярина Алексея Семеновича Шеина, умершего 2 февраля 1700 года[347], говоря надгробное ему слово в присутствии Петра, выказать пред государем свои ораторские таланты, понравился Петру и в результате получилось то, что Петр распорядился назначить его к посвящению в архиереи в одну из епархий, близких к Москве, где откроется вакансия, чтобы не терять его из виду. Стефану был сказан указ оставаться в Москве, пока откроется для него походящее место.

Было ли для Стефана сладостно ожидание, сейчас будет видно. Но положение его оказалось не завидное. Начальник посольского приказа, адмирал Федор Алексеевич Головин в феврале или марте 1700 года писал Петру между прочим: «николаевский из Киева игумен, которого ты, милостивый государь, повелел поставить в епископы, просит о назначении содержания и жалованья ему со старцами, которые при нем, всем им денег до двухсот рублей. Невозможно не выдать чего-нибудь. Прикажу хоть от себя»[348].

Вскоре освободилась Рязанская кафедра за уходом митрополита Рязанского Авраамия на покой. Патриарх назначил к посвящению в Рязань Стефана. Но Стефан стал усиленно просить освободить его от посвящения или, по крайней мере, отложить и отпустить его, хотя бы на недолгое время, в Киев. Но, по приказу патриарха, 15 марта 1700 года ему было

объявлено, чтобы на утро он готовился к наречению. Петр в то время был в отъезде, в Воронеже. Поутру 16 марта архиереи собрались в крестовую патриаршую палату, но Стефан туда не являлся. Послали на малороссийское подворье, где он проживал. Оказалось, что он уехал в Донской монастырь. Когда и туда прибыли за ним посланные, он решительно отказался явиться. Посольство вернулось к нему для вторичного зова и тоже не имело успеха. Между тем продолжался благовест к наречению, около двух уже часов, и отказ Стефана, едва ли не беспримерный, оскорбил патриарха. Патриарх распорядился не выпускать его из Донского монастыря до царского указа и обо всем написал Петру. 2 апреля патриарху сообщен был царский указ, чтобы Стефану непременно быть митрополитом Рязанским. Все это дело кончилось тем, что 7 апреля 1700 года Стефан был посвящен в митрополита в Рязань[349].

XIV

Чем объясняется такое изумительное бегство киевского игумена от Рязанской митрополии? Быть может, в то время назначение в Рязань было такою же незаманчивою перспективой, как в недавнее время назначение петербуржца в Сибирь, обречением для человека культурного на умственную смерть, лишением образованного общества, даже книг, и Стефан предпочитал скромное настоятельство в Киеве или Москве высокой кафедре в Рязани. Возможно, что его смутила крайняя быстрота и неожиданность совершавшихся событий, необходимость навсегда порвать с Киевом, где у него было так много дорогих связей и воспоминаний. Но пусть лучше объясняет сам Стефан. Соскучившись сидеть под арестом в Донской обители, Стефан 1 апреля 1700 года обратился с письмом к ближнему боярину, адмиралу Федору Алексеевичу Головину, горячо прося освободить его из заточения и отпустить в Киев, куда отъезжали уже прибывшие с ним в Москву лица. К письму он приложил, «до высокого рассуждения», небольшой трактатец под названием:

«Вины, для которых ушел я от посвящения».

«1) Писал ко мне преосвященный митрополит Киевский, чтоб я возвратился в Киев, и его, приснолюбимаго отца моего, во время старости его не оставлял при толиких его немощах и недугах. Грамоты список показывал пречестнейшему отцу архидиакону.

2) Та епархия Рязанская, на которую меня хотели посвятить, имеет еще в живых своего архиерея; а правила святых отец отнюдь не повелевают, живу сущу архиерею, иному касатися епархии, ибо таково дело есть духовное прелюбодеяние. Якоже бо жене, пока живет муж ея, не подобает иного мужа имети и искати, тако и епархии единым архиереем довольствоватися подобает.

3) Изощренный завистию язык многие досады и поклепы на меня говорил, иные рекли, будто я купил себе архиерейство за три тысячи червонных золотых, иные именовали меня еретиком, ляшенком, обливанником.

4) Не дано мне сроку, чтоб я пред посвящением мог приготовиться на такую высокую архиерейства степень очищением совести своея, чтением книг богодухновенных и прочим уготовлением подобающим, но не уготовленному мне велено быти к посвящению.

5) Все те препятия пренебрегши, не дерзнул я и не дерзаю противиться воле благочестивейшаго монарха, которого сердце в руках

Божиих есть. Буди воля Божия и монаршая со мною, рабом своим и подножием. Только я бил челом и ныне бью челом о том, чтоб меня пред посвящением пустить в Киев, сих ради вин:

а) послан я от преосвященнаго митрополита Киевского в нуждах церковных в царствующий град Москву, и мне подобает возвратиться и дати ответ своего послушания;

6) Николаевский монастырь, понеже мне в строение приказан, где за моим игуменством многие приходы и расходы бывали, подобает мне тот монастырь всесовершенно с рук своих сдати, чтоб от казны монастырской на мне не было пороку; аще бо ныне клеветники на мя глаголют, что купил архиерейство, много паче глаголати будут, яко всю казну монастырскую истощих на оную куплю, аще не сдам с рук своих монастырь и о казне монастырской, приходах и расходах ея, совершеннаго извещения;

в) понеже преосвященный митрополит Киевский есть моим преискренним отцом, он от младых лет меня выкормил, он меня на учение вдавал, он до всяких добродетелей мне был предводителем, он меня во святый ангельский образ иноческий облекал[350], он меня рукополагал в диаконы и священники, он десятолетнему моему в школах братских киевских труду был пособником, он на игуменство николаевское меня произвел, единым словом так его почитаю во отца, только плотию меня не родил, того ради подобает мне от него первое получити благословение отеческое и соизволение на такую высокую архиерейскую степень, ибо «сеяй с благословением, с благословением и пожнет», «чти отца твоего, да благо ти будет», «чада, не раздражайте родителей своих»;

г) людей, каковых я там знаю, угодных до учения и проповеди, подобает мне оттуда из Киева, за благословением преосвященного митрополита Киевского, взяти сюда в царствующий град Москву, чтоб мне помощными были в делах церковных и учительных;

д) вещи мои, книги, книжечки, письма, иконы и прочия потребы мне оттуда позабирать, что быти не может без меня, многие бо вещи в тех местах никто не ведает, где обретаются»[351].

К Киевскому митрополиту Варлааму Стефан, действительно, навсегда сохранил самые благодарные чувства, и когда впоследствии, в 1707 году, в Москве, получил уведомление от Мазепы о кончине Варлаама, то в ответном письме изливал свое непритворное горе. «Пепел ем вместо хлеба и питье мое растворяю плачем, болея сердцем более всего о том, что при последней кончине не удостоился получить благословения отеческого, как недостойный». «Рыдаю от сердечной туги, плачу тем сильнее, что нельзя

плакать над самим отцом, сжать своими руками его руки, нет возможности сказать у его гроба прощальное слово, посвященное его святой жизни»[352].

17 мая 1700 года, вернувшись в Москву, Петр обедал у нового митрополита. Стефан при этом, по тогдашнему обычаю, поднес государю подарки: образ Владимирской Богоматери в серебряном вызолоченном окладе, серебряный кубок и сукно. Других еще подношений, предположенных Стефаном, царь не принял. Через два дня Стефан ездил с этими подарками в Преображенское к государю[353]. 29 июня, в именины Петра, Стефан тоже был в Преображенском у Петра, где говорил за богослужением проповедь[354], а в июле он был уже в Рязани, где в Ильин день говорил проповедь в честь святого пророка[355], и, занявшись епархиальными делами, отказался от намерения съездить в Киев, на что получил было разрешение от патриарха[356].

XV

В том же, 1700 году последовало назначение молодого митрополита экзархом и местоблюстителем патриаршего трона. Стефану было только сорок два года. Назначение состоялось, можно сказать, неожиданно для всех. Близкие к правящим сферам лица, Стрешнев и Курбатов, указывали на заслуженного Холмогорского архиепископа Афанасия и о Стефане, полгода назад еще только киевском игумене, не заикались. Но Стефан, очевидно, быстро делал свою карьеру. Нет ничего удивительного в том, если в голову молодого митрополита врывалась мысль о патриаршестве. Личный врач Стефана, автор «Молотка» на его книгу «Камень веры», пишет, что Стефан «с крайним прилежанием трудился, чтобы чин и власть патриаршие получити», и повторяет клевету, будто с этою целью он «раздал многим дары великие, а иным обещал»[357]. Если бы Стефан сам и не хотел думать об этом предмете, ему о нем напоминали друзья и враги. Димитрий, митрополит Ростовский, в дружеском письме, выражая ему пожелания всяких благ, желал и «высшей степени»[358]. Иерусалимский патриарх Досифей в 1702 году предостерегал Петра, чтобы в патриархи не был избран кто-либо из греков или из уроженцев Малой или Белой России, «которые вскормились и учатся в странах латинских и польских», хотя бы он был и православнейший. Патриарх рекомендовал избирать в патриархи москвитян, притом природных москвитян, хотя бы они и не были «мудры», потому что «москвитяне по преимуществу суть хранители и хвалители своего». Если патриарх соединяет с добродетелью и мудрость, то это – великое благо, но если мудростью и не обладает, то достаточно, если только добродетелен, а мудрость он может найти в своих клириках и иных чинах. Москвитяне хранят отеческую веру не новосеченную, будучи не любопытательны и не лукавы; а эти пришельцы, которые успели всюду побывать, могут произвести новшества в Церкви. Любопытно, что под «мудростью» патриарх разумел знание церковных правил и догматов[359].

Были личного свойства причины нерасположения патриарха Досифея к митрополиту Стефану. На одном торжественном обеде Стефан, высказывая свой взгляд по злободневному тогда вопросу о времени пресуществления Святых Даров, выразился, что греки по этому вопросу говорят и так, и иначе, почему и не могут быть почитаемы последнею решающею инстанцией. На обеде были греки и тотчас же сообщили патриарху, как молодой митрополит публично аттестовал их нацию[360]. В письме к самому Стефану в 1703 году Досифей укорял его за прежнюю

склонность к латинским мнениям и рекомендовал довольствоваться тем чином, который он имеет, и не стараться о патриаршестве, предупреждая, что не получит признания ни от него, ни от прочих патриархов[361]. Через два года, в 1705 году, патриарх Досифей писал Петру о том, чтобы лишить Стефана и местоблюстительства; к своей ревности патриарх был подвигнут пасквильною книгой, появившейся заграницей с изобличением Стефана в неправославии[362].

Первые годы служения митрополита Стефана не омрачались никакими печалями. Внешнее его положение не могло возбуждать жалоб. Материально он был обеспечен. К Рязанской епархии, не последней по доходности, была присоединена временно, ради увеличения доходов архиерейской кафедры, и Тамбовская епархия[363]. Табель 1710 года закрепила Стефану жалование по архиерейскому его дому в 5,600 рублей[364]. В 1704 году, по просьбе Стефана, ему отдана вся движимость, остававшаяся после Тамбовского митрополита Игнатия и хранившаяся запечатанною на Тамбовском архиерейском дворе[365]. В марте 1711 года государь подарил Стефану двор на Пресне с садом и прудом, возбуждавший зависть светских вельмож[366]. И ораторский талант Стефана приносил ему доход. Стефан сам говорит, что за свои «победительные» проповеди, т. е. за проповеди, сказанные при благодарственных богослужениях по случаю побед русского оружия, он «много раз получал» от царя – иногда тысячу золотых, иногда меньше. Также и от других членов царского дома «многия много раз щедроты» бывали ему «за литургии и проповеди»[367]. К царю Стефан был с внешней стороны близок. Петр считал долгом собственноручно извещать его с поля военных действий о победе русского войска – при Шлиссельбурге, например, в 1703 году[368], или при Нарве в 1704 году[369]. Писал ему дружественно: «пречестнейший отче», или «честный», или «честнейший». Зная о желании митрополита быть в Киеве, государь в 1706 году из Смоленска дает ему дозволение «путь восприять» немедля, потому что и сам скоро намерен быть там. В 1708 году, из Гродны, вспоминает, что пред отъездом «за поздним временем» не мог проститься, «однако того дня виделись», – просит молитвенной помощи, а «мы живота своего за Церковь и отечество жалеть не будем»[370]. В 1711 году, в январе, из Преображенского Петр пишет Стефану: «зело вас прошу, дабы вы сюды прибыли, понеже зело желаю видеть вас и о всем, что в небытии нашем было, устно переговорить». В том же году, в октябре, извещает особым письмом о совершившемся браке царевича Алексея[371]. Государь бывал у Стефана. Об одном таком случае уже упомянуто. Из письма митрополита Стефана к

митрополиту Димитрию Ростовскому известно, что Стефан ждал Петра к себе 17 октября 1707 года, но так как не терпящее отлагательства дело, об астраханских бунтовщиках, помешало Петру прибыть в этот день, то митрополит, погоревав о напрасных затратах по приготовлению к приему, продолжал ждать царского посещения со дня на день без предупреждения[372]. За близость и расположение Стефан платил горячим старанием сделать угодное по мере сил, в своих проповедях выхваливал Петра до крайней степени, а при одном торжественном вступлении Петра в Москву выставил на своих триумфальных воротах портрет Петра до того хорошо написанный, что турецкий посол выпросил впоследствии этот портрет себе[373].

XVI

Но, при всем том, митрополит томился на своем высоком посту. Митрополиту Димитрию, сердечному и, быть может, единственному своему другу, с которым он уговорился, что кто из них кого переживет, тот того и похоронит, Стефан писал в 1707 году жалобу на «бесчисленные суеты», на «неудобостерпимое бремя, которое и ум ослепило, и здоровье отняло, и душу повредило»[374]. Тягостное сознание этого и побуждало Стефана стремиться из «Вавилона» – Москвы и искать Киевской кафедры, не ради самой кафедры, которая в материальном отношении была не лучше той, которую он занимал, но ради отдыха и покойной жизни, при которой он мог бы оставить потомству «какое-нибудь произведеньице своего умишка». «О, блаженное уединение! О, единственное блаженство! О, уединение, мать здоровья! Тебя всеми силами жаждет душа моя, без тебя я гибну!» – писал Стефан Димитрию. «За своими проклятыми суетами все перезабыл, и прежняя свежесть ума сменилась сухостью. Весь изжился на служении другим и после себя не имею ничего оставить, кроме праха. Поверь мне, счастливо живет только тот, кто хорошо спрятался. Помолись, святитель Божий, об избавлении плененных, из которых первый – я»[375].

В 1706 году Стефан, вместе с Петром будучи в Киеве, просился, чтобы его там оставили совсем. Государь не дал своего согласия. По отъезде Петра Стефан приступил к боярину Тихону Стрешневу, оставшемуся в Киеве, и слезно просил о том же. Стрешнев писал царю, что он, Стрешнев, не один раз был у Стефана, и много было с ним разговоров: и милостью царскою обнадеживал его, и гневом грозил. Наконец, Стефан решил выехать из Киева и выехал, никому не сказав о своем отъезде; даже в монастыре, где жил, не знали, что он отъезжает. А по возвращении из Киева Стефан, по словам Мусина-Пушкина, «так в нраве своем переменился, что никто ему угодить не может»[376]. Когда Петр позвал Стефана в Петербург, Стефан выпросил отсрочку под предлогом болезни и уехал в свою епархию, в Рязань. Ходил слух, что митрополит хочет принять схиму. Мусин-Пушкин посылал к нему в Рязань три письма, зовя в Москву, где его присутствия требовали многие дела, но Стефан первые два письма оставил без ответа, а на третье ответил, чтобы духовные дела приказать ведать другому, а его не принуждать быть в Москве. Относительно схимы Мусин-Пушкин писал к Стефану, и поспешил даже послать с письмом нарочного дьяка, чтобы он этого не делал без

позволения государя. А всем архимандритам и священникам под страхом жестокого наказания воспретил постригать митрополита в схиму[377].

Соловьев пишет, что Стефан «рвался из Москвы в Малороссию», потому что «ему было тяжело в Москве, как на чужой стороне, где по своему скрытному характеру он не мог возбудить к себе большого сочувствия и где вообще тогда не очень доброжелательно смотрели на малороссиян»[378].

Были и другие причины.

После первого ослепления блеском карьеры начались разочарования. Как человек, несомненно одаренный выдающимся умом, Стефан не мог не чувствовать гнета от мысли, что его важный титул есть в сущности только звук пустой и этим титулом он закрывал лишение власти того самого трона, которого он состоял блюстителем. Светские власти постоянно вмешивались в церковные дела не только своим влиянием, но зачастую делали экзаршеское дело, не известив даже о том экзарха. Не митрополит-экзарх патриаршего трона решает вопрос, кому быть архимандритом в монастыре, а государь, и не митрополит даже спрашивает о том государя, а фельдмаршал. В 1702 году Борис Шереметев, между прочими «докладными пунктами», включил в свой доклад государю и следующий вопрос: «кому быть в Печерском монастыре (в Пскове)», и Петр дал резолюцию: «выбрать»[379]. Церковные вотчины вовсе были изъяты из ведения духовной власти. Митрополиту оставлены чисто духовные дела, но и в них он не был самостоятелен. И если бы его самостоятельность нарушал только царь, помазанник Божий, «внешний епископ Церкви», а то выступали и простые бояре. Школы, типографии, переводы и печатание книг, – все это зависело от Мусина-Пушкина, хотя считалось под верховным надзором Стефана. Даже назначение на высшие места духовной иерархии шло помимо влияния Стефана, чрез Мусина-Пушкина, Меншикова, архимандрита Феодосия[380]. В 1707 году царь не утвердил ни одного из представленных митрополитом кандидатов на освободившуюся кафедру Холмогорской епархии и дал указ представить новых, причем поручил Мусину-Пушкину «вспомоществовать» митрополиту в приискании новых кандидатов[381]. Когда после того тот же Мусин-Пушкин передал митрополиту словесно царский указ, переданный ему в свою очередь словесно же Головиным, о перемещении благовещенского протопопа к Воскресенской церкви и о назначении к Благовещенскому собору указанного лица, митрополит ответил, что не сделает этого, пока сам не увидится с государем. «И весьма злобится на меня», жаловался Мусин-Пушкин, «будто я делаю это своими происками»[382]. Потом

учрежден был Сенат из знатнейших вельмож, частию соперников Стефана; Сенат уже посылал указы митрополиту и указам Сената «всяк», как из духовных, так и из мирских, должен был быть послушен, как самому царю, под страхом жестокого наказания и даже смертной казни, смотря по вине[383]. При тогдашних условиях церковной и общественной жизни роль блюстителя патриаршего трона представлялась двусмысленною, жалкою декорацией, за спиною которой светские власти делали, что хотели, а хуже всего для личного настроения митрополита Стефана было то, что он не мог не сознавать по крайней мере некоторой справедливости такого представления.

Затем, Стефан выступил на своем высоком поприще в эпоху великих дел. И так как своим возвышением он обязан был не своим каким-либо заслугам, которых еще не имел, а исключительно личной воле государя, то естественно предполагать, что с назначением Стефана на высший пост государь соединял определенные надежды в отношении к молодому местоблюстителю патриаршего трона. И Стефан в своих красноречивых проповедях не скупился на похвалы Петру[384]. Но скоро выяснилось с несомненностию, что Стефан не попал в ряды участников царской работы и оставался чуждым свидетелем великих дел, сданным, так сказать, в архив, заживо отпетым и погребенным, и ему это, при его положении и несомненно честолюбивом характере, было невыносимо тяжело. В таких случаях обыкновенно прорываются истеричные нотки ядовитого осуждения даже по поводу таких обстоятельств, которые при спокойном течении мыслей, быть может, и не вызвали бы в отношении к себе никакого осуждения. При отвратительном настроении глаз видел только дурное, а воспаленный язык не был способен на мирные речи. Это именно и происходило со Стефаном, когда он, в состоянии крайнего раздражения, стал в церковных проповедях распространяться про истории Ирода, убившего Предтечу за смелые обличения[385], про Валтасара, пившего на своем беззаконном пиру из сосудов церковных, про «мужа прелюбодейнаго», посхимившего свою жену[386]. Или в 1712 году, в день именин царевича Алексея, говорил в церкви: «закон Господень непорочен, а законы человеческие бывают порочны. Какой это закон, например, поставить надзирателя над судьями и дать ему волю, кого хочет обличать, пусть обличит, кого хочет обезчестить, пусть обезчестит, и хотя и не докажет, о чем на ближняго клевещет, в вину ему того не ставить, о том ему и слова не говорить, – вольно то ему. Не так подобает этому быть: искал он моей головы, взнес на меня поклеп, а не доказал, пусть положит свою голову; западню мне скрыл, пусть сам в нее завязнет; вырыл для меня

яму, пусть сам впадет в нее»[387]. И, сделав подобную вылазку, Стефан продолжал глядеть на Петра любящими, заискивающими глазами. Гений Петра прекрасно понимал нервную, тонкую и хрупкую натуру митрополита и постоянно мучившую его рану и охотно прощал ему его выходки, оставлял ему внешние знаки почета, но сердца своего ему все же не открывал и дела своего ему не доверял: ему нужны были люди постоянные, устойчивые, твердые, руки мужественные, пожалуй, даже грубые, но послушные. За проповедь 1712 года Стефан был позван к допросу в Сенат, но государь сам решил дело без вреда для митрополита[388]. И только через три года жестоко отомстил ему, всенародно посмеявшись в своем невероятном маскараде над мечтою Стефана – патриаршеским саном. И некоторые историки[389] напрасно эту проповедь считают причиною охлаждения отношений Петра к Стефану. Причины были более глубокие, охлаждение шло постепенно. А, в частности, относительно самой проповеди не следует упускать из виду, что Петром положен был штраф фискалам за недоказанность их извета, а за злонамеренное оклеветание такое же наказание доносителю, какое следовало бы оклеветанному[390].

Как человек благородный и искренний, Стефан, тяготясь своим положением, предпочитал погрузиться в неизвестность и потому и просился на покой. На покой, впрочем, тянула его и преданность научным занятиям, обыкновенно просыпающаяся у человека с особенною силой, когда пробивается сознание, что способность к ним теряется безвозвратно. Стефан вкусил сладость научных занятий, мечтал оставить потомству какой-нибудь литературный плод своего ума, завидовал своему другу Димитрию Ростовскому, не оставлявшему литературного труда и обыкновенно посылавшему свои новые работы на просмотр Стефану, ободрял его и поощрял от всей души: «пиши, отец, пиши, и в начатом деле не ослабевай. Бог да укрепит тебя и да наставит на путь, по которому ты начал идти»[391].

Петр скоро разыскал для себя среди духовного чина таких сотрудников, какие ему были нужны. Сначала появился в Петербурге Феодосий, а потом и Феофан. И состарившийся уже митрополит, не принятый в царскую работу, досадуя, стал относиться недоброжелательно к молодым сотрудникам Петра, закрывая глаза на их истинные достоинства, а затем стал недоброжелательно относиться и к их делу, которое было петровым делом, и невольно уже сближался с партией противников петровых дел, хотя и не хотел стать формально в ее ряды. Все равно, результаты и цели получались одни. Понятно, что Петру он стал

чужим.

XVII

21 марта 1712 года, после своей проповеди о фискалах, Стефан писал Петру: «известно вашему царскому величеству, что я единственно только ради царскаго повеления оставил мысль о схиме, которую обещал Богу, будучи болен и лежа при смерти, и хотя для меня было ужасно сломать обета, однако же не смел противиться монаршей воле вашего царскаго величества». Теперь, оказавшись в таком положении, что Сенат, после проповеди о фискалах, запретил ему впредь говорить проповеди и привлек к царскому суду, Стефан свое «обещание на схиму паки обновил». Он писал Петру: «пав к стопам царскаго вашего величества, со слезами молю: отпусти меня, уже к смерти приближающегося и всегда болезнию одержимаго; не дай душе погибнуть за нарушение обета. Паки и паки славяще, молю ваше монаршество, да благоволит отпустить меня в Донской монастырь, или где будет воля и милостивое изволение вашего царскаго величества»[392]. Это письмо было последней просьбой Стефана об увольнении на покой. Когда положение Стефана окончательно определилось, Петр обзавелся Феодосием и Феофаном и не оставалось сомнения, что кафедра местоблюстительская, в случае ухода с нее Стефана, не будет оставаться в сиротстве ни одной минуты и самый уход его не вызовет ничьего сожаления, Стефан уже никогда не высказывал желания уйти на покой. Такова психология человека: не храним того, чем обладаем, стремимся к тому, чего лишаемся. В 1715 году Стефан уже писал: «а что я прежде просился в монастырь, то это делалось по причине великих моих и нестерпимых болезней, когда смерть заглянула было в очи. Ныне я, по милости Божией, свободен от болезни, прошу в этом грехе моем и в прочих прегрешениях прощения»[393]. Потом он и вовсе боялся упоминать о своем уходе, хотя государь, всегда рыцарски благородный, удержав его в его звании вначале, не думал потом удалять его против его воли и продолжал неизменно оказывать уважение и к его сану, и к его личности. Петр по-прежнему был со Стефаном в переписке: писал Стефану в 1714 году ответное письмо на письмо Стефана с присылкою трактатов книги «Камень веры», поздравительное извещение о победе в Финляндии, сравнительно весьма подробное; в 1715 году извещал о рождении сына и просил о нем молитв, другим письмом приглашал прибыть в Петербург по делу Тверитинова, весьма настойчиво, но и весьма приветливо. В 1716 году писал два письма; одно с препровождением нового обещания архиерейского, другое из Данцига, с извещением о браке

племянницы с герцогом мекленбургским. В 1715 году, изъявляя свое согласие на отъезд митрополита в Москву под условием вернуться в Петербург к Рождеству, Петр уже пишет Стефану: «письмо твое»; прежде всегда было: ваше. И в 1720 году пишет: «изволь сие завтра учинить»: епископа Псковского в архиепископы и архимандрита Александро-Невского тоже[394]. Правда, тон этих писем уже совсем не тот, что был раньше. Но и то нужно заметить, что тон обращения Петра со всеми близкими ему людьми, без исключения, с годами изменялся, по мере того, как вырастал этот необыкновенный гений, становился все выше и выше окружающих и все более и более одинок.

Сам митрополит в переписке с Петром редко брал искренний тон, а большею частию скрывал свое настроение в витиеватом наборе каламбуров и разных цветистых фраз и подписывался, не без некоторого, по-видимому, намека, чрезвычайно уничижительно: «смиренный Стефан, пастушок рязанский»[395]. Впрочем, в своих письмах и к другим лицам Стефан зачастую употреблял тот же запутанный стиль и подобные уничижительные подписи. В 1703 году, в письме к архиепископу Черниговскому Иоанну Максимовичу, Стефан сделал подпись: «негодный богомолец и слуга нижайший, недостойный митрополит Рязанский Стефан грешник»[396]. В 1704 году, в письме к наместнику Киевской Софийской кафедры Иоанникию: «Стефан архигрешник, негодный богомолец»[397]. В 1707 году, в письме к Димитрию Ростовскому: «слуга нижайший Степка грешник»[398].

Царица Екатерина ночью на 29 октября 1715 года родила, а днем уже за ее подписью шло письмо к митрополиту, заключавшее в себе поздравление с новорожденным и просьбу молитв о нем[399].

«Всесильный» Меншиков, извещая из Петербурга 19 июня 1716 года о кончине 17 июня царевны Натальи Алексеевны, писал: «и понеже я ведаю вашу святолюбивую душу, надеюсь, что должнаго поминовения души ея высочества чинить не оставите, того ради о том не подтверждая, но окончив сие, остаюсь послушный сын и слуга»[400].

Сенат, когда извещал Стефана о высочайшем повелении относительно приезда Стефана в Петербург, послал к митрополиту «письмо» за подписью трех сенаторов, вместо указа за подписью секретаря и обер-секретаря: честь экстраординарная[401]. Когда Стефану 21 марта 1715 года привелось быть в Сенате «на консилиуме», он занял, по крайней мере в подписи под протоколом, первое место[402].

Но все это не покрывало того гнета, который чувствовался митрополитом вследствие отчуждения от него царя. Он сам писал царю в

1715 году, что его тяжко удручает то, что он «видит лице царскаго величества отвращенным» от него[403]. Осматриваясь в прошедшем своей жизни и преувеличивая, конечно, по свойственному человеку чувству себялюбия, степень искренности своих отношений к государю и значение своих «победительных» проповедей, сказанных в похвалу царю, Стефан не находил, по-видимому, зависящих от него самого причин охлаждения к нему Петра и обратился к Петру с на редкость искренним письмом, написанным в Великую Пятницу и на евангельский текст: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят»[404]. Стефан просил прощения за две свои вины: за проповедь о фискалах и за действия по делу Тверитинова, воображая, что холодность к нему царя вызвана какими-либо определенными его проступками, или «противностями» царю, которых он и находил за собою всего две.

Отдаление от государя имело для митрополита и последствия иного рода. В письме к царю в 1715 году Стефан уже, между прочим, упоминает, что его удручает «нищета, в которой он находится», так как лишен «прежней царской милости»[405]. Сенаторы, которых Стефан и ранее еще называл «древле-ненавидящими его и ищущими изъяти его душу»[406], теперь подчас не стеснялись выказать в обращении с митрополитом грубость. 15 мая 1715 года митрополит писал в «доношении» царю: «по твоему, великаго государя, указу, велено мне в святую Четыредесятницу присутствовать в судебной избе при деле, которое началось с новоявленными еретиками[407]. И я в то время хаживал безпрепятственно чрез всю крестопоклонную седмицу и никто меня никогда не изгонял. А ныне, мая в 14 день, пришел я по прежнему указу в судебную избу для слушания и решения того же дела, и меня превосходительные господа сенаторы с великим моим стыдом и срамом изгнали вон, и я, плача, выходя из судебной палаты, говорил: бойтеся Бога, для чего не по правде судите»[408].

Но в такого рода обстоятельствах Стефан, нужно отдать ему справедливость, оставался верен себе в своем протесте. На противодействие, правда, он не был способен, за то всегда заявлял словесный или письменный свой протест. Когда ему пришлось объясняться пред Петром по поводу своей проповеди 1712 года, он прямо писал государю: «ставят мне в вину, что я говорил о фискалах, которым дали полную власть надо мною и над приказом духовным, что может обличить и обесчестить, кого хочет, и хотя не докажет того, о чем клевещет, в вину ему не ставить и слова ему за то не говорить. Об этом я говорил, что не подобает этому так быть, и вообще в архиерейских судах

фискалу быть необычно и непристойно»[409]. Когда в 1718 году вышло распоряжение набрать из детей церковников 500 человек, по возможности грамотных, в адмиралтейские плотники и Стефану «отписано было для ведома, чтобы по всей Московской губернии до окончания этого набора не посвящал никого в духовный чин», Стефан написал на извещении: «буди указ великаго государя непременным о том, чтобы из церковников избирать в плотники, а что не посвящать в попы, идеже самая нужда требует, сему делу несть должно быти»[410]. И впоследствии, когда уже учрежден был Синод, Стефан не раз заявлял свой протест по тому или другому предмету.

Каждая реформа имеет свою жертву. Жертвою петровых реформ считают и митрополита Стефана. Есть доля истины в этом взгляде. С одной стороны, еще живы были в воспоминании патриархальные, близкие, семейные взаимные отношения государственной и церковной власти, с другой стороны, духовное ведомство вставлено было в тот круговорот государственной машины, где достоинством было то, что ранее всего больнее было видеть: безличность и слепое послушание. Как малоросс и либерал, Стефан не мог сочувствовать старому московскому церковному строю, – в этом трудно сомневаться; но как поставленный во главу этого строя, он считал долгом своей чести возмущаться новыми веяниями и идти против молодых работников нового дела, которые не хотели спрашивать благословения у митрополита на свою работу и шли вперед, забывая все старые традиции, с головокружительною быстротой.

В этом есть доля правды. Но проще, думается, считать Стефана жертвою собственного характера или темперамента. Физический колосс с громовым голосом, сильный на кафедре и на бумаге, Стефан являлся дитятею при соприкосновении с жизнью и людьми, всюду видел врагов, вечно ныл от болезней, плакался на обидчиков и – жаловался на «нищету»! Не будь этого, зависящего исключительно от темперамента митрополита, история могла бы быть свидетельницей борьбы, способной напомнить не очень давние времена Никона.

XVIII

В Москве Стефан жил на своем рязанском подворье на Лубянке, где ныне помещаются здания духовной консистории[411]. В августе 1702 года был в Рязани, где освящал церковь[412]. В 1706 году был весною в Петербурге, а летом в Киеве, куда приезжал и Петр[413]. В 1708 году тоже был в Петербурге; по дороге говорил слово в день Живоносного Источника в Новгороде[414]. В следующем, 1709 году ездил в Ростов на похороны митрополита Димитрия Ростовского, согласно уговору между обоими святителями, что тот, кто переживет другого, лично похоронит умершего[415]. При погребении святителя Димитрия Стефан говорил 25 ноября прощальное слово[416]. Достойно внимания, что таким же словом он ранее, в 1696 году, напутствовал погребение тела и другого почившего святителя, Феодосия Углицкого[417]. В 1710 году всю весну и лето Стефан проболел, с Пасхи до сентября, и, надеясь переменою климата изменить состояние здоровья, в сентябре уехал в Рязань[418]. В 1712 году Стефан получил от Петра двор грузинского царевича в Москве, на Пресне, с садом и прудом, возбуждавший зависть других вельмож. По крайней мере, Стефан, по поводу привлечения его к царскому суду за резкие выходки против царского указа о фискалах в проповеди 1712 года, наличность у себя врагов объяснял в письме к царю, между прочим, и этим двором. «Бодет им очи милость вашего царскаго величества ко мне убогому, не мило им смотреть на двор, который я построил на Пресне, не так для себя, как для вашего царскаго величества, истратив до двух тысяч. Но Бог им в помощь и с двором. Мне двор келлия да гроб, близко предлежащий»[419]. 15 декабря 1714 года государь дал указ быть Стефану в Петербурге по делу Тверитинова[420], и Сенат поспешил, 16 декабря, послать об этом ему письмо за подписью трех сенаторов, с нарочным, поручиком князем Макуловым[421]. Митрополит получил письмо 21 декабря, а 23 или 24 писал царю просьбу позволить не ехать в Петербург и отправиться в Нежин на освящение Церкви в Богородичном монастыре, который строился на средства митрополита[422]. Прибыв все-таки в Петербург, по подтвердительному царскому указу[423], – 21 марта 1715 года Стефан присутствовал уже в Сенате[424], – митрополит 11 июля писал государю в Ревель просьбу отпустить его в Москву. В Петербурге Стефан еще не имел оседлости. Летом все разъехались. Оставаться в Петербурге одному ему было скучно. Он просил позволения отъехать в Нежин на освящение своей церкви, создание которой было мечтою его последних лет и на которую он

употреблял все свои средства. На возвратном пути он предполагал заехать в Москву, распорядиться делами по управлению Москвою и епархией, забрать вещи и в особенности «сокровище» свое – книги, а затем и вернуться в Петербург. Не сознавая еще, что он находится скорее в забвении, чем под особливою охраной, Стефан писал Петру: «если бы относительно моего возвращения было какое сомнение, клянусь Богом живым, мстителем за всякую неправду. Кровь Христа Спасителя нашего, во спасение нам излиянная, да будет мне в погибель, если солгу или помышляю что лукавое о бегстве. Камо пойду от духа твоего и от лица твоего камо бежу? Не в чужое государство пойду, но ваша держава есть, Богом данная; Нежин ли, Москва ли, Рязань, – везде на мне власть самодержавства вашего и от нея нельзя укрыться. И не для чего укрываться: если я пред Богом и грешен, то пред вашим царским величеством имею совесть, слава Богу, чистую и беззазорную. Если эта клятва моим спасением покажется вашему великодержавию не заслуживающею веры, прошу приставить ко мне какого-либо офицера с солдатами на время моего пути»[425]. Государь 14 августа дал разрешение съездить в Москву, но не в Нежин, и требовал непременно вернуться к празднику Рождества в Петербург, обещая, что и двор ему к тому времени будет готов. «А в Нежин», прибавлял государь, «можно и иным временем, не теперь, съездить»[426]. Любопытно, почему государь сдерживал намерение Стефана к поездкам. В переписке о приезде Стефана в Петербург по делу Тверитинова Петр замечал, в письме 5 января 1715 года: «в Нежин для освящения церкви можете вы и после съездить, как помянутое дело окончится, понеже ваша должность есть тех управить и решить, для кого церкви делаются»[427].

Так как Стефан, несмотря на ясно выраженную волю Петра, в Петербург не ехал, то ему 23 декабря 1715 года Сенат послал указ, чтобы приезжал в Петербург с ризницей для посвящения Вологодского и Архангельского архиереев[428]. Стефан, однако, сославшись на болезнь, не выехал на этот раз в Петербург. В 1716 году Стефан наконец был в Нежине и здесь 25 июля торжественно освящал свой храм. К этому времени прибыли в Нежин и участвовали в освящении Киевский митрополит Иоасаф Кроковский, первенствовавший в служении, Черниговский архиепископ, епископ Переяславский и множество архимандритов, игуменов и прочего духовенства[429]. В Нежине Стефан оставался довольно долго; он здесь говорил проповеди и на Успение, и на Покров[430]. Письмом 18 мая 1718 года Петр вытребовал Стефана в Петербург для участия в верховном суде по делу царевича, повелевая прибыть немедля, не позже

как через восемь или девять дней по получении письма, со всеми бывшими в Москве архиереями, налегке, а относительно доставки в Петербург необходимого для житья распорядиться после[431]. Стефан выехал из Москвы 24 мая[432]. 13 июня было уже в Петербурге «рассуждение» по делу царевича с участием Стефана[433]. С этого приезда Стефан уже безвыездно жил в Петербурге до конца 1721 года, когда, вместе со всем Синодом, он в последний раз выехал в Москву[434].

XIX

В приезд Стефана в Петербург в 1718 году выяснилось, что ему уже не вернуться в Москву. В ноябре он обратился к государю со следующим докладом: 1) выехав из Москвы 28 мая на почтовых подводах, я не взял с собою ни ризницы, ни певчих, ни запасов никаких, ни платья, ни келейной обстановки, и вследствие скорого отъезда не сделал распоряжений ни в соборной церкви, ни в приказах, ни в школах, ни в своем доме, ожидая своего возвращения; а теперь скитаюсь в Петербурге, живу на наемном дворе, далеко от церкви и от воды, и притом на таком дворе, на котором зимою мне больному жить совершенно невозможно; ожидаю милостивого отпуска в Москву на зиму, чтобы в продолжение зимы окончательно собраться на житье в Петербург; 2) было милостивое слово о дворе и написано было ко мне ручкою монаршескою: приезжай, а двор для тебя будет готов; будет ли исполнение этого обещания, или нет? – Государь дал такие ответы: 1) о том, что жить здесь, уже три года тому назад сказано, «и сам ваша милость по просухе хотел быть, как я с вами прощался на Москве; а зачем в три года не собрался и не распорядил, не знаю; ибо и более того делано, ездил на Украину для освящения церкви, и потом, и до того довольно времени было, как выше писано»; 2) относительно двора: «место готово, а построить самому можно, потому что всем архиереям определенное дается, а вам все, как было прежде, еще ж и Тамбовское епископство поддано»[435]. В Петербурге у Стефана было подворье на Воскресенской набережной, на месте Таврического дворца и его церкви[436]. В мае 1719 года Стефан взял себе место на Васильевском острове и вывел на погребах каменное здание на Неву[437].

В Петербург Стефан был вызван для представительства, потому что к этому времени не только решен был бесповоротно вопрос о новой столице, но и столица эта успела уже обстроиться церквами и домами. В высокоторжественные дни Стефан стоял во главе духовных церемоний. В именины Петра, 29 июня 1719 года, Стефан в Троицком соборе совершал богослужение и говорил проповедь[438]. 30 августа 1719 года царь ввел в Неву в триумфе флотские трофеи, а 6 сентября Стефан, в том же Троицком соборе, говорил по этому поводу слово о благополучных действиях российского флота[439]. 2 декабря 1718 года, после литургии в Морской церкви, государь был у Стефана на дому[440].

В ноябрьском докладе 1718 года, после просьбы об отпуске в Москву и о дворе в Петербурге, митрополит Стефан писал государю: если совсем

жить в Петербурге, то «у каких дел быть», как епархией Рязанской управлять на таком расстоянии, как «запасы из такой дальности возить», кому епархию патриаршую – соборную церковь и духовные дела ведать, кому ставить ставленников обеих епархий, кому школьные порядки вручить? быть ли архиереям в Петербурге на чреде, и если быть, то по одному, или по два, и в продолжение какого времени – по году, или по полгода, с которого числа начинать чреду, можно ли с первого января, как всего, думается, приличнее; где жить чередным архиереям? Во многих епархиях нет архиереев: в Киевской, Новгородской, Тобольской, Смоленской, Коломенской; в Устюге и в Вятке престарелые; из вдовствующих епархий, преодолевая всевозможные затруднения, «присылают всякие дела» к нему, митрополиту, и настойчиво просят о решении; а он на делах делает помету: ждать своего архиерея; теперь накопилось «премногое множество» нерешенных дел, много ставленников, много нестроений церковных, далее оставлять эти епархии без архиереев невозможно.

На вопрос митрополита, «у каких дел быть» ему, проживая в Петербурге, государь написал: «дело прежнее»; и далее: «для рязанских дел надлежит епископа устроить, как в Новгороде Корельский, московские дела вручить Крутицкому, а чего не могут, о том писать сюда для решения, школы определены, а о важных (делах) должно сюда писать»; на чреду в Петербург архиереям приезжать поочередно, «а скольким, то дается вам на волю, по качеству дел здешних, начинать чреду с января, а где жить, места готовы, а подворья могут по малу сами построить»; «для вдовствующих епархий выбрать кандидатов и подать список их; на будущее время для избрания в архиереи надлежит добрых монахов сюда в монастырь невский привезть», чтобы с ними можно было лично познакомиться; «а для лучшаго впредь управления мнится быть удобно духовной коллегии, дабы удобнее такия великия дела исправлять было возможно»[441].

XX

«Дело прежнее», писал Петр на вопрос Стефана, «у каких дел быть» ему, проживая в Петербурге, и рекомендовал патриаршую область поручить в управление Крутицкому архиерею, для Рязанской епархии учредить викария. В Петербурге же Стефану нельзя было вмешиваться в управление епархиальных дел: это была область другой епархии. Митрополит, впрочем, оставил за собою свои епархии Рязанскую и Тамбовскую, для управления которыми не было назначено викария.

Высшее управление Церковию, тень патриаршего трона, выражалось не во многом. Известен случай, когда государь, отклонив ходатайство Сибирского митрополита Филофея о перенесении мощей св. Василия из туруханского монастыря в Тобольск, написал: «а впредь чинить ему, митрополиту, по согласию с преосвященным Стефаном, митрополитом Рязанским»[442]. Книги печатались «за благословением преосвященнейшаго кир Стефана Яворского, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, экзарха всероссийскаго патриаршаго престола»[443], но, впрочем, и то не всегда, а даже большею частию «за благословением освященного собора», или «преосвященного собора», или «архиереев», – и всегда: «между патриаршеством»[444].

Когда со стороны духовной власти предпринималось деяние, выходившее за пределы обыкновенного, выступал «освященный собор». 20 мая 1701 года боярин Стрешнев писал Петру: «Талицкаго дело до приезда архиереев делать нечего; а архиереев на Москве девять, да трое не бывали: Казанский, Смоленский, Белоградский. Посланы по них три грамоты, и сказали стряпчие их, что будут они в Москве вскоре. А как приедут, станет то дело исправляться»[445]. Это был большой собор архиереев. Мазепу предавали анафеме: митрополиты Рязанский Стефан, Крутицкий Иларион, Нижегородский Сильвестр, Суздальский Ефрем и архиепископы Коломенский Антоний и Тверской Каллист[446]; в правительственном объявлении об анафеме 12 ноября 1708 года сказано, что Мазепу предали анафеме преосвященные митрополиты и архиепископы со всем освященным собором[447]. В 1711 году «освященный собор» вместе с Сенатом издал правила, упорядочивавшие церковно-приходскую жизнь[448]. Из архиереев участвовали в этом постановлении: Стефан Рязанский, Иосиф Вологодский, Каллист Тверской, Арсений Воронежский, Феодосий Сарский, Варлаам Иркутский[449]. В 1714 году митрополит Стефан, согласившись с бывшими тогда в Москве архиереями, издал увещание к

православным христианам о раскрытии тверитиновской ереси от имени «всего освященного собора», а подписано увещание, кроме митрополита, только тремя епископами: Сарским Алексеем, Суздальским Игнатием и Ставропольским греком Иоанникием[450]. Кабинет-секретарь Макаров писал об этом соглашении, что митрополит Стефан «и прочия все духовныя персоны в Москве» имели совет о противниках Церкви и положили предать их проклятию, что в ближайшее воскресенье и сделали[451]. 24 октября 1714 года судили Тверитинова «бывшие в Москве архиереи»: Стефан, Сарский Алексий, епископ Тверской Варлаам и Иоанникий Ставропольский – «со освященным собором», архимандритами, игуменами и протопопами[452]. Таким образом, утверждение, что «освященным собором» называлось «собрание епископов», «которых положено было попеременно вызывать в Москву» и с которыми митрополит Стефан «должен был совещаться по важнейшим делам церковного управления»[453], не вполне отвечает действительности. Понятие, «освященный собор» было более растяжимым и не столь определенным. Притом, в каждой епархии был свой «освященный собор», и о нем возносили на ектениях особые моления вслед за возношением имени епархиального архиерея: «и о всем освященном соборе»[454].

XXI

Все упомянутые соборы, за исключением собора 1714 года по делу Тверитинова, созванного по личному почину митрополита Стефана, были созываемы по инициативе государственной власти. Церковная иерархия была как бы парализована в своем переходном состоянии. Движение исходило от светского правительства. Сенат вызывал своим указом митрополита Стефана в Петербург для посвящения архиереев[455]. Сенат шлет указ Крутицкому митрополиту Игнатию составить, вместе с московским вице-губернатором, опись имущества московского Благовещенского собора по поводу взятия местного священника под суд[456]. Когда в 1716 году прибыл в Петербург вызванный из Киева иеромонах Феофан Прокопович, то явился к Меншикову за инструкциями, а тот, вследствие отсутствия царя, «послал в Сенат с вопросом: что решат о нем сенаторы?» и те отвечали, что немедля будут писать о Феофане государю[457]. Царь, на время своего отсутствия, и назначение архиереев предоставил «соизволению архиерейскому купно с Сенатом», «заменявшим» государя. Сенат постановляет определения о построении церквей и причтовом штате, о распространении православной веры между иноверцами, о назначении начальников монастырских, определяет больных и увечных солдат в монастыри на проживание, входит в исследование дела о ереси, как было с делом Тверитинова, – во всех этих случаях, правда, почти не переступая крайних границ своей компетенции и действуя «для лучшего благоустройства церковной жизни»[458]. В тех случаях, когда по недомыслию или по другому какому недоразумению светские лица начинали входить в чисто духовные дела, священнические, это немедленно пресекалось самою же светскою властью. Так, когда в московском казенном приказе почему-то стал подписывать благословенные и освященные грамоты, перехожие и епитрахильные памяти и дела по ним ведать всяким отправлением по указам вместе с поставленным во главе приказа ризничим Филагрием и его светский товарищ Владыкин, Мусин-Пушкин поспешил 9 февраля 1720 года дать указ из штатс-контор-коллегии, чтобы все эти дела, как чисто духовные, ведал один Филагрий, а Владыкин в них не вмешивался[459].

За все это время со стороны Церкви не было слышно самостоятельного голоса. Голос «освященного собора», если не был прямым эхом государственного внушения, то был принимаем во внимание только тогда, когда соответствовал правительственным намерениям, а в

противном случае замирал у духовных иерархов на устах, как было с мнением освященного собора по делу царевича Алексея или по делу Тверитинова. Государство распоряжалось и церковными имуществами, и церковною дисциплиною.

То положение, какое создалось для Русской Церкви в период междупатриаршества, было с точки зрения исторической «естественным», как возмездие со стороны государства за предшествовавшее вмешательство Церкви в область государственной жизни. С точки зрения канонической положение это было неправильно, как неправильно, впрочем, было положение и в предшествующее время, хотя формы управления тогда и были соблюдены. С точки зрения церковной положение это было бедственно. С точки зрения государственной – вредно, потому что государство требует правомерного действования всех участвующих в нем сторон. Незаконное вмешательство государства в церковную жизнь ослабило силу собственного своего устоя, потому что ослабило силы Церкви, всегда в России поддерживавшей государство. Вмешательство это сказалось расстройством и в самом государстве, которое оказалось несостоятельным в исправлении того, что оно взяло от Церкви для исправления. Все преобразовательные меры по духовной части, доселе предпринятые, исходившие не от духовной, а от государственной власти, были и недостаточно компетентны, и не довольно устойчивы, и носили случайный характер. Кроме того, создалось такое положение, что русская церковная власть оказалась лишенною надлежащего авторитета, и Русская Церковь – своей, давно уже приобретенной самостоятельности. Петр сам счел необходимым обращаться к Константинопольскому патриарху не только за санкцией распоряжения о неперекрещивании лютеран и кальвинистов[460], но даже за разрешением лично себе по нездоровью и русскому войску во время походов не соблюдать постов[461]. Если по первому предмету санкция Константинопольского патриарха могла быть принята за авторитетное свидетельство практики Восточной Церкви, то во втором случае это уже было чистое вмешательство во внутренние дела Церкви, имевшей бесспорную самостоятельность.

Необходимо было вернуть Церкви свободу самоуправления и самостоятельность, а для этого или вернуться к прежним формам церковного управления и твердо установить их границы, так чтобы патриарх, по выражению Петра, являлся только блюстителем веры, а не таможенным надзирателем за торговлею табаком, против которой он ратовал[462], или же установить новые формы, более совершенные, по

крайней мере, более соответствовавшие новому порядку вещей. Во всяком случае, задача была одна: устроить церковное управление, и притом так, чтобы церковное правительство шло рука об руку с правительством государственным по пути коренных преобразований сложившегося строя жизни, признанного несостоятельным.

Эту задачу осуществить и предполагалось учреждением Святейшего Правительствующего Синода.

III. Учреждение Святейшего Правительствующего Синода

Коллегиальное управление. – Феофан Прокопович. – Духовный регламент. – Открытие Святейшего Синода. – Вопрос о патриаршестве. – Патриаршие грамоты. – Прибавление к духовному регламенту.

I

Петр сам на себе нес всю тяжесть государственного правления и понимал, что с подобною тяжестью не всякому можно справиться одному. Занимаясь делами с четырех часов утра до позднего вечера[463], он все же жаловался, что множество всевозможных забот не позволяет ему входить во все, и говорил, что «Господь возложил на царей в двадцать раз более дел, чем на всякое другое лицо, и в то же время не дал им в двадцать раз более сил и способностей для выполнения этих дел»[464]. В меньшей мере, но то же было применимо и вообще ко всякому правителю отдельной части в обширном государстве. Необычайная обширность России, при ее первобытности, при отсутствии путей сообщения и способов сношений, при огромной массе дела, поставляемого ею каждому правителю отдельной части, способствовала развитию всевозможных злоупотреблений и делала государство бессильным в их искоренении. Поэтому задачей Петра в его преобразованиях управления и было установить, на место отдельных правителей, такие учреждения, которые бы, во-первых, превышали единоличные силы человека, во-вторых, в себе самих заключали препятствие к развитию злой воли или личного пристрастия. Такому идеалу правительственных учреждений, по тогдашним новейшим воззрениям[465], и отвечали коллегии.

Было уже упомянуто, когда Петр впервые высказал официально мысль о «духовной коллегии». 20 ноября 1718 года на докладе местоблюстителя патриаршего трона, митрополита Стефана, о необходимости разрешения многих назревших церковных дел и вопросов, о запущенности дел во многих епархиях вследствие отсутствия у них архиереев или престарелости владык и неспособности заниматься епархиальными делами, государь написал: «а для лучшего впредь управления мнится быть удобно духовной коллегии, дабы удобнее такия великия дела исправлять было возможно»[466].

Это было время, так сказать, расцвета дела коллегий. Только что в апреле и мае вышли указы о сочинении для всех государственных коллегий регламента применительно к шведскому уставу[467], и было решено, что с 1720 уже года все коллегии начнут свои действия по новому регламенту[468]. Не прошло и полутора лет после 20 ноября 1718 года, как молодой Псковский епископ, постоянно проживавший в Петербурге, Феофан Прокопович писал своему другу: «написал я для главной церковной коллегии регламент»[469].

II

Феофан Прокопович родился в Киеве, в июне 1681 года, и при крещении получил имя: Елеазар. Его отец занимался торговыми делами. В раннем детстве Елеазар осиротел: умер сначала отец, оставивший семейство в крайней нужде, а потом и мать. Тогда дядя Елеазара, наместник Киево-Братского монастыря и ректор Киевской академии Феофан Прокопович взял сироту-мальчика к себе в академию. Здесь он и начал свое учение, впоследствии надолго обессмертившее его имя.

Когда сирота Елеазар, после изучения русской грамоты, перешел в класс латинского языка, благодетель-дядя умер, в 1692 году. Но после этого нового сиротства судьба послала Елеазару и нового благодетеля, уже не из родственников. При помощи этого человека, неизвестного – из Киевской знати, Елеазар окончил академический курс. Природа щедро наделила его своими дарами. В академии Елеазар выделялся и своими дарованиями, и красивою наружностью, и хорошим голосом. Он был в числе лучших учеников академии и управлял певческим хором. Строгая мать, крайняя нищета в детстве, затем жизнь в сиротстве, затем регентство над хором певчих, – все это вырабатывало в Елеазаре самостоятельность характера, выносливость, трудолюбие, обдуманное отношение к жизни и любовь к дисциплине. Один из его биографов находит нужным заметить, что его не испортило и участие в певческом хоре. Певчих того времени известный сатирик Кантемир характеризует замечанием, что было бы весьма удивительно «трезвых видеть певчих в епископском доме».

По окончании академического курса Елеазар, вместе с некоторыми другими академистами, не задумался, по существовавшему еще тогда обычаю, для довершения образования отправиться заграницу, в Польшу, и здесь, как рассказывают его биографы, признал папу главою Церкви и вступил в ряды базилиан. При этом впервые переменил свое имя: Елеазар – на Елисей. Базилиане – это униатский монашеский орден, признававший папу главою Церкви и принимавший римский символ веры, а также и всю западную догматику, но удерживавший восточные обряды. Есть сведения, что Елисей был во Львове, в Кракове, во Владимире Волынском, где обратил на себя внимание администратора униатской митрополии, епископа Владимирского Льва Шлюбич-Заленского, который сделал его у себя учителем поэзии и риторики, а может быть, и префектом. Чрез некоторое время Елисей был отправлен в Риме, в коллегию святого Афанасия, учрежденную папою Григорием XIII для греков и славян,

удерживавших восточный обряд. В коллегии Елисей изучал классическую литературу, археологию, философию и богословие по творениям святых отцов. Эти творения он только здесь и мог иметь в полном виде. Он занимался «день и ночь». Начальник коллегии, иезуит, оценил и полюбил Елисея, предвидя в нем незаурядного человека, и усердно звал его на службу в свой орден. Но Елисей, после трехлетнего учения в коллегии, решил вернуться на родину, оставил Рим и, среди опасностей происходившей тогда в Европе войны за испанское наследство, прибыл в Россию в 1702 году. Здесь отказался от принятого на себя униатского облика, вернулся в Православие, принял имя воспитавшего его дяди – Феофана и занял должность учителя поэзии в родной академии. О том, когда, собственно, Прокопович принял монашество, при вступлении ли в ряды базилиан, или по возвращении в Киев, сведения различны[470]. В 1706 году Феофан перешел в высший класс – риторики, а еще через год назначен учителем философии и префектом.

Будучи учителем поэзии, Феофан составил курс пиитики и трагикомедию «Владимир», из жизни великого князя Руси. Будучи в риторике, написал новый курс риторики. Близкое ли знакомство с западом, или это уже при рождении дается незаурядным людям направление, только Феофан, по возвращении на родину, сразу же стал реформатором, любящим и ценящим родное, пока, конечно, только в области литературно-научной. Его трагикомедия и его риторика вносили новое направление в область литературы и науки. Прежде пьесы обыкновенно составлялись на библейские или классические сюжеты; Феофан для своей трагикомедии взял тему из отечественной истории; да и в развитии сюжета он «далеко отступил от типа» современных ему пьес, представив образец гораздо их «выше»[471]. В риторике же он также выдвигает на первый план значение житий русских святых, «чтобы узнали наконец враги наши, что не бесплодны добродетелию наше отечество и наша вера, и чтобы перестали укорять нас в скудости святыни»[472]. В богословие, которое Феофан преподавал позднее, он также внес нечто новое: новый метод, историко-критический, – настолько новый для тогдашнего времени господства схоластики, что после Феофана он тотчас же был оставлен и возобновлен, уже как непререкаемый, только лет пятьдесят спустя[473]. Феофан относился с глубоким почтением к науке, ценил знание из первоисточников, а не из чужих рук, и его беспокоило опасение, как бы тогдашней русской науке не пришлось краснеть пред судом общества[474].

И в личной своей жизни, ознаменованной знакомством в высшем

киевском свете, Феофан всегда являлся приверженцем реформ и сторонником петровых преобразований. Аскетом он не был, пользовался хорошим здоровьем, был дорогим членом тесного дружеского кружка. Выдающиеся дарования открыли ему двери высшего киевского света. Высшее светское общество всегда приветливо встречает даровитых лиц среди духовенства, между тем как в своей среде такие лица большею частью вызывают в отношении к себе злобу и зависть. У киевского губернатора, князя Дмитрия Михайловича Голицына, в аристократическом семействе Марковичей, весьма образованном и весьма уважаемом в свое время, Феофан был своим человеком. Вместе с тем он умел пользоваться и благосклонностью митрополита, щедро рассыпая лесть пред «всесильным» у владыки архидиаконом Иоанникием Сенютовичем, который, как все временщики, лесть человека превосходившего его умом ценил дорого и благодарил за нее, чем мог[475]. Феофан был на ряду лиц, которых все считают подающими большие надежды и с которыми лица начальствующие обходятся бережно, игнорируя их недостатки, прощая оригинальность, несогласие с собственным направлением. Так, Феофан в ту пору в Киеве был едва ли не единственным среди киевского духовенства приверженцем нового правительственного режима, и настолько влиятельным и смелым, что спокойствие и верность Киева при мазепиной измене серьезно были обязаны в некоторой степени и его влиянию. По крайней мере, сам Феофан впоследствии, при новом царствовании, напоминал правительству об этой своей услуге[476].

5 июля 1706 года Феофан, при встрече Петра в Киеве, в Софийском соборе, когда государь приезжал на закладку Печерской крепости, говорил встречную государю речь. Эта первая историческая речь Феофана, занявшая в печати одиннадцать страниц, может быть, и не принадлежит к числу наиболее удачных его речей, но, во всяком случае, она может обращать на себя внимание некоторыми своими положениями. В ней, между прочим, Феофан воздавал Петру хвалу за то, что тот является в обычной одежде и свою «славу» полагает не во внешности, а в делах[477]. Впрочем, ведь Петр в то время еще не был великим. Не видно ни по чему, чтобы эта речь осталась в памяти государя. Три года спустя, после Полтавской победы, Феофан также встречал Петра речью в Софийском соборе[478]. Эта речь, для встречной весьма обширная, занявшая в печати тридцать страниц, уже бесспорно обратила на себя внимание государя, и по его повелению была напечатана с переводом на латинский язык. В декабре 1709 года Феофан, уже известный проповедник, говорил в своей

монастырской церкви похвальное слово и Меншикову[479]. Меншиков в долгу не остался и вскоре рекомендовал Феофана Новгородскому митрополиту Иову в настоятели новгородского Юрьева монастыря. Рекомендация эта осталась почему-то без результата. В 1711 году Петр взял Феофана с собою в Прутский поход. Несчастливо окончившаяся для России кампания никому не принесла венца. Как большею частью бывает между людьми высшего умственного порядка, первое знакомство не повело к сближению[480]. Феофан вернулся в Киев на старое место, но, впрочем, получил, по желанию государя, ректорство в академии и игуменство в училищном монастыре. Опытный в науке, Феофан явился сведущим и в монастырском хозяйстве, и настолько упорядочил материальное состояние монастыря, что вызвал распространение слухов, будто в монастыре найден клад[481].

Когда Феофан познакомился с Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, мы не знаем, но в 1712 году он уже посвящает ему свою книгу «О иге неудобоносимом»[482].

III

В 1715 году Феофан был позван в Петербург. Обыкновенно этот вызов Феофана биографы представляют каким-то специальным государевым указом в зависимости от знакомства государя с преобразовательным направлением Феофана[483]. Однако этого не видно. Феофан был вызван в Петербург в числе многих прочих, вызываемых в те годы в Александро-Невский монастырь, по указу государя и по спискам, представляемым архимандритом Александро-Невским Феодосием, из лучших епархиальных сил, для подготовления к архиерейским и архимандрическим должностям[484]. Но так как Феофану пророчили уже давно блестящую карьеру, то и вызов этот был принят друзьями Феофана и им самим как ступень к скорому архиерейству, в уверенности, конечно, что он не затрется в Петербурге среди других вызванных. Сам же по себе этот вызов не обещал ничего, будучи чем-то вроде довольно строгого экзамена, к которому многие ехали неохотно. Во всяком случае, хотя Феофан не сомневался, что получит вскоре архиерейство, однако о Петербурге и вообще о том, что его ожидало впереди, не было определенной мысли. Тем не менее смутное предчувствие подсказывало Феофану, что ему придется принять участие в преобразованиях церковного строя. Люди, чувствовавшие биение общественного пульса, жили неспокойно, нервно, в каком-то смутном ожидании, в ожидании великого обновления, охваченные беспокойством, предчувствием переворота. И, как прекрасно выражается Самарин, «идея обновления, сперва заключенная в духе одного Петра, потом в сфере, все еще тесной, его окружения, мало по малу расширяла свой круг; наконец, она захватила Феофана и вынесла его на поприще, ему предназначенное»[485].

О настроении Феофана в это время лучше всего могут свидетельствовать выдержки из его писем из переписки с друзьями. Упоминая о предстоящем ему епископстве, он писал одному своему другу: «эта почесть меня так же прельщает, как если бы меня бросили на съедение диким зверям. С своей стороны употреблю все меры, чтобы отклонить эту честь».

9 августа 1716 года Феофан пишет: «Бог устрояет наши дела лучше наших расчетов и даже ожиданий». – «При выходе из вашего дома меня встретил какой-то еврей, который сказал, что хочет стать христианином, но он не имел никакого понятия о христианстве, ибо ни от кого ничего не слышал, сказал только, что он сделался оглашенным. Когда я спросил, что

значит оглашенный, он ответил, что ему поп переменил имя. Вот тебе прекрасное состояние Церкви! С каким бы намерением он ни просил того, чего просит, но Бог от нас требует, чтобы его научить, иначе взыщет кровь его от рук наших». – «Я хотел бы быть епископом и люблю дело епископства, но как бы не пришлось вместо того разыгрывать комедию: ибо таково это испорченнейшее состояние, если не исправит его божественная премудрость». – «Я не кончил еще богословских занятий, а если бы кончил, то счел бы тогда, что исполнил некоторое временное епископство и был пастырем, если не для многих, то по крайней мере для самого себя!»[486] – «Что сказать о попах и монахах и о наших латынщиках? Если по милости Божией найдется в их головах несколько трактатов и отделов, выхваченных когда-то каким-нибудь известным иезуитом из каких-нибудь творении схоластических, отеческих, языческих, – отделов и трактатов плохо сшитых, попавших в их кладовую, быть может, из сотого источника, неудовлетворительных и плохих, а хуже того – искаженных, то наши латынщики воображают себя такими мудрецами, что для их знания ничего уже не осталось. Как будто они на самом деле все знают, они готовы отвечать на всякий вопрос, и отвечают так самоуверенно, так бесстыдно, как будто ни на волос не хотят подумать о том, что говорят. При знакомстве с этими личностями приходится сознаться, что есть люди глупее римскаго папы (который воображает, что не может погрешать, уча с кафедры)». – «Все стремятся учить и почти никто не хочет учиться. И в такие-то мрачные времена, когда почти нельзя найти ревностного усердного ученика божественных знаний, проявляется бесчисленное множество учителей. Т. е. когда мир достиг высшей степени нечестия, он пытается выставить себя стоящим на высшей ступени святости»[487].

Болезнь задержала Феофана в Киеве до осени 1716 года. Наконец, изнуренный морскою качкой по бурному Ладожскому озеру, он прибыл в Петербург. Петра в столице не было: государь уехал заграницу. Вместе с государем был заграницей и Александро-Невский архимандрит Феодосий[488]. Для вызываемых иеромонахов порядок заведен был такой, что по приезде в Петербург они являлись к хозяйничавшему тогда в Петербурге Меншикову и уже при письме Меншикова были направляемы в Александро-Невский монастырь к наместнику или, большею частью, к «господину майору», заведовавшему хозяйственною частью в монастыре. Знакомство с Меншиковым после Киевской похвальной речи пригодилось теперь Феофану. Он был выделен из среды прочих, не был отослан даже в монастырь, и хотя получал от монастыря содержание[489], однако не был направлен вместе с другими в монастырь, и Меншиков предложил о нем

Сенату: «что решат о нем сенаторы?», а те порешили писать о нем государю[490]. Феофан остался жить в городе и занимался сказыванием проповедей. Это было его официальное занятие. Потом ему было поручено ведать духовные дела в Пскове, Нарве, Дерпте и Ревеле. И в Петербурге умный киевский «игумен и ректор отец Прокопович» сумел отвоевать себе особое место. По собственным словам, он «один и как бы единственный начал катихизаторствовать в Петербурге». В то же время он не оставлял и научных занятий: составлял родословную таблицу русских государей. В проповедях своих он большею частью занимался государственными вопросами или политическими событиями того времени и, конечно, как и в научных своих петербургских работах, старался сказать угодное царю. При покровительстве Меншикова, старания Феофана увенчивались самым вожделенным концом. Его проповеди печатались и пересылались Петру заграницу. Таким образом, когда 10 октября 1717 года Петр вернулся из заграницы, он уже твердо знал Феофана. При первом посещении Петром церкви, по возвращении из заграницы, Феофан приветствовал государя в Троицком соборе речью, и это приветствие Петр принял с благосклонным взором, при взаимном целовании руки.

Доверие и уважение, выказанное Петром к Феофану, сделало его смелее, и поощренный проповедник стал с церковной кафедры и под санкцией Церкви объявлять народу, по-видимому, результаты своих домашних бесед у монарха или у приближенных к царю лиц. В проповеди сыпались прозрачные намеки, резкие суждения. «Многие полагают, что не все люди обязаны повиноваться государственной власти, но некоторые исключаются: именно – священство и монашество». «Это терн, или, лучше сказать, жало, змеиное жало, папский дух, неведомо как достигающий к нам и касающийся нас». «Священство есть особое сословие в государстве, а не особое государство». «Дрожжи народа, души дешевыя, предназначенныя только для поедания чужих трудов, восстают на государя своего, на помазанника Господня! Да вам, получая хлеб без труда, следовало бы быть довольными, удивляться и говорить: откуда мне это?» «Бездельные люди» и т. п. «Есть некоторые, и дал бы Бог, чтобы их было немного, или тайным бесом обольщаемые, или помрачаемые меланхолией, которые имеют в своей мысли такую уродливость, что все им кажется грешно и скверно, что видят занимательным, веселым, великим и славным. Больше радуются печальным известиям, чем радостным. Не любят счастья. Не знаю, как они думают о себе, а о других думают так, что когда видят кого здоровым и веселым, то, значит, конечно, тот не свят. Хотели бы всех людей видеть злообразными, горбатыми, слепыми, безумными, и разве бы

только в таком состоянии любили их. Древние греки называли таких людей мизантропами, или человеконенавистниками». И Феофан тут же рассказывал про афинянина Тимона, который от ненависти к людям сошел с ума, и когда однажды вообразил, будто все афиняне хотят повеситься, чрезвычайно обрадовался и стал предлагать к их услугам большое дерево в своем саду.

IV

У Феофана в характере была одна черта, зависевшая, быть может, главным образом от молодого сознания своей умственной силы: он не признавал важности. Высокий сан, высокое звание для него не существовали. В ранних своих произведениях он вышучивал папу, в произведениях позднейших подобное обращение с авторитетными именами он перенес на родную почву. Своему другу Марковичу он, не стесняясь, заявлял, что тот в короткое время оказал такие успехи в богословии, о которых «не могут и помышлять те увенчанные митрами головы», которых они вдвоем «видели не мало». Иные назовут это искренностью, а иные распущенностью. К этому прибавить аристократизм ума, всегда побуждающий человека держаться особняком. К этому прибавить обычное в людях толпы, в массе человечества противодействие молодым талантам при первых их шагах. Все это и было причиною того, что и в Киеве, и в Петербурге Феофан был близок лишь к немногим лицам и имел множество мелких врагов, завистливых, мстительных, выжидающих. Наличность врагов Феофан несколько смело объяснял в регламенте одним чувством зависти: «если кто в учении похваляем, того всячески тщатся пред народом и у властей обнести и охулить». И то справедливо, что у человека с определенным направлением всегда найдутся рано или поздно жестокие принципиальные враги. Во всяком случае, каковы бы ни были причины, но враги у Феофана были.

В числе врагов Феофановых были два человека, стоявшие во главе духовного образования в Москве: ректор московских школ, архимандрит Феофилакт Лопатинский и профессор, иеромонах Гедеон Вишневский. Оба были из Невской академии. Гедеон служил в ректорство Феофана учителем риторики, но не поладил с ректором, вышел из академии и потом распускал слухи, что его выжил Феофан. Гедеон считал себя выше Феофана в ученом отношении, потому что имел степень доктора богословия, которой не имел Феофан и которую Гедеон получил за границей от иезуитов. Гедеон гордился своим докторским дипломом, не терпел возражений и несогласных с его мнением мнений и часто спорил с Феофаном, стараясь изобличить его в неправославии его богословских мнений. Перешедши из Киева в Москву, Гедеон постарался вооружить и Феофилакта, бывшего уже в Москве, против Феофана. Самая язвительная злоба и зависть, это – прикрытая ученым дипломом.

Как только распространился слух о вызове Феофана в Петербург и,

значит, о близком его архиерействе, – потому что никто, конечно, не имел в мысли, что Феофан в Петербурге будет признан непригодным, – враги зашевелились. Сражение было начато на почве общецерковных интересов. Была предпринята попытка обвинить Феофана в умствованиях, противных Православию. Это вечная история всех людей, действительно мыслящих, а не повторяющих чужие зады. Из киевских лекций и частных писем Феофана были составлены тезисы, к тезисам отобрана осуждавшая их подпись престарелых братьев Лихудов, служившая как бы авторитетом от греческой Церкви. Пришлось более года, однако, ожидать благоприятного случая. Наконец, такой случай представился.

В мае 1718 года Петр вызывал в Петербург митрополита Стефана для посвящения архиереев на вакантные кафедры. И так как был слух, что Стефан недомогает, то государь желал видеть в Петербурге, в случае неприезда Стефана, заместителем его Сарского архиерея. Не оставалось сомнения, что в числе посвященных будет и Феофан. Ждать больше было нельзя. Враги Феофана поспешили со своими тезисами к митрополиту Стефану и убеждали его заявить против Феофана официальное обвинение в неправославии. Стефану, угасавшему светилу, хотелось, по-видимому, поразить Феофана, светило восходящее, – тем более что оно обещало быть к нему враждебным: Феофан в своих проповедях уже высказывал намеки, которые Стефан без всяких колебаний мог принимать по своему личному адресу. Стефан внимательно перечитал богословские лекции Феофана, добытые из Киева, испещрил их тридцатью девятью заметками, сводившимися к тому, что лектор заражен «язвою кальвинскою»[491]. Но взять на себя осуждение Феофана в неправославии Стефан, сам когда-то подвергавшийся подобным же нелепым осуждениям, не решался, и долго не сдавался на внушения Феофилакта и Гедеона. Наконец, когда уже Сарский архиерей отбыл из Москвы, направляясь в Петербург, Стефан дал свою подпись к извету, составленному Феофилактом и Гедеоном. Вслед за отъехавшим архиереем был послан гонец с посланием от митрополита Стефана на имя архиереев, приглашенных в Петербург к посвящению новых архиереев.

V

Послание было следующего содержания. По указу государя велено вашим преосвященствам ехать в Петербург для поставления архиереев на вдовствующие престолы. И по тому указу благоволите путь сей благополучно восприять, и дело, для которого вы призваны, совершить по чину и уставам святой Православной Восточной Кафолической нашей Церкви: данною вам благодатию Всесвятого Духа хиротонисайте «избранных и достойных превысокого архиерейского сана». В случае если бы вашим преосвященствам был представлен к посвящению в архиерея на какой-либо престол «пречестный отец иеромонах Прокопович», вы, архиереи, должны непременно соблюсти следующее. Во-первых, донести государю, что отец Феофан Прокопович имеет им самим на себя положенное препятствие к святому великому архиерейскому сану. Это препятствие заключается в «новом его учении, не согласном святой нашей Апостольской Православной Кафолической Церкви, которое он явно преподавал, под именем богословия, в Киеве в училищах», как о том свидетельствуют его киевские ученики, а в особенности его письма, названные богословскими, из которых некоторые представляются и для ознакомления с ними преосвященных. Во-вторых, если отец Прокопович этого учения за свое не признает, то его обличат письма его к его ученикам в Киеве, кроме других свидетельств. Если же признает за свое, но скажет, что оно согласно с учением святой нашей Восточной Церкви, то вы, архиереи Божии, должны просить государя, чтобы, если не изволит верить в этом нам, благоволил послать пункты учения Прокоповича к святейшим патриархам, для подлинного удостоверения, противно ли это учение учению нашей Святой Церкви, и благоволил бы отложить хиротонию Феофана до тех пор, пока не получит ответа от патриархов. В-третьих, если бы Феофан признал изготовленные тезисы за свое учение, не подозревая еще, что они осуждены, как учение новое и противное Православной Церкви, то должно, чтобы он пред посвящением публично («явно») отрекся с покаянием по представляемой при послании форме и «прочее все по обычаю исповеданий». Об этом архиереи должны просить государя. И когда Феофан все это исполнит, можно посвятить его по царскому изволению. Если же сделается не так, заканчивалось послание Стефана пилатовыми словами, «аз не повинен сему, вы узрите». К посланию было приложено «учение пречестного отца Феофана Прокоповича, обретающееся в его письмах латинских и русских», в

одиннадцати пунктах, с подразделением последнего пункта, в свою очередь, на шесть статей. Тезисы заканчивались замечанием: эти учения и другие гораздо большие заключаются в латинских сочинениях иеромонаха Феофана Прокоповича, а некоторые уже и в русских. Если так происходит прежде архиерейства, то чего надеяться, когда он получит архиерейскую власть? «Образец отрицанию»: «аз… обретеннаго в моих письмах учения, не согласнаго святой Соборной Православной Кафолической Церкви... отрицаюся и анафеме предаю, а приемлю вся, яже сия Апостольская Церковь прежде содержала и ныне содержит, и никогда ни в чем противная мудрствовати обещаюся». Так как новое учение произвело уже соблазн, то форма отречения требовала от Феофана обещания «своим писанием возвестити в Киеве и всем… по силе своей согласным Церкви святой учением»[492].

VI

Феофана обличали враги его в наклонности к кальвинству, Феофан обличал их в наклонности к римскому католичеству. Нет сомненья, что обе стороны были православны. Православная Церковь, избрав для себя средний царственный путь, в своем учении точно и неуклонно следует по принятому ею направлению, но для своих отдельных членов, в их личных, частных мнениях, допускает свободу некоторого уклонения и в ту, и в другую сторону. Отдельные же члены Церкви, не всегда проникнутые истинным ее духом и разумом, не обладают ее терпимостью и тех, кто не согласен с ними, зачастую склонны обличать и укорять в отступничестве от Православия. Взаимные обличения и укоры усиливаются, если спорящие стороны стоят на двух крайних противоположных пунктах допускаемых Церковию уклонений и расстояние между ними, действительно, оказывается велико. В Русской Церкви издавна существовали две враждующие партии, взаимно укорявшие друг друга в неправославии их церковных воззрений: охранительная и свободомыслящая. Одна боялась раскрывать внутренний смысл буквы, опасаясь нарушить занимаемое ею положение; другая, ради смысла, с легким сердцем жертвовала установившимися формами, иногда серьезной важности. Первую партию вторая укоряла в рабском поклонении римскому католичеству, вторую первая – в заражении кальвинством, протестантизмом. Так как спор обеих партий – спор научный, то естественно ожидать, что он принимает по временам характер нетерпимости; если же принять во внимание обстоятельства того времени, то не будет удивительным встретить в нем и озлобление, доходившее до ожесточенности. И вражда к Феофану, если даже и не придавать особенного значения личным мотивам, а все дело представлять происходившим искренно на принципиальной почве, произошла по той причине, что в ту пору, как выражался Феофан, «все болели теологией».

Это неожиданное происшествие доставило Феофану немало беспокойства, но окончилось благополучно, тайная вражда была раскрыта, обвинению никто не поверил, и имя Феофана, как писал он сам, «бесчестно истерзанное клеветой, воссияло в прежнем блеске». 31 мая Феофан закончил свой объяснительный ответ, который вынужден был писать на обвинение, 1 июня 1718 года, в Троицын день, в церкви Святой Троицы состоялось наречение его во епископа Псковского, а на следующий день, 2 июня, Феофан был посвящен, с облачением в саккос, –

отличие по тому времени редкое, так как при патриархах саккос получали только немногие архиереи, как особую награду, а обыкновенно архиереи служили в фелонях с омофором. На посвящении Феофана присутствовал и государь. Через неделю после посвящения, 8 июня, государь обедал у Феофана «со многими министрами и сенаторами» и оставался до вечера. После этого враги должны были смолкнуть. Прибывший в Петербург по делу о царевиче Алексее митрополит Стефан, узнав от Мусина-Пушкина, что государь желает, чтобы недоразумение между ним и Феофаном уладилось, имел с Феофаном долгую беседу, уверял, что подписал послание, не читая, кричал, что должно судить клеветников и зачинщиков, признал и на словах, и на бумаге обвинение неосновательным, объяснительный ответ Феофана удовлетворительным, и, наконец, «знаменитейший Рязанский встал и униженно просил» у молодого Псковского епископа прощения, в присутствии Мусина-Пушкина и Феодосия. В знак примирения владыки облобызались. После этого Стефан бывшие у него на просмотре лекции Феофана, испещренные заметками, отправил обратно в Киев, с припискою, что замечания сделал сгоряча, будучи с автором в разладе, и так как теперь все покончено и настал мир, то просил все это дело держать в секрете от Феофана, чтобы снова не возгорелся пожар вражды.

VII

Дальнейшая жизнь Феофана потекла мирно. Выяснилось, что он из Петербурга не уедет. В 1720 году государь подарил ему деревню Ильеши, в Копорском уезде, в которой считалось двадцать дворов, но в действительности было только десять[493]. Феофан занялся хозяйственными делами и в мае 1720 года просил у графа Апраксина тысячу кленовых деревец[494]. Не на последнем плане стояли и научнае занятия. За это время Феофан работал над составлением каталога русских великих князей и царей с краткими биографиями их, составлял «апостольскую географию», по желанию государя, также «первое учение отрокам», заключавшее в себе изложение десяти заповедей ветхозаветных и толкование Символа веры и молитвы Господней. Начал некоторае работы новые: о патриаршестве – с целью доказать, что оно не необходимо в системе церковного управления; о мученичестве – против фанатических ревнителей старины, упорных старообрядцев; о лицемерах – против порока, господствовавшего во всех слоях общества. По поводу последней работы Феофан писал в одном письме, что имеет для нее богатый запас материала. Писал еще официальный ответ от Русской Церкви сорбоннским богословам, предлагавшим Петру решить вопрос о соединении Церквей. Вместе с тем собирал у себя научную библиотеку, из заграничных, конечно, книг, то затрачивая на нее крупные суммы из собственных средств, то выпрашивая себе у государя книги, оказывавшиеся в библиотеках новозавоеванных прибалтийских городов. Посещал прибалтийские окраины своей епархии – Ревель и Дерпт, посетил Псков и здесь сделал распоряжение к обузданию непокорного духовенства, оказал покровительство школе, пытался посетить раскольников в Ряпиной мызе для увещания, но те, заслышав о его намерении, все разбежались, и когда Феофан прибыл в мызу, то нашел дома пустыми. Не прекратил Феофан и своих публицистических проповедей, разъяснял и восхвалял государственные реформы Петра, большею частью в его же присутствии, превозносил государя превыше всех прежних русских царей и выразился даже однажды, что вся русская история до Петра есть небольшая брошюра сравнительно с книгой истории царствования одного Петра. И во всем Феофан успел выказать свое преобразовательное направление. Только что назначенный на епархию, он объехал ее на расстоянии двухсот миль, книжку первого учения отрокам написал не высоким славянским диалектом, как писали дотоле книги, а «просторечием».

За это время Феофан опять подвергся укору в неправославии за свое «первое учение отрокам», на этот раз уже от мирянина, князя Дмитрия Кантемира. Кантемир наиболее успешно раскритиковал предложенное Феофаном толкование десятисловия. И если отбросить неуместную попытку к выводу о православии или неправославии толкователя на основании этого толкования, то возражения Кантемира на толкования Феофановы нельзя не признать справедливыми, потому что всегда будут уязвимы подобные учебные толкования, тщащиеся заключить в тесные рамки широту закона Господня и его всеприменимость.

Во все это время Феофан пользовался неизменным расположением Петра, который удостоил его вторичного посещения в воскресенье 11 января 1719 года и в том же году подарил ему, кроме деревни Ильеши, два судна, весельное и парусное – буер, который был сделан специально для Феофана с такими удобствами, каких еще не имели другие буера[495].

VIII

Среди всех этих обстоятельств Феофан писал и духовный регламент. Государь интересовался ходом этой работы. Бывший «денщик» Петра Нартов передает следующий разговор Петра с Феофаном из этого времени. Петр спрашивал у Феофана: скоро ли поспеет ваш «патриарх», т. е. духовный регламент. Феофан отвечал: я дошиваю уже ему рясу. Петр заметил: а у меня шапка для него готова[496]. 10 мая 1720 года Феофан писал одному своему другу в Киев: написал я для главной церковной коллегии или консистории постановление или регламент, где содержатся следующие восемь глав: 1) причины, по которым постоянное синодальное правление предпочитается управлению Церкви одним лицом, т. е. патриархом; 2) правила общие для христиан всякого чина; 3) правила для епископов; 4) правила для академии, семинарии, также для учителей и проповедников; 5) правила для пресвитеров, диаконов и пр.; 6) правила для монахов; 7) правила для мирян, насколько те подлежат церковному управлению; 8) наконец, правила для самих президентов и асессоров коллегии. Всех правил около трехсот. Его величество приказал прочесть это сочинение в своем присутствии и, переменив кое-что, немногое, и прибавив от себя, весьма одобрил; потом приказал прочитать в Сенате, где присутствовали сенаторы и шесть епископов: Рязанский, Смоленский, Тверской, Нижегородский, Корельский и я, Псковский; сверх того, отец архимандрит Феодосий и два других архимандрита. Читано было дважды, в продолжение двух дней, и еще прибавлено несколько новых замечаний. Потом приложили руки – с одной стороны архиереи и архимандриты, с другой – сенаторы. В заключение подписался сам государь. Изготовлено было два экземпляра этого акта; один отдан для хранения в царский архив, другой отправлен в Москву и другие места для подписи не присутствовавшим епископам и главнейшим архимандритам. Для этого дела, быть может, в скором времени вызваны будут в Москву и ваши архиереи – Черниговский и Переяславский. Когда регламент, таким образом закрепленный общим подписанием, возвратится, он будет отдан для напечатания и откроется коллегия или постоянный Правительствующий Синод, чего дай Бог![497]

IX

Духовный регламент начинается объяснением слова «коллегиум», как назван был Синод в проекте регламента. Коллегиум – собрание. Указано, что новоучреждаемый коллегиум есть собрание облеченных духовною властию лиц не временное, а постоянное, учрежденное для рассмотрения и решения определенных дел. В параллель новоучреждаемому коллегиуму указаны печальной памяти ветхозаветный синедрион, суд ареопагитов в Афинах и русские коллегии государственные, учрежденные Петром в 1718 году «для различных дел и нужд государственных». Затем указываются преимущества коллегиального или «соборного» правления пред единоличным, которые и послужили к замене последнего в Русской Церкви первым. Всех преимуществ указано девять, но они легко могут быть сведены к пяти: 1) нескольким лицам легче доискаться истины, чем одному лицу; 2) решения коллегии авторитетнее решений одного лица, которое может быть заподозрено в ошибке или пристрасти; 3) при коллегиальном управлении быстрее должно идти течение дел; 4) коллегиальное духовное управление не может представлять опасности для государства, чего можно опасаться от правления единоличного, и 5) духовная коллегия может служить хорошею школой для представителей иерархии, принимающих в ней участие. Указана была и одна причина отрицательного свойства: на случай суда над предстоятелем Церкви не придется собирать вселенского собора, созвание которого и дорого обошлось бы, и едва ли возможно при современном политическом положении, когда восточные патриархи живут под игом турок, исконных врагов России; в случае же провинности президента коллегиума, суд над ним совершается коллегиумом.

Этими соображениями ограничивалась первая часть духовного регламента. Вторая часть содержала рассуждение о делах, подлежащих Синоду.

Обязанности Синода относительно всей вообще Церкви указывались следующие: пересмотреть вновь сложенные акафисты и другие службы и моления и указать их назначение – для частного употребления, «чтобы со временем не вошли в закон и не отягощали человеческой совести»; пересмотреть вновь составленные истории святых, чтобы в них не оказывалось примеси вымысла и лжеучения, искоренять суеверия, искоренять вошедшие по местам в церковное употребление неприличные обряды; наблюдать, чтобы не были почитаемы непризнанные Церковью

мощи или иконы, самовольно считаемые чудотворными или явленными, чтобы не было допускаемо в церквах двоегласие или многогласие, когда один начинает петь утреню или вечерню, другой в то же время поет середину этой службы, а третий конец, и все богослужение оканчивается таким образом в срок втрое короче; наконец, вообще, чтобы духовенство не допускало по своему служению Церкви никаких злоупотреблений. Вместе с тем высшее духовное правительство обязано заботиться, чтобы народу преподаваемы были должные наставления о христианском поведении. Хотя весь закон христианский содержится в Священном Писании (и чтения его довольно было бы для научения), но немногие умеют читать книги, и из умеющих немногие могут все выбрать от Писания, что всего более нужно для спасения. Поэтому и необходимо, чтобы пастыри учили народ от Писания. И так как в многонародной России немного найдется пастырей, которые могли бы от своего ума изъяснять Священное Писание и догматы, то необходимо составить особые книжки, в которых заключалось бы все, что необходимо для наставления народа, и эти книжки читать по частям пред народом в церкви в воскресные и праздничные дни с таким расчетом, чтобы все книжки были прочитаны в четверть года, потом чтобы чтение их начато было вновь, представляя собою непрерываемое повторение и напоминание верующим о жизни по вере. И только тогда чин пастырский мог бы считать себя безответственным пред Богом, если бы весь народ знал по крайней мере главнейшие догматы, путь спасения и заповеди Божии.

Епископы обязаны знать и иметь у себя правила Вселенских и поместных соборов, знать степени родства. Если встретится затруднение в применении закона, просить совета у соседнего епископа или у иного лица сведущего, а когда и эти не удовлетворят, писать в Синод. Епископы обязаны не покидать на долгое время своих епархий. В случае необходимости отбытия из епархии, или в случае болезни, обязаны устанавливать епархиальное управление из нескольких лиц во главе с архимандритом или игуменом. В епархиях своих епископы обязаны, соответственно своему обещанию при посвящении, не допускать бродяжничества монахов, построения церквей без нужды, изобретения ложных святынь и чудес, появления кликуш, поспешных похорон без ясного удостоверения в смерти погребаемого и прочее. Для более успешного достижения цели епископ должен поручить наблюдение за всем этим протопопам или нарочно определенным для того благочинным, а чтобы с их стороны не было злоупотреблений, и сам обязан посещать епархию раз в год или по крайней мере в два. Весьма важно для пользы

Церкви, чтобы каждый епископ имел при своем доме школу для обучения «детей священнических, или и прочих», желающих получить образование в надежде получить священство; чтобы не было ропота родителей, что дорого стоит содержание детей в школе, учащихся рекомендуется содержать на счет более состоятельных в епархии монастырей и церквей, именно: всякого хлеба брать у монастырей двадцатую часть, у церквей, имеющих земли, тридцатую; число учеников должно быть соразмерно полученному на довольствие их хлебу; квартира предполагалась церковная, одежды также не полагалось от школы; учителя содержать положено было на счет архиерейского дома. В личной жизни епископы должны быть скромны и в одежде, и в обращении, памятуя, что дело, на них возложенное, есть дело великое, но чести особенной никакой для них в Писании не определено; должны быть долготерпеливы, рассудительны, не допускать поспешной необдуманности, с большою осторожностью пользоваться своим архиерейским правом связывать духовно. Изложение обязанностей епископов заканчивается в регламенте особыми трактатами о порядке наложения анафемы, о характере путешествия архиерейского при обозрении епархии, об устройстве училищных домов и о проповедниках. К анафеме допускается обращаться только в крайних случаях, после терпеливого увещания виновного и ожидания его исправления, при явном его нежелании слушать голос Церкви. Путешествия архиереев должны носить характер отеческой заботливости о положении духовенства, в полном и прямом прекрасном значении этого слова, а никак не характер, очевидно замеченной, начальственной беззаботности, безпышности и важности, так мешающих ознакомиться с истинным положением дел, без обременения духовенства излишними расходами, с строгим наблюдением за своими слугами, «ибо слуги архиерейские обычно бывают лакомые скотины и где видят власть своего владыки, там с великою спесью и бесстыдством устремляются на хищение, как татаре». Следующий затем трактат об училищных домах начинается панегириком учению. Когда нет света учения, в Церкви неизбежно происходят нестроения и суеверия. Не учение причина ересей, как думают некоторые, а гордая глупость. Доброе и основательное учение есть корень, и семя, и основание всякой пользы как для государства, так и для Церкви. Учение перерождает человека, как бы ни был он груб. Проект об училищных домах заключал в себе план устройства академии с семинарией, или общежитием, причем в семинарии главное внимание сосредоточивается на дисциплине и вопросах воспитания, а в академии на достоинстве учителей и новом методе учения, при котором, например,

изучая грамматику, можно изучать одновременно в требующихся для грамматики примерах географию и затем историю, с наименьшей затратою времени. Дополнительный трактат о проповедниках допускает к проповеди только лиц, имеющих академический диплом, а из получивших образование заграницей – только выдержавших испытание при Синоде. Проповедь должна быть призывом к покаянию, к исправлению жизни, к почитанию власти, особенно царской; должна искоренять суеверия, насаждать страх Божий, словом – изъяснять волю Божию, на основании Священного Писания. Всякие личности не должны иметь места в проповеди. Обличением пороков должно пользоваться осторожно, особенно юным проповедникам; проповедь должна дышать кротостью, искренностью, должна быть чужда манерности, театральности. Каждому проповеднику рекомендуется иметь у себя и читать творения св. Златоуста, «ибо от того научится составлять чистое и ясное слово, хоть и не равное Златоустову».

Мирские люди обязаны слушать проповедь, ежегодно исповедываться, слушаться в духовных делах епископа.

Третья часть регламента и составляет собственно регламент, т. е. устав Святейшего Синода. Синод составляется из двенадцати персон, в их числе не менее трех архиереев, остальные – архимандриты, игумены, протопопы. Из архимандритов, игуменов и протопопов никто не должен принадлежать к епархии заседающего в Синоде архиерея, в цели совершенной самостоятельности членов.

Должность Святейшего Синода состоит в наблюдении, все ли епископы, пресвитеры и прочие церковные служители, учащие и учащиеся и мирские люди в делах духовных пребывают в своем звании; в наставлении и наказании погрешающих; в цензуре богословских сочинений; в рассмотрении проектов к лучшему устройству Церкви, которые каждый волен представлять в Синод; в свидетельствовании новопроявляющихся мощей и чудотворных икон; в суде над раскольниками; в решении некоторых кажущихся неразрешимыми вопросов совести; в свидетельствовании кандидатов во епископы; в рассмотрении жалоб на архиерейский суд; в наблюдении, чтобы не тратились попусту церковные суммы; в защите подведомственных Синоду лиц в других судебных и административных местах; в рассмотрении вместе с юстиц-коллегиею сомнительных духовных завещаний; в упорядочении дела благотворительности; наконец, в упорядочении взаимных отношений приходских священников и прихожан[498].

X

Регламент был снабжен небольшим предисловием, «выправленным» самим Петром[499]: «а управления основание, т. е. закон Божий, в Священном Писании предложенный, также каноны или правила соборные святых отец и уставы гражданств, слову Божии согласные, собственной себе книги требуют, и здесь не вмещаются».

Регламент сопровождался царским манифестом, в котором в полной мере была отражена важность совершавшегося преобразования. Среди многих забот об исправлении народа нашего, по долгу Богом данной нам власти, – говорилось в манифесте, – посмотря и на духовный чин и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, не суетный на совести нашей возымели мы страх, да не явимся неблагодарны Вышнему, когда, получив от Него столько успеха в исправлении и воинского, и гражданского сословия, пренебрежем об исправлении сословия духовнаго. Вследствие этого, по примеру прежних, как в Ветхом, так и в Новом Завете благочестивых царей, предприняв заботу об исправлении духовного чина и не видя лучшего к тому способа, как установления соборного правительства, понеже в единой персоне не без страсти бывает, к тому же не наследственная власть, того ради вящше не брегут, устанавливаем духовную коллегию, т. е. духовное соборное правительство, которое на основании изложенных в регламенте правил имеет управлять все духовные дела Всероссийской Церкви. И повелеваем всем верным подданным нашим, духовным и мирским, иметь духовную коллегию за важное и сильное правительство, у нее просить окончательного решения в духовных делах, суду ее подчиняться, указов слушать во всем, под угрозою великаго наказания за противление и ослушание, наравне с прочими коллегиями. Манифест, сверх того, предоставлял самому Синоду впредь дополнять свой регламент по указанию практики, но не иначе, как с государева соизволения[500]. Манифест составлен был Феофаном[501]. Петр собственноручно прибавил следующие строки: «соборнаго правительства, понеже в единой персоне не без страсти бывает, к тому же не наследственная власть, того ради вящше не брегут», и в конце обязательство для всех членов духовной коллегии принести при вступлении в должность присягу, «или обещание пред святым Евангелием», по приложенной форме, также собственноручно выправленной Петром[502].

Присягающий «обещался и клялся всемогущим Богом пред святым

Его Евангелием» стараться во всех делах своей должности искать истины и правды и действовать во всем по правилам духовного регламента и по тем, какие будут законно установлены в будущем; действовать во всем по совести, не руководствуясь ни лицеприятием, ни враждою, ни завистью, ни упрямством. Вообще никакою страстью, но со страхом Божиим, всегда памятуя о всеправедном суде Господнем, с искренней любовию к Богу и ближнему, имея во всем целию славу Божию и спасение душ человеческих, общую пользу Церкви, не ища личных выгод; работать безленостно, прилежно, по мере сил, пренебрегая собственными удовольствиями и покоем, не отговариваясь незнанием или непониманием, но стараясь изучить и уразуметь то, что неизвестно или не понято; быть верным и послушным подданным своего государя, его наследника и государыни, охранять всеми силами права и прерогативы царской власти, способствовать всему, что относится к царской службе и пользе, предостерегать от ущерба царские интересы, строго сохранять служебную тайну и признавать государя «крайним» судиею духовной коллегии[503].

XI

Когда проект духовного регламента был готов, государь 11 февраля 1720 года благоволил прослушать чтение его, «рассуждал» и «исправлял»[504]. После этого проект регламента оказался у государя. 23 февраля государь прислал проект в Сенат при следующем указе-письме на имя сенатского обер-секретаря: «по получении сего объяви преосвященным архиереям и господам Сенату, дабы проект духовной коллегии, при сем вложенный, завтра выслушали, так ли оному быть; и ежели что не так покажется, чтоб ремарки поставили, и на каждый ремарк экспликацию вины дела»[505]. В тот же день и на следующий день, 24 февраля[506], в заседании Сената, бывшие в Петербурге архиереи и архимандриты вместе с сенаторами присланный проект слушали и, «рассуждая, исправляли»: по общему согласию сделали отметки о пополнении в пунктах о мирских особах, в пятом, шестом, седьмом и восьмом – о раскольниках, домовых церквах и выборе приходских священников; «а о прочих предъявили, что все учинено изрядно»[507]. Кроме того, Феофан тут же представил оглавление[508] к духовному регламенту и окончание, которые и были приписаны[509]. Поздним вечером 24 февраля, так сказать уже от имени завтрашнего дня[510], Петр писал в Сенат «понеже вчерась от вас же слышал, что проект о духовной коллегии как архиереи, так и вы слушали и приняли все за благо, того ради надлежит архиереям и вам оный подписать, который потом и я закреплю. А лучше два подписать, и один оставить здесь, а другой послать для подписания прочим архиереям»[511]. После этого преосвященные архиереи и архимандриты, которые были в Петербурге и сенаторы два экземпляра проекта регламента духовной коллегии по слушании закрепили[512]. На правой стороне, слева от зрителя, подписались духовные, на левой, справа от зрителя, светские. Подписали регламенты митрополиты – Рязанский Стефан и Смоленский Сильвестр; епископы – Псковский Феофан, Нижегородский Питирим, Тверской Варлаам, Корельский Аарон; архимандриты – петербургский Александро-Невский Феодосий, московский Златоустовский Антоний, казанский Спасопреображенский Иона; сенаторы: адмирал граф Апраксин, канцлер граф Головкин, князь Яков Долгорукий, князь Дмитрий Голицын, граф Андрей Матвеев, Петр Толстой, барон Петр Шафиров[513]. Когда кабинет-секретарь Макаров доложил государю, что проект регламента подписями «закреплен», государь велел скрепить проект по листам одному из сенаторов и одному

из духовных, присутствовавших «при том деле», а внизу по листам же подписать обер-секретарю. Об этом Макаров тотчас же и написал сенатскому обер-секретарю[514]. Скрепили регламент по листам – один экземпляр епископ Нижегородский Питирим – первые тринадцать полулистов – и епископ Корельский Аарон – остальные полулисты, сенатор, тайный советник, граф Андрей Матвеев и обер-секретарь Сената Анисим Яковлевичи Щукин[515]. Другой экземпляр скрепили: митрополит Смоленский Сильвестр и сенатор, действительный тайный советник, граф Петр Андреевич Толстой, обер-секретарь тот же[516]. Затем оба экземпляра регламента подписал и Петр. В сенатском деле говорится, что архиереи и архимандриты, которые были в Петербурге, и сенаторы подписали оба проекта духовного регламента 27 февраля, «притом же оные регламенты и царское величество собственною своею рукою подписали же»[517]. На первом экземпляре Петр расписался в конце сенаторов[518], на втором – впереди архиереев[519]. Оба экземпляра были написаны на 74 полулистах[520].

В сенатском деле имеется канцелярская справка, в которой сказано; «а в протокольной записки сего 721 года генваря 3 дня царское величество указал по именному своему великаго государя указу оные проекты переправить против прочих коллежских, как пристойно, и проектом не писать, а писать регламентом. И со оных регламентов списав и выправя, что надлежит, послан из Сената к Феофану, епископу Псковскому, для поправки ж копия марта 3-го дня[521] и сего мая по… число в Сенат не прислано»[522]. Один исследователь о Святейшем Синоде принимает эти слова канцелярской справки с полною верой, не видя в них несообразностей[523]. Но что эта справка не может быть отнесена к 1721 году, видно из того, что в 1721 году Феофан был уже архиепископом, а не епископом, третьего января, как будет видно ниже, регламент еще не был объявлен в Сенате после его подписания епархиальными иерархами, а третьего марта не было смысла посылать регламент для поправок, уже после открытия Синода. Кроме того, невероятно, чтобы высочайшее повеление, данное третьего января, было исполнено только третьего марта. С другой стороны, справка не может относиться и ко времени ранее 25 февраля 1720 года, когда впервые стала известна государева воля, чтобы было два экземпляра проекта духовного регламента, а не один. Таким образом, 1721 год признать нельзя, январь месяц также признать нельзя. Остается справку выправить так, что она относится не к 3 января 1721 года, а к 3 марта 1720 года, когда оба экземпляра регламента были уже подписаны, но оба еще оставались в Петербурге, прежде чем один из

экземпляров был послан для подписи в епархии с подполковником Давыдовым 18 или 20 марта 1720 года. Получив подлинный экземпляр, а не копию (как и хотел сказать сначала автор справки, написав: послан, затем усомнился и написал копия вышло: послан копия), Феофан оторвал первый лист, или два, или три, и заменил их новыми, с заголовком «регламент», а не «проект» регламента, сделанным по образцу первых листов в регламентах других коллегий. По крайней мере, в подлинном экземпляре духовного регламента, хранящемся в Синоде, первые два полулиста написаны иною, чем другие, рукою и иными даже чернилами, и подклеены к остальной тетради особо, так что первый лист, два полулиста, составляют особую тетрадь, затем идет тетрадь уже сразу в пять листов, или десять полулистов; затем полулисты 14, 15 и 16 опять подклеены одиноко, а за ними идет цельная тетрадь в 14 полулистов. Таким образом, первый лист подлинника подклеен, по-видимому, вместо прежних трех полулистов, оторванных. Правда, нужно заметить, что весь экземпляр регламента, хранящийся в Синоде, писан разными почерками и, очевидно, не раз пополнялся вставными листами. Во всяком случае, в окончательном своем виде он пронумерован правильно, и скрепа на первом листе также имеется. Сделана скрепа на этом листе, если только что высказанное предположение признать правильным, впоследствии, конечно, после исправления.

Сохранились рассказы, будто митрополит Стефан «долго отказывался» подписать духовный регламент, отговариваясь то болезнию, то неясностью изложения этого документа, и государю пришлось лично «убеждать» митрополита «от святых соборов и Священного Писания». Один психически больной фанатик-монах, бывший ранее капитаном, показывал, будто Стефан ему говорил, что ему при отказе от подписания регламента приходилось стоять «на коленях под мечем»[524]. Выдумка эта в свое время категорически была отвергнута самим митрополитом и не соответствует изложенному уже порядку подписания регламента и обстоятельствам, сопровождавшим это подписание. Но, конечно, едва ли можно сомневаться, что Стефан «не хотя» подписывал духовный регламент, – этот акт, в составлении которого он не принимал никакого участия, который окончательно погребал его мечту – патриаршество и в котором лично для него было столько уколов – и в унижении предложенного ему президентского звания, и в грубом осуждении той манеры церковного проповедничества, которой придерживался Стефан. «Не хотя» потом он принял президентство в Синоде, как о том и свидетельствует современник Стефана, архиепископ Феофилакт

Лопатинский, в предисловии к изданному им впоследствии сочинению Стефана «Камень веры»[525].

XII

Когда все было готово, сенатский канцелярист Федор Неронов, который вел все это дело, представил справку о том, что уже сделано с духовным регламентом, сколько лиц его подписали и сколько архиереев еще не подписали, и ставил вопросы: с кем послать духовный регламент для подписания в епархии к архиереям, которых нет в Петербурге, подписывать ли регламент архимандритам епархиальных «знатных обителей» и публиковать ли его в народ[526]. Под регламентом не было еще подписей пятнадцати епархиальных архиереев: Казанского, Белгородского, Коломенского, Холмогорского, Суздальского, Устюжского, Астраханского, Черниговского, Крутицкого, Тобольского, Воронежского, Ростовского, Вологодского, Вятского, Переяславского[527]. Кроме того, не было подписи и Киевского архиерея, так как в эту пору Киевская кафедра оставалась вакантною[528].

9 марта 1720 года Сенат, из восьми сенаторов, определил: с регламентом духовной коллегии, подписанным государем, архиереями и Сенатом, послать в Москву подполковника Семена Давыдова нарочно, а до его посылки вызвать в Москву архиереев ближайших к Москове епархий: Ростовской, Суздальской, Коломенской, а также архимандритов и игуменов степенных монастырей этих епархий и епархии Рязанской[529].

Духовенство обязано было явиться в Москву неотложно к 1 мая[530]. Тем временем, пока шла переписка о вызове Давыдова, который состоял при фельдмаршале Шереметеве «генерал-адъютантом в ранге подполковничьем»[531], в Москву послан был из Сената, в московскую канцелярию Сената, курьер Тихон Новгородов с указами архиереям о съезде в Москву. Курьеру вменено было в долг прибыть в Москву в возможной скорости в течение пяти всего дней, здесь явиться в сенатскую канцелярию и передать указы тамошнему сенатскому дьяку для раздачи по принадлежности[532]. Указы были даны на имя архиереев: митрополита Сарского и Подонского[533], преосвященных Ростовского, Суздальского и Коломенского[534], и на имя монастырского приказа[535]. Архиереи обязывались, по силе сенатского определения от 9 марта, сами явиться в Москву к 1 мая и собрать к этому же сроку архимандритов и игуменов «знатных монастырей», каждый своей епархии. Монастырский приказ должен был собрать духовенство Рязанской епархии. Все указы были за подписью сенатского обер-секретаря Щукина, на пакетах было надписано: «указ преосвященному... о нужном государеве деле».

Курьер был отправлен 12 марта. Дьяк московской сенатской канцелярии Окуньков получил указы в срок, 17 марта; на следующий день передал их в Москву Крутицкому митрополиту и в монастырский приказ и отослал с нарочным из сенатской канцелярии к архиереям Ростовскому, Суздальскому и Коломенскому[536]. На Коломне указ был получен 20, в Ростове и Суздале 21 марта[537].

Давыдов выехал из Петербурга 18 или 20 марта[538]. Кроме экземпляра регламента, Давыдов вез с собою указы Сената Златоустовскому архимандриту Антонию и московскому вице-губернатору Воейкову о том, чтобы вместе с Давыдовым они предлагали собравшемуся духовенству подписываться под регламентом[539]. Давыдову дана была особая инструкция. По приезде в Москву и по отдаче посланных с ним указов архимандриту Антонию и вице-губернатору Воейкову, Давыдов вместе с обоими этими лицами должен был предъявить регламент Крутицкому и другим епархиальным архиереям, архимандритам и игуменам, которые случатся в Москве, или как кто приедет, и «предложить им указом царскаго величества, чтобы они, выслушав оный, подписали руками своими», не ожидая приезда других, во избежание замедления. А как подпишутся, ехать им в свои места по-прежнему. Если же из них которому архиерею за какою болезнью быть в Москве невозможно, то к нему за подписью ехать Давыдову с Антонием самим немедленно и «велеть тому подписать» вместе со своими архимандритами и игуменами. А если кто не станет подписываться, у того взять письменное объяснение, по какой именно причине не подписывается, и о том, а также если бы кто и не дал требуемого письменного объяснения, писать в Сенат с нарочною почтою, а не подписавшемуся объявить указом царского величества, чтобы не выезжал из Москвы никуда без указа. И обо всем еженедельно рапортовать Сенату[540].

На запрос Давыдова ему дано было Сенатом сто рублей на дорогу, дан конвой, предписано дьяку Окункову и подьячим «быть у Давыдова», по его выбору, а съезжаться духовным для слушания и подписи регламента в Москве в сенатскую канцелярию[541].

Давыдов прибыл в Москву 4 апреля[542], в тот же день отдал дьяку Окункову привезенные из Сената новые указы, и тот, все в тот же день, передал написанный на имя монастырского приказа указ дьяку монастырского приказа Гуру Васильеву, так как управляющий приказом князь Петр Иванович Прозоровский незадолго перед тем, 20 марта, умер, – и отослал с нарочными, все в тот же день, указы к архиереям Суздальскому, Ростовскому и Коломенскому[543]. Суздальский получил 4

апреля, Коломенский 6-го, Ростовский 9 апреля[544]. 6 апреля были приглашены в сенатскую канцелярию Крутицкий митрополит и московские архимандриты. По выслушании регламента все они его подписали[545].

Провинциальное духовенство явилось к сроку. Преосвященные Ростовский Георгий, Суздальский Варлаам и Коломенский Иоанникий и 34 архимандрита и игумена, прибывшие из этих трех и Рязанской епархии, собрались в сенатскую канцелярию 3 мая. Здесь Антоний, Воейков и Давыдов предлагали им регламент и все они также подписались тогда же[546].

Оставалось не подписавшихся из указанных четырех епархий только пять лиц из архимандритов и игуменов: московский Симоновский, костромской Ипатский, желтоводский, костромской Богоявленский и Песношский. Симоновский был в Петербурге, в отлучке, Ипатский помер, и его место не было замещено, Желтоводский и Богоявленский оказались больными, а относительно Песношского возник вопрос, надо ли ему подписываться, так как этот монастырь теперь был приписан к Троице-Сергиевскому[547].

Курьер Новгородов, посланный Сенатом в Москву с первыми указами, заболел в Москве и первые ответные известия привез в Петербург бывший в Москве курьер юстиц-коллегии Буянов[548]. Москва оживленно переговаривалась посредством курьеров с Петербургом, из Москвы шли частые донесения в Сенат и от Давыдова, и от Воейкова, а Сенат, в свою очередь, слал ответные и дальнейшие указы[549].

31 мая прибыл и подписался Желтоводский игумен; выяснилось, что Богоявленский костромской был при смерти и прибыть не мог[550].

В Сенате сосчитали собранные Давыдовым подписи и оказалось архиерейских 4, архимандричьих 28, игуменских 7[551], не считая тех, которые даны были в Петербурге.

21 июня Сенат постановил вызвать в Москву для подписи регламента неотложно к 1 сентября преосвященных Черниговского, Переяславского и Вологодского с архимандритами и игуменами[552]. Указы Сената архиереям, от 22 июня[553], отправлены были к Давыдову для отсылки по принадлежности с нарочными курьерами[554], и были разосланы Давыдовым 8 июля[555]. Тогда же вызваны были в Москву архимандриты и игумены Киевских монастырей. По справке в коллегии иностранных дел о форме сношений с Киево-Печерским архимандритом оказалось, что ему пишутся царские грамоты в лист со среднею печатью под кустодиею 7)[556].

XIII

Тем временем Сенат, справившись, что им еще не сделано назначения о подписи регламента архиереями, архимандритами и игуменами епархий: Казанской, Вятской, Астраханской, Тобольской, Холмогорской, Устюжской и Воронежской[557], 12 августа определил: когда вызванные уже в Москву духовные лица подпишут регламент, тогда Давыдову ехать в епархии, прежде всего к архиерею Казанскому, к которому прибудет и Вятский с архимандритами и игуменами на 1 октября неотложно, затем в Симбирск, куда должен прибыть Астраханский архиерей с духовенством, на 15 октября, после того в Устюг – на 1 ноября, где будет и Холмогорский архиерей, а затем вернуться в Петербург. Но этот приговор не был исполнен; указов по нему посылать не велено[558]. А через два дня состоялся другой приговор: если Черниговский и Переяславский архиереи с архимандритами и игуменами, а также Киево-Печерский архимандрит еще не выехали в Москву, то киевский генерал-губернатор должен немедленно выслать их туда, и как они прибудут и подпишутся, то Давыдов поедет «как наискорее» в Казань, где будут архиереи Астраханский и Вятский с духовенством, оттуда на Вологду, куда соберутся архиереи Холмогорский и Устюжский, а затем должен объявиться в Сенате в Петербурге непременно к декабрю 1720 года[559]. Получив сенатский указ[560], киевский губернатор, князь Голицын, 6 сентября доносил, что из Киева уже выехали и будут в Москве на 25 сентября[561].

Вызванная вторая партия прибывала и подписывалась. Прибыли Вологодские пять архимандритов и игумен с епископом Павлом и подписались[562]. Подписался Переяславский епископ Кирилл Шумлянский с двумя своими игуменами[563]. 20 сентября прибыл и 2 октября подписал регламент в сенатской канцелярии Черниговский архиепископ Антоний с тремя архимандритами и двумя игуменами[564]. 24 сентября приехал Киево-Печерский архимандрит Иоанникий, выслушал регламент в канцелярии сенатского правления 28 сентября в присутствии Воейкова, Давыдова и Антония, подписал и затем тотчас же отъехал[565]. В тот же день подписался и вернувшийся из Петербурга Симоновский архимандрит Петр[566]. Так как, будучи в Петербурге, он подписал там остававшийся экземпляр, то здесь при своей подписи он сделал приписку: «подписую второе». Поэтому в регламенте печатном, изданном с подлинника, хранящегося в Синоде, к которому подписи епархиальные приложены в

копии, подпись Симоновского архимандрита значится и в ряду подписей петербургских, после Ионы Сальникеева, и в ряду подписей провинциальных, после Киево-Печерского архимандрита[567]. 6 октября подписались архимандрит, игумен, настоятель и три наместника прочих киевских монастырей, а также киевский вице-ректор, от Киево-Братского монастыря. 9 октября Давыдов выехал в Казань[568].

Не получая почему-то от Давыдова на этот раз в срок известий, Сенат, не зная еще о прибытии киевского духовенства и не зная, будет ли оно, послал курьера в Москву с приказанием Давыдову самому ехать в Киев в случае неявки киевлян[569], потом опять, все еще не имея от Давыдова известий, послал сам курьера за ними[570]. Дело объяснилось. Давыдову путь лежал в Казань. Сенат 1 сентября постановил, чтобы с Давыдовым ехал в Казань и далее и Антоний[571]. Антония перспектива такой поездки обеспокоила. Он не медля обратился с просьбою освободить его от этого поручения, ссылаясь на многосложность своих занятий в Москве[572], и, желая добиться непременно успеха, особым письмом просил помощи относительно своей просьбы у архимандрита Феодосия[573]. Сенат уважил ходатайство и определил быть в Казани, вместо Антония, местному Спасскому архимандриту Ионе Сальникееву, отбывшему недавно из Петербурга, и ему же ехать с Давыдовым на Вологду, а оттуда вернуться в Казань, в то время как Давыдов вернется в Петербург[574]. Однако Антоний не успел получить этого сенатского указа, который был подписан только 24 октября[575], и должен был сопровождать Давыдова в Казань. В Казань Давыдов прибыл 27 октября[576]. Здесь уже был архиерей Вятский, ожидали прибытия Астраханского. Оба архиерея, Казанский и Вятский, с архимандритами и игуменами заявили, что без Астраханского не будут подписываться. В Астрахань посланы были нарочные. Тем временем, наскучив, должно быть, ожиданием, 11 ноября архиереи просили предложить им регламент к слушанию, и «по их просьбе» Давыдов, «обще с Златоустовским архимандритом Антонием и казанским губернатором Салтыковым», «предлагали» им регламент и они, «слушав, подписали»[577]: митрополит Казанский Тихон, епископ Вятский Алексей, казанкие архимандрит и игумен и два нижегородских архимандрита[578]. 23 ноября прибыл и 25-го подписался и вызванный курьером Астраханский преосвященный Иоаким[579], а 29 ноября Давыдов отбыл в Вологду[580]. К этому времени был уже получен указ, освобождавший Антония от командировки, и из Казани в Вологду прогоны уже выписывались для Ионы[581], который и отправился вместе с Давыдовым в Вологду[582].

В Вологде архиереи Устюжский и Холмогорский успели собраться

ранее приезда Давыдова и ждали его там – первый со второго, а второй с восьмого октября[583]. Давыдов прибыл только 16 декабря. Соскучившиеся архиереи – Холмогорский епископ Варнава и Устюжский Боголеп – подписались тотчас же[584]. Немедля Давыдов направился отсюда в Петербург, 31 декабря прибыл и 4 января 1721 года объявился Сенату[585]. Ездил он, а равно и архимандриты Антоний и Иона, на деньги монастырского приказа, ассигнованные Сенатом[586]. Он сделал небольшую передержку в 35 рублей из своих средств, и Сенат в январе 1721 года возместил издержанную им собственную сумму[587].

Кроме сделанных в Петербурге и собранных Давыдовым подписей, под регламентом имеются еще подписи, неизвестно когда сделанные, в конце петербургских – Воронежского митрополита Пахомия и архимандритов Троицкого Ипатского Гавриила и Донского московского Иерофея, на остававшемся в Петербурге экземпляре, и в конце провинциальных – игумена вологодского Глушицкого монастыря Иоиля и – последняя – архимандрита Тихвинского новгородского монастыря Варлаама. Всего под регламентом подписались: 6 митрополитов, 1 архиепископ и 12 епископов, – все иерархи Российской Церкви, кроме Сибирского, подпись которого не была взята, конечно, только по дальности местожительства этого владыки, – и 48 архимандритов, 15 игуменов, 5 иеромонахов: 87 духовных подписей[588]. Новая форма центрального управления Русской Церкви принята была, таким образом, всею Русскою Церковию, в лице ее представителей, не вызвав ни одного возражения, и не много может указать история церковных установлений, которые были бы приняты таким абсолютным большинством, почти совсем равным единогласию, так как отсутствие подписи Сибирского митрополита не повлекло за собою впоследствии со стороны этого владыки протеста против учреждения Святейшего Синода.

XIV

Между тем в декабре 1720 года из Москвы «позваны были» указом предназначенные к присутствию в Синоде члены, которых не было в Петербурге[589]. Так говорил Синод спустя два с половиною года.

Сенатское дело дает следующие известия по этому предмету. 15 января 1721 года кабинет-секретарь Макаров вошел в Сенат, как всегда, с доношением, что «царское величество указал по именному своему указу» выслать из Москвы в Петербург архимандритов – Симоновского Петра, Донского Иерофея[590] и Петровского Леонида, которым назначено быть в духовной коллегии, и вице-губернатору Воейкову отправить их наискорее на почтовых, а имущество их и прислугу вслед за ними, после, на ямских; архимандритам объявить, чтобы выбрали для управления монастырями надежных наместников[591]. В тот же день Сенат послал в Москву указ[592]. 19 января указ уже был получен в Москве и «сказан» архимандритам[593], а через неделю, 27 января, они «отправлены из Москвы»[594], причем получили по три подводы почтовых для себя и по 18 ямских под скарб и «людей»[595].

В то же время происходили совещания о домашнем, так сказать, устройстве нового Синода. В Сенат внесено было «мнение», подписанное Стефаном, Феофаном и Феодосием, «об определении трактамента коллегиатам духовной коллегии». Содержание им следовало назначить такое, чтобы «архиереев, лишения[596] ради потребных, не прельщала и не манила ни лучшая в изобилии епархия, а архимандритов ни лучшее Сергиевское архимандритство, но определены б были по чину и важности дела их довольством против лучших и изобильных епархий, а архимандриты против лучших монастырей, дабы простирались в определенном в коллегии деле не уныло и правдиво». И если определенное соответствующим должностям других коллегий содержание будет недостаточно духовным «в довольство умеренное против лучших епархий», а государь не захочет увеличить его размеры, то, по крайней мере, размеры эти не должны быть уменьшены. Была представлена и смета необходимых для членов Синода расходов. Об архиереях в смете не упомянуто, а архимандрит, по свойству своего сана, должен содержать «для служения праздничного и публичных церковных церемоний» одного диакона с ризницей; «для отправления славословия и с кем бы было от скуки слово промолвить» – одного иеромонаха или монаха; одного келейника, который бы был всегда при келее; повара; служителя,

«который бы за ним пошел или поехал»; служителя, «который бы про него купил есть и пить, что надобно» и записывал, – «чтобы не сам архимандрит ходил на торга, и за секретаря тоже»; затем конюха и трех лошадей, летом четырехвесельную верейку и к ней пять человек, а если буер, то и к нему два человека. Жить каждый член должен в особом доме, потому что «в едином доме равночестным персонам всегдашнее житие не без трудности великой, ради сваров и ссор хотя не между ими, но между служителями их, которым сварам и ссорам не быть не возможно». Дом должен иметь – келью для приема посетителей, келью, где самому жить, келью, где книжицы и прочие вещи положить, келью для диакона и монаха, келью для служителей, поварню и «что до ней по препорции людей надлежит»; «конюшню и что до лошадей и к избе надлежит»; «погребок на питье и что до него по препорции людей надлежит»; «сушила, где припасы по препорции людей положить». «Пища и одежда в год: самому, диакону, монаху и служителями[597]. Расчет был сделан такой: иеромонаху в год 36 рублей с полтиною, диакону 25 рублей и 55 копеек, обоим по расчету кормовых на каждый день; келейнику, конюху, повару, служителям и гребцам – денщицкое жалованье, по шести рублей в год, и на провиант особо столько же; наем дома 120 рублей в год, на кухню и погреб по рублю в день, на три лошади 90 рублей, верейка 20, буер 100, всего расходу на 901 рубль 17 копеек, «а кроме двора 660 рублей – на каждого»[598]. «А ежели что за сим будет оставаться, – для больных случаев: на доктора, на медикаменты и на иные необходимые случайные нужды. И по сему примеру не токмо против лучших, но и против малых архимандрических монастырей будет мизернее». «Такожде, хотя не равною мерою, и о протопопах, которым от коллегии не будет время волочиться с кадилом по могилам и именинные и водосвятные молебны петь, и чужих обедов наблюдать, такожде и манство, до котораго скудость приводит, пресечется». «А который трактамент они получали за протопопство, тот в число положить видится обидно, понеже много таких персон в государстве, которыя содержат не един чин, и за всякий получают особливый трактамент»[599].

По справке в Сенате, президентам коллегий жалованья не было положено, вице-президентам по 2.400 из иностранцев, а русским не положено, советникам по 1.200 рублей из иностранцев и по 800 из русских, асессорам по 600 и по 500[600].

Хотя и эта справка, и изложенное выше мнение, – и та, и другое не имеют даты, помещены в сенатском деле после высочайшего повеления о размерах жалованья членам Синода, но едва ли можно сомневаться, что

они написаны были ранее и были представлены государю. Такому предположению вполне отвечает характер последовавшего высочайшего повеления, по которому синодальным членам назначено было жалование несколько выше жалованья соответствующих чинов светских коллегий не из иностранцев.

18 января «собственною его царского величества рукою писано в Сенате: президенту 3.000, вице-президентам по 2.500, советникам по 1.000, асессорам по 600. Сия дача имеет быть с тем, что они могут получить из своих месть, а именно: архиереи из епархий, архимандриты из монастырей, а протопопам с их жалованьем»[601].

В то же время происходили суждения и о выборе некоторых кандидатов в советники и асессоры. Президент и вице-президенты были уже, так сказать, с самого начала предопределены. Тоже и три архимандрита-советника: Петр, Леонид и Иерофей и два асессора: Иоанн, протопоп Троицкий, и Петр, тогда еще иерей Сампсоновский. Теперь привнесен был Гавриил, архимандрит Ипатский, и Андроник, иеромонах Александро-Невский, «который может быть архимандритом»[602]. Потом относительно асессоров оказалось, что в числе их четырех из протопопов будет один греческий черный священник, который и был внесен безлично в список предполагаемых членов Синода[603].

25 января подписан государем манифест об установлении Святейшего Синода[604]. 27 января члены, бывшие в Петербурге, принесли должностную присягу[605].

Подлинного документа о назначении членов Синода не сохранилось в сенатском деле[606]. По всей вероятности, указы об этом сказаны были в Сенате изустно государем, притом не в один раз, и остались незаписанными. По крайней мере, сам Синод, разрешая чрез два с половиною года вопрос о сроке, с которого началась должностная служба его членов, не мог сказать ничего определенного и выразился так: «указ, за собственною его императорского величества рукою, об определении духовного правительства состоялся, и всем синодальным членам в Сенате сказан, и присягу они учинили до 14 февраля в разных январских и того месяца (т. е. февраля) в первых числах»[607].

29 января Сенат, во исполнение царского указа, послал указ московскому вице-губернатору Воейкову «выслать в Петербург, в духовную коллегию, без промедления, всякие указные книги и дела патриарших духовного и казенного приказов, кроме вотчинных и по сборам доходов, с дьяками и подьячими и при них прочих служителей»[608].

Тем временем «духовная коллегия», еще не открытая, признавалась

уже существующим фактом. Феодосий оставлял подлежавшие ему прежде дела до разрешения их ею[609], и Сенат прямо направлял некоторые дела на «разрешение духовной коллегии»[610].

XV

4 февраля Макаров писал сенатским секретарям: «благородные господа секретари. Понеже духовной коллегии советники и асессоры все сюды уже прибыли, для чего царское величество указал, чтобы дом покойного генерал-лейтенанта Брюса отдан был в их диспозицию и что надобно на первой час им на содержание той коллегии денег, а именно на покупку дров, свечей, бумаги и прочаго, также на убор тех светлиц, а именно на обои, на столы, на стулья, и о том вместе донесть Правительствующему Сенату, дабы немедленно велели отпустить к ним, ибо без того не можно им будет сидеть. Слуга ваш Алексей Макаров»[611]. Сенат решил отпустить тысячу рублей и 6 февраля дал о том указы в штатс-контор-коллегию и «президенту духовной коллегии», митрополиту Стефану[612].

8 февраля получено было следующее письмо от кабинет-секретаря Макарова: «Ясне освященные архиереи. Ея величество, всемилостивейшая государыня царица Екатерина Алексеевна указала вашей превелебности напомнить, чтоб при первом случае вашего собрания изволили выслушать дело князя Григория Федоровича Долгорукова с Василием Федоровичем Салтыковым, ибо он, князь Григорий Федорович, недолго здесь будет жить и паки поедет в Польшу».

Долгорукий был нашим послом в Польше, теперь приехал в Петербург, и Петр, крайне его уважая, показывал ему весь новосозданный город, развозя по всем более или менее примечательным местам[613]. Дело его с Салтыковым состояло в том, что дочь Долгорукого, бывшая замужем за Салтыковым, бежала от мужа, вследствие дурного обращения его с нею, и просила развода[614].

На следующий же день, 9 февраля, оба вице-президента, все советники и асессоры будущего Синода в 8 часов утра собрались на Невском подворье, слушали дело Долгорукого с Салтыковым и определили истребовать это дело из юстиц-коллегии в духовную коллегию и допросить Салтыкова. Советник, архимандрит Петр, «был послан к президенту, митрополиту Стефану, дабы он, преосвященный митрополит, был в собрании на Невское подворье, как и прочие». Вернувшись, Петр «объявил, что преосвященный в собрании не будет, а отговаривается, что немощен»[615].

В этом же заседании, 9 февраля, «по предложенному царскаго величества указу, в помянутом собрании удостоили в четвертого асессора

и обер-секретаря духовной коллегии Александро-Невского иеромонаха Варлаама Овсяникова». Но так как назначение на должности Синоду еще не было предоставлено, да и сам Синод пока официально не существовал, то об этом избрании отправлен был мемориал в Сенат, подписанный всеми членами Синода, кроме митрополита Стефана[616].

XVI

Наконец, наступило 14 февраля, вторник. Утром в заседании Сената выслушан был мемориал членов Синода об избрании Овсяникова в асессоры и обер-секретари. Определено: «по требованию духовной коллегии иеромонаху Варлааму Овсяникову быть в той коллегии асессором и обер-секретарем, и для того привесть его к присяге»[617]. В богослужебные часы Троицкий собор, в котором была назначена церемония открытия Синода, наполнился многочисленным собранием духовенства, чинов и народа. Присутствовал и государь. За литургией Феофан Прокопович, бывший уже с нового года в сане архиепископа, говорил проповедь. Начав текстом из Евангелия от Иоанна XV, 16: «избрах вас и положих, да вы идете и плод принесете, и плод ваш пребудет», – Феофан продолжал: «это слово, которое Господь сказал к ученикам Своим, когда, избрав их, посылал на дело апостольское, ныне невидимо присутствующий здесь Христос говорит и к вам, «новый Правительствующий духовный Синод», когда премудрым попечением Своего помазанника, а нашего монарха, его уставлением и повелением, посылает вас на дело правительства Церкви Российской. Ибо «духовной синедрии» вручается часть дела апостольскаго».

Двигателем каждого дела является или поощрение, или угроза. Для Синода поощрение – в добрых плодах его, угроза – в истязании Господнем за небрежение духовного служения.

Упомянув затем о весьма важном вопросе, какой пользы следует ожидать от Синода, Феофан не стал отвечать прямо, а уподобил такой вопрос вопросу слепого, который бы стал спрашивать, почему это всем нравятся красивые лица. А после этого Феофан перешел к изображению темного фона современной церковной жизни, требовавшей усиленной деятельности духовного правительства. Нужно дело твое, «духовная коллегия»: нива широка, делателей требуется много.

Затем следовала похвала Петру – преобразователю, сравнение его с Давидом. Давид, посвятивший всю жизнь устроению своего государства, никогда не упускал мысли о завершении своих трудов на пользу народа постройкою храма. Ему этого не суждено было сделать; сделал за него Соломон. И в России, после всех преобразований Петра, не доставало только «Церкви созидания». Теперь Петр восприял и давидову славу, и соломонову.

Заканчивалась эта проповедь, сильная по выразительности, но

небольшая по объему, всего в восемь небольших печатных страниц, приглашением всех к содействию новому духовному правительству[618].

После литургии был благодарственный Господу Богу молебен, совершенный всеми одиннадцатью членами Синода, а после молебна тут же в церкви состоялось объявление об учреждении Святейшего Синода. Затем члены Синода и государь со всеми министрами прибыли, в десять часов утра, в назначенный для заседания Синода дом и здесь, при такой торжественной обстановке, состоялось «первое на местах своих по порядку заседание» членов Синода. Наконец, после заседания и поздравлений, в час дня все разъехались[619].

А затем, при бланковых печатных указах от 28 февраля, Сенат разослал по всей империи отпечатанный в Петербурге 9 февраля высочайший манифест от 25 января об учреждении нового духовного правительства[620].

Лет двадцать спустя, статский советник Михаил Аврамов, в поднесенной императрице Елисавете книге, рассказывал сказку, что «за подписание духовного регламента, неправо сочиненного архиепископом Феофаном, во время святой литургии, при нем, Аврамове, по сочинении оного регламента и по учреждении Святейшего Синода, пет был благодарственный молебен, и его императорское величество в здравии своем вдруг изменился, и он, Аврамов, признает, что эта внезапная перемена в здоровье государя воспоследовала по воле Всемогущего за подписание государем духовного регламента»[621].

XVII

После открытия Синоду предстояло покончить с патриаршеством в России. В первое же заседание Святейшего Синода 14 февраля 1721 года Синод поднес государю на утверждение семь пунктов, из которых два касались патриаршества. Первый пункт гласил: «в церковных служениях, где было патриаршее имя возносимо, вместо него Правительствующаго Духовнаго Собрания именование возносить ли по нижеположенной форме?» Форма: «о Святейшем Правительствующем Собрании, честнем пресвитерстве» и прочее. Примичание: «этот титул – Святейший – никому не присвояется в отдельности, но только всецелому собранию». Государь положил на этот пункт резолюцию: «о Святейшем Синоде, или о Святейшем Правительствующем Синоде». Пятый по порядку пункт говорил о передаче в ведение Святейшего Синода, вместе со всеми церковными, и патриарших вотчин. Пункт этот был государем утвержден[622].

Указы о возношении именования Святейшего Синода за богослужением, вместо патриаршего имени, были тотчас же разосланы и разносили по епархиям вести о новом церковном управлении. Любопытно, что 14 марта 1721 года Ростовский преосвященный Георгий рапортовал уже Синоду о рассылке этих указов по своей епархии[623], а между тем распоряжение Синода об этом в Петербурге и его окрестностях разослано было только в августе 1721 года[624].

8 марта 1721 года Синод положил определить для управления делами патриаршего духовного приказа особое лицо под ведением управлявшего патриаршею областью митрополита Сарского Игнатия, но самый приказ все еще не был уничтожен, хотя по сенатскому указу еще до открытия Синода велено было из патриаршего духовного приказа всякие указные книги и дела, что касается к духовной коллегии, выслать в Петербург с дьяками и подьячими, и при них служителей[625]. Между тем в Костроме прибывший туда в августе 1721 года синодальный советник архимандрит Ипатский Гавриил счел нужным переименовать существовавший там патриарший приказ духовных дел в приказ синодского правления[626].

12 марта затребованы были из патриаршей ризницы и печатного двора в Синод древние рукописные патриаршие служебники, по которым служил патриарх Никон и его предшественники, до издания печатного архиерейского служебника. На печатном дворе рукописных служебников не оказалось, а в патриаршей ризнице нашлось четыре: один харатейный

1313 года, другой патриарха Иова 1604 года, остальные два без означения годов. Все они были доставлены с дьяком в Петербург, в Синод[627].

21 апреля, по силе высочайшей резолюции на пунктах 14 февраля о передаче церковных вотчин в ведение Синода, Синод объявил, что впредь вотчины бывшего патриаршего дома, как и все другие церковные, ведать в Святейшем Синоде[628].

21 мая вышло объявление от Синода о причинах, по которым прекращено за церковными служениями возношение патриаршего имени[629]. Дело в том, что имя восточных патриархов, как удостоверяет Синод, стали возносить только в междупатриаршество, а ранее, при московских патриархах, более ста лет этого не было[630].

Был разговор между некоторыми, – начинается объявление: надлежит ли по долженству в Российской Церкви при всенародном собрании возносить имя восточных греческих патриархов. Иные утверждали, иные отрицали. Для уяснения спора предлагалось обратить внимание на то, что возношения имен за богослужением бывают различны, на причины возношения и на практику других восточных Церквей.

Возношение бывает общее и собственное. Общее, когда воспоминаются в одном имени многие лица одного или разных чинов, например, благоверные правители, причет церковный, христолюбивое воинство. Собственное, когда лица воспоминаются поименно, благочестивого государя нашего такого-то, епископа имя рек, или хотя воспоминаются и не поименно, но немногие определенные лица в одном общем имени, всем известные, например, благочестивые государыни наши царицы, благородные государыни наши царевны. И воспоминание патриархов, хотя и не поименное, также будет собственным, потому что их немного и их престолы всем известны.

Затем, возношение бывает или тайное, в молитвах, на проскомидии, перед престолом, или явное, когда священник или диакон воспоминает чье-либо имя вслух всей Церкви. Наконец, есть воспоминание постоянное, как государя в государстве, епископа в епархии, и есть временное, чрезвычайное, как брачующихся при браке или умерших при погребении.

Собственное, явное и всегдашнее возношение имени бывает только когда выражается подчинение воспоминаемым лицам; ведь не воспоминаются чужие государи, хотя бы и православные, чужие епископы, но только свои, начальствующие, владычествующие. Бывает, когда архиерей служит в чужой епархии, с дозволения местного архиерея, возносится имя, когда он служит, но это возношение, хотя собственное и явное, но не всегдашнее, и потому не означает подчиненности.

В Греческой Церкви, как и в Латинской, и в Русской, воспоминают за богослужением всех знатнейших епископов, т. е. патриархов и митрополитов, но воспоминают тайно. А явное, собственное и всегдашнее возношение имен лиц духовной иерархии в Греческой Церкви бывает такое: пресвитер возносит имя своего епископа, епископ архиепископа и митрополита, митрополит – патриарха. В монастырях ставропигиальных, изъятых из подчинения епархиальному архиерею и подчиненных непосредственно патриарху, возносится только имя патриарха; если же иеромонах ставропигиального монастыря служит в церкви епархиальной, он поминает имя только местного епископа. А когда патриарх сам священнодействует, то «по Достойне» сам возглашает: «во-первых, помяни, Господи, все епископство православных», а за ним архидиакон возносит поименно всех четырех патриархов, начиная со своего. И это возношение бывает только однажды за литургией «по Достойне», а на первой ектении возносится только имя своего епископа. В Российской Церкви, когда она вышла из подчиненности Константинопольскому патриарху и стала иметь своего патриарха, нигде по церквам не было возносимо имя патриарха цареградского или вообще патриархов, но только своего патриарха. А когда священнодействовал сам патриарх, тогда только сам возносил имя вообще православных патриархов, – сам возносил, а не архидиакон, как у греков, по «невежеству» греческого обычая.

Из сказанного ясно, что у нас не надлежит быть собственному, явному и всегдашнему возношению имен патриарших. Российская Церковь – Церковь самостоятельная, независимая от патриархов; при патриархах российских возношения имен восточных патриархов не было, за исключением когда служил сам патриарх; не воспоминая патриарших имен, греков не обидим, так как и сами они не воспоминают.

Затем, объявление опровергало «невежественное мнение», будто на свете могут быть только четыре «вселенские» патриарха и будто все Церкви мира должны быть под властию которого-нибудь из них. «Высокость» этих патриархов – значение архиерейских их кафедр – основано на высокой чести городов, где они были. Вселенским называется только патриарх Константинопольский, а почему, неизвестно, власти над вселенной, подобно папе римскому, он не имеет и не изъявляет притязания на нее. Это простой титул, как ничего не означает и титул патриарха Александрийского – вселенский судия. Наконец, история показывает, что четыре патриарших престола никогда не обнимали своею властью всей вселенной и всегда были Церкви, от них независимые:

Карфагенская, Кипрская и другие в древности, Московская в недавнее время. Неподчиненность патриархам Кипрской архиепископии утверждена даже Третьим и Пято-Шестым Соборами. Были патриархи московские, сербские, болгарские. Так что, очевидно, не все епархии обнимались властью четырех патриархов.

Возражение, что Российская Церковь должна возносить имя патриархов как младшая, потому что от них приняла свет Христовой веры, опровергается тем, что Русская Церковь приняла христианскую веру не от четырех, а только от одного Константинопольского патриарха. Да если бы придерживаться такого принципа, все Церкви должны бы поминать имя одного Иерусалимского патриарха, откуда все приняли веру.

Наконец, может кто сказать, что возносить имя патриархов явно в церквах следует ради христианской любви. Ответ: христианская любовь не разрушает порядка и справедливости, так же, как порядок и справедливость не разрушают любви. Не должен властелин ради любви подчиняться своему подчиненному, но должен, конечно, повелевая со властию, не разрушать любви к нему. Также не поступают против любви и старшие епископы, занимая место выше других. Иначе христианская любовь явилась бы виновницей всякого смущения, нестроения и бесчестия.

Если бы у нас продолжалось возношение патриаршего имени, то это могло бы повести и к соблазну; многие «непокорные» могли бы подумать, что Синод подчинен патриархам или патриарху, и к ним переносить на апелляцию дело, решенное Синодом. И хотя от этого никакого результата не получилось бы, однако бы произошло в деле затруднение и пример бесстрашия для других; как бы, например, если бы кто, будучи недоволен мирским судом, захотел перенести дело на суд ангельский.

Итак, всякому ясно, «думаю», – заключало объявление: что у нас не подобает возносить имена патриархов за богослужением. Но так как у греков, когда служит патриарх, возносятся имена четырех патриархов архидиаконом после Достойно, то и у нас, только когда служит Синодальный президент, надлежит возносить чрез протодиакона имя патриархов один раз за богослужением после Достойно и после имени Синода, как своей правильной власти и как заключающего в своем имени «судию – самого монарха нашего»; но нигде в другом месте никому делать этого не надлежит.

Объявление написано для того, чтобы не смущались простые люди, недоумевая, почему явно не возносится в церквах российских имя патриархов[631].

Объявление было напечатано в форме довольно нарядной брошюры в четверть листа, славянским шрифтом, под названием: «О возношении имени патриаршего в церковных молитвах. Чего ради оное ныне в церквах российских оставлено. Напечатано в царствующем С.-Петербурге, повелением царскаго священнейшаго величества Петра I, всероссийскаго императора, благословением же Святейшаго Правительствующаго Синода. 1721 года, мая 22 день»[632]. Это «объявление» и было разослано по епархиям[633].

XVIII

Отмена возношения в церквах патриаршего имени была делом практически справедливым: не поминали нас, и мы отказывались поминать, тут являлась справедливая взаимность. Но предшествовавшая практика Российской Церкви была так христианственна, так сродна русской душе, томящейся вселенскою любовию, что отмена этой практики возбудила не только глухой или молчаливый протест, но вызвала и возражение президента Синода, митрополита Стефана. 9 июня он подал Синоду свое мнение, собственноручно написанное: «преосвященнейшие иерархи и прочие отцы святые и братья! Так как все члены коллегии по уставу должны иметь свободный голос, то предоставьте и мне свободный голос, который таков: мне думается, что в ектениях и явных церковных возношениях можно совместить и то, и другое, например, так: о святейших православных патриархах и Святейшем Правительствующем Синоде. Какой в том грех? Какой ущерб славе и чести российскому Святейшему Синоду? Какая неуместность или непристойность? А это было бы и Богу приятно, и народу весьма угодно. Что же касается резолюции государя на пунктах Синода, то она только говорит о том, как именовать коллегиум духовный в молитвах, и ничего не говорит об отставке патриархов в возношениях»[634].

Молодой Синод жестко обошелся со свободным голосом митрополита. Синод, слушав мнение и вопросо-ответы о чиноначалии восточных патриархов, согласно признал вопросо-ответы «неважными и не крепкими и в особенности же неполезными, но весьма вредными, нарушающими церковный мир, вредными для государственной тишины, покой полезный к беспокойству возбуждающими, возмутительными для народа, не знающего силы Писания, способными возбудить большое смущение, и постановил сохранить их в секрете в Синоде – для объявления государю по его прибытии, чтобы они не только в народ не проникли, но и вообще никому даже не были показаны, а митрополиту послать указ, чтобы он никому ни в каком случае не сообщал своих вопросо-ответов, а если кому сообщил, то чтобы немедля взял назад, под опасением «небезтруднаго ответа» пред государем, «если себя в том покажет упорна». Вместе с тем на мнение Стефана объявить ему, что регламент генеральный в 6-й главе устанавливает, что когда предложение по какому-нибудь вопросу записывается в протокол и потом обсуждается, то решение постановляется по большинству голосов, и такое решение, по царскому

указу 4 апреля 1721 года, должны подписать и те, которые держались иного мнения, и подчиниться большинству, между тем Стефан один является со своим голосом противником согласно постановленному всею коллегиею решению. Это дело не может быть отнесено и к разряду «сомнительных», относительно которых та же глава регламента рекомендует не спешить решением; – дело уже решенное, решение утверждено высочайшею волею, теперь только это решение публикуется в народ. Объяснение митрополита, будто высочайшая резолюция относится только к форме именования Святейшего Синода, независимо от уничтожения возношения имени патриархов, Синод назвал ложью: сам митрополит ведь подписывал пункты, в которых испрашивалось повеление, в какой форме возносить имя Синода вместо имени патриаршего. И в присутствии государя, согласно такой резолюции, уже возносилось имя Синода вместо имени патриаршего, и так возносится, и сам митрополит ни тогда, ни затем в продолжение четырех месяцев ничего против этого не возражал. В свое время митрополит подписал пункты без возражения, а теперь выступает со своим вредным и возмутительным сочинением, взнося ложь на Синод и возбуждая мир церковный к смятению. Ввиду всего этого вопросо-ответы митрополита от обнародования удержать, а напечатанное объявление неудержанно распубликовать и немедленно разослать с указами из Синода по епархиям[635].

26 июля 1721 года Синод постановил напечатать чиновник архиерейского священнослужения с заменою в чине литургии святого Василия Великого, святого Иоанна Златоустого и Преждеосвященных повсюду имени «патриарх» словом «архиерей», а в ектениях и на великом входе, где было моление о патриархе, печатать: «о Святейшем Правительствующем Синоде»; после Достойно, вместо возглашения патриарха «во-первых, помяни, Господи, святейшие православные патриархи», печатать: «во-первых, помяни, Господи, Святейший Правительствующий Синод, их же даруй» и проч., а когда служит «председатель» Синода, глаголет: «во-первых, помяни, Господи, Святейший Правительствующий Синод» и проч., а архидиакон, став при дверях, возглашает: «Святейший Правительствующий Синод и святейшие православные патриархи Константинопольскаго, Александрийскаго, Антиохийскаго и Иерусалимскаго (если председатель захочет, архидиакон может воспомянуть каждого и по имени) и приносящаго дары сия преосвященнаго имя рек архиерея Господеви Богу нашему; о спасении благочестивейшаго» и прочее. И во всех других службах, где печатано:

«патриарх», печатать: «архиерей». А где печатано: «архидиакон», в начале напечатать: «архидиакон или протодиакон», а далее повсюду печатать: «протодиакон», вместо: «архидиакон»[636].

14 августа, по повелению государя, Синод распорядился, чтобы впредь в Успенском соборе и в церкви Двенадцати апостолов бывшего патриаршего дома не творить при священнослужениях установленного поклонения патриаршим местам, в соборе и церкви, а также в крестовой палате и прочих тем подобных местах стоящие патриаршие посохи собрать и сдать в ризницу, «потому что по именному его царскаго величества указу установлен, вместо патриаршей персоны, Святейший Правительствующий Синод»[637].

5 июня поручено было полковнику Плещееву и судье монастырского приказа Ершову описать и поверить ризницу и казну бывшего патриаршего дома[638]. Затем 22 декабря Синод постановил вследствие распоряжения государя, объявленного архиепископом Феодосием, раздать из патриарших мантий и одежд на облачения в неимущие церкви, а что к облачению не удобно, раздать Синодальным членам и прочим служителям по рассмотрению, без оценки и безденежно. В высочайшем повелении, объявленном Феодосием, о «прочих служителях» не было упомянуто, о них прибавил Синод от себя[639].

XIX

30 сентября 1721 года Петр подписал грамоту к Константинопольскому патриарху Иеремии, в которой извещал патриарха об учреждении «Святейшего Духовного Синода». В грамоте государь повторял почти целиком свой манифест 25 января, затем продолжал: «оному Духовному Святейшему Синоду определили мы, чрез учиненную инструкцию, дабы Святую Церковь управляли во всем по догматам Святой Православной Кафолической Церкви греческаго исповедания неотменно, и оные догматы имели бы за правило непогрешимое своего правления, в чем оные и присягою в церкви, целованием святаго креста и подписанием саморучным обязали. И уповаем, что ваше всесвятейшество, яко первый архиерей Православныя Кафолическия Восточныя Церкви сие наше учреждение и сочинение Духовнаго Синода за благо признать изволите и о том прочим блаженнейшим, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому патриархам сообщение учините. И понеже мы… повелели тому… Синоду с вашим всесвятейшеством о всяких духовных делах сношение и корреспонденцию иметь, и тако просим и ваше всесвятейшество, да изволит со оным Синодом о касающихся до пользы церковной духовных делах корреспонденцию и сношение, яко же наперед сего со всероссийскими патриархи имели, содержать, и ежели в чем возжелает от вашего всесвятейшества какого благого совета, к пользе и лучшему устроению церковному, в том его для общей христианской пользы не оставить, за что мы с особливою нашею к вашему всесвятейшеству склонностию в требованиях ваших всякое снисхождение оказывать обещаем». В заключение грамоты государь сообщал патриарху о прекращении «двадцатиединолетней тяжкой войны» и заключении со шведами 30 августа, в Нейштадте, по милости Божией, весьма выгодного для русских вечного мира, выражал надежду, что это сообщение патриарху, как «молитвеннику нашему и верховному архипастырю», будет приятно и радостно, и просил отслужить торжественный молебен[640].

В делах архива Святейшего Синода за 1721 год сохранился и проект послания Синода к восточным патриархам о своем учреждении[641], составленный Феофаном[642]. Проект заключается заверением, что Синод выше всего ставит всецелое согласие в Православии с патриархами и не перестанет молить Бога об освобождении восточных Церквей от тяжкого турецкого ига и о возвращении им прежней свободы, чести и славы. Проект этот 30 декабря был послан государю[643].

Константинопольский патриарх Иеремия, в ответной грамоте, подписанной в Константинополе 1 февраля 1722 года, благодарил Петра за сообщения, изложенные в грамоте Петра от 30 сентября 1721 года, поздравлял с победою над шведами и с заключением мира и выражал пожелания, чтобы этот мир Учитель мира Христос хранил во веки нерушимо. В ответ на сообщение об учреждении Синода патриарх писал: «При сем и о том, что просите нас, чтобы быть согласным в приговоре о Синоде; который определил самодержавное ваше царское величество, и понеже в настоящее время ни един от купно-братий и сослужителей наших, патриархов сиречь Александрийскаго, Антиохийскаго и Иерусалимскаго, с нами не прилучился, но все в Богом вверенных им паствах обретаются и не во многом расстоянии времени сюда прибудут, и когда посоветуем и их намерение восприимем, как ваше царское величество нам объявляя определил, тогда без умедления о оном будем ответствовать и прошение конец добрый восприимет по благоугождению, намерению, изволению и хотению, о чем с прилежанием неленостно бодрствуем, имея попечение, дабы вскоре всесовершенно сбылося ваше хотение и прошение». И затем патриарх заключал грамоту следующими словами: «Бог же, всех милуяй и помиловав нас, да охраняет высоту и державу царскаго императорскаго величества всеблагостройно и всякаго противнаго и печальнаго приражения непричастно, и да укрепит вас с небеси всемогущею Своею властию предварять от славы в славу с преуспеянием и восхождением по божественному своему благоволению и угождению, дабы покрывал престол безнаветен, ненарушим, непоколебим и неподвижим, и по глубокой и благополучной славной старости да препроводит преемство ко пристойным роду вашему и потомкам свойственным и напоследок по земном царствии да сподобит и небесныя славы соувеселятися в присносущной и неизреченной радости купно-пребывательно и купно-всельно с праведными от века и святыми царями христоименитых людей. И молитва и благословение нашея мерности да будет с вашим царским величеством во вся дни жизни вашея»[644]. Грамота эта была получена чрез доктора Поликалу 1 апреля 1722 года.

В декабре 1723 года чрез коллегию иностранных дел были получены и ответные грамоты патриархов о признании и Святейшего Синода[645]. Два патриарха, Константинопольский Иеремия и Антиохийский Афанасий, на отдельных хартиях, но совершенно согласно во всем, кроме подписи, писали, что каждый из них «по благодати ж власти Всесвятаго, Животворящаго и Священно-начальствующаго Духа», «утверждает, закрепляет и объявляет»[646] «учрежденный в Российском государстве

государем императором Петром» Синод «своим во Христе братом святынь и Священным Синодом». Синод «имеет право совершать и установлять то же, что и четыре апостольских святейших патриарших престола». В заключение своих грамот патриархи напоминали о сохранении церковных обычаев и правил и добавляли, что в таком случае Синод «пребудет непоколебимым во веки»[647]. В особой грамоте на имя Синода Константинопольский патриарх писал, что патриарх Александрийский «отошел в вечные обители» и преемник ему еще не избран, а патриарх Иерусалимский «заболел и лежит на одре», почему от него и нет грамоты. Патриарх прибавлял, что на его личной заботе лежит получить утверждение и от других патриархов, если бы таковое понадобилось. Но довольно и этого, заканчивал патриарх[648].

Через три дня Антиохийский патриарх Афанасий, обращаясь к Синоду с просьбою о содействии к восстановлению утраченной жалованной грамоты Антиохийскому патриарху Макарию царя Алексея Михайловича, замечал: «по утверждению всесвятейшаго нашего собрата, вселенскаго патриарха, согласно утвердили мы и отныне впредь признаем вас о Христе братиею»[649].

XX

21 апреля 1721 года Синод снесся с Сенатом о присылке в Синод одного экземпляра духовного регламента «с подписью царскаго величества»[650]. После некоторого замешательства, из которого видно, что Сенату, по крайней мере, его канцелярии, не было в точности известно, где в то время хранились подлинные экземпляры регламента[651], Сенат, 2 июня, определил один экземпляр отослать в Синод, а другой оставить в Сенате[652]. В Синод был прислан тот экземпляр духовного регламента, который оставался в Петербурге и не был подписан представителями епархиального духовенства[653].

В сентябре Синод напечатал духовный регламент в петербургской типографии[654].

8 ноября 1721 года Синод определил напечатанный по именному указу духовный регламент немедля разослать по всем епархиям к архиереям и послать обоим протоинквизиторам, чтобы каждый из них тот регламент при себе имел и чтобы всякий архиерей знал, как должно по нему поступать и чего блюстись, а инквизиторство бы знало, в чем состоит должность архиереев и других духовных персон и в чем за ними оно должно наблюдать. Велеть выслать следуемую за печатный экземпляр цену и подтвердить об исполнении по регламенту каждым своей должности[655].

19 ноября Синод решил препроводить печатный экземпляр духовного регламента и в Сенат[656].

По получении патриарших грамот Синод 22 июля 1724 года постановил сообщить копии грамот в Сенат и в коллегию иностранных дел[657], а 3 августа решено было разослать их и по всем епархиям, с приказанием, чтобы во всех монастырях, соборных и приходских церквах эти грамоты немедленно по получении были прочитаны при собрании народа[658].

XXI

В печатном экземпляре регламента, кроме текста, подписанного иерархами, государем и сенаторами, Синод нашел возможным поместить «приполнение», содержащее «правила причта церковнаго и чина монашескаго». Сохранился рассказ, что это прибавление было издано без ведома государя и государь впервые узнал о нем от священника Казанской церкви в Петербурге Тимофея Семенова, будучи у него восприемником на крестинах. Государь, будто бы, тотчас же пожелал видеть это прибавление, и когда просмотрел его, сказал, что он этого еще не видал и это ему не было представлено в доклад на апробацию. Рассказ сообщает что «после его величество, может быть, синодальным членам изволил выговор учинить, и вскоре оное прибавление от регламента отменено быти стало и совсем уничтожено», и только в 1722-м уже году представлено Синодом государю на апробацию, «и его величество повелел регламент купно с прибавлением вновь напечатать в Москве церковными литерами»[659].

Что действительно с первым изданием регламента произошло недоразумение, видно из определения Синода 19 ноября 1721 года, по которому решено было послать в Сенат печатный экземпляр регламента без «приполнения»[660].

Но затем прибавление, изъятое до времени из употребления, было показано царю, просмотрено им, исправлено и разрешено к печати. В постановлении о напечатании этого прибавления Синод, в мае 1722 года, замечал, что хотя в духовном регламенте, в делах епископских, и содержатся правила как священного, так и монашеского чина, но так как они недостаточны и царским указом при объявлении регламента Синоду предоставлено дополнять регламент новыми правилами, то ввиду этого и составлено дополнение – «правила причта церковнаго и чина монашескаго», «соизволением его императорскаго величества и согласием Святейшаго Правительствующаго Синода и подписанием рук всех членов синодских утвержденныя»[661].

Правила «о пресвитерах, диаконах и прочих причетниках» требовали, чтобы в служители Церкви избираемы были люди сведущие, по возможности образованные и непременно благонадежные, но так как приходилось мириться пока со священством необразованным, то правила предлагали разные наставления священникам касательно совершения Таинств, преимущественно исповеди, и относительно разных

обстоятельств пастырской практики и приходской жизни.

В правилах для причта церковного Синод оговаривался, что «довольно священству и диаконам наставленья предал Бог Павлом апостолом», и если бы они все, заповеданное им, хранили, Церковь не требовала бы больше правил и уставов. Но так как «церковный причет немало развращен по времени явился», то к правилам апостола Павла святые отцы на разных соборах прибавили новые правила, соответственно потребностям времени. И так как в церковном причте Российской Церкви есть свои немощи, то надлежит сочинять для него, по примеру древних отцов, и свои правила, слову Божию согласные, чтобы и епископы знали, чего должны требовать от подведомого им клира, и клир знал «прямой путь своего звания».

В правилах чина монашеского было сказано, что «чин монашеский», который «в древния времена был всему христианству» как зеркало и пример покаяния и исправления, в эти времена «развратился во многия бесчиния». Правила содержали наставления, «кого и как принимать в монахи», «о житии монахов», «о монахинях», «о монастырях», «о настоятелях монастырских»[662].

Государь слушал и собственноручно исправлял это дополнение в последних числах апреля и первых мая, потом все написанное одобрил к напечатанию и распубликованию[663]. Синод в мае же определил напечатать столько экземпляров «прибавления», сколько было ранее напечатано экземпляров «регламента», и таким же шрифтом, и затем разослать по епархиям, в дополнение к разосланным уже регламентам[664]. Но рассылка и вообще выпуск были задержаны вследствие случившегося недоразумения. Государь 13 июля написал Синоду из своего Астраханского похода, чтобы «того, что хотели исправить в исповедях», до возвращения государя не печатать. Синод понял так, что эти слова касаются именно того, что говорится об исповеди в прибавлении к регламенту, но, очевидно, в крайнем недоумении по поводу такого повеления решился просить у государя разъяснения. Петр ответил: «а что сумневаетесь опубликовать регламента духовнаго, будто по моему письму, и в том разум того письма весьма не то гласит: что тех не печатать, которых я не видал и не апробовал, а не те, которые уже читаны и апробованы»[665]. Выяснилось, что государь имел в виду предполагавшееся исправление требника. 28 сентября 1722 года Синод определил: новонапечатанный духовный регламент с прибавлением, еще не распубликованный в народ и удержанный от продажи, распубликовать, пустить в продажу и разослать по епархиям, теперь без удержания[666].

Впоследствии «царский» титул государя в регламенте был заменен, где следует, императорским[667].

XXII

Какие же изменения Петр внес в прибавление к духовному регламенту? Изменения эти следующие.

В трактате о пресвитерах, диаконах и прочих причетниках, в пункте пятом, где требуется от священника, при рукоположении, присяга, что не будет укрывать раскольников, Петр приписал: «при вышеписанной присяге должен и в верности государю своему присягу чинить, и объявлять всякую противность; также которыя правилами велено объявлять дела, кто хотя и при исповеди скажет, но в том не кается, ставя себе за истину, как то учинил Талицкой; а отец духовный, хотя ему в том претил, однако ж его причастил Святых Таин и не объявил, чая грехом то доношение». Синод внес в текст прибавления первую половину петровой приписки, а вместо второй половины, со слов: «но в том не кается», написал: «но не раскаивается и намерения своего не отлагает, как ниже сего под числом 11 ясно показано».

Пункт одиннадцатый в первом синодальном тексте читался так: «аще какой грех покажется духовнику неудобь рассуждаемый, то есть как тяжкий и коего исправления и епитимии требует, да идет духовник к своему архиерею и, не именуя лица кающегося, грех только предлагать обстоятельно и рассуждения просить должен». Петр написал против этого пункта: «надлежит прибавить священникам о причащении изъяснение, понеже держатся за требник, как слепые, и кажут, что написано, а толку не знают, и тако лет по 20 и более есть не причащающихся, хотя желают. Также и при самой смерти того не чинят, как мне самому случилось видеть, а говорят, что без епитимии нельзя, а когда оную иметь, понеже больному, понеже смерть не ждет». В силу этого замечания и в соответствие с обещанием, высказанным в пятом пункте, Синод заменил коротенький одиннадцатый пункт длинными рассуждениями, изложенными в четырех пунктах. Одиннадцатый параграф теперь требовал, в силу именного указа 28 апреля 1722 года и синодального разъяснения 17 мая 1722 года, чтобы священник, в случае открытия ему на исповеди кем-либо злоумышления против государства или государя и нежелания оставить такое злоумышление, немедля объявлял подлежащей власти, что такой-то таит злоумышление, не открывая самого злоумышления никому, кроме тайной канцелярии или преображенского приказа, которые разбирают подобные дела, и куда будет препровожден местными властями оговоренный. Двенадцатый пункт требовал, чтобы

священники объявляли немедля также открываемый им на исповеди «сделанный уже соблазн», например, если кто откроется, что разгласил ложное чудо, которое стали принимать за истинное. Тринадцатый пункт повторял в некотором перифразе прежний текст одиннадцатого пункта. Четырнадцатый пункт начинался легким перифразом государева замечания об епитимиях и что «смерть не ждет», а за ним следовало изложение мнений об епитимиях Василия Великого, Иоанна Златоустого и Трулльского собора, подтверждавших смысл замечания Петра.

В пункте пятнадцатом, по новому счету восемнадцатом, при изложении, что «от попов, скрытно живущих по дворам, многая деются беззакония» и, как пример, «дети, от блуда рожденные, ради утаения крещаются», против последних слов Петр, подчеркнув их, написал: «кажется, не надобно». И этот неудачный пример в новом тексте выпущен.

В пункте шестнадцатом, по новому счету девятнадцатом, запрещавшем священникам идти на служение к не освидетельствованным чудотворным местам, «под жестоким штрафом», Петр перед последними словами сделал вставку: «но должны доносить архиереям своим, а народу запрещать».

В пункте семнадцатом, по новому счету тоже девятнадцатом, так как прежние пункты шестнадцатый и семнадцатый в новом тексте соединены в один пункт, Петр в конце прибавил об обязанностях священника: «також должен во время пения по возможности, а в литургию весьма запрещать, чтоб перестали говорить, и о сем выходя говорить не обинуяся и не маня никому, какого б сана высокаго ни был».

Восемнадцатый, по новому счету двадцатый пункт вменял священнику в обязанность наблюдать, чтобы в приходе не появлялись какие-либо лжеучители – под штрафом, «каковый епископ определит». Петр поправил: под штрафом «лишения священства и мирскаго наказания».

Пункт двадцатый, по новому счету двадцать второй, сообщая о намерении государя обеспечить приходское духовенство, писал, что «когда сие станется, то священники должны будут и малейшаго за службы своя, им определенныя, награждения не искать, разве кто с доброхотства своего похощет нечто подарить». Петр прибавил: «но и то, чтоб не в то время, когда священник потребу исправляет, но несколько недель спустя».

Пункт двадцать первый, по новому счету двадцать третий, был направлен против практиковавшегося поставления священников к церкви «свыше потребы». Петр написал: «надлежит определить именно, сколько у какой церкви священников и диаконов и прочих служителей, понеже

многие бежа от службы или потом ставятся и в причт принимаются». Синод изложил это замечание так: «и излишних священнослужителей ни под какими виды не ставить, понеже многия ставятся и в причет принимаются, бежа от службы. Чего ради определится вскоре указание оных быть числу».

Двадцать седьмой, по новому счету двадцать девятый пункт требовал, чтобы священники вели метрические книги и ежегодно представляли их в архиерейский приказ. Петр приписал: «а сколько родится и умрет, по всякие четыре месяца от архиерейских приказов в Синод». Синод изложил эту приписку так: «а сколько родится и умрет, по всякие четыре месяца рапортовать в архиерейские приказы, а из архиерейских приказов о том уведомлять письменно в Синод».

В новом издании в двадцать пятом пункте, по новому счету двадцать седьмом, к требованию, чтобы священник своих сыновей, за исключением разве одного, не оставлял при своей церкви дьячками, но отдавал бы к другим церквам, сам Синод добавил: «или в иной честной жития промысл».

XXIII

В трактате о «монахах», в четвертом пункте, воспрещающем принимать в монашество одного супруга при жизни другого, против слов: «а хотя бы и была причина к разводу довольная, однако ж сего не делати мужеви с женою самовольно, а представлять о том разводе епископу своему», – Петр написал: «поговорить о сем». Замечание это не имело никакого результата, текст остался прежний.

В десятом пункте, воспрещавшем вступать в монашество с вкладами, во избежание неприличного отношения вкладчиков-монахов к облагодетельствованным ими монастырям, как к своим вотчинам, после слов: «отселе вкладов и вкладчиков таковых не принимать», Петр написал: «написать штраф именно». Синод добавил: «а ежели кто примет, извержен будет своего настоятельства».

Пункт шестнадцатый, однако, разрешал принимать вклады от поступивших в монастырь, но, между прочим, только после трехлетнего «искушения». Петр подчеркнул это слово и написал: «времени от дня пострижения». Однако «искушение» осталось и в новом тексте.

Восемнадцатый пункт рекомендовал ввести в монастырях, во избежание праздности, какие-либо «художества, например, дело столярное и иконное». Петр добавил: «и прочее, что не противно монашеству, а монахиням пряжу, шитье и плетения кружев и прочаго».

В тридцать втором пункте предписывалось ловить волочащихся монахов «учрежденным от Правительствующего Синода»; Петр приписал: «и гражданским».

После тридцать пятого пункта, которым заканчивались правила «о монахах», вследствие замечания Петра, что «надлежит приписать», приписан тридцать шестой пункт, воспрещающий монахам держать по келлиям бумагу и чернила.

Вследствие этой прибавки целого пункта счет пунктов дальнейших по прежнему и новому текстам разнится на единицу, так что прежний пункт, например, тридцать шестой стал в новом тексте тридцать седьмым, и т. д. В этом тридцать седьмом пункте, трактующем о том, что женские монастыри должны быть всегда на запоре, Петр приписал: «лучше бы учинить сие. А понеже все почитай монастыри имеют церкви на воротах, где надлежит крыльца сделать на улицу к церкви, а от церкви быть одним дверям, и то в игуменьины келлии. И ежели где есть какие мощи и прочее, чего ради люди обыкли вящше ходить, то перенести на вороты ж, дабы

никто не мог претензии сыскать идти в монастырь». Синод опустил слова: «лучше бы учинить сие», все остальное внес в новый текст прибавления и еще прибавил от себя: «и пресечения ради подозрительства никому, как мирским, так и монахам, по кельям ходить никогда не попускать, но весьма то жестоко запретить».

Сорок первый пункт требовал, чтобы монахини в церкви не стояли среди народа, но «да определит им епископ собственное в церкви место», где им стоять одним. Петр заметил: «а лучше бы крылошанки на хорах, а прочия в трапезе». Синод написал вместо прежнего текста: «определить крылошанкам на хорах, а прочим в трапезе».

К пункту сорок четвертому, воспрещающему строить «скитки пустынные», Петр приписал: «ктомуж пустыням прямым быть в России, холодного ради воздуха, не возможно; ибо в Палестине в пустынях есть довольно плодов, чем питаться, и тако может весьма от миру отлучиться; здесь же без пашни, рыбы, огородов, пробыть не возможно, что тайно и уединенно быть не может». Синод внес эти слова полностью в свой новый текст и прибавил после слов: «в Палестине в пустынях» – слова: «и в прочих теплых странах».

Против пункта сорок пятого, трактующего о том, чтобы в монастырях не было излишних церквей, Петр написал: «надлежит умеренное число церквей положить при монастырях». Синод тогда свой прежний текст дополнил словами в скобках, что церквей должно быть в монастыре не более трех: соборной, трапезной и больничной.

Против пятидесятого пункта, который говорит о том, что нерадивый настоятель должен быть лишен настоятельства и на его место надлежит «советом братии избирать иного», Петр написал: «кажется, надлежит прибавить, чтобы сие чинили с воли епископа своего». Замечание это осталось без результата.

Кроме того, сам Синод сделал следующие дополнения. В пункте третьем, воспрещающем постригать неграмотных, добавлено: «кроме собственнаго императорскаго величества указу и синодальнаго определения». В пункте двадцать первом, воспрещающем монахам выход из монастыря «в гости», добавлено: «а пресечения ради всякаго подозрительства, в мирские домы, паче же в девичьи монастыри монахам, без благословной вины, которой уже по самой беспорочной потребе преминуть не возможно, отнюдь не ходить, под жестоким наказанием». В пункте сорок шестом, рекомендующем построить при монастырях странноприимницы или лазареты, добавлено: «тогда, когда все прежния их монастырския вотчины с доходами к тем монастырям отданы будут»; и в

конце этого пункта, к словам, что призреваемых в монастырских странноприимницах или лазаретах должно будет «покоить», добавлено: «по подобию показаннаго в морском регламенте о таком покое учреждения».

К сорок шестому пункту в экземпляре, бывшем у Петра, вклеен дополнительный полулист, написанный канцелярским почерком, но с NB, поставленным рукою Петра. Полулист этот следующего содержания.

«Надлежит определить лазареты по всем тем монастырям, за которыми вотчины есть, например, чтоб монахов не было более двух третей, а довольно половины, понеже что меньше монахов да искуснее, то лучше будет и довольнее странным и больным пред теми, которые в лазарете, выключая начальных, алтарных и крылошан, на лазарет число определять из доходов, чтоб давать другой половине чернецам (или черницам)[668] также и на лишки, которые сверх того остаются, а которые монастыри питаются трудами своими, тем малое число в лазаретах держать, однако ж надобно по апостолу: требованию моему и сущих со мною послужисте руце мои, – и братии служить больным и держать лазареты чисто и порядочно (взяв примерь из регламенту морского). Гостей, кажется, лучше трактовать настоятелю в трапезе, также и кто к которому брату придет, там же, а не по кельям. О неисходстве монахов потверже положить. К старицам по кельям весьма ходить запретить, но в трапезе при игуменье. О молодых подумать в Синоде, понеже зело много есть убивства младенцев, ибо зело дорого дают о вычищенье нужных мест, понеже там множество оных погребается». Этот полулист остался не вполне использованным для нового текста.

Кроме всего этого, новый текст прибавления имеет небольшое предисловие и заключение, которых не было в прежнем тексте[669].

IV. Состав Святейшего Синода.

Члены Синода. – Президент – митрополит Стефан Яворский. Вице-президенты: архиепископы Феодосий Яновский и Феофан Прокопович. – Советники: архимандриты – Петр Смелич, Гавриил Бужинский, Леонид, Иерофей Прилуцкий, Феофилакт Лопатинский, Феофил Кролик. – Асессоры: протопопы Иоанн Семенов и Петр Григорьев, иерей Анастасий Кондоиди, игумен Варлаам Овсяников, иеромонах Феофил Кролик, грек Анастасий Наусий, иеромонах Рафаил Заборовский. – Жалованье. – Квартиры. – О вспомогательных источниках содержания членов Синода.

I

Состав Святейшего Синода определялся следующими словами духовного регламента: «число особ правительствующих довольное есть 12; быть же лицам разнаго чина: архиереям, архимандритам, игуменам, протопопам»[670]. Манифест 25 января 1721 года, об учреждении Синода, определял быть в Синоде одному президенту, двум вице-президентам, четырем советникам и четырем асессорам[671]: определено только одиннадцать членов. Первоначально, по-видимому, предполагались еще в составе Синода и «мирского чина честныя и благоразумныя особы». По крайней мере, о них упоминается в рукописном оригинале регламента, хотя и не при исчислении лиц, «из которых составляется духовное коллегиум»[672]. В печатный экземпляр это упоминание не вошло[673]; быть может, потому, что в рукописи оно осталось по недосмотру, ибо оно не соответствовало ни точнейшему последующему указанию духовного регламента в главе о составе Синода, ни действительности, так как светских лиц в Синод не было назначено. Регламент требовал, чтобы из двенадцати членов трое были архиереи, «а прочих чинов, сколько котораго достойных сыщется»[674]. Из четырех «чинов» духовенства, полагавшихся в Синоде, числу архиереев была отведена равная с прочими доля: три из двенадцати. Пестрота состава полагалась достоинством Синода в том смысле, что она исключала возможность «пристрастия, коварства, лихоимнаго суда», так как «отнюдь не возможно будет войти всем членам в тайное соглашение», если они будут «лица разнаго чина и звания: епископы, архимандриты, игумены и от властей белого священства». Нельзя вообразить, как бы они осмелились открыть друг другу «коварное некое умышление», тем более «согласиться на неправость»[675].

Относительно архимандритов и протопопов, входящих в состав Синода, духовный регламент требовал, чтобы они не были из подведомых заседающему в Синоде архиерею; потому что такой архимандрит или протопоп будет «непрестанно наблюдать, к которой стороне судимой преклонен его епископ», и сам «преклонен будет» к той же стороне, так что «две или три особы будут уже один человек»[676]. Само собою разумеется, что это требование относилось и к игуменам, хотя о них в нем и не упомянуто.

Из архиереев, входящих в состав Синода, упомянуто в духовном регламенте и в манифесте только о президенте. При исчислении причин установления «соборнаго правительства» вместо патриарха указана была и

та, что простой народ по неразумию своему почитает иногда патриарший сан выше царского сана. При «соборном правительстве», этого быть не может, потому что «здесь нет на президенте великой и народ удивляющей славы, нет лишняго блеска и почести, нет высокаго о нем мнения, не могут льстецы превозносить его безмерными похвалами», потому что не может быть приписываемо одному президенту все то хорошее, что делается (если делается) духовным правительством. «Самое имя президент не гордое», потому что означает не что иное, как «председатель», и не может ни сам он о себе «высоко помышлять», ни кто другой преувеличивать его значение[677]. В манифесте об учреждении Синода было сказано, что президент имеет в Синоде голос равный с прочими членами[678]. О всех членах Синода в духовном регламенте замечено, что они все, включая и президента, в случае провинности, подлежат суду Синода[679]: о том же упомянуто и в манифесте. В манифесте, кроме того, сказано, что все члены обязаны, «при вступлении в свое дело, учинить присягу, или обещание пред святым Евангелием, по приложенной форме»[680].

Общего названия для всех членов Синода не было установлено. В духовном регламенте они именуются «соседателями»[681], «коллегиатами»[682], в манифесте – «членами коллегии»[683]. Сами себя они называли, до открытия Синода, «коллегиатами»[684], после открытия «синодальными членами»[685], иногда – «синодалами».

Из внешних отличий членам Синода предоставлено было, по ходатайству архиепископа Феодосия, иметь крест на митре, по примеру архиереев греческих и малороссийских[686], архимандритам советникам – носить золотые наперсные кресты, «подобно архиереям»[687].

II

Президент, митрополит Стефан, с первого же заседания стал к Синоду в какие-то двусмысленные отношения.

На второе заседание он уже не прибыл, сказываясь больным. Под тем же предлогом отказался подписать и протокол первого заседания, хотя на заседании присутствовал. В журнальной синодской книге за 1721 год упоминание о присутствии Стефана на синодских заседаниях, не считая дня 14 февраля, встречается только с июня[688]. Но и после этого Стефан не часто бывал на заседаниях: за весь 1721 год всего двадцать раз[689]. В то же время его подписи под синодальными определениями начинаются еще с апреля[690], а в мае он уже подписывает и исходящие бумаги, как ведения Сенату[691]. Никакого влияния на синодальные дела решительно Стефан не имел. Все дела шли помимо его воли, намерений и часто – даже участия. Он оставался только декорацией, которая в движении действующих лиц не принимала участия. И, чтобы удержать Стефана в таком положении, Синод принял в отношении к нему такую манеру обращения, которая напоминает обращение с капризным, упрямым ребенком, пред которым стараются неизменно сохранять серьезный и строгий вид.

Со времени учреждения Синода Стефан постоянно был под каким-либо делом, которому можно было придать степень огромной важности. В 1720 году в тайной канцелярии судили сына кабального человека Любимова, который, как оказалось, лет восемь тому назад, движимый будто бы видениями и снами, сочинил акафист Алексею, человеку Божию, надеясь снискать чрез это милость царевича. На розыске Любимов от видений отказался, был присужден, за измышление чуда – ложь на Бога, ко кнуту, вырванью ноздрей и ссылке в вечную каторгу. Из расспросов оказалось, что его сочинения известны были митрополиту Стефану, который относился к ним одобрительно и некоторые даже исправлял. Ввиду этого Любимов послан был и в Синод. Феодосий и Феофан предложили Стефану вопросные пункты об его отношениях к Любимову. Стефан в ответах писал, что надо бы обратить внимание на время, когда сочинял Любимов свой акафист (1712 год) и когда началась «несчастная трагедия», т. е. суд над царевичем Алексеем (1718 год), и если обратить на это внимание, то у людей благоразумных и осмотрительных всякие тревожные мысли пропадут и подозрение будет рассеяно, как прах ветром. Чистая совесть – как непобедимый щит, в котором «угасают все разженные стрелы лукаваго» и, силою Божиею, угаснут и впредь, если еще

будут. Бог неповинных скрывает «в тайне лица Своего» от «мятежа человеческаго», прикрывает их «в крове Своем» от «пререкания язык». Подпись: «писал больною, но не трепещущею рукою, в Санкт-Петербурге, 24 марта 1721 года»[692].

В апреле 1722 года был доставлен в Москву монах пензенского Предтеченского монастыря Варлаам Левин, обвиняемый в том, что публично обзывал Петра антихристом. Монах оказался знакомым митрополиту Стефану. До монашества он служил в войсках, имел чин капитана, но впал в меланхолию. В 1716 году ему случилось быть в Нежине в то самое время, когда был там митрополит. Однажды, за обедней в новоосвященном храме Левин горько плакал. Митрополит заметил его, принял в нем участие и, узнав о желании его поступить в монахи, советовал ехать в Петербург, и в 1721 году, когда Левин действительно приехал в Петербург и получил отставку от военной службы, митрополит дал ему рекомендательное письмо к Соловецкому архимандриту. На допросе Левин сказал, будто митрополит говорил ему: «государь меня определял в Синод, а я не хотел, и за то стоял пред ним на коленях под мечем»; и еще: «и сам я желаю в Польшу отъехать»; на слова Левина, что Петр – антихрист, Стефан будто бы говорил: «нет, он не антихриста, а иконоборец». Начальник тайной канцелярии Ушаков, докладывая об этом государю, спрашивал, как и где допрашивать митрополита по этому делу, в Синоде или в тайной канцелярии. Государь, отправлявшийся тогда в Астрахань, дал резолюцию: когда важность касаться будет, тогда Сенату придти в Синод и там допрашивать и следовать, чему подлежит. 6 июля семь сенаторов и четыре члена Синода, ради болезни Стефана, явились к нему для допроса на дом. Предварительно допроса был подвергнут пытке бывший келейник Стефана. Стефан отрицал справедливость извета и закончил свое показание уверением, что «пред Богом и пред императорским величеством он приносит самую истину, так, как бы пред лицом Божиим, и если в своем ответе сказал что-нибудь не истинно, или хотя мыслью причастен тем злым словам, то ему во аде вечно мучиться с Иудою». Суд решил дать очную ставку Левину с митрополитом. Левин при виде Стефана весьма смутился, но утверждал то, что показывал ранее, а на следующий день объяснял, что он ожидал, что Рязанский архиерей «будет их», станет одесную Бога, авось Бог положит в его сердце желание пострадать, а когда увидел на очной ставке его благую персону, то хотя он и заперся, только плакал и пожелал ему царствия небесного. В том же месяце Левин был казнен и пред смертью просил прощения у тех, кого оклеветал, желая привлечь и их к своим страданиям, и, во-первых, у

митрополита Стефана[693].

Митрополит был допрашиваем формальным порядком по обвинению в государственном преступлении, влекущем лишение сана, а быть может, и смертную казнь. Положение, конечно, не легкое, хотя в те времена и обычное для высших сановников.

При таких условиях Стефан, президент Синода, принял в отношении к Синоду какой-то крайне неестественный тон. 24 августа 1722 года свое «доношение» Синоду с просьбою о выдаче ему жалованья он подписал, например, так: «прошу всесмиренно с нижайшим челопреклонением Святейшаго Синода, братий моих и благодетелей премилостивых. Смиренный Стефан, старец немощный»[694].

III

Когда митрополит Стефан только еще начинал свое монашеское поприще, в Киеве, он встретил своего благодетеля, митрополита Варлаама Ясинского, при возвращении с посвящения из Москвы, латинским стихотворением «Эхо», которое закапчивалось следующим стихом:

Quid, quaeso, est thronus?

– Onus[695].

Как эти слова впоследствии оправдались на нем самом!

С учреждением Синода Стефан оказался, несмотря на свое звание президента, лишенным и той частицы власти и значения, которую он все же еще имел в период междупатриаршества. Все общецерковные дела перешли к Синоду, в котором Стефан почти не участвовал, патриаршая область получила свое особое управление[696]. Проповедническую славу он должен был уступить новому светилу – Феофану Прокоповичу[697]. От собственной епархии он был слишком далеко, чтобы управлять ею непосредственно. Его постоянно мучили болезни. Еще в 1715 году он писал, что потерял силы, здоровье, энергию, зрение притупилось, сильно ослабели ноги, пальцы искривились на руках, камень замучил[698]. Кроме постоянного общего нездоровья, он часто подвергался тяжким припадкам болезни. Тяжко был болен в ноябре 1720 года[699]. 24 марта 1721 года подписывает свои ответы Синоду на допрос по делу Любимова «болящею» рукою[700]. В августе «больною» же рукою пишет письмо Казанскому митрополиту Тихону[701]. 1 января 1722 года по болезни не мог присутствовать на торжественном обеде в Кремле[702]. 6 июля 1722 года, ради его болезни, Синод и Сенат явились к нему на дом для допроса[703].

Разные неприятности следовали одна за другой. Казалось, сама судьба обрушилась на больного старца и усыпала конец его пути к вечности всевозможными бедами, чтобы ему не захотелось за гробом вспомянуть добрым словом грешную землю. Мечтая оставить после себя какой-либо памятник своей жизни, митрополит Стефан устроил Нежинский монастырь и отдавал ему все свои средства. Но вот, при конце жизни, он узнает, что так бережно собранное им достояние, которым он мечтал навсегда обеспечить монастырь, растрачивается без пользы легкомысленным настоятелем. Из одиннадцати тысяч основного капитала около семи оказались израсходованными. Стефан писал игумену: «я, бедный, отнимаю от своего довольства и посылаю вам, а вы, безбожные расточители, тратите это на свои избытки, пиршества и тому подобное.

Тогда лучше мне посылать в иной монастырь или раздавать бедным, чем доставлять вам в хищническия руки, на погибель вам, а мне на такую печаль». «Взглянуть на бороду – апостол, а на руки – вор», обращался он к игумену[704].

То неестественное положение, в котором очутился Стефан, и тяжелые для его личности условия, в которых он жил, отравляли его жизнь и лишали той продуктивности, к которой она была способна. Что он был человек высокообразованный, этого никто никогда не отрицал. Нравственная его личность была выше всяких подозрений. Трудолюбием он обладал необыкновенным[705]: «никогда не был празден»[706]. И при всем том: в своей епархии даже не учредил школы; своему брату, бывшему при нем экзаменатором ставленников, дозволял обогащаться на счет своих клиентов[707]; в преобразованиях петровых участия не принимал, а задержать тогдашнего могучего течения не мог. Вся жизнь сосредоточивалась на внутреннем огне, на бесполезном перегорании самолюбия, на болезни эгоизма. А между тем время жизни Стефана, время трудное для архипастыря, требовало крайнего напряжения всех производительных сил.

Не имея ничего веселого в жизни, митрополит Стефан задолго начал готовиться к смерти и успел так распорядиться своими личными делами, что на смертном одре ему по этой части не оставалось ничего сказать. Устроил судьбу своей библиотеки, которую страстно любил, обеспечил свой Нежинский монастырь, написал завещание, друзей просил молиться о нем после его смерти. Значительную часть своего «сокровища» – книг – митрополит Стефан передал в Нежинский монастырь еще раньше, чрез приезжавшего в Петербург игумена Епифания Тихорского. В октябре 1721 года он написал «тестамент», по которому все оставшиеся книги завещал также Нежинскому монастырю. Страстно любя книги, Стефан старался в «тестаменте» всячески обеспечить их судьбу. Книги должны были оставаться в монастыре на вечные времена и служить монахам для проповеднических целей. Он дал подробные правила устройства и содержания в монастыре библиотеки. Книги должны быть помещены в особой комнате, в шкафах, под особым наблюдением архимандрита. В хорошую погоду их надо просушивать, никому не выдавать вне библиотеки, и тому подобное. За растрату книг митрополит налагал проклятие[708]. Каталог книг сопровождался трогательным стихотворением на латинском языке. «Идите, милые книги, прежде так часто находившиеся в моих руках! Идите, слава моя, мой свет, мое сокровище! Идите счастливо, уже иных умы питайте и нектар ваш изливайте другим!

Увы, мне больше не придется питать вами свой ум! Вы доставляли мне сладость и радость, с вами мне жить было легко. Вы были моим богатством, моею славой, моим раем, моим утешением. Вы меня прославили, дали имени моему известность, чрез вас снискал я любовь великих мужей. Теперь, увы, судьба не велит мне более проводить с вами счастливые и радостные дни. Уже глаза мои покрываются вечною тьмой; уже не буду более держать вас в своих руках. Другая, вечная книга представляется моим взорам, которую хочет открыть мне грядущий Господь. Всякий найдет в ней написанными и свои дела, и помышления, и увидит сам награду по своим заслугам. О, книга, приводящая в ужас, которая пред страшным судилищем изобличит каждаго в его грехах. Когда я размышляю о ней, невольный ужас сковывает мои члены и сердце пронзает острая стрела! – О, Боже, отец мой, величайшая бездна любви, источник милосердия, причина благости, правитель моря, земли и высочайших небес! Ты, Котораго десница удерживает стремнины ярящихся волн и Котораго премудрость предписывает пути светилам! Тебя умоляю я, презренный червь, паутина, ничто. Воззри на меня и впиши имя мое в книге жизни кровию Христа, Который моя жизнь и мое спасение. Вы же, книги и сочинения мои, простите. Приобретенная трудами моими библиотека, прости! Простите, братья и сожители! Простите, все. Прости и ты, гостиница моя, любезная мать-земля! Прошу тебя, прими бренный состав мой в материнские свои объятия, ибо душа перелетит на небо, а кости остаются тебе»[709].

12 августа 1721 года митрополит Стефан писал Казанскому митрополиту Тихону: «настало уже время платить долг первороднаго греха, по непременному изречению Божию: земля еси и в землю возвратишися. Время от житейскаго сего моря, многомятежными волнами шумящаго и в бездну поглощающаго, преити к пристанищу спасения. – Пишу болящею рукою… последнее целование и прошу всесмиренно прощения о всех, елика согреших... Молю тя… не забуди мою грешную душу в святых ваших молитвах. Иду пред неумолимаго страшнаго Судию и не вем, кой ответ воздам, наипаче же о моем архиерействе. Ужас и трепет обдержит мя, о тяжестный омофоре!.. Счастливы архиереи, которые, яко пастырие, при овцах своих пребывающие, всяким образом наблюдают стадо Христово. Аз же, окаянный, двадесять два года пастырем недостойным и преокаянным ставши, в толицем разстоянии от овец своих словесных пребывающий, кой ответ воздам о своей пастве?.. Стефан архигрешник, не пастырь рязанский, но наемник, о овцах не радящий»[710].

В августе 1722 года Стефан послал в Рязань рукопись своего «Камня

веры» в подарок «любимому своему престолу, от котораго хотя почти все время был далеко, но получал всякое довольство»[711].

17 ноября 1722 года Стефан переслал с Нежинским ктитором Володковским в свой монастырь последние свои деньги, 3000 рублей, взятые в счет жалованья из доходов Рязанского архиерейского дома, еще других 300 рублей и много разных ценных вещей. Посланные деньги митрополит предназначал на украшение стен монастырского храма живописью, на устройство трапезы и библиотеки, колокольни с часами и нового колокола. «А если что против воли моей и завещания станется», писал при этом митрополит, «зову на страшный суд Божий, и там каждый даст ответ за свои дела». Под этим письмом подпись: «митрополит Рязанский и Муромский Стефан, архигрешник»[712].

IV

27 ноября 1722 года, во вторник, утром во втором часу, – время, когда наиболее умирает людей, – прежде бывший экзарх святейшего патриаршего трона, а потом синодальный президент, митрополит Стефан Яворский скончался, шестидесяти четырех лет от роду, на двадцать третьем году архиерейства, на своем Рязанском подворья в Белом Городе на Лубянке[713]. Не столько продолжительный, сколько богатый опытом его жизненный путь привел его на закате жизни к убеждению, что все на земле «прах и пепел и ничтоже», что титулы правильнее было бы назвать пропастями, в которых понапрасну гибнет множество людей; они – мрак, тьма, ветер и тени, возвышающийся и быстро исчезающий в течении реки пузырь. Перед величием вечности и загробного суда вся земная жизнь, подверженная постоянным случайностям и опасностям, казалась прахом, поднимаемым с земли веянием ветра, скороувядающим цветком, паром, мгновенно исчезающим в необъятном круговороте жизни, неустойчивою тенью. Все эти чистые и светлые мысли, прошедшие чрез слезы, в которых выплакана вся грусть неудавшейся жизни, боль самолюбия, разбитые мечты, митрополит изложил в своем завещании, в наставление и в предостережение потомству. В твердой вере он предавал свою душу в руки всемогущего Бога, а тело просил похоронить, «если угодно будет его императорскому пресветлому величеству, по благословению Святейшаго Синода», в своем престольном городе, Переславле Рязанском, или в московском Даниловом монастыре под церковью Сретения Господня, в случае если дальность расстояния вызовет затруднение к перевезению тела в Переславль. Горечь унижения на высоте, быть может, самого тяжкого унижения, так знакомая Стефану, сказалась и на пороге гроба, и он прибавил в завещании: «или да извлечется вне града и повержется на гноищи, яко христианскаго погребения недостойный, труп мой». Однако близость смерти и окончания всех земных счетов примиряла Стефана со всеми, и он в завещании слал последнее целование Петру, Святейшему Синоду, всем митрополитам, архиепископам, епископам и всему духовному чину, своей Рязанской пастве, всякому начальству и правительству и всем православным христианам, у всех просил прощения и молитв, чтобы Господь был милостив к нему в день судный и вселил его там, где раздается голос вечной радости, которую получить он желал и всем. Никакого капитала после Стефана не оставалось. За десять дней до смерти митрополит отослал для раздачи бедным своим родственникам

пятьдесят рублей. Все достояние было употреблено на созданный им Нежинский монастырь. Этот монастырь был единственным звеном, привязывавшим умиравшего старца к жизни, и самое завещание заканчивалось горячею мольбою к императору, чтобы полученное монастырем «благосостояние» не было отнято от монастыря после смерти Стефана[714].

Когда умирал митрополит Стефан, Петр был в далеком Астраханском походе. Похороны были отложены. Тело митрополита было вынесено в Троицкую церковь подворья, где и оставалось до прибытия Петра. Прибыл Петр. 19 или 20 декабря[715] вице-президент Синода Феодосий с прочими синодальными членами проводили тело из церкви подворья в церковь Успения Богородицы Гребенской, здесь советник Синода, архиепископ Крутицкий Леонид совершил литургию, за которою присутствовал и государь, затем всеми членами Синода совершено отпевание. Когда церковное служение кончилось, гроб вынесли из церкви и поставили в приготовленные для того сани. До Покровского Божедомского монастыря проводил похоронное шествие архимандрит Гедеон Вишневский, и до самой Рязани архимандрит рязанского Спасского монастыря Михаил со священниками, диаконами и певчими. Во весь путь впереди процессии несен был патриарший жезл, обвитый черным флером, за ним свеча «в лампаде», затем шли тридцать солдат в мундирах и в черных плащах, одни со свечами, другие вели под уздцы лошадей, везших гроб. Процессия всюду по пути была встречаема и сопровождаема церковным звоном церквей, стоящих на пути. 26 декабря шествие прибыло в Рязань и остановилось в рязанском Троицком монастыре. 27 декабря гроб был перенесен в Успенский собор священниками, причем все-таки, ради торжественности, следовали и сани с лошадьми, но, вместо солдат, было наряжено тридцать служителей архиерейского дома, из них одни несли зеленые факелы, а другие вели лошадей. В Успенском соборе отслужена была заупокойная литургия, затем великая панихида и, наконец, гроб положен в склеп, в церкви, справа у иконостаса. В 1799 году, при возобновлении Успенского собора, гробница с прахом митрополита перенесена в Михаилоархангельский собор, где и поставлена в ряду с гробницами прочих рязанских архиереев[716]. На надгробном памятнике Стефана начертана была длинная эпитафия, которая, после ознакомления читателя с внешним ходом жизни покойного, заканчивалась следующими характерными четырьмя строками:

Довольно чрез шестьдесят и четыре лета
Видех непостоянство и суету света.

За дружбу и за жизнь, бывшую со мною,
Целую, мати земле, чад твоих с тобою[717].

Завещание Стефана было читано Петром[718]. Однако оставленный Нежинскому монастырю капитал в 3000 рублей, оказавшийся там «остаточным», был вытребован из монастыря, по докладу Синода, высочайше утвержденному, и употреблен на достройку нового синодального дома[719]. Оставшееся после митрополита «келейное имущество» разошлось по рукам. Вино было перевезено с подворья на синодальный двор и в июле 1723 года, по решению Синода, отдано в награду синодальным обер-секретарю, секретарям и канцелярским служителям, каждому соответственно степени занимаемой им должности[720]; зеркало взято в крестовую синодальную палату, а из одежды часть отдана почему-то Новоспасскому архимандриту Иерофею в 1724 году, а часть продана с вольного торга[721]. Бот, принадлежавший Стефану, взял себе Феодосий[722].

V

Первый вице-президент, архиепископ Феодосий, в мире Федор Михайлович Яновский, был третьим из четырех сыновей смоленского «рейтара», владевшего двумя крестьянскими дворами[723]. Впоследствии, в 1719 году, будучи в силе у Петра, Феодосий просил государя пожаловать его сродников «не яко от единые крови, но от единые утробы», хоть несколькими дворами в Смоленском уезде, потому что вотчин и поместий за ними, кроме весьма скудных усадеб, не было ни одного двора и жили в крайнем мизерстве. И государь исполнил просьбу Феодосия[724].

Где Феодосий получил образование, точных сведений не имеется. По-видимому, он обучался в Киевской академии. Относительно степени его образования является характерным разногласие ученых, знал он латинский язык или не знал. Как бы то ни было, он принадлежал к тем немногим талантам, которые и при малой степени школьного обучения способны были стать носителями высоких отличий и участниками великих дел. По-русски писал он очень хорошо. Простота, ясность, ум светятся в каждой написанной им строке, стиль, за редкими исключениями, чисто петров. Это делается ясным для каждого, кто потрудился бы посмотреть хотя бы резолюции его на различных делах в архиве Александро-Невской Лавры. Что он ценил образование, в том не может быть сомнений. Любопытен факт, что отданного ему одним новгородским бобылем, когда он был Хутынским архимандритом, мальчика, Андрея Петрова, он «келейным своим иждивением обучил грамоте русской и немецкой»[725].

История застает Феодосия рясофорным послушником Симонова монастыря, приносившим, в числе других, патриарху Адриану жалобу на своего архимандрита. Результатом жалобы для Феодосия было то, что он был выслан в Троице-Сергиеву лавру «для держанья в работе в железах». Здесь на него обратил внимание тогдашний Троице-Сергиевский настоятель, архимандрит Иов, освободил его из оков и, когда вскоре затем получил Новгородскую митрополию, перевел к себе и Феодосия. Двадцати восьми лет Феодосий получил игуменство, а тридцати лет, в 1704 году, назначен архимандритом Хутына монастыря[726].

Отношения между Иовом и Феодосием были полны трогательной привязанности и заботливости со стороны Иова и постоянной грубости со стороны Феодосия. Вспоминая впоследствии, когда отношения изменились, старое время, Иов писал Феодосию: видя твое «двоедушество», я никогда не подвергал тебя ни испытаниям, ни

оскорблениям, но всегда делал тебе угодное, работал для или за тебя все дни, когда ты жил у меня в Троицкой обители и в архиерейском доме, – не как отец и начальник, а как «купленный раб», не допускал тебя иметь заботу ни о какой нужде телесной или келейной, все тебе было готовое каждый день, как какому-нибудь владыке. Надо было, чтобы ты служил мне, а на деле я тебе служил. И все это ни к чему! Никогда я не получал от тебя ни малейшей чести, не только такой, какая следует отцу, но и такой, какая подобает равному брату. Я, отец, редко слышал от тебя благоговейное, почтительное слово, но много раз слышал речи «досадныя, бесчестныя и наглыя, мужицкия, поселянския, дурацкия». Много я претерпел от твоего языка, и не где-нибудь келейно, а публично. Сколько раз ты, как сумасшедший или как «блекотливый козел», кричал на меня и собирал посторонних людей на крик? Но да не вменит тебе этого Господь[727].

Трудно, конечно, объяснить такие отношения, если не допускать предположений, что они были основаны на деловой почве и что Феодосий был весьма полезным для Иова человеком, ради чего тот и терпел неровности его характера. В литературе высказано было предположение, что все Новгородские благотворительные учреждения и школы, которые принесли Иову широкую известность, своим появлением обязаны были именно Феодосию, а не Иову[728]. Такое предположение, однако, не может быть принято уже потому, что и после удаления Феодосия из Новгорода и разрыва с Иовом Иов продолжал свои хлопоты о своих школах, «нищепиталищах» и «странноприятелищах» с крайнею заботливостью и тем знанием дела в подробностях, которое свидетельствует, что они были делом его собственных рук[729].

В конце 1707 года Иов отправил Феодосия в Москву «за типографией» Симеона Полоцкого, которую государь пожаловал Иову по его просьбе. В Москве Феодосий свиделся с государем, и Петр назначил его в Петербург, духовным судьею, «смотреть церкви и духовенство» новозавоеванных городов: Ямбурга, Нарвы, Копорья и Шлиссельбурга и новостроящегося Петербурга[730]. В архиве Александро-Невской Лавры сохранилась копия указа или наказа митрополита Иова архимандриту Феодосию при назначении его в Петербург. Содержание этого документа следующее. По именному указу 8 марта 1708 года и по благословению митрополита Иова велено архимандриту Феодосию ехать в Санкт-Петербург и новозавоеванные города: Шлиссельбург, Нарву, Копорье и Ямбург; приехав, переписать священников, диаконов и причетников у всех церквей, освидетельствовать их должностные грамоты, и переписные

книги, которые сделать в двух экземплярах, один экземпляр прислать в Новгород Иову, а другой оставить у себя. И живущих там и в уездах всякого священного и мирского чина людей духовным судом ведать до указу и расправлять «по правилам святых апостол и богоносных отец непременно». И во святых Божиих церквах всякого благочиния надзирать неоплошно, дабы священники, диаконы и причетники священные службы совершали в подобное время во всякой трезвости и единогласно, миро и масло по церквам имели, за строением церковным смотрели. И смотреть, чтобы все православные христиане посещали церкви, держали себя в них пристойно, исповедовались, крестились троеперстно, жили беззазорно по христианскому закону, в особенности священники; чтобы в кабаки они не ходили, хмельного не пили и пьяных их не было не только на улицах, но и в домах. Виновных смирять, брать с них пени. В случае появления в каком-либо доме незаконнорожденного младенца допрашивать матерей и смирять их, а виновных в том мужчин бить плетьми нещадно и брать штраф в 2 рубля 25 копеек. Смотреть за правильностью браков и в случае, если будет замечена неправильность, о всех делах этого рода писать в Новгород и туда же отсылать виновных. Судить всяким судом споры духовных, брать пошлины и отсылать в Новгород ежегодно, а в случае спора против решений отсылать в Новгород и самые спорные дела. Для уездов выбрать священников, которые бы наблюдали за порядком, и дать им от себя наказы. В делах по завещаниям допрашивать духовных отцов и допрос с делом отсылать в Новгород. Все дела, выходящие из пределов предоставленной ему компетенции, отсылать в Новгород, а именно: о даче благословения на основание церквей, об освящении антиминсов, об исправлении еретиков, обращении инославных в Православие и о телесном наказании священников, диаконов и причетников[731].

В Петербурге Феодосий оказался самым старшим по чину среди духовенства, и это не могло не способствовать его возвышению. В 1710 году он обручал и венчал племянницу государя, великую княжну Анну Ивановну с курляндским герцогом. По одним историческим свидетельствам, Феодосий произносил при бракосочетании возгласы по-славянски, по другим – по-латыни, – отсюда и разногласие ученых предположений о степени образования Феодосия. Разрешая этот спор в пользу знания Феодосием латинского языка, Чистович, как на доказательство, указывает на то, что на представленном государю проекте послания восточным патриархам об учреждении Синода Феодосий сделал отметку: «сочинено преосвященным Феофаном на латинском языке, на котором и красоту лучшую имеет»[732]. Отметка эта, конечно, ничего не

доказывает, как и замечено уже в науке[733].

VI

Состоя духовным судьею в Петербурге, архимандрит Феодосий продолжал оставаться Хутынским архимандритом, в ведении Новгородского митрополита. 25 мая 1710 года, в звании Хутынского архимандрита, Феодосий писал в прошении на имя государя, что «велено ему приезжать в Петербург для управления духовных дел, а под дворовое строение, где ему жить с служащими при нем, места не отведено». Адмирал Апраксин, заведовавший в то время строением Петербурга, распорядился 29 мая отвести Феодосию, по этому прошению, капитанский участок. Земля тогда в Петербурге для построек частных лиц отводилась даром в количестве соответственно чину: поручику 10 сажен поперечнику, капитану 12 сажен и так далее, длиннику всем 20 сажен. Земля была отведена на тогдашнем Адмиралтейском острове, в местности, соответствующей углу Невского и Малой морской[734].

Феодосий был из тех людей, которые не ценят и не помнят благодеяний, – ни тех, которые оказали они, ни тех, которые им оказаны. Уже в 1704 году он в переписке с Петром докладывает государю, что «архиерей наш мене убогаго проклинает за то, что по повелению твоему творю»[735]. Дело состояло в том, что при проезде государя чрез Хутын монастырь 17 сентября 1704 года Феодосий нажаловался, что бывший келарь Хутына монастыря, нажившись, поселился в приписном к Хутыну монастыре и «роскошествовал» там, «как в своем поместье», и Петр приказал взять его в братство Хутына монастыря, а митрополит Иов не допускал Феодосия распоряжаться в своей епархии помимо его архиерейской воли. В 1711 году Иов приезжал в Петербург на освящение Троицкого собора и до такой степени разошелся с Феодосием, что выслал его в его Хутын монастырь. Но высочайшим указом почти тотчас же Феодосий был вызван обратно в Петербург, к Рождеству, к приезду государя. В это-то время Иов и написал к нему свое увещательное послание с обличением в кичливости и неблагодарности[736]. Рукоположен ты, брат, – писал он Феодосию, – и посвящен и произведен на начальство духовное чрез меня, недостойного, в Святой Церкви при святом престоле, как бы от руки Господней (как и есть) чрез «нашу худость», чтобы быть тебе во всяком послушании «моей грубости»; и ты обещался, – не мне обещался, но Богу, – быть мне послушным не на какое-либо время, но даже до смерти. И вскоре, забыв это, ты «освоеволился», сделался непокорен и «своим зловолием», по попущению Божию и по действию

диавола, выпал, преслушанием, из-под моей паствы, как из корабля, и не на доску спасительную, а в самые свирепые волны самовольства. Вспомни, что, постригаясь и отрекаясь от мира, ты обещался терпеть всякое оскорбление, тесноту, нужду, бесчестие, насмеяние, наругание, досаду, обиду; ничто подобное тебя не коснулось; от всего подобного я тебя оберегал, видя твое «малодушество». Что же удалило тебя от меня, твоего отца и пастыря? Научись, как терпели искушения отцы наши, в чей образ мы облеклись. Тебя до сегодня не коснулись искушения; и ты, возгордившись, остаешься неискушенным, не как монах подначальный и послушный, но как дитя капризное… Диавол, взнуздав тебя, отторг от меня, отца твоего, и ты отрекаешься от меня... Кто ты и откуда без меня? Скачешь, как козел, высоко, смотри, не упади глубоко. Считаешь себя одного за человека, других никого не признаешь, ругаешь, называешь свиньями... Если останешься в своем сатанинском упрямстве, знай, что скоро крепко пострадаешь и погубишь данную тебе благодать. Считаешь, что ты мудрец? Нимало, уверяю тебя. Мудрость, свыше сущая, мирна, кротка, благопокорна; в тебе ничего этого не вижу. Спроси меня о себе, кто ты? Я тебе скажу: ты груб, невоспитан, грубиян, «селчуг не людский», дикий кабан, похож на свирепого зверя, подражаешь верблюду гневливому. Этими словами не тебя называю, – ты ведь человек, – но твое непокорство и злонравие. Отбрось упрямство и непокорство, будь благопокорлив и будешь истинный Феодосий архимандрит, человек добрый, кроткий, терпеливый, благодарный и богоданный. Если ты обратишься, то все эти оскорбительные слова тебя не коснутся, они падут на диавола, возбуждающего тебя. Знаю, что ты «жесток и жила железна – выя твоя»; но Бог и горы обращает в глубину морскую, из камня источает воду, иссушает зеленую смоковницу, а сухой жезл превращает в зеленеющий, водою жжет, огнем орошает, смиренных возвышает, гордых унижает. Он же может и твою гордую выю сломить и сделать ее попираемою ногами. Ум имеющему довольно: «sapienti sat»[737]. Как все это оправдалось впоследствии!

Меншиков постарался примирить Иова с Феодосием и отчасти в этом успел[738]. Иов возобновил с Феодосием мирные сношения на деловой почве, посылая ему грамоты, адресованные «сыну и сослужителю нашего смирения»[739]. Но мира уже не было, потому что постоянно возникали новые поводы к вражде. В Петербурге был основан Александро-Невский монастырь[740], отданный Феодосию, и стал обогащаться на счет Новгородской епархии. 21 февраля 1712 года Меншиков писал Иову, что государь повелел отписать к новоустроенному Александро-Невскому

монастырю Иверский монастырь, один из лучших в Новгородской епархии, со всеми вотчинами и доходами, село Оятское Новодевичьего монастыря и половину монастырских вотчин Олонецкого уезда. Эта половина предназначалась на содержание шпиталя при Александро-Невском монастыре. Другая половина была оставлена на содержание шпиталей в Новгороде. Меншиков писал далее, что государь повелел быть архимандритом в новом петербургском монастыре Феодосию, и просил Иова немедля исполнить этот царский указ[741]. Иов немедленно, 1 марта, отправил Феодосию благословенную настольную грамоту на новую архимандрию[742], с пожеланием от Всевышнего «должайших лет» и всякого доброго успеха[743]. Но 13-го уже мая, по поводу некоторых самовольных распоряжений Феодосия в Иверском монастыре, который, во всяком случае, вместе с Александро-Невским, оставался под властию Иова, Иов упрекает Феодосия в неслыханной гордости и суетном кичении и пишет: «да судит ему Бог по делам его; какою мерою он мерит нам, отмерят и ему стократно»[744]. Несколько времени спустя был приписан к Александро-Невскому монастырю Новгородский ляцкий Никольский монастырь[745]. Потом, в 1714 году, ладожский Николаевский монастырь[746]. Потом Феодосий стал хлопотать о приписке и подгородного Духова новгородского монастыря. Тогда Иов взмолился и обратился с горячею просьбой к кабинет-секретарю Макарову, бывшему с ним в хороших отношениях, походатайствовать пред государем, чтобы этого не было сделано. Этот, Духов, монастырь основан архиепископом и чудотворцем Новгородским Моисеем, в нем издревле архимандрия «учинена славная». Если и этот монастырь будет отнят от Новгородской кафедры, писал Иов: «с кем мне будет отправлять божественныя службы и частые крестные ходы? Этими «неправедными приписками» он, Феодосий, безвременно гонит меня в гроб. Судит ему Бог по делам его. Где обретается то, чтоб нам, архиереям, ни в каких делах епархии нашей приписных его монастырей духовнаго чина и мирских людей, не отписавшись к нему, не ведать? Такой указ прислан к нам за подписанием ландрихтера. Кто видел или кто слышал когда, чтоб пастырь был подчинен овце? Если царскому величеству вотчины будет надобно приписать к Александро-Невскому монастырю, мы об этом не спорим: буди его царская воля. Только бы обители святые сохранены были недвижимы. У Феодосия в Новгороде есть и монастырь приписной, ляцкой, и домы пространные: есть где, приехав в Новгород, и кроме Духова монастыря покоиться»[747].

VII

Иов писал это 29 марта 1715 года. В том же году он назначал священников в подпетербургские места: в Нейшлот, на Котлин[748]. Но в том же году он писал митрополиту Стефану, что «град святаго Петра не моей Новгородской, но святейшаго патриарха епархии»[749]. Таким образом, Иов как бы хотел снять с себя ответственность за самочиния строптивого Александро-Невского архимандрита, передавая его в ведение Стефана. Но и экзарх патриаршего трона должен был почувствовать, что пастырю придется быть подчиненным овце, как было и с старым Новгородским митрополитом. Правда, после кончины Иова, последовавшей в 1716 году, когда петербургский протопресвитер Петров стал обращаться к епископу корельскому Аарону, управлявшему Новгородскою епархией, за архиерейскими духовными делами, Аарон не счел себя полномочным владыкою града святого Петра. Присланный протопресвитером в Новгород антиминс он, правда, освятил и отослал обратно; но указа об освящении храма, о чем также просил протопресвитер, не дал, заметив, что «нам указ послать не надлежит без благословения преосвященного Стефана»[750]. Когда в январе 1716 года диакон Петропавловского собора, состоявший на церковнической вакансии и потому не допускаемый, по тогдашнему порядку, к отправлению литургий и прочих богослужений, просил митрополита Стефана разрешить ему священнослужение в соборе, так как открылась диаконская вакансия за выбытием одного диакона в путешествие с Петром, Стефан написал: «служить ему по-прежнему»[751]. Но в декабре 1717 года уже Феодосий, а не Стефан кладет резолюцию на прошении священника Тимофеева об определении его вторым, не считая протопресвитера, к Петропавловскому собору: «быть ему, и о том к протопопу послать его царскаго величества указ». И был послан указ, начинавшийся словами: «по указу его царскаго величества и по приказу архимандрита Феодосия»[752]. В 1719 году на прошении московского священника об определении его к Матфиевской церкви в Петербурге Феодосий написал: «написать указ и прислать к подписи на подворье»[753]. То же было и в 1720 году, при определении священников к Андреевскому и Петропавловскому соборам, к Симеоновской, Ямской и Николаевской госпитальной церквам: прошения были подаваемы на имя Феодосия[754]. В 1720-м же году Феодосий сам назначил и настоятеля в приписной к Александро-Невскому Николаевский ладожский монастырь[755]. В том же

году сенатским указом, «по царскому указу и сенатскому приказу», поручено Феодосию выбрать из Александро-Невских иеромонахов архимандрита в Соловецкий монастырь, а посвятить выбранного Стефану[756]. Когда, все в том же году, в тайной канцелярии возник вопрос, кому должна принадлежать жена, бывшая лютеранка, вышедшая «после крещения» замуж за православного при жизни первого мужа – лютеранина, первому или второму мужу, государь поручил разрешение этого вопроса Феодосию[757]. С жалобами на петербургское духовенство светские лица обращались к Феодосию[758]. Очевидно, митрополиту Стефану пришлось после кончины Иова вмешаться в духовное управление Петербургом только временно, пока Феодосий был в отлучке, путешествуя с Петром с начала 1716 года.

Феодосий был настоящим духовным владыкой столицы и всего прилегающего к ней края, хотя и оставался только в архимандрическом сане. Ему подлежали дела: брачные: о повенчании жены при живом муже, или мужа при живой жене[759], о повенчании дворовой беглой девки без дозволения владельца[760], о расторжении предбрачного договора (бывшего тогда в обычае) по взаимному соглашении жениха и невесты[761], о незаконном сожитии[762], по жалобам на блудную жизнь одного из супругов[763], о блудных женщинах, которые были препровождаемы к Феодосию из петербургской городской канцелярии[764], о разводе[765]. Дела о разводе Феодосий решает вполне самостоятельно в своей Александро-Невской канцелярии. Архимандрит Феодосий, «слушав того дела, приказали»: челобитчику на другой жене жениться, по 35-му правилу св. Василия Великого, понеже первая его жена обличена в блудодеянии[766], или: бить жену плетьми нещадно и отдать мужу[767]. Феодосий давал Исаакиевскому протопопу Васильеву предписание о порядке поминовенья царской фамилии за богослужением[768], распределял вызванных в Петербург священников по приходам, если это ранее не было сделано светскими властями или самим Петром[769], определял наказание виновным в неблагочинии[770], издал особую инструкцию о порядке зажигания свечей за богослужениями[771].

Под ведением Феодосия была «канцелярия Александро-Невского монастыря», в которой начальником, или «судьею», или «управителем», «под ведением архимандрическим», был светский, сначала майор Рубцов, а затем, когда Рубцов, по жалобе Феодосия, был за нерадение отставлен Меншиковым, по именному царскому указу, Степан Филиппович Головачев, бывший ранее комиссаром Архангельской губернии[772]. Здесь, в канцелярии, производились допросы по брачным делам[773], опросы

священно-церковнослужителей, явившихся в Петербург без письменного вида и задержанных на заставах[774], отсюда выдавались паспорта духовным на выезд из Петербурга[775]. Канцелярия пользовалась некоторою самостоятельностью. Так, после допроса в ней, один беспаспортный священник был освобожден «по словесному приказу судьи Головачева»[776]. Головачев самостоятельно подписывал решения канцелярии о том, например, чтобы пойманного монаха-беглеца и вора заковать в кандалы, прибавляя только при этом: «по приказу архимандрита Феодосия»[777]. При канцелярии была и колодничья[778].

Ближайшее наблюдение за благочинием собственно петербургского белого духовенства принадлежало петербургскому Петропавловскому протопресвитеру Георгию Петрову[779], назначенному митрополитом Иовом[780] и состоявшему в ведении Феодосия. Когда к петербургскому полковнику и коменданту Чемесову привели священника, заподозренного в краже гуся на мосту, полковник, сняв допрос, отослал священника к протопресвитеру Петрову – «для решения о нем дела по правилам святых апостол и святых отец»[781]. Но когда Меншиков заметил около церкви пред обедней пьяного монаха, то приказал, взяв его, отослать к Феодосию – для наказания и высылки из Петербурга, и монах был прислан к Феодосию при письме того же коменданта-полковника[782]. Один раз Феодосий пишет Петрову: «отец протопресвитер Георгий Петрович, по получении сего письма благоволите приказать сыскать Троицкаго собора священника Василия да диакона Димитрия и быть им у вас до моего к вам сегодня приходу. Всеблагожелательный вам молитвенник и слуга Феодосий архимандрит»[783].

Светские власти смотрели на Феодосия как на главу петербургского духовенства. Сенат обращается к нему с указом о распределении по церквам священников, прибывших из Москвы на службу в Петербург[784], требует, по делу Тверитинова, представить удостоверение, был ли Тверитинов у исповеди и причастия и не имеет ли он какого противления Церкви[785], поручает ему выбрать из Александро-Невских монахов архимандрита в Соловецкий монастырь[786]. Тайная канцелярия обращается к нему за разрешением вопроса, за которым мужем быть двумужнице, вступившей во второе замужество, по обращении из лютеранства в Православие, за православного[787]. Из штатс-конторы, за подписью Мусина-Пушкина, идет указ о Киево-Печерском иеродиаконе, прибывшем в Петербург и отсылаемом в Александро-Невский монастырь[788].

Однако Феодосий, будучи независим от епархиальной власти, сам в сущности тоже не пользовался самостоятельностью, по крайней мере, на

первых порах. «Великий государь» сам определял не только священников на места к церквам в Петербурге[789], но даже, случалось, и подьячих в монастырь[790], по их прошениям, жаловал в протопопы[791], и петербургский вице-губернатор Римский-Корсаков обыкновенно только сообщал об этом Феодосию, что «по указу государя велено» тому или другому «быть» на той или иной должности, «а тебе о том ведать». В 1718 году государь приказал собрать для флота 35 священников, и Феодосий их собирал, – сначала безместных по улицам при помощи солдат, а потом выписывал из епархий[792]. В декабре 1718 года Григорий Скорняков-Писарев писал Феодосию, что государь пожаловал сделавшего донос попа Семена Осипова на место отрешенного по его доносу попа Ивана Егорова к Симеоновской церкви; «ваша честность извольте приказать оному попу Семену Осипову быть у церкви Симеона Богоприимца на место распопы Ивана Егорова»; и Феодосий положил резолюцию на этом письме: «записав в книгу, учинить по именному его царскаго величества указу и о бытии у той церкви священнику Семену Осипову дать указ»[793]. В том же году Петр Толстой известил Феодосия письмом, что государь велел отрешить весь причт Петропавловского собора и распределить по другим церквам вне Петербурга по усмотрению Феодосия, а к собору определить немедленно других людей «добрых»[794]. В 1719 году государь указал возносить за богослужением во всех церквах в Петербурге, а также во всех других губерниях моления о плодородии хлеба и сохранении от смертоносной язвы, и Мусин-Пушкин 5 февраля известил об этом Феодосия к сведению и исполнению[795]. В 1720 году по царскому указу Феодосию за подписью Мусина-Пушкина отпущен в Москву патриарший казначей Антоний под условием вернуться чрез шесть недель в Петербург[796]. В том же году Сенат прислал Феодосию указ, что государь «указал именным указом» послать в Китай, на место умершего там архимандрита, иеромонаха Иннокентия Кульчицкого, состоящего в финляндском корпусе, «а тебе, Феодосий, определить в финляндский корпус другого, а о посвящении его в архимандриты писать к архиереям, к кому надлежит, тебе от себя»[797].

Сильные лица, вельможи, также принимали участие в распоряжении петербургскими духовыми делами. Меншиков писал Феодосию в 1714 году: извольте приказать сбирать здесь везде без всякого запрещения сборщику на погорелую церковь в Олонецком уезде, по грамоте митрополита Иова[798]. Петр Андреевич Толстой выразил желание, чтобы избранный им школьник назначен был на священническое место, и Феодосий это тотчас же исполнил, сделав соответствующие

распоряжения[799]. Феодосий старался поддерживать с такими лицами самые лучшие отношения на почве послушания и почтительности. Генерал-губернатору Апраксину он писал почтительные «доношения», как скромный «архимандрит новосозидаемого при С.-Петербурге монастыря»[800].

Из деятельности Феодосия по управлению подведомым ему духовенством обращают на себя внимание его старания об очищении духовенства от бродяжнического элемента, об организации надзора за поведением духовных лиц и о сохранении благочиния и порядка в церквах. Еще в 1713 году митрополит Иов писал в грамоте Петропавловскому священнику Георгию Петрову: «ведомо нам учинилось, что некоторые священники нашей епархии приезжают в Петербург самовольно, служат у крестов без нашего указу, житие имеют зазорное и наносят тем священному чину немалую укоризну и поношение. И того ради мы повелели обретающемуся в Петербурге домовых наших дел стряпчему Михаилу Владыкину таковых невоздержных священников ловить и приводить к вам, и, пред вами их допрося, отсылать правильнаго ради их истязания к нам, в Великий Новгород»[801]. В 1719 году Феодосий представил государю доклад о том, что надо «учинить о крестовых священниках предел, кому держать, кому не держать, потому что они производят многое безчиние и унять их не возможно». Если кому будет позволено держать крестового попа, пусть он платит местным приходским священникам вознаграждение в таком размере, в каком дает своему крестовому священнику, и пусть отвечает за всякое его бесчиние. А если никому не будет позволено иметь крестовых священников, то надо бы подвергать волочащихся безместных священников какому-либо тяжкому штрафу, хотя бы временно каторжной работе, чтобы прочие страх имели и без дозволения своих архиереев не волочились. На заставах приказать, чтобы не пропускали никого из духовных, которые не будут позваны в Петербург и не представят увольнительных пропусков от своих архиереев. Из Сената послать указы архиереям, чтобы воспретили по епархиям отъезжать духовным в Петербург без собственного архиерейского разрешения. Иначе невозможно «оборониться от волочаг». Вместе с тем Феодосий представлял о необходимости приказать не пропускать на заставах и нищих волочаг, потому что и от них немалое зло в людях бывает[802]. И, прежде чем это предложение осуществилось, Феодосий сам своею властью сделал распоряжение о том, чтобы из Новгородской епархии не пропускали в Петербург старцев, стариц и всякого рода духовных без пропусков за собственноручною подписью архиерея[803].

После этого был случай, что Феодосий выслал из Петербурга проживавшего в частном доме безместного священника, по месту прежнего его жительства, в Москву[804]. В 1719 году Феодосий назначил духовным наблюдателем для Ямбурга и Копорья с уездами ямбургского священника Константина Федорова, в сентябре, в марте 1720 года – для Выборга и Нейшлота выборгского протопресвитера Григория Макарьева, в августе – для Шлиссельбурга местного Благовещенского священника Василия Андреева и для Котлина – котлинского Андреевского священника Петра Иванова, раньше всех их – для Петербурга Троицкого протопопа Ивана Семенова на Петербургский остров и Исаакиевского протопопа Алексея Васильева на Адмиралтейскую сторону, – и всем им дал наказы, сходные с тем, какой сам получил от Иова[805]. Заказчикам или благочинным петербургского края Феодосий предписывал в разосланных инструкциях наблюдать за священниками, чтобы те не допускали задержек в напутствии больных, чтобы крещение непременно совершали в церкви, исключая крайних случаев, чтобы с требами не опускали посещать бедных прихожан из-за усиленного услуживания, ради корысти, богатым, чтобы монахи и священники, живущие без указов, не были укрываемы по частным домам[806]. В 1719 году Феодосий выдал замечательную инструкцию о содержании церквей в чистоте. Инструкция предписывала не умножать числа возженных пред иконами свечей, а оставлять только по одной у каждой иконы, не исключая и великих праздников, в которые разрешалось только ставить свечу побольше; от возжения множества свечей происходит дым и копот; свечи ставить толстым концом вниз, «по образцу греческому». Нужно заметить, что церковные свечи в те времена изготовлялись пирамидальной формы. Наблюдать, чтобы уголья в кадиле были чистые, а не с головнями, не кузнечные, а хлебопекарные. Ладану не класть излишнего количества, так как «смоляной дым» дает сильную копоть. Зорко следить за огнем, в предупреждение пожаров. Для ризницы и книг иметь особые шкафы. Иметь щетки большие и малые для чистки иконостаса и подметания пола. Иконостас чистить бережно, по разу в месяц, а пол выметать два раза в неделю. При дверях церковных положить маты, «как на кораблях», и на дверях поместить «увещательные письма», чтобы входящие вытирали ноги, – «не ради лености метельщиков, а ради того, чтобы пыли не было». Окна открывать только с подветренной стороны. Мыть окна. Обметать престол. Чисто содержать церковные сосуды. Поминальных бумажек не налепливать на жертвенник, а держать их особо в порядке[807].

VIII

Жил Феодосий сначала на подворье, деятельно обстраивая[808] и устраивая свой монастырь, стараясь обеспечить его должным образом как материальными средствами, припискою вотчин[809] или монастырей[810] или иными способами[811], так и братиею, вызывая царским указом лучших монахов из разных епархий[812], и приказными, которые были выписываемы почти исключительно из Троице-Сергиева монастыря и получали назначение в комиссары для вотчин[813]. Вызов монахов в Александро-Невский монастырь начался с 1714 года. В этом году вызван был только один монах, префект Гавриил из Москвы. В 1715 году вызваны уже шесть человек, из патриаршего дома и из монастырей: Чудова, Донского, Троице-Сергиева и переяславского Никитского. В 1716 году вызвано из разных мест, преимущественно из Москвы и из Киева, двадцать пять человек, в их числе, последним по счету, из Киево-Братского монастыря архимандрит Феофан Прокопович. В 1717 году вызвано одиннадцать человек, в следующем семь, в 1719 году – около сорока[814], в 1720 году девять, всего к началу 1720 года девяносто семь человек[815]. Потом, в средине года сделано было распоряжение о вызове еще семнадцати человек[816]. Вызываемы были лица или годные к архиерейским и архимандрическим должностям, или «голосистыя». Вызов монашествующих, а равно и подьячих, производился по спискам, представляемым Феодосием в штатс-контору. Из вызванных вышли в архиереи четыре человека, в архимандриты семь, послано к архиереям в епархии для миссионерских целей трое, трое назначено в Курляндию ко двору герцогини Анны Ивановны, семь уволено за старостию и болезнию, четверо возвращены по неспособности, двое поступили в школу, один назначен наместником, трое умерли, в монастыре оставалось тридцать два иеромонаха, тридцать иеродиаконов и четверо простых монахов, не считая одиннадцати, состоявших во флоте[817]. Насколько быстро росло число монашествующих в монастыре, видно хотя бы из того, что еще к 31 марта 1719 года, т. е. год назад, их было только 32 человека[818].

Быстро росло и монастырское хозяйство, присоединялись новые вотчины, строились здания, производилась осушка болотистой местности. После освящения первой церкви во имя Благовещения, 25 марта 1713 года, были выстроены кельи-мазанки для братии, устроены кирпичные заводы для предположенного «каменнаго строения» в монастыре, в 1717 году начато «каменное строение»[819]. В 1720 году проведены у монастыря два

канала для осушки мельницы[820]. В ноябре 1720 года государь пожаловал монастырю отписной двор протопопа Якова Игнатьева в Белом городе в Москве, на Никиткой улице, на Романове дворе, с каменным и деревянным строением[821]. Для управления монастырскими делами Феодосий требовал все новых и новых подьячих в свой монастырь из разных монастырей, преимущественно из Троице-Сергиева[822]. В 1719 году в монастыре было уже семьдесят пять служителей[823].

Семнадцать человек из братии было «на высылке» по хозяйственным делам монастыря[824]. Феодосий стал и сам уже живать в монастыре[825], имел возможность устраивать в нем роскошные «банкеты», как было в день памяти Александра Невского, когда в монастыре пировало 168 человек[826], хотя постоянным местом его жительства оставалось также и подворье[827].

Рядом с этим шло и внутреннее развитие монастыря. В 1713 году дан был указ об устроении в монастыре шпиталя[828]. Монастырь получал все большую самостоятельность. В 1720 году сделано распоряжение, чтобы в вотчины монастырские не был определяем никто из причта без согласия настоятеля, т. е. Феодосия[829].

IX

В 1716 году Феодосий с царским семейством ездил за границу. Он выехал в самом начале года, 8 февраля писал письма в Петербург из Риги, 24 февраля из Гданьска[830]. Выехал он, по-видимому, налегке, не приготовившись как следует. У него не хватило взятых с собою денег, уже в Гданьске он вынужден был занять у кабинет-секретаря Макарова сто червонных и торопил свой монастырь выслать ему необходимую сумму[831]. 7 мая он оставил двор и поехал лечиться в Карлсбад, где пробыл до 17 августа, а потом вернулся опять ко двору – в Копенгаген, куда прибыл 26 августа. Когда он ехал из Карлсбада, служитель его, швед, ушел от него в Лейпциг и, по его выражению, «исполнил его великаго бедства». Сообщая об этом майору Григорию Ивановичу Рубцову, управлявшему хозяйственною частию монастыря, он просил на случай будущей надобности «приказать» Алексею Киселеву «навыкать по-немецки», ему прислать немедля сто червонных золотых, и добавлял: «понеже пребываю в лишении, а отпуска себе в монастырь не ведаю. Прочее управляйте, как вас Бог наставит». 25 октября к тому же Рубцову Феодосий писал уже из Фридрихштадта, прося присылать письма ему на имя Макарова в двойном пакете, так как во время его отсутствия в Карлсбад некоторые письма, адресованные прямо ему, пропали[832]. Перед отъездом в Карлсбад, в Данциге, 8 апреля Феодосий венчал царскую племянницу Екатерину Ивановну с герцогом мекленбургским[833]. В марте и апреле 1717 года Феодосий был при государыне в Гааге, – Петра там не было[834]; в мае вторично уехал в Карлсбад на лечебный курс[835], 2 июля был уже в Берлине[836], собирался в Данциг и, соскучившись по Петербургу, мечтал о возвращении на берега Невы[837]. В марте 1718 года Феодосий писал уже «из монастыря невского»[838], следовательно, пробыл за границей около двух лет[839].

Феодосий, уезжая из Петербурга, оставил духовенство на попечении протопресвитера Петрова, а свой монастырь – на попечении управителя монастырских вотчин, майора Рубцова. Наместник был оставлен, но, кажется, без всякого голоса. Предполагаемый новый наместник, Киевомихайловский игумен Варлаам Голенковский прибыл в Петербург уже после отъезда Феодосия и вступил в свою должность только в самом конце 1716 года[840]. Из Риги 8 февраля 1716 года Феодосий, сообщая Рубцову разные свои распоряжения, которых не успел пред отъездом сообщить лично, предупреждал его, что все будет зависеть от князя

Меншикова, который считался протектором монастыря. «О киевских иеромонахах, буде пришлются в монастырь, как их содержать, доносите светлейшему князю. Прочее управляйте, как я вам устно приказывал и как добрым управителям надлежит»[841]. Несколько позднее, из Гданьска, 12 апреля, Феодосий поручает Рубцову продолжать постройки в монастыре, содержать «честно» киевских иеромонахов, прибытие которых ожидалось в монастырь в особенно значительном на этот раз числе[842], и опять-таки повторяет: «как приедет светлейший в Петербург, ожидать во всем повеления от оного», ему же представить на утверждение и план архитектора на монастырские постройки[843]. Тем временем Рубцов все доклады по монастырским делам представлял на утверждение Феодосию, и Феодосий клал резолюции, давал распоряжения[844]. Из Петербурга в Гданьск почта шла двенадцать дней[845]. С отъездом Феодосия в Карлсбад оживленность сношений между ним и его монастырем сама собою прекратилась. К тому же приехал в Петербург «светлейший», и в конце года Феодосий стал уже жаловаться на отсутствие каких бы то ни было известий из монастыря. Всем стал распоряжаться Меншиков. 25 октября, из Фридрихштадта, Феодосий написал Меншикову, что государь назначил наместником в монастырь Варлаама Голенковского. 23 ноября Меншиков сообщил об этом новому управителю монастырских вотчин, майору Коптеву: «вы будете о том известны», а 20 декабря написал и протопресвитеру Петрову: «извольте ему таким же образом быть послушны, как архимандриту того монастыря», обязывая вместе с тем протопресвитера сообщить новому наместнику все сведения о всех петербургских священниках и вообще духовных лицах, «чтобы никого не было в Петербурге из причта или монахов, о ком не было бы известия у них», в монастыре[846].

11 апреля 1716 года Меншиков писал майору Рубцову, чтобы для прибывших из Киева игумена Голенковского и двенадцати монахов, вызванных в Александро-Невский монастырь, было отведено в монастыре помещение, – для игумена две кельи, а для двенадцати монахов двенадцать чуланов, «кои наверху», и поручает объявить «наместнику и братии», чтобы «имели их в респекте» и довольствовали их пищею и прочим против того, чем наместник с братиею довольствуются. Оказалось, что с водворением в монастыре киевлян прежним его насельникам пришлось потесниться. Возникли жалобы. И Меншиков через три дня, 14 апреля, пишет Рубцову, чтобы помещение было разделено поровну между новоприбывшими и старыми монахами, «чтобы жалоб впредь не было»[847]. 15 мая из Киева прибыло еще три монаха: игумен, иеромонах и

иеродиакон. Меншиков опять пишет приказ майору распределить их безобидно в монастыре. Потом Киевские монахи стали жаловаться, что им не отпускают пива. Меншиков опять пишет, 31 мая, приказ отпускать им пиво, а если в монастыре пива нет, то брать за деньги с кружечного двора и монахов киевлян «учинить по возможности довольных», отпуская на каждого после трапезы по кружке пива[848]. В мае, по приказу Меншикова, строились в монастыре две новых келлии вследствие недостаточности помещения[849]. Письмом 5 июля Меншиков просил у «благороднаго маиора» Рубцова одолжить ему сто тысяч штук кирпича до зимы и расписался: «благожелателен вам», как прежде не подписывался[850]. В ноябре Меншиков требовал от майора Коптева точной ведомости о приходе и расходе монастырских сумм и состоянии строительных работ: «чтобы будущею весною ничем в строении монастыря не стало, ибо намерены мы будущею весною вдруг и церковь, и шпиталь строить в Санкт-Петербурге»[851].

В 1719 году Феодосий опять «отлучался» из Петербурга «к теплым водам», но на этот раз уже в пределах России[852]. В 1724 году еще раз ездил на воды, только что тогда ставшие известными, в олонецких краях[853].

X

К царю и царскому семейству Феодосий был близок. В 1719 году он пишет государыне письмо с просьбою прислать огородных семян для новоустроенного при Александро-Невском монастыре огорода – «не ради чего иного, только чтоб верны были во всходе», потому что если купить в рядах, то можно опасаться, что только напрасно будет занята земля невсхожими семенами[854]. Насколько близки были его отношения к августейшему семейству, видно из того, что когда Екатерина, исполняя давнишнее свое обещание, подарила ему в 1721 году алмазов на украшение панагии, Феодосий не постеснялся с настойчивостью просить у нее прибавить драгоценных камней на 260 рублей, а если обе стороны панагии убрать «равно», то на тысячу рублей, и получил просимое[855]. Маленькой царевне Феодосий приносил однажды при царице ягод, а когда Петр с Екатериною отбыли в Астрахань, оставив детей в Петербурге, Феодосий угощал маленькую царевну обедом у себя в монастыре, заходил во дворец и обо всем отписывал Екатерине[856].

Близость к царю сделала Феодосия равным среди самых высоких вельмож даже в то еще время, когда он был только архимандритом. Меншиков писал «честнейшему отцу архимандриту» любезные письма и подписывался: «вашей святыни послушный сын и слуга»[857], а за царским обедом, бывало, подсаживался к Феодосию и вел с ним разговор[858]. Духовный мир обращался к нему за ходатайством пред царем и властями, за покровительством. Архиереи, особенно молодые, вышедшие из его монастыря, пишут ему почтительнейшие письма. Боголеп, епископ Устюжский, писал Феодосию: «всех благих Творца, в Троице славимаго Бога, Его бо дарованною милостию высокопроизведенному честнейшему моему отцу, господину, господину священноархимандриту Феодосию… вашей святыне здравия и душевного спасения усердножелатель со всею о Христе собранною братиею, Боголеп, епископ Устюжский, Бога моля, челом бьет. Премного благодарю ваше преподобие и лицеземно поклонение отдаю за всякое твое ко мне, смиренному, милосердие...» На конверте надпись: «превысокопочтеннейшему, высокопреподобнейшему…»[859] Аарон, епископ Корельский, писал Феодосию из Новгорода: «честнейший отец архимандрит, нам особливый благодетель»[860], и просил «не лишати» его своей любви[861]. Георгий Ростовский писал: «преслушником никогда не был и ныне не буду, и так, яко особливаго моего благодетеля, всегда себе имею за сущаго

благодетеля»[862]. В 1720 году к Феодосию обращался Златоустовский архимандрит Антоний с просьбою ходатайствовать об освобождении его от поездки для присутствования при подписании духовного регламента в Казань и Вологду, и получил желаемое[863]. В том же году обращается с просьбою к Феодосию Киево-Печерский архимандрит о возвращении в Киев вызванного в Петербург иеромонаха, который необходим был для типографии Киево-Печерской, – и иеромонах был возвращен[864]. Архиепископ Черниговский Антоний Стаховский, посылая в Петербург своего иеромонаха по делу о монастырских землях, прямо просит у Феодосия оказать посланному содействие пред Сенатом и царем[865]. Когда Феодосий стал вице-президентом Синода, Казанский митрополит Тихон прямо просит «его высокомочное владычество» «доложить государю» его просьбу о передаче в ризницу Казанского архиерейского дома хранившихся в Казанской губернской канцелярии вещей, оставшихся после умершего в Казани армянского архиерея. Феодосий просьбу митрополита предложил Синоду[866].

Своими исключительными отношениями Феодосий пользовался и для устройства дел, близко касавшихся его самого. Так, кабинет-секретарю Макарову он «напоминал», например, чтобы тот доложил в удобное время государю об отдаче Александро-Невскому монастырю соляных прибыльных денег на строение, об отдаче архимандритам, заседавшим в Синоде, монастырей их со всем имуществом, по прежним описям[867].

XI

Было уже рассказано о характере отношений Феодосия к его митрополиту Иову, отличавшихся строптивостью. Такой характер Феодосий выдерживал в отношении ко всем без исключения, не щадя иногда и своей карьеры. И Петру он писал без раболепия, Екатерине запросто, без обычной лести[868], кабинет-секретарю Макарову без заискивания и с достоинством[869]. В апреле 1724 года он публично говорил в Синоде, по поводу сочинения духовного штата, что отнял милость Свою Бог от Российского государства, так как духовные пастыри весьма порабощены и пасомые овцы возымели над пастырями власть; при этом упоминал о возможности появления нового Филиппа митрополита, который не щадил своей крови за Церковь. Филипп был, правда, «изгнан» царскою властью; но нужно помнить, что последовало затем. Бог Сам Своим перстом показал, где правда, – показал как на фамилии царской, так и на всем государстве чрез домовное нестроение, моровую язву, разорение чуть ли не всего государства и «премногия от того последовавшия брани»[870]. Государю самому Феодосий, как говорят, прямо высказывал, что не одобряет отношения правительства к церковным имуществам. Государство, будто бы, от себя должно содержать школы и больницы, а то, что принадлежит служителям Церкви, не подложит вмешательству государства. Государь, рассерженный, «заставил трепетать говорившего»[871], и Феодосий, чтобы выпросить прощение, обращался к посредничеству государыни, которой 21 апреля 1724 года писал: «вчерашняго числа, в Покровском селе, безумием своим, не выразумев благопотребной воли всемилостивейшаго государя, прогневал его, окаянный, так много, как никто больше»[872].

От лиц, ему подведомых, Феодосий требовал в отношении к себе надлежащего решпекта. Управитель монастырских вотчин, капитан Збруев, в своих сношениях с Феодосием, употребил: в отношении к себе – «мы» и в отношении к предмету письма – «повествую», Феодосий, очевидно, несколько обиженный недостаточно почтительным тоном письма, сделал на письме свои любопытные ремарки. Против «мы»: «всякий глупец присвояет себе в назывании и в письмах высокия титла, подобно нечто и в твоих письмах всех видится. Что обычай есть великим судьям и духовным властям именоваться и писаться множественным числом, яко, вместо я, мы, вместо мне, нас, вместо от меня, от нас, понеже имеют товарищей, а духовныя власти братию, яко игумен или

архимандрит не может писаться единственным числом, но множественным – «мы», понеже имеет братию, яко товарищей. А у тебя нет ни товарищей, ни братьи, и судья ты не великий, а пишешь к настоятелю, как к твоему конюху». На «повествую»: «добрые управители повестей не пишут, но о делах доносят»[873]. Но как человек прямой и человек дела, Феодосий не придавал значения личным отношениям. Не видно, по крайней мере, чтобы у него были враги на этой почве. Будущий соперник Феодосия, Феофан, при первом знакомстве с Феодосием, отозвался о нем, что нашел в нем человека «честнаго и образованнаго», который хотя «любит и ученых», но предпочитает, правда, простых[874].

Но на почве принципиальной у Феодосия были жесточайшие враги. Феодосия считали совратителем Петра в церковных вопросах. И сам Феодосий давал к этому повод своею «светскою» жизнью, совершенно не приличествовавшею монаху. Против Феодосия образовалась в обществе партия, называвшая его лютеранином. Приближенные царевича Алексея, люди старой партии, стих из службы по поводу Полтавской победы, начинающийся словами: «враг креста Христова», «певали к лицу архимандрита Феодосия» и говорили, что этот стих приличнее всего будет петь при его облачении, когда его будут посвящать в архиерея. Учитель царевича Никита Вяземский «написал этот стих с нотою» и говаривал, что дал бы певчим пять рублей, только бы они пропели этот стих, – потому что он, Феодосий, икон не почитает[875]. В 1722 году светский подьячий, увидя, что часовня у Воскресенских ворот заперта, и прочитав тут же выставленное печатное синодальное объявление о закрытии часовен, «начал злословить Феодосия, причитая упразднение часовен к единому лицу его преосвященства и имя его употребляя преуничижительно»[876]. Когда впоследствии Феодосий пал и порицание его уже ставилось в великую похвалу тем, которые порицали, и приносило им выгоду, митрополит Казанский Сильвестр писал про Феодосия: «только себя любил, а братию весьма ненавидел. Еще же по острожелчию своему дненощно вымышлял, как бы брату своему пакость сотворить и иногда иский, кого бы и поглотити». Распространяемы были и слухи, будто он брал от архиереев и архимандритов подарки за ходатайства при назначениях и за заступничество при неприятных делах[877].

Сам Феодосий не обманывал себя насчет расположения к нему его окружающих и в одном из писем государю писал, что «ненавидящие» его «туне умножились паче влас главы» его, и сам перечислял причины нелюбви к нему разных лиц. «Духовные» его ненавидят за управление духовными делами в столице помимо архиереев, за вызов в Петербург из

Москвы и других мест лучших священников и диаконов по его указанию; Рязанский митрополит имеет и личные счеты, за данный против него голос на собрании Сената об известном поучении 1712 года. «Не духовные» его ненавидят за отписку к Александро-Невскому монастырю вотчин некоторых монастырей Новгородской епархии и Троице-Сергиева монастыря, за вызов из архиерейских домов и лучших монастырей, по его указанию, в Александро-Невский монастырь лучших иеромонахов и иеродиаконов – судей, келарей, казначеев, соборных старцев и других, а также за перемену Тихвинского архимандрита. Не духовные недовольны также за строгие меры против крестовых и прочих волочащихся попов, старцев и стариц, за раскольников, которые имеют многих защитников, за защиту против обид светской власти флотского духовенства (против Ивана Синявина за обиду обер-иеромонаху и иеромонаху Феодосий требовал сатисфакции, но ее не только не учинили, но стали враждебно поступать и против него, и против них). Народ недоволен распоряжением, чтобы в церквах не жгли свечей свыше надобности, чтобы младенцев, причастив при крещении, не причащали более «до познания добра и зла», и Пречистых Таин чтобы священники не употребляли «за лекарство аптекарское здравым и больным младенцам»; и «раскольники злоречат». Есть и иные причины к ненависти, но их набралось бы так много, что не вместятся на сей бумаге. Ненавистники вредят ему всяким злоречием, не только в народе и между собой, но и пред царем, и он сомневается, не поврежден ли он уже давно. Поэтому он, припадая к милосердию царского величества, просит дозволить ему окончить жизнь в чернеческом безмолвии, чтобы не пострадать хуже без вины. Подписался – всенижайший, всеблагожелательный молитвенник Феодосий мизерный[878].

Вместо увольнения на покой Феодосий вскоре получил архиепископство, 1 января 1721 года[879]. После кончины митрополита Стефана Феодосий остался первенствующим в Синоде, хотя и не получил звания президента. На коронации Екатерины I в 1724 году он первенствовал среди иерархов[880].

Жил он «открыто». В Москве, например, где он проживал в ожидании коронации, он завел в 1723 году ассамблеи в духовном ведомстве по образцу заведенных Петром в светском обществе[881]. Открытая жизнь, само собою разумеется, требовала широких средств. В 1724 году на судью его дома, архимандрита Андроника, сделан был донос, обвинявший его в расхищении церковного имущества. Синод поручил было монастырскому приказу исследовать дело, но Феодосий сделал Синоду заявление, чтобы исследование дела было предоставлено ему самому с одним из членов

Синода. Синод не решился поступить так на свой страх, имел конференцию с Сенатом. Конференция решила согласно желанию Феодосия. Но тот, кто сделал донос, заявил протест против такого оборота дела, и решено было спросить у государя. Государь повелел следовать дело Сенату и Синоду вместе. Это уже был похоронный звон Феодосию, которого он еще, кажется, не слышал. Пока жив был Петр, дело не было доведено до конца[882].

XII

Феофан Прокопович, создатель духовного регламента, получил в Синоде третье место. Что первое принадлежало Стефану, это оспаривать было невозможно. Но почему Феофану предпочтен Феодосий, сказать трудно, Феодосий был, правда, старше Феофана и по возрасту, и по священству, но Феофан был старше по архиерейству. Старшинство кафедры, по-видимому, не могло идти в расчеты, так как, Рязанская, например, была гораздо ниже Псковской[883]. Относительно учености не могло быть спора. Но Феодосий обладал большим практическим смыслом, а Феофан более был кабинетный ученый. И Петр, этот гениальный практик и решительный, но чрезвычайно осмотрительный реформатор, отдал, во-первых, предпочтение практическому смыслу пред высоким умственным развитием и, во-вторых, Феофана, этого ученого реформатора, реформатора без оглядки, поставил, так сказать, под двойной контроль: «консерватизма» Стефана и практического смысла Феодосия.

Вращаясь в области предположений, не неуместно привести и замечание Самарина, что «Петр мудро ввел в Синод представителей двух разных начал» в церковных воззрениях – Стефана и Феофана[884]. Замечание остроумное, но, кажется, носит на себе все следы объяснения post factum. И Стефан, и Феофан, и Феодосий были такими «естественными» и бесспорными кандидатами в Синод, что не представлялось, кажется, никакой возможности обойти которого-нибудь из них и для назначения их в члены не требовалось никаких особенных соображений.

Феофан, во всяком случае, всегда был царю хорошим помощником в разъяснении его преобразований, тем более что и путь подобных разъяснений тогда был один: духовное слово. Феофан писал «Правду воли монаршей», когда Петр пожелал изменить порядок престолонаследия; духовный регламент – для объяснения отмены патриаршества и учреждения Святейшего Синода; трактат о лицемерах – в защиту действий Петра, дававших повод к обвинению его в гонении набожности и веры; увещание раскольникам – в духе действий петровых; о монашестве, когда Петр задумал преобразовать коренным образом этот духовный институт, и т. д. Когда Феофан писал свои эти сочинения, он постоянно имел общение с царем, получал от него указания, разъяснения, требования изменить, дополнить[885]. Петр высоко ценил ум Феофана, и, например, это уже вошло

в обычай, что проповеди Феофана, сказанные в присутствии государя, по его повелению немедля печатались[886].

Жил Феофан, подобно Феодосию, широко[887]. Оба эти реформатора, по-видимому, забывали обещания, данные ими при вступлении в монашество. У Феофана был лучший повар в столице, становившийся во главе всех аристократических поваров, когда Синод устраивал официальные пиршества и повара собирались от всех вельмож[888]. Современники Феофана сохранили анекдот, будто Петр однажды, явившись ночью к Феофану, застал его среди шумного общества за пиршеством, причем Феофан, извещенный о прибытии государя, не растерялся, а вышел навстречу с бокалом и словами: «се, жених грядет в полунощи, и блажен раб, его же обрящет бдяща», – и этою остроумною выходкой так утешил государя, что тот сам принял участие в пире[889].

Широкая жизнь требовала крупных средств. У Феофана была в Копорском уезде небольшая деревня Ильеши, которою он владел с 1720 года[890]. В сентябре 1721 года, по просьбе Феофана, государь отдал ему на Неве, при устье Черной речки, на выборгском берегу «землю с угодьем и некоторым строением», оставшуюся после почившей царевны Натальи Алексеевны[891]. В августе 1722 года, когда и государь, и Синод были в Москве, государь отдал Феофану, по его просьбе, из синодальных вотчин село Владыкино, Московского уезда, и село Озерецкое с деревнями и со всеми угодьями, а Синод в то же время предоставил Феофану воспользоваться подводами из других синодальных сел, в помощь владыкинским крестьянам для перевозки двухсот купленных бревен на починку обветшалого строения[892]. Нуждаясь в деньгах, Феофан в 1722 году сначала взял в монастырском приказе на вексель 800 рублей в счет будущего жалованья[893], а потом, в октябре, одолжил и у Синода 3200 рублей в рассрочку на четыре года. Когда в 1723 году обер-прокурор, признавая эту выдачу Синодом денег незаконною, предложил Синоду взыскать с Феофана следуемую ему сумму, не ожидая ранее выговоренного срока, Феофан ответил, что уплатить не может не только единовременно, но и в рассрочку: не получая жалованья, которое идет в счет уплаты долга, он входит в новые долги. В конце концов он предлагал Синоду отписать на Синод за долг у него новый дом, только что купленный, и личные его вещи, но просил подождать, как будет решена государем его просьба относительно этого долга, которую он представил государю. Синод согласился подождать, а Петр не разрешал просьбы, и все дело осталось в неопределенном положении ожидания[894].

По сообщению историка Петербурга Петрова, у Феофана была на

Карповке, где были дачи, «генеральная мыза», первый дачный участок, принадлежавший ранее покойному Роману Вилимовичу Брюсу. На мызе было подворье с церковью. Ныне это место занято Петропавловскою больницей[895].

XIII

Симоновский архимандрит Петр Смелич, «первенствующий советник», как его называли[896], был родом серб[897], был «не без образования», некогда занимал должность «судьи», духовного, конечно, и по возрасту был, кажется, всех старше[898]. После возвращения Синода в 1723 году в Петербург из Москвы архимандрит Петр был оставлен в Москве во главе учрежденного в Москве отделения Синода, под названием московской синодальной канцелярии[899]. А когда в 1724 году Синод снова переезжал в Москву, архимандрит Петр вызван был в Петербург для заседания в «петербургском правлении Святейшаго Синода»[900]. Он оставался в Петербурге до конца 1724 года[901], а к новому году испросил себе высочайшее разрешение отправиться «к марциальным водам для излечения болезни»[902].

В декабре 1724 года Синод представлял его на архиерейскую кафедру в Воронеж, но доклад Синода об этом не был утвержден государем[903]. Государь пожаловал Петру панагию, которую он и носил, будучи еще в сане архимандрита[904].

Архимандрит Ипатского монастыря Гавриил Бужинский был родом из Малороссии, где его родной брат был протопопом в Изюмском полку (уезде). Получил образование в Киевской академии, а затем, с 1706 года, был учителем, потом и префектом в Московской[905]. Он был первым иеромонахом, вызванным в Петербург в Александро-Невский монастырь, единственным в 1714 году. В Петербурге он был назначен флотским обер-иеромонахом, проживал то на кораблях, то в монастыре[906]. Он выдвинулся вперед своими ораторскими талантами, хотя его и упрекали в некоторой вульгарности его проповеди[907]. Современник поэт дал ему яркий и почтенный этикет: «Петра Великаго дел славных проповедник»[908]. Как человек наиболее образованный из советников и притом «весьма прилежный и тщательно-трудолюбивый»[909], он занял в Синоде с первых же пор в некоторой степени привилегированное положение. Ему отданы были Синодом в ведение дела учебные и научные, которыми он и распоряжался самостоятельно, от имени Синода, только о важнейших сообщая всему присутствию Синода. Ввиду этого он получил титул «школ и типографий протектора»[910]. Гавриилу постоянно давались особые поручения, а вместе с ними и льготы по занятиям в Синоде. Ему поручаемо было просмотреть перевод книги Пуфендорфа[911]; присутствовать, по приглашению Сената, в качестве представителя

Синода, при «сочинении уложения» – в комиссии для соглашения российского уложения со шведскими и эстляндскими правами[912]; собирать проповеди о Шведской войне[913]. Все эти занятия в совокупности ложились на Гавриила тяжелым бременем и он просил уволить его, по крайней мере, от обязанностей протектора школ и типографий[914]. Но, взамен увольнения, Синод предоставил ему некоторые льготы. При поручении составления сборника поучений ему дан был один льготный день, в который он освобождался от занятий по Синоду; при поручении просмотра перевода Пуфендорфа – дан был и второй льготный день[915]. По поручению государя Гавриил переводил много разных сочинений с иностранных языков, по поручению Синода – сочинял и исправлял пред новыми изданиями церковные службы, каноны, вообще был специалистом-работником по части научной и литературной. И, как бывало большею частью с образованными людьми того времени, подвергался упрекам за неправославие своих богословских суждений[916]. Через две недели после открытия Синода Гавриил уезжал в трехмесячный отпуск в свой Ипатский монастырь[917]. Указом 20 марта 1722 года Гавриил перемещен из Ипатского монастыря на освободившуюся вакансию в Троице-Сергиев[918]. Любопытно, что Синод, при назначении настоятеля в Троице-Сергиев монастырь, имел двух кандидатов из своих советников, Петра и Гавриила, и собирал о них обоих письменные мнения. Сохранились мнения синодальных асессоров – игумена Варлаама и иерея Анастасия Кондоиди, первое за Гавриила, второе за Петра[919]. В конце 1723 года Гавриил имел высочайшее разрешение на поездку в Олонец и Москву[920]. В конце 1724 года Синод представлял Гавриила на архиерейство в Казань, но доклад об этом Синода не получил высочайшего утверждения[921].

Архимандрит Высоко-Петровского монастыря Леонид, «церковнический сын из города Мещовска»[922], в конце августа 1721 года отпросился в трехмесячный отпуск в Москву, «для забрания скарбу», но в Петербург уже не вернулся, так как ко времени истечения срока его отпуска сам Синод собирался переезжать в Москву, о чем и предупредил Леонида[923], а затем ему дано было другое назначение. В конце 1721 года Синод проектировал назначить его на архиерейскую кафедру в Киев[924]. В 1722 году Леонид, оставаясь советником Синода, был хиротонисан 3 марта во архиепископа Крутицкого, или Сарского и Подонского[925]. Высочайший указ о бытии Леониду архиепископом объявлен был 16 февраля[926].

Четвертый советник, Донской архимандрит Иерофей Прилуцкий был вскоре, 19 июля 1721 года, переведен в Новоспасский монастырь[927]. В

июне 1724 года, при возвращении Синода из Москвы в Петербург, он оставлен Синодом в Москве, во главе московского отделения Синода[928]. В сентябре 1724 года он испросил себе дозволение у Синода отъехать на 15 дней «к марциальным водам вблизи Москвы» для поправления здоровья[929]. В конце года Синод представлял его на архиерейскую кафедру в Суздаль, но доклад Синода об этом остался неутвержденным[930].

Когда архимандрит Леонид был назначен архиепископом Сарским, то хотя и удержал за собою титул советника Синода, но собственно вышел из состава Синода, и на его место был определен ректор славяно-латинских школ, архимандрит Заиконоспасского монастыря Феофилакт Лопатинский. Почти тогда же, 9 марта 1722 года, Феофилакт был переведен в Чудов монастырь[931], на место высланного, по желанию государя, в распоряжение преосвященного Новгородского бывшего Чудовского архимандрита Геннадия[932]. Феофилакт был родом из волынских дворян, высшее образование получил, подобно Стефану и Феофану, после Киевской академии, заграницей, в сентябре 1704 года он был назначен учителем и префектом Московской академии, а с 1706 года состоял в ней уже ректором[933]. Занимаясь преподаванием и управляя школами, Феофилакт, среди своих преподавательских, административных и хозяйственных хлопот, посвящал немало времени и научным занятиям: занимался исправлением перевода Библии, исправлял новосоставленную службу в благодарение Богу за Полтавскую победу, писал опровержение на ложную повесть о святых Кирилле и Мефодии, написал опровержение на сочинение Феофана «О иге неудобоносимом»[934]. Характерен следующий факт из его жизни. Когда в 1722 году искали и не могли найти среди ученых архимандритов кандидата в архиереи на Иркутскую кафедру, так как никто туда не хотел ехать в ожидании лучших мест близ Москвы или Киева, Феофилакт сам вызвался отправиться в Иркутск, «видя малое число делателей, желающих идти на эту многую жатву, на подвиг апостольский». Он высказал при этом упрек, что большинство его собратьев ищет епископства, а не дела епископского. Феофилакт, предлагая себя в архиереи, оговаривался, что его предложение не вызвано ни честолюбием, ни корыстолюбием, а единственно любовию к Богу и ближнему. Несмотря на довольно настойчивое свое ходатайство, Феофилакт не был назначен в Иркутск. Вскоре он был хиротонисан во епископа Тверского и остался в Синоде[935]. Феофилакт был известен и как проповедник. Его одна проповедь о мире, сказанная им в новый 1722 год, была, по желанию государя, напечатана с переводом на немецкий язык, для отсылки к русскому резиденту в Стокгольм, где тоже была сказана

проповедь на подобную тему[936]. Как к человеку ученому, к нему Синод направил, в бытность его еще в Заиконоспасском монастыре, для наставления в вере, татарского мурзу, пожелавшего принять крещение[937]. Мурза этот впоследствии, получив наставление, крестился[938]. В 1723 году Феофилакт просил государя дозволить ему облачаться при богослужении в саккос, как делали его предшественники по Тверской кафедре[939]. Мотивами своей просьбы он выставлял то, что в тверской ризнице риз мало и ветхи, а саккосов много, и теперь, при переделке саккосов в ризы, произошел бы убыток; кромке того, в саккосах служили и некоторые архиереи низших, чем Тверской, степеней, как Холмогорский и другие. Государь написал: «учинить по прошению», и Синод 7 февраля 1724 года сделал по этой высочайшей резолюции свое постановление[940].

С 16 сентября 1723 года в Синоде появился новый советник, архимандрит Феофил Кролик, из асессоров[941].

В декабре 1724 года Синод представил государю доклад о назначении трех синодальных советников-архимандритов на архиерейские кафедры. Доклад остался неутвержденным. В этом докладе, на случай утверждения заключающихся в нем предположений, представлены были и кандидаты в советники Синода, причем против каждого кандидата отмечено, сколькими голосами он предложен[942].

XIV

Состав асессоров Синода был наиболее разнообразен. При открытии Синода асессорами были: два протопопа, греческий иерей и русский игумен.

Асессор, Троицкий протопоп Иоанн Семенов был вызван в Петербург из Москвы, жил в Петербурге без семьи и только в октябре 1722 года взял отпуск в Москву для взятия семьи и продажи своего московского двора[943]. Он вскоре был назначен судьею образованной при Синоде тиунской конторы[944], но продолжал числиться синодальным асессором, по крайней мере, считал себя асессором сам. Когда Синод отбыл в Москву и в Петербурге осталось «синодальное правление» только из одного советника и асессоров, Семенова перестали считать участвующим в Синоде; но он сам упорствовал в своем мнении, что он остается синодальным асессором, и, например, отказывался принимать указ из петербургского правления Синода, надписанный ему только с титулом судьи тиунской конторы, без упоминания об асессорстве. Вопрос был перенесен на разрешение полного присутствия в Москву и оттуда получился ответ, что именовать Семенова асессором не нужно[945]. Позднее это положение вещей было закреплено и высочайше утвержденным 16 сентября 1723 года докладом Синода, по которому асессором «на место» Семенова определено другое уже лицо[946].

Другой асессор, Петропавловский протопоп Петр Григорьев прочнее держался на своем посту. В Петербурге он служил сначала при Сампсоновской церкви на выборгской стороне иереем, и к Петропавловскому собору переведен протопопом после того, как весь причт Петропавловского собора был отрешен по приказанию государя по делу о царевиче Алексее[947]. По-видимому, он был человек доброй души и простой[948].

Третий асессор, греческий священник Анастасий Кондоиди – Αναστάσιος ιερεύς ὁ Κοντοειδής[949] – был вывезен в Петербург молдавским господарем, князем Дмитрием Кантемиром, у которого и жил, занимаясь обучением его детей греческому, латинскому и итальянскому языкам[950].

До выезда в Россию он был проповедником при Константинопольском патриархе, затем вторым секретарем у русского посла при султане, графа Петра Андреевича Толстого, был схвачен турками и подвергнут заточению, пролежал в погребе двадцать пять дней, но спасся бегством: был вывезен из турецкой земли запакованным в рогожу, в виде куля, в каком положении оставался двенадцать дней. При

этом он «лишился всего своего имения». Впоследствии он выставлял на вид русскому правительству свою «тайную службу» Толстому, будто бы совершенно бескорыстную, так как за нее он не брал у Толстого ни жалованья, ни подарков, «имея надежду на мздовоздаятеля Господа Бога, неся службу свою из ревности к благочестию, а не из-за наград». В 1716 году он получил было место в типографии – на печатном дворе, «у библейского дела и у других дел», с жалованьем в 400 рублей. Но этим местом он не был доволен, «в типографское дело и в школьные науки, кроме библейского дела, не вступал». Потом, однако, преподавал богословие в Московской академии, и из его учеников «некоторые вышли в учителя, другие впоследствии произведены в Синод членами и в архиерейство», как писал он сам в 1726 году[951]. В феврале 1722 года Кондоиди, чувствуя некоторую неловкость от несоответствия своего чина важности звания асессора Синода, обратился к Синоду с просьбой о пострижении его в монашество и о возведении в игумены. Он писал, что по духовному регламенту в Синоде полагается заседать архиереям, архимандритам, игуменам и протопопам, а он между тем простой иерей. Игуменства Кондоиди просил не одного титульного, «как у греков и римлян», а «с прибытком», т. е. с настоятельством в монастыре, по русскому обыкновению. Синод определил постричь его в Симоновом монастыре[952]. Кондоиди был пострижен, с именем Афанасия, и 2 марта 1722 года получил настоятельство в ярославском Толгском монастыре, с возведением в игумены[953]. Толгский монастырь был не из последних, имел 60 человек братии, 200 служителей, 250 дворов. Только что осмотревшись в монастыре, Афанасий стал просить Синод приписать к его монастырю семь ближайших малобратственных монастырей. Но так как все эти монастыри, по справке, оказались приписанными к другим монастырям, то Синод отказал Афанасию в его просьбе[954]. В 1723 году Афанасий был переведен в ярославский Спасский монастырь, с возведением в архимандриты[955]; в этом монастыре он провел зиму 1723 – 1724 годов[956]. Афанасий сам признавался, что он мало умел говорить по-русски[957]. Но зато о нем отзывались как о муже глубокоученом, которому мало найдется соперников среди эллинистов, называли его «красою Греции»[958]. Как ученый, или как грек, он принимал участие в исправлении перевода Библии[959]. Привыкнув на службе у Толстого заниматься шпионством, Кондоиди свои способности по этой части проявлял и на службе в Синоде. Так, он каким-то образом перехватил переписку петербургского римско-католического духовенства и передал ее Синоду с уверением, что римско-католические духовные суть

политические шпионы папы, так как живут не во внутренних городах России, как Тула, Казань, а в пограничных, как Петербург, Або, Ревель[960]. Усердие в этом случае превосходило, кажется, действительность.

Четвертый асессор, игумен Варлаам Овсяников, служивший в 1720 году еще монахом в Александро-Невском монастыре «по наряду на высылке»[961], родился под несчастливою звездой. Уже 24 февраля 1721 года он был привлечен к ответу, как замешанный по сибирским делам известного сибирского губернатора, казненного за злоупотребления, князя Гагарина. Варлаам обвинялся в том, что незаконно получил в 1707 году из сибирских товаров тюк китайской камки в 8 рублей. Дело на этот раз объяснилось благоприятно для Варлаама, обвинение оказалось взведенным по недоразумению[962]. В декабре 1723 года, как подлежавший розыску, Варлаам был лишен сана и монашества[963].

Асессор Феофил Кролик, в бытность простым еще монахом, был послан в 1716 году Мусиным-Пушкиным в Прагу для перевода иностранных книг на русский язык[964]. В 1721 году Синод поручил ему перевод двух последних томов словаря Буддея[965]. Содержание ему было назначено по 200 рублей в год, но с сентябрьской трети оно почему-то было приостановлено и он «впал в мизерию». В асессоры Синода он был избран, по-видимому, для усиления оставшегося в Петербурге «синодального правления». Определение Синода о назначении его асессором, с рукоположением во иеромонаха, состоялось в Москве 14 февраля 1722 года. Из дела о назначении Кролика в Синод не видно, чтобы об этом был указ государя. Получив назначение, Феофил немедля выбыл в Петербург, здесь уже 5 марта принял должностную присягу и 11 марта был рукоположен во иеромонаха[966]. Когда Чудовский архимандрит Феофилакт был назначен Тверским епископом, Феофил получил Чудовскую архимандрию. 16 сентября 1723 года государем утвержден доклад Синода, состоявшийся по указу государя, о возведении Феофила из асессоров в советники[967]. Синод давал ему некоторые специальные поручения, как, например, в 1724 году подготовить ко крещению десять малолетних татар-рекрут[968]. Кроме того, Феофил постоянно был завален поручениями и государя, и Синода по переводу всевозможных книг[969]. В приезд Синода в Москву в 1724 году Феофил остался в Москве и после возвращения Синода в Петербург, не хотел скоро ехать в невскую столицу, занявшись порученным ему государем переводом книги «об экономии», и 29 сентября просил Синод освободить его по крайней мере от осеннего пути, продолжив ему отпуск до зимы. Синод велел: быть по первому зимнему пути, ни мало не медля[970].

Асессор, «грек-белец»[971] Анастасий Михайлов Наусий назначен в Синод по докладу государю Феодосия и Феофана. Выслушав доклад синодальных вице-президентов в ревизион-коллегии 21 января 1722 года, государь указал быть Наусию в Синоде, «а чин и трактамент ему определить» по усмотрению самого Синода. Синод, 6 марта, определил быть Наусию асессором и получать асессорское содержание[972]. Это происходило в Москве. При отъезде Синода в 1723 году в Петербург Наусий остался в Москве и в сентябре просил отсрочить ему поездку в Петербург до зимнего пути. Синод дал ему отсрочку «до указу»[973]. Есть сведения, будто Наусий вовсе не знал по-русски[974].

Асессор Рафаил Заборовский, архимандрит Калязина монастыря, назначен асессором в Синод на место протопопа Иоанна Семенова, по докладу Синода, утвержденному государем 16 сентября 1723 года[975]. В 1720 году, в сане иеромонаха, он служил «в кампании во флоте», будучи причисленным к Александро-Невскому монастырю[976].

XV

Размеры жалованья членам Синода, как было уже сказано, установлены высочайшим указом 18 января 1721 года: президент получал 3000 рублей, вице-президенты по 2500, советники по 1000, асессоры по 600 рублей[977]. Исключением явились два асессора: грек Анастасий Кондоиди, которому государь присвоил советнический оклад, в 1000 рублей, «за верную к его императорскому величеству службу в Царьграде при полномочном российском после Толстом»[978], и асессор и обер-секретарь Варлаам Овсяников, которому Синод решил давать не асессорский, а обер-секретарский оклад и установил последний в размере, равном получаемому сенатским обер-секретарем: 1200 рублей[979].

Прошло около двух месяцев со времени открытия Синода, а никакого распоряжения о выдаче жалованья сделано не было. Тогда менее состоятельные члены вынуждены были взять авансы. Сначала, в марте, попросил асессор Варлаам 100 рублей, потом асессор Кондоиди 300 рублей, потом и другие. Советники все взяли по 500 рублей, асессор Кондоиди 450, асессор Варлаам 400, оба протопопа по 200. Тем временем, в апреле, Синод обратился в Сенат с ведением о присылке в Синод указания о размерах назначенного синодальным членам жалованья и откуда его получать. Сенат 20 сентября выслал копию высочайшего указа 18 января о жаловании. Здесь определены были только размеры жалованья; откуда его получать, не было упомянуто. Копия указа при сенатском ведении получена была в Синоде 22 сентября. 29 ноября Синод порешил получить жалованье из наличных синодальных сумм и сполна, без вычета получаемых членами доходов из других источников, т. е. епархий и монастырей, за исключением протопопов, у которых штатс-конторою, по сообщению Синода, было удержано их протопопское жалованье. Кроме того, решено было получить жалованье «с начала состояния Синода». Как потом оказалось, это означало за весь 1721 год. Эти отступления от прямого указания высочайшего указа были мотивированы «новозаводством», переездом из Москвы в Петербург некоторых членов и предстоящим выездом всех в Москву[980].

К этому времени сведения о доходах были получены от одного только Феодосия, у которого было высчитано доходов «против 1718 года» 313 рублей с копейками. Впоследствии поступили сведения и от других членов. Оказалось, что у Феофана осталось по архиерейскому дому за 1721 год 1 рубль 83 копейки, Феофилакт Тверской ничего не получал с епархии,

архимандрит Гавриил получал с монастыря 100 рублей. От других сведений не было[981]. В конце 1722 года Синод удостоверял пред Сенатом, что «доходы синодальных членов из собственных их мест бывают небольшие, а именно и из лучшей епархии архиерею придет только рублей двести, а иным и гораздо меньше»[982].

При такой ничтожности постороннего обеспечения, члены Синода, естественно, домогались получать следуемое им по Синоду жалованье в полном размере. Практикуя такое получение, Синод выставлял мотивом то, что жалованье по Синоду получается за службу в Синоде, а доходы с епархий или монастырей за управление епархиями или монастырями: два дела, два и жалованья. Желая узаконить самовольно принятую практику, Синод настойчиво повторял этот свой довод Сенату[983], а затем обратился по этому предмету и с прошением к государю. Государь, как часто в подобных случаях, задержал у себя прошение, оставляя его без резолюции[984]. Неузаконенность принятого Синодом порядка дала повод обер-прокурору обратиться в 1723 году к Синоду с предложением вернуть полученное жалованье за время с 1 января по 14 февраля 1721 года, день открытия Синода, а позднее – справляться о размерах получаемого членами дохода с епархий и монастырей. Однако это не привело ни к чему. Относительно жалованья Синод объяснил, что перебора за 44 дня нет, потому что члены Синода «позваны» из Москвы в Петербург еще в декабрь 1720 года, с 27 января следующего года стали приносить должностную присягу, 9 февраля 1721 года имели даже общее собрание, не считая уже гораздо более ранней работы по слушанию и обработке духовного регламента, в самом начале 1720 года; день 14 февраля, по объяснению Синода, следует признавать только днем входа Синода в собственное помещение. Относительно доходов с епархий и монастырей были повторены уже высказанные доводы к тому, что не следует зачитывать эти доходы в жалованье, а затем просто члены не представляли требуемых сведений. Когда же, наконец, представили, то оказалось, что доходы сводятся почти к нулю[985]. В начале 1724 года государь разъяснил, что выражение в указе 18 января 1721 года «с тем, что они могут получить из своих мест», следует понимать так, что оно относится только к получающимся в архиерейских домах или монастырях денежным остаткам, которые могли поступать архиерею или архимандриту на «собственные их расходы», и совершенно не относится это выражение к «обыкновенным домовым и монастырским доходам», т. е. что доставляется из архиерейского дома или монастыря «съестных припасов, на покупку дров и сена и прочих тому подобных потребностей», что все

архиерей мог бы получать, проживая на епархии в архиерейском доме, а архимандрит – в монастыре. Из этих остатков от содержания своего и всей своей свиты члены Синода и должны получать свое жалованье, обращаясь в казну лишь за тою частию жалованья, которая окажется не погашенною означенными остатками. Не включаются в счет жалованья и все те доходы, которые члены Синода «откуда когда получали и впредь будут получать на собственную свою персону», т. е. так называемый общий кружечный доход и личный, поступающий за совершение треб. Этот указ объявлен был Синоду 5 января 1724 года[986].

Размеры положенного для членов Синода жалованья Синод не признавал достаточными, и когда в конце 1722 года был проект введения общих штатов, Синод проектировал возвысить оклад жалованья советникам с 1000 до 1500 рублей и асессорам с 600 до 1000 рублей. Президенту и вице-президентам оклады были оставлены прежние. При этом настойчиво была проведена мысль, что оклады жалованья должно выдавать независимо от тех доходов, которые получают члены Синода от епархий и монастырей[987].

По общему закону, жалованье полагалось выдавать по третям года[988]. Обыкновенно оно выдавалось в конце трети, но зачастую далеко позднее ее окончания[989]. Из жалованья высчитывался с 1722 года один процент на лазарет[990]. Любопытно, что у советника, архимандрита Леонида, уехавшего из Синода в отпуск в Москву, предположено было удержать жалованье за время его отпуска[991]. Президенту, митрополиту Стефану вовсе не было выдано жалованья из Синода, и только он сам взял в его счет пред самою кончиной из доходов Рязанского архиерейского дома 3000 рублей[992]. Правда, у митрополита доходы значительно превосходили размер Синодского жалованья, но ведь члены постановили доходы с епархий и монастырей не включать в счет жалованья.

По высочайшему указу 7 апреля 1723 года у всех лиц, получающих жалованье, кроме рядовых, произведен был, на пополнение опустевшей государственной казны, вычет четверти получаемого жалованья[993]. Несколько ранее, 29 января 1723 года Петр дал указ, которым по всему духовному ведомству приостанавливалась выдача жалованья, кроме хлеба «и прочих нужных необходимых потреб, что к пропитанию надлежит» – до выплаты монастырским приказом накопившейся на нем крупной недоимки государственных сборов, ввиду того, что государственная казна опустела и солдаты не получали жалованья почти уже целый год[994]. Синод 8 февраля поднес государю доклад, что виноват в недоимке не Синод, а виновны камер-коллегия, не доставившая сборных книг, и Сенат, не

приславший для сбора достаточного числа офицеров и царедворцев; что Синод никогда не прекращал заботы о получении сборов полностью и теперь дал подтвердительные распоряжения; что в Синоде некоторые члены и все канцелярские не имеют, кроме жалованья, никаких средств, ни откуда доходов не получают, и теперь не могут «подняться» в Петербург, если не получат жалованья. Синод в то время был в Москве и собирался уже переезжать в Петербург. Петр дал резолюцию: «дать жалованье на полгода, которые идут в Петербург, и тем, которые вотчинами не владеют, но токмо с жалованья одного пропитание имеют»[995]. 21 декабря 1723 года, по просьбе членов Синода о выдаче жалованья, государь разрешил получить «из неокладных доходов» лишь часть жалованья, соответственную части выплаченной недоимки, из-за которой выдача жалованья приостановлена[996]. К началу 1724 года из недоимки было уплачено более половины, и Синод, 22 января, сделал постановление о выдаче половины жалованья за 1723 год, «из собираемых с раскольников и с не исповедавшихся и из штрафных по инквизиторским делам», с вычетом четвертой части на содержание войска[997]. Наконец, после коронации, члены Синода, по ходатайству Феодосия, вовсе не получавшего жалованья с 1722 года, подали государю в Москве 24 мая 1724 года прошение о выдаче им полного жалованья за прежнее и на будущее время, настаивая, что относительно недоимки они имеют «довольное оправдание», и государь положил резолюцию: «позволяется жалованье по-прежнему»[998]. 30 мая государь, по докладу Феофана, пояснил, что жалованье позволяется получить из таких доходов, которые прежде поступали патриарху, а теперь Синоду, но не из государственных сборов и не из штрафных с раскольников[999].

Оказалось по справке, что за 1721 год все, кроме президента, получили жалованье, полностью и без всяких вычетов, из синодальных сумм; за 1722 год все, кроме президента и Феодосия, полностью, за вычетом одного процента на лазарет, тоже из синодальных сумм, за исключением одного Симоновского архимандрита Петра, который свое жалованье получил из сумм своего монастыря. За 1723 год все, кроме Феодосия и Анастасия Наусия, ничего не получивших, получили только половинное жалованье, с вычетом из него процента на лазарет, всех получаемых с епархий и монастырей доходов (в вышеозначенном количестве) и четвертой части получаемых денег на войско, в силу апрельского указа 1723 года, устанавливавшего этот вычет для всех, получающих жалованье; причем советнику, епископу Тверскому Феофилакту, по особому высочайшему повелению, возвращены были все

удержанные деньги, так что он получил полную тысячу рублей. Заслушав высочайшие повеления 24 и 30 мая, Синод 8 июня постановил: выдать всем членам, не получившим своего жалованья, полный оклад, а недополучившим – добавочные до полного оклада суммы с 1722 года, за вычетом только процента на лазарет и получаемых с епархий и монастырей доходов. Образовавшаяся за 1722, 1723 и первые две трети 1724 года сумма, около 16000 рублей, взята была из штрафных в инквизиторской конторе, из взятых из Рязанского архиерейского дома, оставшиеся от расходов полонные и милостынные с церковниковых дворов, подможные полковым попам, остаточные домовые с 1712 по 1723 год казенных сборов Рязанского архиерейского дома, «сысканные» в Коломенском архиерейском доме деньги и, наконец, из наличных синодального казенного приказа[1000]. А петербургские члены для уплаты жалованья взяли 2000 рублей на вексель у черкашенина Бужинского и переяславца Ивана Кашинцева[1001].

Иногда, вместо денег, жалованье забиралось вещами. Так, протопоп Семенов в 1724 году, в счет жалованья за 1723 год, взял присланную из вышнего суда, у кого-то конфискованную, Феодоровскую икону Богоматери, по оценке в 200 рублей[1002].

XVI

Митрополит Стефан имел в Петербурге двор на Петербургском острове[1003], по Никольской улице[1004]. Строился для него дом и на Васильевском острове, розданном под дома знатных людей. 12 августа 1721 года Стефан писал Казанскому митрополиту Тихону: «на Васильевском острове храмины для нас делают»[1005]. Но ко времени последнего отъезда Стефана в Москву эти «храмины» еще не были готовы. Ежегодно Стефан вызывал в свой дом смену служителей из Рязани. Такая смена приехала и на 1723 год. Со смертью Стефана она осталась в его опустевшем доме без всяких средств к пропитанию. Вернулись эти служители домой, в Рязань, только при пособии от Синода[1006]. В доме митрополита Стефана было шесть «светлиц» и четыре «избы» на дворе, для прислуги, конечно[1007].

Феодосий имел монастырь и подворье, заключавшее в себе церковь и семнадцать палат и сеней[1008].

У Феофана также было где жить в Петербурге, благодаря милости к нему государя.

Советники и асессоры, будучи вызваны в Петербург, на первых порах не имели здесь своего пристанища. В первом же заседании, 14 февраля 1721 года, при своем открытии, Синод напомнил государю, что советники и асессоры не получили указа о дворах, где им жить. Государь написал на докладе Синода: «которые могут монастырским иждивением построить, строить самим, на Васильевском острову, а которые не могут, подать росписи»[1009]. Тот же ответ разрешал и всеподданнейшее прошение советников и асессоров о даче им денег на покупку дворов[1010]. По справке оказалось: за Симоновым монастырем 2493 двора, за Ипатским 3684, за Высоко-Петровским 519, за Донским 1427. В соответствии с указом 9 апреля 1719 года Сенат рассчитал, что Симоновский архимандрит должен выстроить на Васильевском острове два каменных дома, Ипатский три, Донской два и Петровский – один[1011]. Синод сделал другой расчет. По Синодскому расчету Симоновский и Ипатский архимандриты могли строиться сами на Васильевском острове, когда получат в свои руки вотчины и доходы на основаниях, бывших до монастырского приказа, а Петровский и Донской архимандриты, за малостью крестьян, сами строиться не могли. Также не могли строиться сами Кондоиди и Овсяников, которые ниоткуда не получали доходов[1012].

Из последующего оказывается, что почти все советники и асессоры,

оставшиеся в Петербурге, обзавелись своими домами.

Симоновский архимандрит Петр купил было сначала себе дом на Малой морской, на свои келейные деньги. Дом этот почему-то был сломан по распоряжению правительства, а Петру отведен другой дом – от кабинета, по Неве. Уезжая в Москву, Петр оставил в этом доме дворника для охраны. Случилось, что петербургский полицмейстер засадил этого дворника «в каторгу» за то, что он не строил бичевника против дома, по Неве. Но так как дом этот дан был архимандриту Петру только во временное пользование, а не в собственность, то Петр и не считал себя обязанным строить бичевник, почему и просил освободить ни в чем не повинного дворника. По просьбе Петра Синод писал об этом в полицмейстерскую канцелярию[1013].

У архимандрита Гавриила было в Петербурге подворье, принадлежавшее Ипатскому монастырю и оставшееся было за Гавриилом и после его перехода в Троице-Сергиев монастырь[1014]. В 1723 году Гавриилу принадлежал в Петербурге двор дьяка Степана Неелова, на Петербургском острове, состоящий из пяти светлиц и двух изб[1015].

Леонид, по всей вероятности, не имел в Петербурге дома.

Архимандрит Иерофей жил на Петербургском острове, на дворе, состоявшем из дома в пять светлиц и трех людских изб[1016]. Этот двор куплен был им в 1721 году у стряпчего с ключом Панкратья Сумарокова за 1000 рублей. Он был расположен на берегу Малой Невы и считался загородным[1017].

Феофилакт 19 мая 1723 года получил от государя в пользование дом, в котором жил митрополит Стефан, в Никольской улице на Петербургском острове[1018], так как у нового Рязанского архиерея оставалось свое подворье в Петербурге на Васильевском острове, не оконченное еще постройкой при Стефане. 1 февраля 1724 года, по просьбе Феофилакта, государь отдал ему этот дом совсем[1019]. Феофилакт просил у государя дать ему и мызу, с которой он мог бы получать дрова и сено; просил также отдать ему келейные вещи, оставшиеся после его предшественника по Тверской кафедре Варлаама, которые были взяты в Синод[1020]. Вещи были отданы[1021]. А относительно мызы дело разрешилось тем, что с дозволения государя Феофилакт купил на свою тысячу рублей у дьяка Неелова село Степановское, в Копорском уезде, между реками Ижорою и Тосною. Покупка эта была вызвана тем, что Феофилакту в Ингерманландии земель не было определено и он, вынужденный проживать в Петербурге «многия числа», испытывал великую нужду как в запасах, так и в конских кормах и дровах[1022].

Асессор Кондоиди, не имея где жить, просил Синод сделать на этот счет какие-либо распоряжения, и Синод требовал у Сената отвести ему квартиру[1023]. В ноябре 1721 года ему был отдан конфискованный в казну двор подрядчика Крюкова; строения были несколько ветхи, и Кондоиди произвел ремонт на свой счет[1024]. В 1722 году он взял себе место для постройки дома на Васильевском острове[1025], но, не имея средств, дома не строил[1026].

Асессор Анастасий Наусий нанимал квартиру и платил по пяти рублей в месяц без дров[1027].

Протопоп Петр Григорьев одно время просил государя отдать ему конфискованный двор бывшего «прибыльщика» Алексея Курбатова на Петербургскою острове, в приходе церкви Успения[1028]. В 1723 году он жил на Петербургском острове, в доме, который был записан в полицейском реестре за поручиком морского флота, князем Иваном Яковлевичем Лобановым-Ростовским; двор состоял из дома в пять светлиц и двух изб без печей[1029].

Самое большое помещения было у протопопа Иоанна Семенова: двенадцать светлиц и пять камор. Жил он тоже на Петербургском острове[1030].

XVII

Значительную долю пособия в содержании доставляли членам Синода монастыри, у кого они, конечно, были. От монастырей их настоятелям шло содержание квартирою и столом, – или натурою, или за счет монастыря; кроме того, от монастыря была и свита, и прислуга, и еще, вдобавок, жалованье, особо от Синодского[1031]. В январе 1724 года нарочные подводы доставили запас провизии из монастыря архимандриту Иерофею[1032]. Получали припасы из своих монастырей и советники-архимандриты Гавриил[1033] и Петр[1034]. Гавриил установил у себя в монастыре, вдобавок, сборы и на «столовые запасы», и на «переезды в Петербург»[1035]. Асессор Кондоиди, получив в свое управление Толгский монастырь, издерживал в Петербурге и Москве «на всякия нужды свои деньги», а затем «расходныя книги» этим деньгам «за своею рукою» присылал в монастырь, и монастырский казначей «платил по тем книгам деньги». При переходе в Спасо-Ярославский монастырь Афанасий насчитал на Толгском свыше 600 рублей долгу себе и в счет этих денег хотел взять за 190 рублей 13 монастырских лошадей, о чем и был уже составлен от монастыря передаточный акт. Кроме того, Афанасий имел от казначея расписку, будто у него, Афанасия, монастырем взято взаймы 157 рублей. Казначей пожаловался, что и расписка, и передаточный акт написаны по принуждению. Афанасий, узнав об этом, вызвал казначея к себе в Ярославль и держал его в монастыре под караулом, внушая: «знаешь ли ты, что я синодский член?!» Дело в конце концов попало в Синод, казначей был вызван в Петербург и после длинной процедуры Синод признал за Афанасием право на получение с монастыря 400 рублей, но лошадей оставил в монастыре[1036].

У архимандрита-советника предполагалась целая свита, minimum в четырнадцать человек: священник, диакон, писец, келейник, повар, хлебопек, истопник, дворник, двое выездных, два конюха и два гребца. В Петербурге «весьма нужно» было иметь свою верейку, верейка требовала пяти гребцов, но специально гребцов иметь признавалось довольным двух, так как в верейку, в случае надобности, могли быть посажены двое выездных и один конюх. Келейник, писец, конюхи, выездные и гребцы имели мундиры[1037].

V. Исполнительные органы Святейшего Синода и обер-прокурор

Секретариат: обер-секретарь и секретари. – Канцелярия: первые заботы об образовании ее; канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, писчики, содержание их; высшие канцелярские чины: регистратор, актуариус, нотариус или протоколист; канцелярские порядки и канцелярская работа; из внутренней жизни канцелярии; канцелярские расходы. – Агент или экзекутор. – Переводчики. – Архив, библиотека, органы специального назначения. – Обер-прокурор при Синоде.

I

В двадцать восьмой главе генерального регламента, носящей название: «о канцеляриях», сказано: «надлежит все то отправлять, что от коллегии определено, и принадлежат к тому: секретарь, нотариус, переводчик, актуариус, регистратор, канцеляристы, копиисты»[1038]. Далее в генеральном регламенте следуют главы: «о секретарском управлении», «о должности нотариуса», «о должности переводчика», «о должности актуариуса», «о чине регистраторском», «о канцеляристах» и т. д.[1039] В сороковой главе: «о определении в канцеляриях», сказано, что «в канцеляриях надлежит секретарям особливый стол с замком иметь»[1040]. Таким образом, обе эти главы генерального регламента, двадцать восьмая и сороковая, помещают секретаря в канцелярии. Но в то же время секретарь «в коллегии докладывает», «над протоколом и канцеляриею имеет, под вышнею дирекциею коллегии, надзирание», наконец, «хотя в коллегии гласу не имеет, однако ж надлежит ему коллегии по всей возможности надлежащее уведомление давать и о нужном напамятовать»[1041]. Эти обязанности секретаря выдвигают уже его из рамок канцелярии. И хотя вскоре по учреждении Синода секретари и обер-секретарь Синода на практике стали считаться принадлежащими к канцелярии, но в начале это не было так. Первым обер-секретарем Синода был асессор Синода. Именовались обер-секретарь и секретари всегда обер-секретарем и секретарями «святейшаго Синода».

В генеральном регламенте изложены подробные указания о канцелярии, секретаре, «канцелярных и конторных служителях»[1042]. В духовном же регламенте имеются указания только о членах Синода, о секретариате же и канцелярии не говорится ни слова[1043]. По-видимому, предполагалось устроить эти части применительно к указаниям генерального регламента и практике Сената. Но, во всяком случае, Синод категорически замечет, что «генеральный регламент не во всем свойственный» духовному ведомству, а «дан светским коллегиям»[1044].

II

На самых первых порах в Синоде был только один обер-секретарь, а секретарей не было. Обер-секретарь, иеромонах Варлаам Овсяников был вместе с тем и асессор Синода. Он получил свое назначение в самый день открытия Синода, но еще до открытия, утром 14 февраля 1721 года. Назначение его было сделано, по избранию членов Синода, Сенатом. Члены Синода избрали Варлаама в асессоры и обер-секретари на собрании 9 февраля и об этом избрании отправили мемориал в Сенат. Об этом было уже сказано[1045]. Сенат утвердил избрание 14 февраля утром и прислал ведение, гласившее, что «по требованию Синода» иеромонах Варлаам Овсяников «определен в Сенате в Синод асессором и обер-секретарем», «был у присяги», и «Правительствующему Синоду о том ведать»[1046].

Варлаам не долго оставался обер-секретарем. Неудобство ли совмещения асессорской и обер-секретарской должностей, или непривычка духовной особы к канцелярской работе, или же, наконец, тут имели влияние причины, касавшиеся лично Варлаама, только 1 октября 1721 года государь, будучи в Синоде, указал быть обер-секретарем, на место Варлаама, светскому лицу, дьяку Палехину. Тимофей Осипович Палехин в это время состоял дьяком в Москве, в счетной рекрутских дел канцелярии, под ведением известного мастера всевозможных розыскных дел Андрея Ивановича Ушакова[1047]. Это было временное служебное поручение для Палехина, а постоянная его служба была в тайной канцелярии, бывшей под ведением Ушакова[1048]. Дела именно этой канцелярии он сдавал пред переходом в Синод[1049]. Порядок определения Палехина в должность был следующий. После высочайшего повеления 1 октября Синод, от 18 октября, послал о нем ведение в Сенат. А Сенат, «слушав, приговорил»: «быть» Палехину обер-секретарем в Синоде, и для этого вызвать Палехина из Москвы в Петербург[1050]. Однако вызов этот не состоялся. Первое время Палехин был, очевидно, занят сдачею дел по прежней своей службе, а потом выяснилось, что сам Синод переезжает в Москву. Наконец, 1 января 1722 года, в Москве, в ответной палате Синода, в присутствии государя, Палехину был сказан указ и Синод сделал постановление: «определить» Палехина к синодальным делам[1051].

В Синоде обер-секретарь имел особую «секретную контору», т. е. «секретную» комнату, в которой и «отправлял свои дела», когда не было собраний Синода[1052]. На обязанности обер-секретаря лежал прием поступающих в Синод бумаг[1053] и канцелярское их направление, доклад

Синоду[1054], подписание указов, наблюдение за канцелярским делопроизводством. В коллегиях, в которых не было обер-секретаря, а был только один секретарь, все эти обязанности лежали на секретаре[1055]. Был случай, что обер-секретарь делал государю всеподданнейший доклад по синодскому делу, об отступниках от веры[1056].

Из деятельности обер-секретаря не лишне указать некоторые отдельные подробности. Заметив однажды, что московская дикастерия поздно донесла Синоду о получении синодального указа и ничего при этом не упомянула об исполнении этого указа, Палехин сделал на донесении дикастерии надпись о докладе этого донесения Синоду «к рассмотрению» с выпискою подлежащих указов[1057]. Один раз Синод поручил обер-секретарю вытребовать из московской синодальной канцелярии одно нужное дело, и Палехин писал о том от своего имени письмо к оставшемуся в Москве синодальному члену, архимандриту Иерофею[1058]. В другой раз, также по особому поручению Синода, обер-секретарь писал синодальному асессору Наусию письмо, чтобы тот «престал от нарекательных слов» и не запрещал читать в греческой церкви в Москве клятвенные грамоты патриарха, написанные на должников-греков, – домашнее дело патриарха[1059]. С течением времени Синод начал предоставлять своему обер-секретарю право самостоятельно решать некоторые маловажные дела, без доклада Синоду, – на первый раз дела о крестьянах духовного ведомства, оказавшихся в Петербурге без покормежных писем и паспортов и обыкновенно направляемых полицейскими властями в Синод[1060].

С течением времени обер-секретарем стали пользоваться для сношений с Синодом светские ведомства. Сенат сообщает Синоду чрез обер-секретаря свое решение о том, чтобы новоназначенный в Китай епископ Иннокентий Кульчицкий из политических видов никому не разглашал в Китае о своем епископском сане[1061]. Из кабинета пишут обер-секретарю о высылке в кабинет синодального переводчика[1062]. Кабинет-секретарь Макаров в письме на имя обер-секретаря сообщает царский указ Синоду о выборе кандидатов к замещению светской должности судьи розыскной раскольнических дел канцелярии, состоявшей в ведомстве Синода[1063]. Маршал высочайшего двора сообщает также в письме своем на имя обер-секретаря высочайший указ Синоду о высылке овец к олонецким марциальным водам из Александро-Свирского монастыря[1064].

Как специалист в приказных делах, обер-секретарь занимает определенное и влиятельное положение, и еще в 1722 году Феодосий уже направлял просителя к нему в затруднительном случае[1065]. Влиятельность

положения обер-секретаря делала это положение и почетным. Канцелярия писала Палехину в письмах: «премилостивейший наш государь и отец Тимофей Осипович»[1066]. Архимандрит Феофил, член Синода, писал ему: «благородный и высокопочтеннейший господин обер-секретарь, благодетельный приятель», просил доложить его просьбу Синоду и подписывался: «вашего благородия, почтеннейшего приятеля, доброжелательнейший служитель»[1067]. За почтение со стороны синодального члена Палехин платил удвоенною почтительностью, немедля доложил просьбу его Синоду и писал в ответ: «высокочестный господин священноархимандрит Феофил, мой государь, милостивый отец». «Высокосклонное ваше, государя моего, письмо... я получил, за которое и за все ваши отеческие ко мне милости премного благодарствую, и впредь таковых же ваших, благоприятных мне письмопосетительств усердно желаю не лишатися». «Всепокорно объявив» затем о результатах своего доклада Синоду по просьбе Феофила, Палехин заканчивал письмо следующими словами: «вруча себя в неотменные ваши милости, со испрошением отеческого вашего благословения и молитв, вернопослушным слугою остаюся всегда раб и сын послушный ваш»[1068].

Для светских служащих размеры жалованья были установлены печатным указом 1715 года. Но в указе этом не было упомянуто о должности обер-секретаря. В Сенате обер-секретарь получал жалованья 1200 рублей, в военной коллегии 1000 рублей. Для синодского обер-секретаря взят был оклад сенатский[1069]. Эта цифра признавалась вполне достаточною, и, например, в проекте штата 1722 года обер-секретарю не сделано было никакой прибавки, в то время как всем другим светским должностным лицам, служившим при Синоде, проектирована была прибавка к жалованью[1070].

Палехин имел в Ямбургском уезде деревню, в которую летом 1723 года ездил в двухнедельный отпуск, данный ему Синодом[1071]. В Петербурге жил в доме дьяка Федора Воронова на Московской стороне. Двор Воронова был, по крайней мере, по полицейским спискам «написан за Палехиным». В доме было пять светлиц, на дворе, кроме дома, две избы[1072]. В бытность на службе в тайной канцелярии Палехин имел двух денщиков, а когда поступил в Синод, ему дан был только один солдат из присланных военною коллегией в духовное ведомство отставных для определения в монастыри на прокормление, за неспособностью к дальнейшей военной службе. В середине 1722 года Палехин возбудил вопрос о назначении ему и второго денщика, так как и сенатские обер-секретари имели по два денщика. Синод исполнил это желание своего

обер-секретаря, и второй денщик был ему назначен, из синодальных солдат. Жалованье денщику определено было в том размере, в каком получали денщики обер-секретарей Сената: 45 копеек, четверть четверика муки, восьмую четверика крупы и 2 фунта соли в месяц. Мундир и амуницию для нового денщика предположено было приобрести у военной коллегии[1073].

III

По генеральному регламенту, секретарь коллегии должен был «собирать все указы, грамоты, письма, мемориалы, реляции, или отписки, и прочее, что в его коллегии приключится», и докладывать в заседании членов коллегии в определенном порядке, со справками. По выражению генерального регламента, секретарь при докладе дела «припоминает, что к тому потребное». Докладывать коллегии дело секретарь должен был только тогда, когда дело с канцелярской точки зрения было в полной исправности; а если дело почему-либо было неисправно, например, если в нем не было требуемого законом «мнения» учреждения, представляющего дело, то предписывалось такое дело «докладывать не дерзать». На обязанности секретаря лежал также прием поступающих бумаг. Когда решение состоится, секретарь «имеет попечение», чтобы «исполнение» было «учинено» в порядке решений, важные исполнительные бумаги «сочиняет» сам, а другие распределяет между канцелярскими служителями. Он должен был «крепко смотреть», чтобы «все отправления или отпуски по уставам и резолюциям явственно и ясно были изготовлены и чтобы были сохранены копии, дабы никакого просмотра при том не приключилось: ибо он в том ответ дать и того ради имя свое подписать во всех отправах должен». Для облегчения справок для лиц, причастных делам, секретарю вменялось в обязанность вывешивать «в удобном месте» на стене реестр дел решенных и исполненных и реестр решенных, но еще не исполненных. «Голоса» в коллегии секретарю предоставлено не было, «однако ж» ему «надлежало» «по всей возможности давать коллегии надлежащее уведомление, и о нужном напамятовать». Секретарю принадлежало «надзирание над протоколом и канцеляриею, под вышнею дирекциею коллегии». В коллегию являться он должен был «всегда гораздо ранее прежде заседания членов», чтобы успеть принять «от челобитчиков доношения», приготовить все к докладу и распределить по канцелярии остающиеся у него на руках не исполненными дела. За причинение кому какого убытка леностью или нерадением секретарь подлежал на первый раз штрафу в полное возмещение убытка, во второй раз вдвое и отставке от должности[1074].

В коллегиях, для которых написан генеральный регламент, было только по одному секретарю, не было ни обер-секретаря, ни обер-прокурора, на которых отвлечена была значительная часть обязанностей секретарской должности. Поэтому должность секретаря коллегии не

вполне соответствовала должности секретаря Синода. Но в существенном это, во всяком случае, была та же должность: тот же доклад, те же обязанности по исполнению решений.

Секретари Синода не только докладывали Синоду поступавшие в Синод дела, но иногда, вместе с обер-секретарем, входили с докладом Синоду и по собственной инициативе, по какому-либо внутреннему канцелярскому вопросу, как, например, о назначении протоколиста[1075], или воспрещении служащим в синодальной канцелярии вступать в поручительство по посторонним делам без разрешения[1076]. В зале заседаний секретарь имел, по генеральному регламенту, особый стол на правой стороне от стола членов[1077], в канцелярии – особый стол с замком[1078].

Первым секретарем Синода был назначен 16 февраля 1721 года Василий Федоров из московской губернской канцелярии[1079], но ему, кажется, пришлось начать службу в Синоде не тотчас, и первым секретарем в действительности был Иван Карнышев, которому не долго привелось служить в Синоде. Избрание Синода пало на него тогда, когда он состоял «у палатного строения» на острове Котлине, в ведении князя Меншикова[1080]. Меншикову государем «вручено» было вообще все «строение каменных домов»[1081]. Синод послал в Сенат ведение, чтобы Сенат «сказал» Карнышеву его новый чин и затем выслал Карнышева в Синод. Прошло два с половиною месяца, а синодальное ведение оставалось без ответа. Тогда Синод, узнав, что Карнышев проживает в Петербурге, распорядился самостоятельно сыскать Карнышева, доставить его в Синод и здесь объявить ему о новом его назначении. Синод к этому времени рассудил, что требование генерального регламента, чтобы «в секретари чин сказывать в Сенате»[1082], относится только к секретарям светских коллегий, а Синод, как во всем равный Сенату, сам может сказывать чин своим секретарям. Карнышев был сыскан, представлен в Синод и выслушал указ о своем чине. Но через две недели к Карнышеву на дом явился с солдатами плац-майор петербургского гарнизона, схватил его и отправил обратно на Котлин. Оказалось, что было получено письмо Меншикова о розыске Карнышева как беглого[1083]. На Котлине военный суд приговорил Карнышева к батогам за то, что поступил в Синод, не сказавшись своему начальству. Поступление Карнышева в Синод произошло во время отпуска его с Котлина в Петербург. Меншиков усилил приговор суда резолюцией: бить батожьем, записать в писаря и жалованья не давать[1084].

Синод оказался в положении весьма неприятном. Он обратился в

Сенат, но Сенат не отвечал. Завязалась длинная и бесплодная переписка. Через год Синод, не получая удовлетворения, представил все обстоятельства дела на воззрение государя. Но судьбе было угодно устранить прямое решение этого любопытного дела. Карнышев оказался обвиненным в хуле на государя и подлежал смертной казни. По всемилостивейшему манифесту, по случаю мира со Швецией, смертная казнь была заменена для Карнышева ссылкою в Сибирь[1085]. Синод не мог успокоиться на таком конце дела, жаловался государю и государь требовал от Меншикова объяснения[1086], но каких-либо существенных последствий от этого, по-видимому, не было.

Синод чрезвычайно нуждался в секретарях и подьячих, жаловался что «как в секретарях, так и в подьячих в Синоде обстоит великая нужда, понеже день от дня дела умножаются и ни по которой мере без секретарей и без довольного числа подьячих в делах управиться не возможно»[1087]. Это было сказано в мае 1721 года, а в конце августа Синод повторял свою жалобу, что «в нужнейших синодальных, до секретарской должности касающихся отправах многая была и ныне есть многая нужда»; «без секретаря синодальныя многия дела останавливаются, в чем необходимая есть Синоду нужда»[1088]. Наконец, 28 августа 1721 года определен секретарем Синода Герасим Семенов. Он ранее служил старым подьячим в Новгородском архиерейском доме «у счетных дел»[1089]. При учреждении Синода он был взят в синодальную канцелярии к отправлению секретарских дел канцеляристом, здесь оставался с 15 февраля по 17 марта, а затем был обратно взят Феодосием и определен у него архиерейским секретарем. С позволения Феодосия Семенов, однако, по-прежнему «в нужнейших делах» продолжал работать в синодальной канцелярии «в отправлении секретарской должности», а затем, по докладу обер-секретаря о необходимости назначить секретаря, 28 августа Синод определил быть Семенову, за его усердные труды, секретарем и «заседание иметь с прочими секретарями», когда будут полные собрания Синода, а в прочее время по-прежнему быть у Феодосия, «у отправления порученных ему» Феодосием дел. Жалованье Семенов получал по должности секретаря Синода[1090].

С 28 октября 1721 года упоминается и секретарь Василий Федоров[1091], которого заменил впоследствии, с половины 1722 года, Василий Тишин. Определение Синода о назначении Тишина состоялось 22 июня, а чин ему сказан в Синоде в Москве, куда Тишин прибыл 27 июля[1092]. В декабре 1721 года числилось в Синоде два секретаря[1093]. Тишин ранее служил подьячим Новгородского архиерейского дома,

отсюда был взят в юстиц-коллегию и там определен регистратором. Нуждаясь в служащих, Синод 4 мая 1722 года потребовал у юстиц-коллегии представить Тишина в Синод, как бывшего подьячего духовного ведомства. Коллегия, однако, не хотела расстаться с Тишиным и не отпускала его; но когда Синод обратился за содействием к Сенату, Тишин был представлен[1094].

Оказалось, что два секретаря не в состоянии были справиться со все более и более возраставшим количеством синодальных дел. Тогда Синод, по докладу обер-секретаря, назначил, 24 июля 1723 года, еще двух секретарей – Луку Минина и Михаила Дудина, представленных обер-секретарем. Первый был из канцеляристов походной дворцовой канцелярии, второй – из синодальных канцеляристов[1095]. Минину, кажется, не пришлось служить в синодальной канцелярии[1096]. В июне 1724 года секретарем назначен протоколист Иван Орлов[1097]. Таким образом, в Синоде стало четыре секретаря. Это число удержано было в проекте штата 1722 года[1098]. В Сенате секретарей было пять[1099]. При учреждении Синода предположено было иметь только двух секретарей[1100].

Жалованья секретари получали с 13 февраля 1723 года по 300 рублей и по 60 юфтей хлеба, как сенатские секретари. В переводе всего этого жалованья на деньги сумма жалованья определялась в 600 рублей. До того времени секретари довольствовались лишь дьяковским жалованьем, удвоенным ради жизни в Петербурге, по общему положению, и получали хлеба то же количество, а денег по 240 рублей, с общею ценностью жалованья от 432 до 487 рублей, в зависимости от существовавших цен на хлеб. Уравнение жалованья с сенатскими секретарями сделано Синодом по просьбе самих секретарей[1101]. По проекту штата 1722 года секретарям полагалось жалованья, с хлебною выдачей, по 600 рублей[1102]. По закону 27 мая 1715 года секретари и дьяки должны были, при определении в должность, уплачивать 100 руб. единовременно на лазареты[1103].

Положение секретарей было довольно почетное. Указом 31 января 1724 года воспрещено было определять в секретари «не из шляхетства», чтобы дать возможность секретарям «происходить» в асессоры, советники «и выше»; если же кто отличится и будет достоин производства в секретари «из подьяческого чина», то тот же указ повелевал вместе с секретарством давать и шляхетство[1104].

Был случай, что монашествующий миссионер, посланный к раскольникам, обращался к Синоду с просьбою об отозвании его посредством письма к секретарю Семенову, и это письмо на имя секретаря

было доложено Синоду[1105]. В архиве Александро-Невской Лавры сохранилось свидетельство внеслужебных услуг одного секретаря Синода. Именно, секретарь Семенов аккуратно доставляет управителю Александро-Невских вотчин Головачеву, «для ведома», копии синодальных указов, которые могли того интересовать[1106].

В апреле 1724 года, в бытность Синода в Москве, остававшийся в Петербурге секретарь Тишин получил назначение заниматься в Сенате подготовительными работами к «слушанию и сочинению уложения», вместе с одним канцеляристом, во внеслужебные, послеполуденные часы[1107].

При определении секретарей в должность установился такой порядок, что если кандидат принадлежал к духовному ведомству, то «чин» ему сказывался в Синоде, а если кандидат был «светской команды», то Синод сначала обращался к Сенату с требованием «определения и обычайной чина сказки и к Синоду присылки» избранного лица, а затем, по явке его в Синод, полагалось «и в Синоде о бытии в секретарях определение ему сказать». После этого новоназначенные приводились к присяге, уплачивали 100 рублей на лазарет и приступали к отправлению должности[1108].

IV

Недели за две до открытая Синода, во исполнение именного высочайшего указа, Сенат послал московскому вице-губернатору указ о высылке в Петербург без промедления «всяких указных книг и дел, что касается к духовной коллегии», а также дьяков, подьячих и «при них прочих служителей» бывших патриарших духовного и казенного приказов. Управлявший патриаршею областью Сарский митрополита Игнатий не хотел отпускать служащих в духовный приказ. Он ссылался на то, что в Москве они состоят при деле, занимаются сбором «положенных по табели» пошлин с духовных и исковых дел «для отсылки в адмиралтейство», дают отчет по этому сбору, ведают колодников, содержащихся в приказе за невзнос сборов и по искам; между тем в сенатском указе не дано разъяснения, кто может заменить в приказе высылаемых в Петербург, не упомянуто также, из какого источника им следует выдать «подможные» деньги, пособие, без которого они не могут тронуться в путь[1109].

Ко дню открытия Синода никто из Москвы не приехал[1110]. В заседании в день открытия Синод представил государю список лиц, предположенных Синодом к вызову из разных мест на службу в Синод. В списке значилось два будущих секретаря и тридцать три подьячих, из них двадцать один из Москвы: из губернской канцелярии, большого дворца, монастырского приказа. Остальные были из Ярославля, Переславля-Залесского, Суздаля, Ростова, Белоозера, Углича и Луха. Государь тут же написал на докладе: «определить по сему»[1111]. О своих, бывших патриарших приказах Синод в этом списке не упоминал.

Не дождавшись прибытия подьячих из Москвы, вызванных по сенатскому указу, Синод 24 февраля послал московскому вице-губернатору с нарочным уже от себя подтвердительный указ, угрожая ответственностью, если не вышлет подьячих и дел с посланным нарочным в двухдневный срок[1112]. Прежде получения известия об этом указе вице-губернатору, митрополит Игнатий отправил в Синод донесение, в котором повторял о причинах, препятствовавших немедленной высылке подьячих. Синод, заслушав донесение, приказал: дьяков, подьячих и служителей патриаршего духовного приказа, дела и книги с 1710 года, вместе с наличными пошлинными деньгами, непременно выслать в Петербург в Синод; в приказе может быть оставлен только один старый подьячий и двое молодых; подможные деньги на дорогу подьячим взять из личных

средств митрополита Игнатия, как штраф за остановку исполнения сенатского указа, данного вице-губернатору[1113]. Был послан Синодом и светской власти соответствующий указ с нарочным солдатом, которому поручено было привезти подьячих[1114]. Но митрополит Игнатий по-прежнему оставался верен своему упорству: он отпустил для отправки в Петербург только половину бывших на службе в приказе, а другую оставил. Когда, наконец, приказные прибыли в Петербург, им в Синоде сделан был смотр, семеро признаны годными для синодальной канцелярии, а восемь, оказавшихся на испытании не годными, отправлены обратно в Москву, в духовный приказ, на прежние места. Узнав от явившихся в Петербург, что в Москве остался старый подьячий Яковлев, Синод сделал распоряжение бить Яковлева плетьми за непослушание «царскому указу и доставить его в Петербург, на его собственный счет, а если и после сего станет укрываться, то опечатать его дом и имущество»[1115]. Насколько сами приказные неохотно ехали в Петербург, видно из того, что тех, которые предназначены были к отсылке, митрополит Игнатий принужден был держать, в ожидании их отправки, за решеткою[1116].

В апреле 1721 года посланы были Синодом лейб-гвардейские солдаты «в города», кроме Вологды, для забрания и доставки подьячих архиерейских домов и монастырей[1117]. Насчет тех, которые состояли на службе в светском ведомстве, у Синода возникло недоразумение с Сенатом. Сенат предлагал Синоду брать только тех подьячих из списка, которые в светском ведомстве «не у дел», и довольствоваться своими дьяками и подьячими – из патриарших и монастырского приказов, из архиерейских домов, из монастырей. А Синод жаловался государю, что «не у дел» в светском ведомстве остаются только негодные, которым ничего нельзя поручить, и из подьячих духовного ведомства все лучшие люди разобраны по коллегиям и губерниям, остались только негодные. Синод, уступая Сенату, просил у государя подтверждения хотя бы взять только тех секретарей и подьячих, которые ни в Сенате, ни в коллегиях, а «у других дел». Государь положил резолюцию, утверждающую такую просьбу Синода: «которые против сего желаются, и что оные ни в Сенате, ни в коллегиях, но у других дел, и таковых без спору отдать в Синод духовный»[1118]. Но сами подьячие, избранные Синодом, отказывались от поездки в Петербург под разными предлогами, большею частью за болезнью, и солдаты, посланные Синодом за подьячими, стали возвращаться из городов одни. Своим, подведомым подьячим, не хотевшим ехать в Петербург, Синод угрожал вечною работой на галерах.

Даны были подтвердительные указы, но подьячие спасались бегством, приходилось их разыскивать[1119]. Из тех, которые значились в списке тридцати трех и состояли на светской службе, Синод ни за что не хотел освобождать никого, не взирая ни на какие ходатайства[1120]. Вызываемые подьячие получали «на подмогу» по 15 рублей[1121].

Пока собирались подьячие из городов, надобно было в Синоде так или иначе управляться, пользуясь наличными силами. Оказалось, что в Петербурге было несколько подведомых Синоду подьячих, прибывших с отчетностью в камер-коллегию: дьяк и пять подьячих из монастырского приказа, дьяк и трое подьячих из патриаршего дворцового приказа, один подьячий патриаршего казенного приказа, «да из архиерейских домов и монастырей разных званий служители». Один из подьячих был помещен и в списки тридцати трех. Всех их, а «для лучшаго усмотрения» и тех подьячих в камер-коллегии, которые принимали от них отчетность, Синод постановил «взять», они были взяты и большая их часть оставлена в Синоде[1122]. Употреблены были для канцелярской работы и бывшие патриаршие певчие[1123]. В марте 1721 года вытребовано семь подьячих из Троице-Сергиева монастыря[1124].

V

По генеральному регламенту, на обязанности канцеляристов лежало изготовление «всего того, что от секретаря повелено будет», по части подготовки и исполнения дел[1125]. Обязанности копиистов состояли в переписывании набело[1126]. Ответственность на канцеляристах за неисполнительность лежала такая же, как на секретаре[1127].

При первоначальном, предположительном счете в Синоде было «написано быть например»: два канцеляриста, два средних подьячих или подканцеляриста и два копииста[1128]. Однако уже к сентябрю 1721 года в Синоде было 6 канцеляристов, 8 подканцеляристов и 13 копиистов[1129], а в декабре их уже было 11 канцеляристов, 8 подканцеляристов и 14 копиистов[1130]. Во вторую половину 1723 года жалованье получали 14 канцеляристов, 17 подканцеляристов и 60 копиистов[1131]. Вероятно, в этот счет входили и служащие в московской канцелярии Синода, тогда только что учрежденной. По крайней мере, 10 февраля 1724 года при Синоде в Петербурге состояло на лицо лишь 52 человека канцелярских: 7 канцеляристов, 14 подканцеляристов и 31 копиист[1132]. По проекту штата 1722 года полагалось при Синоде 15 канцеляристов, 15 подканцеляристов и 45 копиистов, всего 75 человек[1133]. Выработанный в 1724 году штат включал в себе 90 человек: 15 канцеляристов, 26 подканцеляристов и 59 копиистов[1134]. Это количество приблизительно и сохранялось в синодальной канцелярии[1135]. Нужно только заметить, что часть из него отделялась в Москву, для московской синодальной канцелярии, если Синод оставался в Петербурге, и в Петербург, для петербургской синодальной канцелярии, когда Синод переезжал в Москву[1136].

Состав служивших в синодальной канцелярии, по своему происхождению, был довольно пестр. Канцеляристы, аристократия канцелярии, представляли довольно плотную группу из старых подьячих, служивших ранее в архиерейских домах или в светских учреждениях: бывшие старые подьячие Новгородского, Тверского, Ростовского архиерейских домов[1137], бывший старый подьячий московской губернской канцелярии, оставшийся без службы[1138], бывший подьячий ратушного таможенного стола, закрытого с передачею дел в «акцизную камору»[1139]. Некоторые были произведены в Синоде уже, из подканцеляристов[1140]. Подканцеляристы были или из заслуженных подьячих других каких-либо учреждений, принятые в Синод[1141], или, в большинстве, выслужившиеся копииисты[1142]. Копииисты были отовсюду. Здесь были: бывшие школьники

славяно-латинской школы, до окончания курса взятые из школы для переписки научных трудов – князя Кантемира, переводившего «историю турецкой земли»[1143], или монаха Феофила Кролика, посланного для перевода книг в Прагу[1144]; бывшие подьячие: духовного приказа в Смоленске[1145], Троице-Сергиевой Лавры[1146], архиерейских домов – Ростовского[1147], Тверского[1148], Суздальского[1149], московского гарнизона[1150], московских канцелярий – губернской[1151] и земской[1152], московского надворного суда[1153], печатного приказа[1154], приказа большого дворца[1155], московской ратуши[1156], юстиц-коллегии[1157] и остававшиеся без дела подьячие других разных светских канцелярий[1158]; приходорасходчик частного смольчужного завода в Брянском уезде[1159], повытчик провиантской канцелярии со своим подьячим[1160], писец Преображенского приказа[1161], писец сенатской канцелярии[1162], поддьяк Коломенского архиерейского дома[1163], певчий Ростовского архиерейского дома[1164], священнический сын из Клина[1165], сын дьякона[1166], сын московского диакона[1167], сын московской просвирни[1168], сын подьячего Ростовского архиерейского дома[1169], сын умершего московского синодального справщика[1170], сыновья подьячих – посольского приказа[1171], вотчинной канцелярии[1172], поместного приказа[1173], сын Смоленского комиссара крепостных дел[1174], просто «подьяческий сын»[1175], наконец, грамотный крестьянин вологжанин[1176]. Тут были и старые служаки, испробовавшие уже канцелярскую службу в разных местах, были и молодые люди, только еще приучавшиеся к канцелярской работе.

Время, когда в синодальную канцелярию приходилось насильно набирать служащих, прошло довольно скоро. Сами приказные отовсюду стали проситься на службу в Синод[1177]. Прием в канцелярию стал происходить с разбором и предварительно определения в канцелярию требовалось письменное одобрение кандидату о том, что годен к канцелярской службе, от всех синодских канцеляристов[1178]. Стали требовать удостоверения, «подлинно ли чисто свободен» определяемый «и не имеет ли какого на себе порока или подозрения»[1179]. В обиходе Синода появилась фраза: «буде к делам Святейшаго Синода потребен и в копиисты быть годен, доложить»[1180]. Для определения в синодальную канцелярию понадобилась даже протекция, и Питирим Нижегородский просит Феофана о принятии одного его подьячего в канцелярию[1181]. В канцелярии появились даже «писчики», служившие без жалованья и приучавшиеся к делу в надежде получения места копииста[1182]. Двое таких «писчиков» в апреле 1723 года заявляли Синоду, что, работая несколько месяцев «безленостно и безкорыстно», они «пришли в оскудение», не

имеют «дневной пищи» и терпят голод. Просители тотчас же были определены в копиисты[1183].

Однако все это не означало безусловного избытка предложения над спросом. Спрос, в сущности, всегда превышал предложение, потому что если наполнилась синодальная канцелярия, то оставались пусты подьячими подчиненные Синоду учреждения, да и сама синодальная канцелярия постоянно нуждалась в новых служащих, вследствие ущерба в них, который она несла по разным причинам. Некоторые из синодальной канцелярии получали другие, большею частью высшие назначения в подведомственные Синоду учреждения. Так, два канцеляриста назначены секретарями в монастырский приказ, а третий канцеляристом[1184], подканцелярист – дьяком в коломенские архиерейские казенный и дворцовый приказы[1185], канцелярист – канцеляристом же в тиунскую контору[1186], копиист – подканцеляристом в контору инквизиторских дел[1187], подканцелярист, «за его труды у синодальных дел и по достоинству его», пожалован в канцеляристы той же конторы[1188]. Один канцелярист перешел в секретари военной коллегии[1189]. Часть по тем или иным причинам получила позволиние вернуться к местам прежней своей службы. Так, уволен обратно подьячий Вознесенского девичьего монастыря – по просьбе игуменьи[1190]; два подьячих возвращены в Троице-Сергиев монастырь – по болезни[1191], один – вследствие признанной Синодом невозможности содержать многочисленную семью, проживая от нее отдельно[1192], один – в Ростов, по болезни, засвидетельствованной доктором[1193]; двое подьячих Казанского архиерейского дома, уехавшие в отпуск на родину с декабря 1721 года по апрель для забрания в Петербург семейств и скарба, были оставлены Синодом на прежних местах – в Казани, вследствие ходатайства казначея Казанского архиерейского дома, жаловавшегося на малолюдство подьячих[1194]. Иные должны были вовсе покончить канцелярскую службу за неспособностью продолжать ее по болезни[1195]. Был один случай возвращения взятого в Синод подьячего в светское ведомство, в московскую камерирскую контору, по ходатайству московского вице-губернатора Воейкова, ссылавшегося на то, что без этого подьячего дела в конторе оказались совсем запутаны. Любопытно, что Синод, отпуская этого подьячего в камерирскую контору, заметил, что в синодальных делах отпускаемый оказался «не весьма заобыкновенен»[1196]. По всем этим причинам в синодальной канцелярии «малолюдство» подьячих оставалось хроническим[1197], и Синод никогда не упускал случая привлечь в нее нового работника. В 1722 году Синод требовал от военной коллегии представленья двух подьячих, взятых

коллегией ранее из Новгородского архиерейского дома, ссылаясь на то, что подьячие ему «очень потребны для новозаводства»[1198]. В другой раз Синод требовал от юстиц-коллегии немедленной высылки служившего в коллегии сына синодального дворянина, угрожая Сенатом в случае отказа[1199]. В августе 1722 года Синод настойчиво домогался явки к службе пяти человек из списка тридцати трех, которые под разными предлогами дотоле еще не явились в синодальную канцелярию; решено было вторично послать за ними нарочных солдата за их счет[1200]. В середине 1723 года обер-секретарь повторял жалобу, что «в канцелярских служителях не малая находится нужда»[1201]. Однажды Синод принял к себе на службу бежавшего из канцелярии Сената сына московского придворного священника, не стесняясь тем, что Сенат разыскивал его как беглого[1202]. Синодальный регистратор, «насмотрев» в канцелярии счетных дел способного подьячего, доложил о нем Синоду и подьячий тотчас же был принят в Синод подканцеляристом[1203]. Бывали случаи и обратного перехода в синодальную канцелярию вышедших было из нее в подчиненные Синоду учреждения служащих, – но уже в высшем чине[1204].

VI

В светских коллегиях, по указу 28 января 1715 года, полагалось следующее жалованье служащим в канцелярии: канцеляристам или старым подьячим – 120 рублей и 30 юфтей хлеба в год, подканцеляристам или подьячим средней статьи – 80 рублей и 20 юфтей, копиистам или молодым подьячим – 30 рублей и 10 юфтей. Эти размеры жалованья полагались для Петербурга и новозавоеванных городов и были двойными по сравнении с обычными – для Москвы и остальной России. В таких размерах и было первоначально предположено жалованье для служащих в синодальной канцелярии[1205]. Но Стефан, Феофан и Феодосий, представлявшие пред открытием Синода свое мнение о размерах содержания Синоду, почему-то предполагали, что «возмнится, что нижним чинам духовной коллегии равный прочим коллегиям трактамент будет велик», несоответственно достоинствам синодских канцеляристов, и потому предлагали отпускать всю следуемую на канцелярию сумму в распоряжение Синода, так чтобы сам Синод определял размер жалованья своим канцеляристам, смотря «по делу и способности», а не по занимаемой должности. «Украсть и себе усвоить не своего» Синод не будет иметь возможности, а «хотя ныне некоторые персоны видятся худенкия и недостаточныя, будто нарочитаго трактамента недостойныя, но современем обучатся» и будут заслуживать полного содержания; а равно и преемники их в будущем могут быть вполне удовлетворительными[1206]. Однако это предложение не имело успеха и служащие в синодальной канцелярии получали определенное содержание соответственно должности по общему закону[1207].

Любопытно, что более полугода Синод был в полной неизвестности относительно своего жалованья, и только 22 сентября 1721 года Сенат, после вопроса Синода, сообщил копию высочайшего указа о размерах жалованья членам и свое постановление, а может быть только соображение, что светским лицам, состоящим на службе при Синоде, следует относительно жалованья руководствоваться указом 1715 года[1208].

Один процент с жалованья вычитался на лазарет[1209].

Жалованье выдавалось по третям, обыкновенно в конце трети[1210]. Выдача производилась по ассигновкам из штатс-контор-коллегии. По-видимому, каждый раз приходилось напоминать о выдаче жалованья особым прошением[1211]. Но иногда и напоминания не имели успеха. Когда у штатс-контор-коллегии не было денег, жалованье удерживалось на

полгода и более и Синод напрасно слал в коллегии указ за указом с напоминанием, что пришло время выдачи жалованья. Удовлетворение наступало иногда только после третьего указа. Не дождавшись удовлетворения от штатс-конторы, Синод иногда выдавал своим служащим деньги из своих специальных средств заимообразно, а затем покрывал эти выдачи жалованьем, когда оно наконец поступало[1212]. А в сентябре 1724 года, ввиду большой траты времени на переписку со штатс-конторою, Синод решил просить у государя разрешения обходиться при выдаче жалованья без штатс-конторы, пользуясь суммами, переходящими чрез Синод[1213].

Все сказанное относится к «денежному жалованью». «Хлебное жалованье» было выдаваемо самим Синодом, из имеющихся запасов. В первое время, когда у Синода не оказалось запасов хлеба, «хлебное жалованье» было выдано деньгами – по расчету стоимости хлеба. В сентябре 1721 года четверть ржаной муки стоила 1 рубль 80 копеек, четверть овса – 1 рубль 40 копеек[1214]; в 1722 году юфть хлеба ценилась в 3 рубля 20 копеек[1215]; с каждым годом цена на хлеб росла, и в 1723 году юфть хлеба ценилась уже в 5 рублей[1216].

Когда в казне ощущался полный недостаток в деньгах, то обыкновенно выдавалось только хлебное жалованье, а вместо денежного выдавались «сибирские и другие казенные товары» на сумму жалованья, по казенной расценке. Вследствие переполнения в таких случаях этими товарами рынка и вследствие крайней нужды продающих, не позволявшей выжидать, товары шли на рынок значительно дешевле казенной расценки[1217]. В 1724 году на пополнение оскудевшей вследствие неурожая государственной казны решено было произвести вычет четверти жалованья у всех получающих жалованье, исключая иностранцев и солдат[1218]. По проекту штата 1722 года предположено было хлебную выдачу перевести на деньги и, сверх того, несколько увеличить размеры жалованья: канцеляристам до 250 рублей, подканцеляристам до 160 рублей и копиистам до 70 рублей, считая в том числе и цену хлебной выдачи[1219].

Бывали и случаи неожиданных награждений. Так, в июле 1723 года Синод, по докладу обер-секретаря Палехина, отдал «в награждение» всем служащим в синодальной канцелярии, с обер-секретарем и секретарями во главе, взятое на синодальном дворе вино, оставшееся по смерти синодального президента, митрополита Стефана[1220].

Жили канцелярские служащие частью в наемных квартирах[1221], частью на отведенных им от казны дворовых местах, которые затем

поступали в их собственность[1222]. Приспособляли они полученные для житья дворы на собственный счет[1223]. Есть сведение, что однажды прислано было из монастырского приказа синодским подьячим квартирное пособие[1224]. Об одном канцеляристе есть известие, что он нанимал дом в две светлицы[1225]. В Москве у большинства, вероятно, были свои дома[1226]. Некоторые канцеляристы были люди состоятельные: у одного, в 1723 году, переводчик одолжил, под залог мундира, 100 рублей[1227], другой, в 1724 году, взыскивал с посадского долг в 130 рублей[1228].

Но вообще положение служащих в канцелярии в материальном отношении было незавидное. Те, которые оставили семьи в Москве, жаловались, что оставшиеся без хозяев их дома разоряются военными постоями, в один дом назначают по пяти и шести офицеров и солдат и те занимают весь дом, положительно выживая из него оставшихся без защиты домочадцев[1229]. Когда в январе 1723 года государь приостановил выдачу по синодальному ведомству жалованья, доколе не будет уплачена накопившаяся за церковными крестьянами недоимка, служащие в синодальной канцелярии оказались в критическом положении. Как раз в ту пору они должны были, вслед за Синодом, выезжать из Москвы в Петербург. Так как они не имели на что ехать, то государь разрешил выдать им жалованье за полгода вперед[1230]. Издержав все полученное на переезд в самом начале года, они в Петербурге «пришли в великую скудость» и «стали быть гладны», а у которых были и семьи, те оказались в совершенно безвыходном положении. Синод оказал было им небольшое пособие, выдав каждому от трех до пяти рублей в счет будущего жалованья, но эти деньги скоро были прожиты и канцелярские служащие уже писали, что «последние кафтанишки и прочее, даже до последней рубашки», распродали, а теперь ни продать, ни заложить нечего, за квартиру платить нечем, многие принимают пищу только в два или три дня раз, один копиист уже умер от голода, некоторые лежат при смерти[1231].

В случае инвалидности канцелярский служащий увольнялся иногда в распоряжение монастырского приказа для определения к делам, к каким оказался бы годен[1232]. В случае смерти служившего в синодальной канцелярии его семья находила себе от Синода некоторую помощь. Один канцелярист получил от Синода дворовое место, приспособил его на свои средства и умер, не успев получить владенного документа. Владельцем места осталась осиротевшая семья покойного. Но другой канцелярист прельстился этим насиженным уже местом и просил Синод отдать его

ему, обещая платить аренду по пятидесяти копеек в год. Синод, однако, принял во внимание, что покойным были затрачены на приспособление полученного двора для жилья собственные средства, и выдал жене умершего владенный документ[1233].

VII

Высшими чинами среди служащих в канцелярии были: регистратор, актуариус и протоколист, или нотариус.

Должность регистратора состояла в том, чтобы «собирать» бумаги и раскладывать их «по пакетам», наблюдать за перепискою набело помесячно содержания всех исходящих и входящих бумаг, вести «журнал» и «регистратуру»; журнал – книга с кратким изложением каждого дела в алфавитном порядке, регистратура – «записка», составляющаяся из четырех книг. В первой книге содержатся копии всеподданнейших докладов и реляций с кратким означением дела, по которому они состоялись; во второй – копии ведений, указов, инструкций, патентов и т. п., – тоже с кратким означением вызвавшего их дела; в третьей должны быть собраны царские и сенатские указы с рапортами и подлинными делами; в четвертой – все прочие, полученные в Синод бумаги. В случае отсутствия актуариуса регистратор обязан был отправлять и его должность[1234]. Первый регистратор в синодальной канцелярии был назначен 31 октября 1721 года, Борис Щепин[1235]. Будучи регистратором, он отправлял и должность актуариуса. Так как отправление двух должностей признано было для него на самых же первых порах «не безтягостным», да и в денежных счетах, лежавших на обязанности актуариуса, замечено было «неисправление», то 12 ноября 1721 года обер-секретарь и оба секретаря вошли с докладом Синоду о том, что следует назначить особого актуариуса и особого регистратора, представили и шесть кандидатов – канцеляристов. Того же числа Синод определил быть Щепину из регистраторов актуариусом, а в регистраторы выбрал из представленных в докладе шести кандидатов стоявшего третьим – Ермолая Пасторова[1236]. Это был уже опытный служака, состоявший при канцелярском деле с 1710 года, сначала в Новгородском архиерейском доме, а потом в юстиц-коллегии, откуда и был вытребован Синодом[1237]. Жалованья регистратор получал по 120 рублей и по 30 юфтей хлеба, как канцелярист[1238], всего, по расценке хлеба в 1722 году, на сумму 216 рублей[1239]. По проекту штата 1722 года регистратору предположено было жалованья с хлебною выдачей 300 рублей[1240].

Актуариус являлся ответственным хранителем дел. Он обязан был, по генеральному регламенту, «прилежно собирать» все получаемые бумаги, вести им реестр, перемечивать листы, «ведать квитанцною книгою», в которой обязаны были расписываться канцеляристы, берущие ту или иную

бумагу «для своего отправления», т. е. для производства; при возвращении бумаги расписка уничтожалась. На актуариусе лежало также попечение о канцелярских письменных принадлежностях, о сургуче, свечах, дровах. Сверх того, ему поручалась еще и «некоторая часть» канцелярских дел. В отсутствие регистратора актуариус обязан был исправлять регистраторскую должность[1241]. Отправление должности актуариуса началось с 31 октября 1721 года, и отправлял ее регистратор Борис Щепин. Но затем, вследствие выяснившейся затруднительности для одного лица отправлять две должности, 12 ноября 1721 года Синод назначил Щепина актуариусом, освободив его от регистраторской должности. В определении о назначении Щепина актуариусом сказано, что «быть ему, Щепину, к приходу и расходу денежной казны»: обязанность, не предусмотренная для актуариуса генеральным регламентом[1242]. Жалованья получал актуариус 120 рублей и 30 юфтей[1243], всего на 216 рублей[1244]. По проекту штата 1722 года предположено было увеличить жалованье актуариусу до 300 рублей, считая в этой сумме и цену хлебной выдачи[1245]. При актуариусе состояло небольшое число подьячих, с которыми он и отправлял порученное ему дело[1246].

Должность нотариуса, или протоколиста, по генеральному регламенту, состояла в том, чтобы «при собрании коллегии протокол держать», т. е. отмечать присутствовавших в собрании членов, излагать содержание каждого решаемого дела по порядку, в большей или меньшей подробности, смотря по важности, дословно записывать решение в протокол, туда же вносить отдельные мнения членов, если таковые окажутся, записывать голоса, когда решение оказывается не единогласным, записывать «разговоры», когда решение дела отлагается до другого собрания; кроме того, отмечать содержание всех вступающих и исходящих бумаг, вести реестр всех дел нерешенных и составлять опись оконченным. Свой «протокол» нотариус обязан был помесячно сшивать, «в канцелярии набело переписать, листы нумеровать и алфавитным реестром содержание дел и персон напреди сделать и переплетчику в переплет отдать». Кроме того, он должен был писать реестр нерассмотренных на предшествовавшей неделе дел для президента[1247]. Первым нотариусом, или протоколистом, определен 31 октября 1721 года Иван Орлов[1248], из канцеляристов синодальной канцелярии. Ранее он служил подьячим Ростовского архиерейского дома. В июне 1724 года он «удостоен секретарской должности», но оставался некоторое время при отправлении прежних своих обязанностей[1249], пока назначен был новый протоколист по докладу обер-секретаря и секретарей, регистратор

Ермолай Пасторов, в январе 1725 года[1250]. Жалованья протоколист получал 300 рублей и 30 юфтей хлеба[1251]. 30 юфтей хлеба расценивались в 1722 году в 96 рублей[1252]. По проекту штата 1722 года назначалось протоколисту жалованья с хлебною выдачей 400 рублей[1253].

VIII

Назначение в синодальную канцелярию и повышение служащих в канцелярии чином, т. е. должностью, зависело от Синода и происходило по докладам обер-секретаря с секретарями[1254]. При производстве в канцеляристы из подканцеляристов или в подканцеляристы из копиистов предварительно составлял доклад канцелярист, у которого занимался кандидат к производству; доклад этот подписывали также и все другие канцеляристы[1255]. На докладе о копиисте подписывались иногда и подканцеляристы[1256]. Таким образом, канцелярия пользовалась некоторой дозой самоуправления. Доклад заключал в себе письменное удостоверение, что кандидат к производству годен к службе, к которой представлялся, и достоин повышения[1257]. В случае открытия вакансии подканцеляриста или канцеляриста, обыкновенно сами копиисты или подканцеляристы обращались с прошениями о повышении, после чего и составлялся доклад[1258].

По назначении из копиистов в подканцеляристы, как и на всякую другую должность, была приносима служебная присяга, – при определении на службу и при каждой перемене должности[1259].

Служащие в синодальной канцелярии не были включены в табель о рангах. Синод настойчиво хлопотал пред Сенатом о включении своих служащих в табель, но Сенат на ведения Синода отмалчивался[1260].

Заниматься служебными делами полагалось только на службе, в канцелярии. По генеральному регламенту, «канцеляристы и копиисты могли, ежели место было тесно, по два при одном ящике сидеть»; переводчикам же, актуариусам и регистраторам полагалось «каждому особливый столь иметь»; все должны были быть, «как возможно, разлучены», чтобы не мешать друг другу в отправлении дел; с этою же целью воспрещалось переписчикам сидеть в прихожих, чтобы не мешали им челобитчики, и вообще заниматься вне канцелярии[1261].

По генеральному регламенту, канцелярские служители в коллегиях должны были являться за час до приезда членов и «сидеть», значит, по шести часов. За «день небытия» полагался штраф в размере месячного жалованья, за «час недосидения» – в размере недельного. Являться должны были ежедневно в будни[1262].

Занятия в канцелярии происходили не только утром, но и в послеобеденное время. В шестом часу по полудни синодальная канцелярия еще бывала открыта[1263]. Нужно заметить, что в ту пору служебный день

начинался рано, а именно часов с семи утра. Сами канцелярские писали о себе, что они «столько трудятся, сколько крепость натуры дает трудиться», «денно и нощно обретаются в канцелярии при делах», трудятся «прилежно-тщательно и безвыходно»[1264]. И в самом деле, когда, в 1724 году, Синод поручил канцелярии изготовить «обстоятельную выписку» о том, сколько со времени учреждения Синода послано было из него указов и имеются ли на все посланные указы донесения о получении их, то лиц, на которых было возложено это дело, велено было держать безвыходно в канцелярии, пока не будет исполнено поручение[1265]. Но это был исключительный случай, да и самый характер принятой Синодом меры к ускорению работы служащих в синодальной канцелярии показывает, что такая именно мера вызвана была существенными причинами. На самом деле служившие в синодальной канцелярии не отличались усердием. По крайней мере, в апреле 1722 года Синод нашел нужным издать распоряжение, чтобы «приказные служители приходили в Синод для отправления дел», а равно и выходили из Синода непременно «в указные часы, по генеральному регламенту»; «караульному при Синоде уряднику» поручено было записывать опаздывающих на службу и уходящих ранее положенного, «и за те невходящие и исходящее часы» положено было «вычитать из жалованья указной по генеральному регламенту штраф»[1266]. Вот что писал о работе синодальной канцелярии, в своем предложении Синоду, синодальный обер-прокурор 2 декабря 1724 года: «канцелярия вашего святейшества служителей в отправлении дел зело находится слаба и в их делах неисправна и медленна, хотя они мне и отговариваются многоделием, но больше вижу их неисправность, что в канцелярию приходят поздно, не так, как им надлежит приходить бы прежде судей, как в регламенте показано, а по обеде другие и не приходят. А больше тому виновны обер-секретарь и секретари, что они и сами в канцелярию не рано приезжают и над ними мало смотрят». Синод постановил обязать обер-секретаря и секретарей подписками впредь быть исправнее и установить запись времени прихода в канцелярию всех служащих[1267].

При обилии канцелярской работы, отпуски в канцелярии давались только в исключительных случаях[1268], причем предварительно отбиралась в канцелярии справка о беспрепятственности к отпуску и поручительство шести человек, что получивший отпуск вернется в срок[1269]. Срок отпуска простирался до двух с половиною месяцев[1270]. По генеральному регламенту, отпуск канцелярским служащим до восьми дней разрешался коллегиею, свыше восьми дней – Сенатом, и за день неявки в срок полагалось брать штраф в размере жалованья, следуемого за неделю, а за

неделю неявки – в размере месячного жалованья[1271].

Иногда на канцелярских служащих возлагались особые поручения и командировки. В 1724 году один канцелярист назначен был состоять с секретарем Тишиным при советнике, архимандрите Гаврииле «у сочинения уложения»[1272]. Нескольким канцелярским поручено было Синодом составить затребованные Сенатом ведомости о наличности по епархиям денег и хлеба и на время этой работы занимающиеся ею были освобождены от обычных канцелярских занятий[1273]. Один канцелярист был послан взять с Ростовского епископа Георгия наложенный на него штраф в сто рублей, которого преосвященный, впрочем, не отдал[1274]. Другой был послан взять оказавшиеся в Коломенском архиерейском доме, по доносу подьячего, деньги, не показанные в отчетности[1275].

Образовательный ценз служащих в синодальной канцелярии был очень невысок. Для переписки «докладных пунктов», т. е. всеподданнейших докладов, а также архиерейских присяг и грамот приглашали подьячего келейной конторы Новгородского архиепископа Феодосия Василия Шишкова, который и исполнял эти работы без всякого вознаграждения, и только в сентябре 1722 года, по его просьбе, Синод выдал ему в награду 20 рублей[1276]. В 1723 году секретари докладывали Синоду, что в канцелярии только один человек знает орфографию, регистратор Пасторов, и что необходимо иметь еще по крайней мере одного для руководства перепиской и обучения других. Синод послал в два наиболее просвещенных центра – Москву и Новгород – указы о присылке двух человек – подходящих людей. Из Москвы был прислан писец типографии, «прошедший в школе вышняго учения», а из Новгорода – певчий, обучавшийся даже греческому языку в домовой архиерейской школе. Певчий сразу определен подканцеляристом, а писец типографии попал только в копиисты. Певчему вменено было в обязанность обучать своих сослуживцев грамматике под наблюдением секретаря Семенова, «не весьма отягощая, но задавая по малу»[1277].

К характеристике качества канцелярской работы может служить синодальное подтверждение, данное в октябрь 1721 года всем канцеляристам, подканцеляристам и копиистам, чтобы они «не умножали» в бумагах всякого рода чинов, имен, отчеств и прозваний, а писали бы так, как то или другое лицо означено в начале дела[1278].

К характеристике канцелярских порядков может служить распоряжение Синода, чтобы указ о возведении преосвященного Нижегородского Питирима в архиепископы был объявлен всем служащим в синодальной канцелярии под расписки. И все дали расписки в слышании

указа: канцеляристы, подканцеляристы, копиисты[1279].

IX

Среди служащих в синодальной канцелярии попадались горькие пьяницы. Один копиист, будучи дежурным, самовольно ушел с дежурства и был обратно принесен синодальным солдатом и каменщиками в бесчувственном состоянии и без одежды[1280]. Другой копиист, «зело пьяный», тоже был принесен каменщиками на синодальный двор и здесь, за неимением подходящего для него места, посажен в колодничью; так как в колодничьей он шумел и дрался, то караульный солдат посадил его на цепь[1281]. Не видно, чтобы эти лица были уволены из синодальной канцелярии. По-видимому, пьянство оставалось безнаказанным, а если и наказывалось, то домашними мерами.

Один канцелярский служащий, забрав вперед жалованье, перешел в военную коллегию, откуда его вернуть в Синод не было никакой надежды; взыскать с него деньги тоже не представлялось никакой возможности. Тогда Синод решил обождать случая, когда придется пересылать в военную коллегию деньги из Синода, и тогда вычесть из следуемых коллегии сумм перебранные канцеляристом 35 рублей, предоставив коллегии разделываться со своим служащим, как знает[1282]. Один канцелярист удержал у себя 50 рублей, которые пересылал чрез него в Петербург, воспользовавшись оказией, монастырский приказ. Дело о растрате не было формально начато[1283].

Один канцелярский донес на другого, будто тот когда-то плевал на именной указ «о разорении часовен» По расследованию оказалось, что тот ругал только архиепископа Феодосия, за что в свое время и был наказан: донос остался без дельнейших последствий[1284]. Был случай и отрешения канцеляриста от службы. Этот канцелярист был изобличен в том, что до поступления на синодальную службу, состоя на службе в одном из епархиальных архиерейских домов, покупал фальшивую гербовую бумагу. При этом не было доказано, что он был осведомлен о том, что бумага фальшивая, но, во всяком случае, платил он за нее меньше положенной казенной цены[1285].

При отъезде одного канцеляриста из Москвы в Петербург, в Синод, московский вице-губернатор Воейков, пользуясь случаем, поручил ему доставить в камер-коллегию 411 «выписок». «Подьячий», прибыв в Петербург, опасался лично доставлять эти выписки в камер-коллегию, чтобы не быть задержанным для объяснений, и объяснил дело Синоду. Синод сам отослал выписки в коллегию при указе, а от Воейкова порешил

требовать у Сената сатисфакции за незаконное употребление в свое дело синодального подьячего[1286].

В те времена все объяснения по представляемым ведомостям или бумагам должны были давать подьячие, их представлявшие, и они несли на себе всю ответственность за неисправности, подвергаясь задержанию и аресту[1287].

Бывали случаи, что Синод оказывал своим служащим свое покровительство и в их частных делах, и даже считал это своею обязанностью, как и другие все учреждения в отношении к своим служащим. Так, в 1724 году Синод, по просьбе одного своего канцеляриста, взыскивавшего долг с посадского, посылал в главный магистрат три указа о скорейшем решении дела, – правда, безуспешно[1288]. В том же году, в ограждение своих служащих от убытков, Синод воспретил им вступать без разрешения Синода в какие бы то ни было поручительства за других по делам всякого рода. Воспрещение вызвано было арестом одного синодального подканцеляриста в надворном суде по неудачному поручительству[1289]. И этого арестованного Синод счел своим долгом немедля освободить, для чего посылал в надворный суд своего регистратора[1290].

X

Все канцелярские расходы, т. е. расходы на канцелярские принадлежности, свечи, пересылку указов по почте и т. п., а также расходы на дрова и мелкий ремонт производились на счет сбора с раскольников и не исповедавшихся. Когда, указом 28 мая 1724 года, сбор с раскольников был обращен государем всецело «на строения в монастырях и на учение сирот», в распоряжении капитана Баскакова, так что Синод не мог уже распоряжаться этим сбором, Синод в тот год обошелся сбором с не исповедавшихся, а на следующий год решил требовать ассигновки из штатс-конторы[1291]. В проект штата 1722 года внесено было на канцелярские расходы: на бумагу, чернила, сургуч, на дрова, на свечи, на прогоны курьерам «и на прочия нужнейшия потребы» – 1000 рублей[1292].

Бумага покупалась сначала по 1 рублю 40 копеек за стопу. Потом стали употреблять бумагу второго разбора, стоившую по 1 рублю за стопу. Сургуч стоил от двух и свыше трех рублей фунт, свечи сальные по 50 копеек за 100 штук[1293]. Покупалась бумага «у купцов» и «в адмиралтействе». С 1723 года, по повелению государя, Синод, как и все другие правительственные учреждения, стал покупать бумагу только в адмиралтействе, с петербургской и дудоровской фабрик адмирала Крейса, который жаловался государю, что бумаги у него приготовлено много, но никто ее не покупает[1294]. У Крейса бумага стоила, по сравнению с купцами, процентов на двадцать пять дешевле, но, по-видимому, была худшего качества. Для удешевления стоимости бумаги синодальный комиссар, когда он был назначен, предлагал покупать бумагу оптом[1295]. В 1722 году куплено и израсходовано бумаги: обыкновенной писчей 92 стопы, самой лучшей 2 и 2 дести почтовой. Образцы бумаги, при покупке, были рассматриваемы самим Синодом[1296]. Купленная бумага раздавалась канцеляристам, причем они давали подписку, что употреблять ее будут «на приказные дела со всяким бережением», а «на челобитческия дела и во излишество никуда» тратить не будут[1297]. Насколько дорожили бумагой, видно из того, что монах Кролик, которому поручен был перевод одной иностранной книги, должен был обращаться в Синод с особым прошением о выдаче ему бумаги, и Синод определил выдать ему полстопы[1298].

С 1725 года стала в употреблении гербовая бумага нового образца, с водяным изображением государственного герба в середине листа и с надписью по верхнему краю: «гербовая бумага». Бумага нового образца введена была вследствие обнаруженной выделки фальшивой гербовой

бумаги[1299].

По вечерам канцелярия освещалась сальными свечами. Небольшое количество расходовалось и восковых свечей, ценою по 24 копейки за фунт. Для восковых свечей были медные подсвечники со щипцами[1300].

Канцелярские расходы производились комиссаром, потом были просматриваемы и утверждаемы самим Синодом[1301]. По генеральному регламенту, «приказные расходы» – на свечи, сургуч, дрова, воск и прочие потребы – причислялись к мелочным расходам и деньги на них были в распоряжении актуариуса или регистратора[1302].

XI

30 марта 1722 года архиепископы Феодосий и Феофан, будучи у государя в Преображенском, жаловались, что Сенат и коллегии на синодальные ведения и указы медлят ответом, а иногда и вовсе не отвечают. Синод находил, что ему для устранения такого непорядка необходимо иметь своего агента. Государь согласился на учреждение при Синоде этой новой должности и предоставил самому Синоду произвести назначение. Синод в первом же после этого заседании назначил своим агентом дворецкого синодального дома Алексея Владыкина. Обязанности должности агента определены были инструкциею из семи параграфов. Агент должен был наблюдать, чтобы в Сенате и коллегиях по синодальным делам не было допускаемо промедления и чтобы дела эти шли в первую очередь, преимущественно пред другими и непосредственно за делами по именным высочайшим указам. Кроме этого чисто внешнего наблюдения, агент обязан был смотреть и за тем, чтобы синодальные дела решались в коллегиях «по содержанию синодальных указов». Агенту предоставлялось не только «наблюдать», но «настаивать» и «протестовать» пред председательствующими в Сенате и коллегиях и, в случае неуспеха своего протеста, после доклада Синоду, доносить генерал-прокурору, требуя от него понуждения к ускорению и правильности решений. Вместе с тем синодальный агент, по инструкции, подобно экзекутору в Сенате, был органом сношений Синода: он лично доставлял синодальные ведения в Сенат и синодальные указы в коллегии и канцелярии по наиболее важным делам, в прочих же случаях отправлял указы чрез «нарочитых солдат»; всем указам он вел список в особой книге и о ходе своего дела еженедельно должен был рапортовать Синоду. При агенте состояли: подканцелярист, копиист и шесть синодальных дворян, в числе которых одно время были два князя Мещерских, Лопухин, Всеволожской. Дворяне состояли «для посылок в коллегии» и разноса указов и писем, иногда исполняли обязанности копиистов[1303].Впоследствии агент занимался отправкою синодальных указов и в епархии к преосвященным[1304]. Когда при Синоде появился обер-прокурор, должность агента, соответственно обер-прокурорской инструкции, стала «под дирекцией» обер-прокурора, подобно тому как сенатский экзекутор был в ведении сенатского генерал-прокурора[1305].

Хотя при назначении Владыкина агентом Синод постановил немедленно избрать нового дворецкого синодального дома[1306], но

постановление это оставалось не исполненным и Владыкин по-прежнему состоял дворецким. Сверх того, он был и судьею синодального дворцового приказа. Так как должность агента требовала «неотлучнаго присутствия» в Синоде, а остальные должности, занимаемые Владыкиным, требовали также «неотлучнаго присмотра и управления», то обер-прокурор в сентябре 1722 года вошел в Синод с донесением о необходимости избрания нового агента, и указал кандидата, капитана Киевского пехотного полка Петра Колюпанова. Синод согласился со своим обер-прокурором и определил требовать Колюпанова чрез Сенат[1307]. Обер-прокурор, с своей стороны, просил сенатского генерал-прокурора выслать Колюпанова в Синод. Но ответа не было. Чрез год обер-прокурор повторил свою просьбу, предлагая заменить, в случае надобности, капитана Колюпанова капитаном же Огаровым. Но ответа опять не последовало. Тогда обер-прокурор предложил Синоду послать в Сенат ведение. Синод послал ведение. А чрез три дня послал уже другое, в котором назначал Колюпанова в прокуроры московской духовной дикастерии, а в синодальные «экзекуторы» просил выслать проживающего в Москве «за ранами» отставного майора Гавриила Воейкова. Сенат ответил, что «экзекутор» вскоре пришлется[1308]. Но с этим экзекутором вышло какое-то недоразумение, и экзекутор в Синод назначен был Сенатом, по донесению обер-прокурора, лишь в ноябре 1724 года, капитан Владимирского полка Борис Лукин[1309]. Синод, получив об этом ведение Сената, определил: Лукина, когда будет прислан военною коллегией, «в экзекутора принять», сказать ему в Синоде указ, привести к присяге «и о том, каким образом поступать, сочинить ему инструкцию по примеру инструкций сенатского экзекутора и бывшего агента Владыкина, которую для апробации предложить к синодальному рассуждению»[1310].

Таким образом синодальный агент, должность которого соответствовала должности сенатского экзекутора, незаметно превратился в синодального экзекутора.

Из деятельности синодального экзекутора имеется сведение, что однажды Синод поручил ему обратить внимание «в доме ея императорскаго величества» на незаконное вмешательство стряпчего дома ее величества в духовное дело, в качестве поверенного[1311].

Жалованья агенту полагалось 466 рублей в год, включая в эту сумму и цену положенной ему хлебной выдачи[1312].

XII

Первоначально при Синоде предположен был только один переводчик[1313]. По-видимому, первым переводчиком был новокрещенный Константин Петрович Розенблют, о котором Петр еще 1 сентября 1720 года дал указ, что ему быть «переводчиком в духовной коллегии». Указ этот в тот же день был объявлен в Сенате Розенблюту, а 5 сентября было назначено ему Сенатом и жалованье[1314].

К сентябрю 1723 года переводчиков при Синоде оказалось уже целых шесть[1315]. Переводчики были преимущественно из тех учеников славяно-латинских школ, которые несколько лет тому назад были посланы заграницу, для усовершенствования в науках, и теперь возвратились домой. Было трое «парижских студентов»: Постников, Каргопольский и Горлецкий[1316], один, учившийся в Амстердаме и Праге[1317], один был «обучен учений славяно-латинских, доступил степени школы риторики, потом немецкаго языка своим коштом изучился»[1318].

У переводчиков не было строго определенного дела. По генеральному регламенту при каждой коллегии полагался переводчик, и должность его состояла в том, «чтобы он все оное, что до коллегии касается и ему дано будет», переводил с иностранного языка на русский «явственно и ясно, дабы сенс справедлив и мнение подлиннаго письма в переводе согласно было»[1319]. В Синоде тоже переводчики состояли «у книжнаго перевода»[1320] и занимались большею частью переводами с латинского и греческого, преимущественно древних церковных писателей[1321]. В коллегиях же, кроме коллегии иностранных дел, полагались переводчики лишь с немецкого языка[1322]. Работы синодальных переводчиков стояли в связи с принятыми Синодом на себя просветительно-образовательными задачами. Но иногда Синод пользовался переводчиками и для текущих канцелярских дел. Так, в 1721 году Синод посылал переводчика Розенблюта в Ригу отвезти доношения и жалобы государю и письмо от Синода кабинет-секретарю Макарову[1323]. Розенблют и в другой раз исполнял подобное поручение, относил Макарову проект послания Синода патриархам для доклада государю[1324]. Кроме того, так как Синод представлял собою все еще центр управления отечественным просвещением, то к Синоду обращались за решением разных научного характера вопросов другие, государственные учреждения, и такие работы исполняли, по поручению Синода, синодальные переводчики. Так, по требованию тайной канцелярии, они рассматривали в ней «немецкия

письма»[1325], разбирали и оценивали накопившиеся в ней иностранные книги[1326]. В 1723 году адмиралтейств-коллегия просила Синод о переводе с голландского книг, касающихся морской службы, но синодальные переводчики оказались «не искусны» в голландском языке[1327]. Само собою разумеется, что подобные работы исполнялись переводчиками даром, по казенной надобности, хотя иногда требовали немалого времени и усилий, как, например, разбор и оценка иностранных книг в тайной канцелярии, занявшие трех переводчиков в продолжение шести дней. Любопытно, что по окончании работы переводчики были возвращены в Синод «при доношении»[1328].

При неопределенности занятий трудно было ожидать от переводчиков особенного усердия и производительности. Об одном переводчике в феврале 1724 года замечено, что он «с ноября не бывал»[1329]. В конце 1723 года Синод нашел нужным поручить всех своих переводчиков наблюдению своего асессора, иеромонаха Феофила Кролика, с тем чтобы он ежемесячно давал Синоду отчет об их деятельности.

При первоначальном предположении жалованья переводчику полагалось 300 рублей[1330]. В действительности двое получали именно эту сумму, а остальные от 144 до 180 рублей, считая в том числе и цену хлебного жалованья[1331]. По штату 1722 года переводчикам всем предположено было одинаковое жалованье, по 400 рублей, включая в эту цифру и стоимость хлебной выдачи[1332]. Переводчиков по этому проекту штата полагалось шесть[1333].

Когда однажды один переводчик заболел, Синод поместил его на казенный счет в московский госпиталь (сам Синод был в то время в Москве) и дал указ заведовавшему госпиталем доктору Бидле «во уврачевании его прилежать с усердием»[1334]. Один переводчик, Суворов, женат был на католичке, которую он вывез из Чехии, куда был отправлен ранее с научным поручением; она приняла Православие только в конце 1724 года, когда Суворов получил командировку в Сербию, куда неудобно было ехать с неправославною женой[1335]. Особенную известность по делам Синода приобрел переводчик Розенблют, у которого непрерывно производился вычет из жалованья в погашение его неоплатных долгов[1336]. Один раз он заложил у одного канцеляриста кафтан, камзол и штаны, – все свое платье[1337].

Судя по тому, что платье это оказалось форменным, пунцового цвета с золотым позументом и пуговицами, обшитыми золотом[1338], можно думать, что переводчики, как, вероятно, и все канцеляристы, носили форменное платье.

XIII

По генеральному регламенту, для всех коллегий полагалось два общих архива: один в ведомстве коллегии иностранных дел, для дел, «которыя не касаются приходу и расходу», другой в ведомстве ревизион-коллегии, для дел, «которыя касаются приходу и расходу». В архивы должно было сдавать «дела, документы, книги, регистратуры», «когда оные три года в канцелярии или конторе лежали». Не подлежали вовсе сдаче в архивы «особливые уставы, регламенты и все те документы и книги, которые в коллегиях и канцеляриях и конторах для справки и правила их всегда при них имеют быть». Дела сдавались «архивариусу с распискою»[1339].

В самые первые годы в Синоде не чувствовалось потребности в архиве. Дела, еще свежие и текущие, хранились в канцелярии, в которой, с одной стороны, были необходимы для производства и справок, с другой – не занимали много места. Но так как, по мере решения дел, стали образовываться совершенно законченные дела, ненужные ни для производства, ни для справок, а затем стали появляться в Синоде документы важного значения, но ненужные для текущего делопроизводства, а требовавшие для себя только бережного хранения, то и стали понемногу образовываться архивы: «секретарский», для хранения законченных производством синодальных дел, и «синодальный», для хранения особенно важных документов. В 1722 году определено содержать в архиве присягу архиепископа Ахридонского Филофея, данную им при назначении его в Смоленск[1340]. В 1724 году в архив помещен Синодом пакет, заключавший в себе составленное надсмотрщиком вологодских крепостных дел Константиновым описание к им же написанной картине коронования императрицы Екатерины I, маловразумительное, но признанное важным, как относящееся к высочайшей особе[1341]. В 1724 же году высочайший указ, сообщенный Синодом, решено «сдать в архиву», а в деле оставить копию[1342]. При переезде в 1724 году Синода из Москвы в Петербург обер-секретарь предписал сложить «синодальные дела», т. е. текущие и из секретарского архива, в сундуки или бочки, а «архиву», т. е. собственно синодальный архив, зашить в холст и кожу, чтобы не подмочить, запечатать синодальною печатью, уложить в «ящик», который тоже запечатать, и отправить в дорогу вместе с «секретарскою архивою», при особом копиисте, под наблюдением и самого секретаря, переезжавшего из Москвы[1343]. По проекту штата 1722 года для архива полагалось:

архивариус с жалованьем в 400 рублей, два канцеляриста с жалованьем по 250 рублей, считая в том числе и цену хлебного жалованья, два подканцеляриста с жалованьем по 160 рублей каждому и четыре копииста с жалованьем по 70 рублей[1344].

Библиотека у Синода оказалась богатая по наследству от патриархов, в Москве, в синодальном, бывшем патриаршем доме. По высочайшему повелению, в 1724 году она была отделена от ризницы: ризница перенесена в патриаршие верхние кельи, а библиотека оставлена «в палате» внизу, при церкви святого Филиппа[1345]. Начальство над этой библиотекой принадлежало синодальному ризничему. Библиотека по временам пополнялась разными редкостями. Так, в 1722 году Петр прислал в Синод чрез сенатского обер-прокурора, для хранения «с нужнейшими старинными книгами» в синодальной библиотеке, пергаментное Евангелие, открытое им в Кирилло-Белозерском монастыре во время путешествия к олонецким минеральным водам[1346]. В том же году Петр дал указ собрать изо «всех епархий и монастырей» древние рукописи в Синод в Москву, здесь списать с них копии дли библиотеки, а подлинники возвратить, откуда взяты[1347]. В 1724 году сдана Синодом в библиотеку написанная Константиновым картина, изображающая коронацию Екатерины, вероятно, аллегорического содержания, так как Константинов был из-за нее заарестован и подпал под замечание[1348]. «Профессор эллино-греческой школы» Афанасий Скиада составил каталог манускриптам и другим примечательным книгам, на славянском и латинском языках, который, по повелению государя, решено было в 1723 году напечатать[1349].

Но Синод, пребывая в Петербурге, не мог пользоваться московскою библиотекой, и естественно при Синоде вскоре образовалась особая библиотека в Петербурге. В 1721 уже году Синод предписал выслать «в библиотеку Святейшаго Синода» в Петербург хранившиеся в московском приказе церковных дел старинные книги, отобранные миссионером Неофитом у раскольников. Книги эти понадобились Неофиту для справок при собеседованиях с раскольниками. Из библиотеки они должны были выдаваться Неофиту «без задержки»[1350].

При Синоде, кроме того, состояло несколько учреждений и должностных лиц, имевших специальное назначение. Для увещания раскольников существовали «увещатели раскольников». Для проповеди в торжественных случаях были «проповедники». Для управления епархиальными делами бывшей патриаршей области учреждена была московская духовная дикастерия, а ранее существовал приказ церковных

дел и особое временное управление архиерейскими делами, а для управления епархиальными делами Петербурга и новозавоеванных городов учреждена была тиунская контора, поместившаяся в самом здании Синода. Для управления монастырскими имениями существовал монастырский приказ, для розыска раскольников розыскная раскольнических дел канцелярии. Для открытия разного рода злоупотреблений в епархиальном управлении была организована в широких размерах инквизиторская часть. Для управления хозяйственными делами бывшей патриаршей области существовал в Москве синодальный дом с казенным и дворцовым приказами. Все эти органы не принадлежат Синоду, рассматриваемому в качестве высшего органа церковного управления в России, а относятся к специальной разнообразной деятельности Синода – по делам веры, просвещения, епархиального управления, церковных имуществ и духовного суда, – и будут описаны на своих местах.

XIV

В полном собрании законов под 11 мая 1722 года помещено следующее высочайшее повеление: «в Синод выбрать из офицеров доброго человека, кто бы имел смелость и мог управление синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором, и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции генерал-прокурора»[1351].

15 июня 1722 года Сенат сообщил Синоду, что государь император 11 мая 1722 года, будучи в Сенате, указал: «в Святейшем Правительствующем духовном Синоде обер-прокурором быть до указу» полковнику Ивану Васильевичу Болтину, «для управления его дел дать ему инструкцию, применяясь в должности генерал-прокурора» в Сенате, и «о том сказать ему указ и привесть к присяге». Сенат сообщал, что все, что по царскому указу полагалось сделать, уже сделано: указ об определении Болтину сказан, инструкция дана за подписью Сената, по причине отсутствия государя, и к присяге Болтин приведен. Синод, заслушав сенатское ведение, 4 июля, постановил, согласно именному высочайшему указу, который сообщен Синоду в ведении Сената, обер-прокурору Болтину «для управления его дел при Святейшем Правительствующем Синоде быть» и должность свою отправлять по высочайшему указу и по инструкции, «а для ведома о том господине обер-прокуроре» послать указы в подчиненные Синоду учреждения и к епархиальным архиереям[1352].

Должность обер-прокурора в Святейшем Синоде состояла, по инструкции, в следующем: обер-прокурор обязан, во-первых, сидеть в Синоде и смотреть, чтобы Синод свою должность хранил, решал подлежащие ему дела правдиво, законно и без промедления; во-вторых, смотреть, чтобы по синодальным решениям происходило действительное исполнение, а не на бумаге только. В случае, если бы в решениях Синода замечено было уклонение от правды или закона или промедление, обер-прокурор обязан тотчас предлагать о том Синоду «явно» и «с полным изъяснением, в чем они или некоторые из них не так делают, как надлежит, дабы исправили», и «если не послушают», то дело приостановить своим протестом и немедленно донести государю, если дело важное, а если не важное, то доложить в ежемесячном или еженедельном докладе, как будет указано. С протестом и докладом государю поступать осмотрительно, с полным знанием дела, чтобы не причинить государю напрасного беспокойства, а членам Синода – напрасного «безчестия». Точно так же, если бы обер-прокурор заметил,

что нет действительного исполнения по синодальному решению, он обязан немедленно предложить о том Синоду. Обер-прокурор обязан вести журнал синодских решений и иметь книгу, в которой записывать – на одной половине листа синодальные указы, а на другой – когда по каждому из этих указов сделано исполнение. В случае, если практика представит запросы, на которые ответов в законе не окажется, обер-прокурор обязан предложить Синоду о необходимости издания соответственного постановления. Так как должность обер-прокурора учреждалась, между прочим, и для устранения медленности в делах Синода, то обер-прокурор обязан был пересылать важнейшие синодальные указы, равно как и всю свою переписку не по почте, а с посыльными от экзекутора или с самим экзекутором, если указ Синода адресован был в коллегии и «прочия ближния места». Это были обязанности обер-прокурора. Права его определялись тем, что он не подлежал ничьему суду, кроме царского, и только в отсутствие государя и в случае тяжкой вины обер-прокурора Синод мог его арестовать и приступить к расследованию дела, не подвергая, однако, обер-прокурора пытке или наказанию. Заканчивалась инструкция уподоблением обер-прокурора оку цареву и стряпчему о делах государственных и наставлением ему, что «лучше доношением ошибиться, нежели молчанием, однако ежели то часто будет употреблять, то не без вины будет»[1353].

Эта инструкция не была Сенатом составлена «применительно» к генерал-прокурорской, как того требовал высочайший указ, а буквально с нее списана с заменою только двух слов: «Сенат» и «генерал-прокурор» словами: «Синод» и «обер-прокурор». Этим и объясняется то, что в ней имеется немало несообразностей. Так, в ней упоминается о частом личном присутствии государя «в Синоде», между тем как это упоминание могло относиться только к Сенату; на «обер-прокурора» возлагалось наблюдение за всеми прокурорами, между тем как в его ведомстве пока не было еще ни одного прокурора; также наблюдение за «фискалами», которые были только в светских ведомствах, в духовном же фискалов не было, а были «инквизиторы»; инструкция подчиняла обер-прокурору «синодального экзекутора», тогда как в Синоде в ту пору был агент, а экзекутора не было, экзекутор был в Сенате; во втором пункте оставлены неприкосновенными слова: «нам», «нашу», относящиеся к царской особе: «донесть нам», «в бытность нашу», – хотя инструкция подписана была сенаторами, а к ним эти местоимения не могли относиться ни в каком случае. Все это очевидные недоразумения. По пятому пункту инструкции обер-прокурору «должно в своей дирекции иметь канцелярию синодскую и ея

служителей»[1354].

Изложение инструкции так ясно, требования ее столь определенны, что только извращением совершенно прямого смысла самых простых понятий, проще сказать – научным невежеством может быть объяснено утверждение, будто учреждение в Синоде должности обер-прокурора было «привнесением личного начала в коллегиально организованное высшее церковное учреждение», выражало собою поворотное настроение Петра во взгляде на коллегиальное управление[1355], было проявлением специального недоверия Петра к органу высшего церковного управления ради составлявших его лиц, духовных особ, к которым Петр не мог будто бы питать ни симпатий, ни доверия, потому что духовенство вообще не сочувствовало петровым реформам[1356]. Однако кто утверждает, что учреждение должности синодального обер-прокурора было привнесением личного начала в коллегиально устроенный орган высшего церковного управления, т. е. в Синод, тому следовало бы справиться хотя бы с элементарными основами церковного права, откуда можно было бы узнать, что изменение самого существа церковного управления не могло быть произведено сенатскою инструкциею без участия Церкви. Изложенное утверждение, ни на чем не основанное, категорически опровергается совершенно ясным смыслом обер-прокурорской инструкции, не предоставляющей обер-прокурору никакого участия в делах высшего управления Российскою Церковию, что лежало на обязанности Синода. Дело обер-прокурора состояло в том, чтобы «смотреть», «предлагать» Синоду, т. е. обращать внимание Синода, в случае уклонения его от правды или закона, и «доносить государю». Решал все Синод сам, без участия обер-прокурора. Влияние на дела ограничивалось властью приостановить исполнение решения, до высочайшего рассмотрения дела, в случае упорного отстаивания Синодом несправедливости или несогласия с законом. Когда все шло правильно и законно, у обер-прокурора была одна обязанность: сидеть и смотреть. Выступал он только в случае уклонения Синода от закона или правды, но при этом сам он не мог исправить подобного уклонения своею властью, а обязан был только указать на уклонение тому же Синоду, который сам исправлял свою ошибку, если признавал указание обер-прокурора правильным. У Синода было свое дело, а у обер-прокурора – свое. Далее, кто утверждает, что учреждение обер-прокурорской должности в Синоде выражало собою поворотное настроение Петра во взгляде на коллегиальное управление вообще, тому не лишне было бы вспомнить, что Синод, духовная коллегия, открыт в 1721 году, что государственные

коллегии открыты в 1718 году, а должность обер-прокурора в Сенате учреждена раньше всего этого, в 1715 году[1357]. Мысль, что Петр продолжал учреждать коллегии, потеряв уже в них веру, можно назвать только крайне наивною, другого эпитета тут быть не может. Наконец, утверждение, будто Петр не доверял Синоду потому, что Синод состоял из духовных особ, а Петр вообще недоверчиво относился к духовенству, разрушается тем простым соображением, что во главе Синода стояли такие лица, как Феодосий и Феофан, отношения к которым Петра слишком известны, чтобы следовало о них распространяться.

Однако чем же вызвано было учреждение должности обер-прокурора в Синоде? Соображения об этом не представляют трудности. Петр уезжал в далекий поход, в Астрахань. Во главе управления России он покидал два учреждения – Сенат, для дел государственных, и Синод, для дел церковных. Сам царь непосредственно уже не мог наблюдать за деятельностью того и другого. В Сенате было его «око», генерал-прокурор. Должность генерал-прокурорская учреждена была вследствие замеченных государем злоупотреблений Сената, для постоянного и ответственного наблюдения за этим учреждением. То, что произошло в Сенате, могло произойти и в Синоде. И вот предусмотрительный государь оставляет свое «око» и в Синоде. Таким образом, оказывается, что для Сената учреждение генерал-прокурорской должности было вызвано действительною причиною, для Синода – учреждение обер-прокурорской должности вызвано только предположением возможности. И хотя члены Синода при определении в должность давали присягу на верность государственной службы, но воля государя иметь в Синоде своего представителя, притом без права участия в церковном управлении, не заключала в себе ничего обидного для членов Синода и была и весьма естественна, и весьма законна.

В науке высказана мысль, что в Синоде, как постоянном церковном соборе, положено было присутствовать обер-прокурору, как представителю царской власти, – «по примеру вселенских и поместных, греческих и русских соборов, на которых обыкновенно присутствовал или сам царь, или уполномоченный от него»[1358]. В доказательство справедливости этой мысли не приводится никаких подтверждений. А что она несправедлива, видно, во-первых, из того, что при учреждении обер-прокурорской должности в Синоде ни к каким примерам соборов не обращались, во-вторых, из различия задач – Синода, постоянного органа церковного управления, и соборов, созываемых для какого-либо нового дела, – для решения какого-либо вопроса или для выработки новых

общеобязательных мер и правил.

XV

Вступление обер-прокурора в должность не могло быть ранее 4 июля 1722 года, когда Синодом было заслушано и принято к исполнению высочайшее повеление, сообщенное в ведении Сената от 15 июня.

Памятником первых действований обер-прокурора в Синоде сохранилось письмо обер-прокурора к синодальному обер-секретарю. Обер-прокурор поручал обер-секретарю доложить от его имени Синоду о том, что нужно равномерно распределить по монастырям мастериц, присланных в монастыри и собранных главным образом в Новодевичьем монастыре, а также, чтобы были удержаны в Москве до его прибытия два бывших под судом Синода лица, «не отсылая их в смирения». Конец письма занят поручениями обер-секретарю: «которым делам есть колодники, изволь их внести в реестр в первых к слушанию, чтобы колодникам скорое решение было. По челобитной прежняго архимандрита Чудова монастыря доложи, дабы он определен был по его желанию. По делу архиерея Воронежскаго держится архимандрит да протопоп; ежели нет до них большого дела, отпустить их надлежит. Слуга ваш Иван Болтин»[1359].

Первое предложение Болтина Синоду, 19 сентября 1722 года, состояло в напоминании о восстановлении порядка, установленного самим Синодом и тогда же забытого: чтобы очередные советник и асессор ежедневно присутствовали в Синоде. Синод восстановил этот порядок[1360]. В октябре Болтин протестовал против приписки к Заиконоспасскому училищному монастырю богатого серпуховского Высоцкого монастыря. На этот раз Синод оставил обер-прокурорский протест без последствий. Приписка серпуховского монастыря к Заиконоспасскому противоречила, по мнению обер-прокурора, духовному регламенту, допускавшему приписывать малобратственные и бедные монастыри к более людным и состоятельным, а не наоборот. Но и Синод мог считать себя правым, потому что хотя училищный монастырь и был во всех отношениях беднее приписываемого, но приписываемый серпуховский имел монахов менее положенной в регламенте нормы в тридцать человек. В мотивы своего решения Синод, между прочим, ввел и то любопытное соображение, что в Заиконоспасском монастыре ученые, а в серпуховском не ученые, и «дабы невеждам преизлишняго всуе богатства не истощать»[1361].

Далее известны четыре протеста обер-прокурора против синодальных решений, уваженные Синодом. Синод позволил было взять обратно в

Симоновский монастырь из монастырского приказа 20 фунтов старой серебряной посуды, которая была взята из архиерейских домов по указу 1707 года для переделки в деньги и оставалась неиспользованною в монастырском приказе[1362]. Синод выдал архиепископу Феофану, по его просьбе, 3200 рублей взаймы, сроком на четыре года, из синодальных сумм[1363]. Синод, желая почтить одного своего заслуженного солдата, произвел его в курьеры и назначил жалованье ему 70 рублей, – размер, не положенный солдатам по закону[1364]. Синод постановил решение по исковому делу двух крестьян без соблюдения установленных форм[1365]. Все эти свои решения после протестов обер-прокурора Синод отменил и восстановил прежнее положение дел, исключая одного дела – с Феофаном, который объявил себя несостоятельным и затем перевел все дело на благоволение государя, у которого дело и осталось.

Один протест обер-прокурора, о том, что члены Синода незаконно будто бы получили жалованье за весь 1721 год, когда должны были получить его только с 14 февраля, со дня открытия Синода, вызвал обширные объяснения Синода, но остался без реальных последствий[1366], хотя обер-прокурор старался не упускать этого дела из виду[1367].

Обер-прокурор выступал и с напоминанием о неисполненных и как бы забытых законах и синодальных постановлениях. В 1724 году он обратил внимание Синода, что остается неисполненным около двух лет синодальный указ о присылке из епархий табелей о монашествующих[1368]; что с новоопределенных секретарей и дьяков по синодальному ведомству не взыскан определенный законом сторублевый взнос в пользу лазаретов при определении в должность[1369]. По обоим предложениям действие указа и закона было восстановлено. По настоянию обер-прокурора предан суду взяточник, отрешенный от места в светском учреждении и попавший секретарем в московскую синодальную типографию[1370]. Однажды обер-прокурор обратил внимание Синода, что вопреки именному указу от 13 ноября 1724 года в имущественное дело, веденное в московской синодальной канцелярии, вступал, в качестве поверенного, стряпчий дома ее величества. Синод постановил обратить в доме ее величества внимание на это незаконное вступление стряпчего в исковое дело и для этого послал в государынин дом своего экзекутора[1371]. В 1723 году обер-прокурор возбудил вопрос об истребовании из архиерейских домов и монастырей, в силу указа 1707 года, на переделку в деньги всей описанной в том же 1707 году старой серебряной посуды, которой описано было свыше 100 пудов, а доставлено в монастырский приказ только 19. Синод разъяснил обер-прокурору, что в 1722 году государь велел приостановить сбор посуды и

только уже собранную отдать в переделку на деньги[1372]. Один раз, по настоятельной просьбе поверенного одной истицы, недовольной производством дела в монастырском приказе, заподозренном в пристрастии, обер-прокурор настаивал, чтобы дело это взято было из монастырского приказа в Синод; но Синод не согласился на это[1373].

В конце 1722 года обер-прокурор обратил внимание Синода на крайнюю запущенность дел в монастырском приказе, зависевшую от неисправности судьи приказа, и Синод почти немедля назначил нового судью[1374]. В 1724 году обер-прокурор предлагал оштрафовать московскую духовную дикастерию, которая, вопреки общему требованию Синода, представила в Синод дело без своего мнения. Предложение это не было рассмотрено Синодом[1375].

Иногда обер-прокурор выступал с проектами новых постановлений. Так, в 1723 году он предлагал, ввиду уменьшающихся с каждым годом средств монастырского приказа и возрастающей недоимки за крестьянами церковных вотчин, вернуть монастырскому приказу розданные в управление монастырей заопределенные вотчины. Синод не согласился на это[1376]. По предложению обер-прокурора Синод учредил в 1724 году, по примеру светского ведомства, особую контору инквизиторских дел при Синоде[1377]. Иногда обер-прокурор входил с проектами решения синодальных дел, имевших, впрочем, отчасти и казенный интерес. Так, в 1723 году он предлагал Синоду об освобождении Петровского Высокого и Донского монастырей, по просьбам их настоятелей-архимандритов, от уплаты «презентальных денег» придворному священнику за объявление о рождении царевича, начисленных недоимкой с 1710 года; также – о продаже оставшегося после умершего в 1705 году Устюжского архиерея имущества в погашение сделанного на почившем начета в пользу казны[1378]. По предложению обер-прокурора собраны были сведения о наличности хлеба в заопределенных вотчинах[1379].

Иногда обер-прокурор выступал пред Синодом и в качестве ходатая по делам, не относившимся к обер-прокурорской должности. Так, в 1723 году Синод, по ходатайству обер-прокурора, дозволил выпустить в продажу 311 икон, задержанных у крестьян села Палеха. Крестьяне эти привезли всего 837 икон, из которых только 26 по осмотру были признаны хорошими, 500 признаны негодными и потому «счищены», а 311 признаны по достоинству – ниже среднего и были задержаны для исправлений[1380]. В 1725 году по просьбе обер-прокурора отданы Синодом «в благословение к супружеству некоей убогой девице» две иконы из конфискованных Синодом у казненного попа Лебедки[1381]. В октябре 1722 года обер-

прокурор обращался к Синоду по своему личному делу; он просил назначить следствие о священнике, который держал у себя беглого крестьянина, принадлежавшего Болтину, и нанес ему побои. Синод исполнил просьбу обер-прокурора[1382].

Иногда обер-прокурор делал по синодским делам некоторые распоряжения самостоятельно. Впрочем, такие распоряжения были исключительно формального свойства. Так, однажды, когда караульный капрал донес ему, что один колодник говорил капралу, будто один монах, будучи пьянь, года четыре тому назад непочтительно отзывался о государе, обер-прокурор распорядился немедля допросить этого колодника[1383]. Однажды «по словесному приказанию обер-прокурора» протоинквизитор «отставил» одного инквизитора-диакона[1384], – в силу, конечно, обер-прокурорской инструкции, отдававшей фискалов, или заменявших их в духовном ведомстве инквизиторов, под «дирекцию» обер-прокурора.

По своей части обер-прокурор старался быть аккуратным, и когда в Синод вошло дело об одном беглом крестьянине, подсудное монастырскому приказу, обер-прокурор предварительно доклада дела Синоду поспешил снестись с прокурором монастырского приказа, требуя объяснений, «чтобы чего к нему не причлось»[1385].

XVI

Обер-прокурор имел свою канцелярскую «контору». Контора эта состояла из служащих в синодальной канцелярии и с последней составляла одно общее. В августе 1723 года Синод пожаловал подканцеляриста конторы инквизиторских дел, за прилежную работу, канцеляристом «в синодальную канцелярию – к прокурорским делам»[1386]. Когда обер-прокурор захотел произвести своего копииста в подканцеляристы, он представил об этом, в декабре 1723 года, Синоду, и Синод, предварительно производства, потребовал обычного одобрения этому копииству от всех своих канцеляристов[1387].

В 1722 году, в проекте нового штата, Синод предполагал иметь в «прокурорской конторе» секретаря или контролера с жалованьем в 600 рублей, одного канцеляриста с окладом в 250 рублей, двух подканцеляристов с окладом по 160 рублей и четырех копиистов с окладом по 70 рублей[1388].

Делая впервые в указанном случае представление служащего в синодальной канцелярии к награде, обер-прокурор счел нужным выяснить основание своих прав на подобные представления. Он нашел эти основания в 50-й главе генерального регламента и в 110-й – регламента адмиралтейской коллегии. В первой главе говорится вообще о долге начальства поощрять служащих, а во второй вменяется «командирам» в обязанность «представлять об искусных людях в коллегии».

Несколько ранее, в октябре 1723 года, обер-прокурор возбудил вопрос о подчинении ему всех канцелярий синодального ведомства. Московская синодальная канцелярия, помимо обер-прокурора, повысила чинами некоторых своих служителей, а иных и вновь определила. Основываясь на 5-м пункте своей инструкции, в котором сказано, что обер-прокурору «иметь в своей дирекции канцелярию синодскую», обер-прокурор пояснял: «разумеется, что и подчиненные вашему святейшеству канцелярии и конторы надлежат быть мне послушны», и предлагал об этом Синоду, признавая действия московской канцелярии неправильными. Синод потребовал от канцелярии объяснения, и та объяснила, что ее действия вызваны потребностями канцелярии и не противоречат инструкции, данной ей Синодом; «а если бы о том в инструкции было запрещено, то оные служители без ведома Святейшаго Синода и определены бы не были, да и генеральный регламент, 11-я глава, повелевает служителей учреждать по благоизобретению». Тем дело и

кончилось[1389].

При распространении своей власти на всех светских служащих по духовному ведомству, обер-прокурору пришлось вступить в столкновение с одним из членов синодального секретариата. 31 января 1724 года обер-прокурор словесно приказал секретарю Тишину доложить лично каждому из членов Синода, чтобы прислали обер-прокурору сведения, сколько каждый получает, – архиереи с епархий, а архимандриты с монастырей, – и в тот же день вечером явиться к обер-прокурору на квартиру «с письменным ответом». Тишин доложил некоторым членам, другим и не докладывал, а вечером не явился к обер-прокурору, и только утром, когда обер-прокурор явился в синодальную канцелярию, Тишин сделал ему доклад на словах, а потом, по требованию обер-прокурора, и на бумаге. «За такое непослушание» обер-прокурор велел обер-секретарю сказать Тишину арест и отослать его «в синодальную канцелярию под караул». Палехин исполнил обер-прокурорское приказание и отослал Тишина к караулу, но при шпаге. Капрал караульный намеревался снять с Тишина шпагу, но Тишин этого не допустил. Обер-прокурор жаловался Синоду, что при «такой противности и непослушании» он не может отправлять своей должности, и просил удовлетворения. Синод произвел Тишину допрос. Тишин объяснил, что секретари, по адмиралтейскому регламенту, должны быть послушны прокурору только в представлении выписок и справок, для сообщения же чего-либо членам и в другие места полагаются низшие служители; что он тем не менее порученное ему обер-прокурором дело, хотя и не относившееся к его должности, исполнил, только не явился с докладом на дом, а доложил в канцелярии, – ведь это дело не домашнее, а канцелярское; что шпагу снять он не дозволил капралу потому, что состоит в майорском чине и снять с него шпагу может только высший этого чин. Представив свои оправдания, Тишин приносил, в свою очередь, жалобу на обер-прокурора за напрасный арест и указывал, что обер-прокурор без определения Синода не имел и права лишать его свободы. Этим объяснением инцидент и закончился[1390]. Зато обер-прокурор побуждал секретарей и служащих в канцелярии исправно являться на службу, и когда его меры не имели успеха, он в декабре 1724 года предложил Синоду о неисправности обер-секретаря и секретарей, которые поздно являются на службу и не смотрят за канцелярскими; и Синод потребовал от них подписки быть исправнее и установил запись времени явки в канцелярию всех служащих[1391].

«Предложения» обер-прокурора Синоду имели такую форму: «Святейшему Правительствующему Синоду – предложение»; далее

следовало изложение дела, заканчивавшееся словами: «требую резолюции», или: «о сем вашему святейшеству предлагаю, благоволите на сие учинить определение»; подпись: «о сем предлагает обер-прокурор Болтин»[1392]. Бывали и «словесные» предложения обер-прокурора[1393]. Когда обер-прокурор обращался к Синоду с какою-либо просьбой, по своему личному делу, он писал «доношение»[1394], или даже «прошение»[1395]. Синод свои резолюции по обер-прокурорским предложениям объявлял обер-прокурору, по-видимому, словесно, так как в синодальном деле после синодального определения, заканчивавшегося словами: объявить обер-прокурору «по обыкновению», никакой исполнительной бумаги не имеется[1396].

Один раз генерал-прокурор Сената внес на рассмотрение Синода касавшееся Синода дело не непосредственно, а чрез синодального обер-прокурора[1397]. Один раз и обер-прокурор снесся с одним епархиальным архиереем письмом о принятии вновь в пустынь уволенного из нее монаха за самовольный уход. По всей вероятности, это письмо написано не по собственному почину обер-прокурора, а по неофициальному решению Синода, давшего такое поручение обер-прокурору и не желавшего стеснять архиерея своим формальным определением. Как бы там ни было, следов синодального решения в деле никаких не осталось[1398].

Материальное положение первого обер-прокурора было крайне неопределенно. В первые два года он не получал должностного жалованья, вынужденный довольствоваться своим полковым, по 300 рублей в год. Из этого жалованья еще вычиталась четвертая часть, так что на деле обер-прокурор получал не только менее обер-секретаря и секретаря, но даже менее протоколиста. Болтин, правда, имел свои небольшие средства – «малое число деревнишек»[1399]. В сентябре 1722 года Синод, по просьбе обер-прокурора, положил выдавать ему по восьми рационов фуражу ежемесячно и дать 14 сажен дров[1400]. При отъезде Синода из Москвы в Петербург в 1723 году обер-секретарь и секретарь Синода получили деньги на переезд, а обер-прокурор вынужден был ехать на свой счет, «отчего пришел в великую нищету» и, наконец, заявил Синоду, что ему «ныне в Петербурге прожить нечем». Синод сам не мог назначить жалованья своею властью, решил снестись с Сенатом или внести этот вопрос на решение ближайшей конференции Синода с Сенатом. Началась переписка с Сенатом, но так как дело затянулось на неопределенное время, то Синод, в 1724 году, по весьма настойчивой и жалостливой просьбе обер-прокурора нашел возможным выдать ему в награду «за прилежное обер-прокурорское правление» 300 рублей[1401]. В проекте

штата 1722 года Синод, не обозначая цифры жалованья обер-прокурору, заметил, что «надлежит оклад ему учинить против сенатского обер-прокурора»[1402]. Как видно из последующего, оклад этот простирался до 2100 рублей[1403], с хлебною выдачей, а без нее – 1800 рублей[1404]. Что касается рангового положения обер-прокурора в Синоде, то характерным может быть признано сведение, что вице-президенты Синода при переезде из Москвы получили по двадцати подвод, а обер-прокурор только восемь, – столько, сколько советники Синода[1405]. В 1724 году Синод уже упоминает, что обер-прокурору «по табелю ранг числится генерал-майора»[1406].

VI. Дела и власть Святейшего Синода

Круг дел Синода по духовному регламенту. – Дела веры, образование и просвещение, управление церковным строем. – Церковные имущества и церковный суд. – Постепенное отграничивание предметов, подлежащих ведению Синода, и вмешательство светских властей. – Отграничение предметов, подлежащих решению Синода. – Власть Синода.

I

Круг дел, подлежавших Святейшему Синоду, в духовном регламенте определен в следующих чертах. Все дела, подлежащие Синоду, регламент разделяет на «общие», т. е. касающиеся всех членов Церкви, и «собственные», т. е. относящиеся к отдельным классам членов Церкви: дела епископов, дела пресвитеров, диаконов и прочего клира, дела монашеские, дела образовательно-просветительные (школа и проповедь), наконец, дела мирян, поскольку миряне «участны суть наставления духовнаго»[1407]. Определяя «общие» дела Синода, духовный регламент возлагает на Синод наблюдение за тем, чтобы среди всех членов Православной Церкви все «делалось правильно по закону христианскому», чтобы ничего не было противного этому «закону» и чтобы не было «скудости в наставлении, подобающем всякому христианину»[1408]. Относительно дел «собственных» регламент замечает, что Синод для того, чтобы выполнять свою задачу, должен знать, в чем состоят обязанности в частности каждого члена Церкви, т. е. епископов, пресвитеров с прочими церковнослужителями, монашествующих, учителей, проповедников, учащихся, наконец, мирских лиц в той степени, в которой и они «наставления духовнаго участники»[1409]. И затем в духовном регламенте довольно много строк посвящено делам епископов, делам образовательным и просветительным и обязанностям мирян в отношении к Церкви[1410]. А дела клира церковного и чина монашеского подробно изложены несколько позднее, в «прибавлении» к духовному регламенту[1411].

После всего этого, как пример или отрывочный набросок, без всякой претензии дать полный свод подлежащих Святейшему Синоду дел, в духовном регламенте указаны, так сказать, поименно «некоторыя» дела, входящие в круг действования Синода. При перечислении этих примерных дел духовный регламент имел в виду, во-первых, обозначить в общих чертах все роды дел, подлежащих Синоду, и, во-вторых, отметить те единичные дела, которые были выдвинуты назревшими потребностями времени и требовали к себе исключительного внимания в данный момент. Указав, что Синоду подлежат дела веры, руководство просвещением, управление церковным строем, церковный суд в пределах, принадлежавших патриарху, и наблюдение за правильным употреблением церковного достояния[1412], регламент обращается к таким единичным и случайным делам, как пересмотр «акафистов, иных служб и молебнов»,

сочиненных «в недавнее время» и распространенных по Малороссии, уничтожение суеверного малороссийского обычая «пятницы», составление «трех небольших книжек» вероучительных наставлений народу, и т. п.[1413]

В «делах веры» духовный регламент, сообразно назревшим потребностям времени, указывает, «что есть важное»:

1) авторизация богослужебного текста: разыскать и пересмотреть «вновь сложенные и слагаемые акафисты и иные службы и молебны», которых особенно много появилось в последнее время в Малороссии, согласны ли эти сочинения со Священным Писанием и не заключают ли в себе чего-либо противного слову Божию, или хотя бы только «непристойнаго и празднословнаго»; «определить», что эти многочисленные моления, хотя бы оказались и правильными, не обязательны для всех, но могут быть употребляемы каждым в отдельности, по его желанию, наедине, и не могут быть вводимы в церковное богослужение, «чтобы со временем не вошли в закон и совести бы человеческой не отягощали»[1414];

2) искоренение суеверий; указаны для примера: празднование пятницы – на том основании, что пятница гневается на не празднующих и «с великим на оных угрожением наступает»; пост в двенадцать «именных» пятниц – «для многих телесных и духовных приобретений»; предпочтение, оказываемое одним церковным богослужениям пред другими, как благовещенской обедне, пасхальной утрене и вечерне в Пятидесятницу; малороссийский обычай «вождения пятницы»; почитание в Малороссии какого-то дуба священным. Замечено в регламенте, что эти «немногия» суеверия приведены лишь как пример, все они – достояние простого народа. Но есть и суеверия, распространенные в среде людей образованных: таково, например, убеждение, что погребаемый в Киево-Печерской Лавре получит спасение, хотя бы умер и не покаявшимся[1415];

3) авторизация святынь: удостоверение в подлинности чудес, наблюдение за тем, чтобы не было ложных мощей, чудотворных и явленных икон и других подобных предметов[1416];

4) наблюдение за порядком богослужений и священнодействий: чтобы не было многогласия и двоегласия, чтобы не допускалась дача молитв «в шапку» для передачи отсутствующим, и т. п.[1417];

5) обережение веры от пагубного влияния лжеучений: суд над раскольниками и лжеучителями; цензура «истории святых» и вообще всякого рода богословских сочинений, чтобы не было допущено в них чего-либо противного православному вероучению[1418];

6) разрешение недоуменных случаев пастырской практики в делах

веры и добродетели христианской[1419].

По части «просвещения и образования» духовный регламент вменял Синоду в обязанность следить, чтобы «у нас было довольное к исправлению христианскому учение». И так как существующее в этом отношении положение вещей признавалось неудовлетворительным, то предполагалось, что Синод составит краткие и удобопонятные для простых людей книжки для научения народа главнейшим догматам веры и правилам христианской нравственности. Регламент замечал, что совершенные «законы и заветы», нужные ко спасению, содержатся в Священном Писании и изъяснены у святых отцов, но так как немногие только грамотны настолько, чтобы могли читать Священное Писание и разбираться в нем, то и необходимы краткие и удобопонятные эти книжки. Вместе с тем отсюда же возникала необходимость распространения в среде духовенства и народа образования, грамоты: забота об этом была поручена епископам, а Синоду принадлежало, по регламенту, только наблюдение за этим, поскольку ему принадлежало наблюдение за исполнением епископами своих обязанностей[1420].

В деле «управления церковным строем» духовный регламент указывал, что Синод обязан исследовать достоинство лиц, поставляемых в архиереи, защищать церковный клир от обид путем представлений подлежащему начальству, наблюдать, чтобы всякий христианин пребывал в своем звании, наставлять и наказывать погрешающих[1421]. А для того чтобы Синоду знать, за чем собственно надо иметь наблюдение, в духовном регламенте довольно подробно и изъяснены обязанности как всех вообще христиан, так, в частности, епископов, пресвитеров с прочими церковнослужителями, монахов, учителей и учащихся и, наконец, мирян, поскольку они «наставления духовнаго участны суть»[1422]. Любопытная черта времени: Синоду вменялось регламентом в обязанность рассматривать проекты об улучшении управления Церковию, которые всякому позволялось представлять в Синод[1423].

«Суду» Синода подлежало рассмотрение жалоб на суд епархиального архиерея. В частности, перечислялись: дела брачные, бракоразводные, дела по жалобам на обиды от епископа клиру или монастырю, дела по пререканиям епископов между собою. Не представляя, очевидно, возможности перечислить все этого рода дела, духовный регламент обрывал свою речь словами: кратко сказать – все дела, которые подлежали суду патриаршему[1424]. Независимо от такого замечания, регламент особо упоминал, что суду Синода подложит также рассмотрение сомнительных или спорных завещаний знатных особ; по прежнему порядку

рассмотрение всех духовных завещаний принадлежало духовной власти; теперь сделана была некоторая уступка государству: Синод рассматривал завещания вместе с юстиц-коллегией[1425].

Наконец, по части церковного имущества Синоду принадлежало наблюдение за правильным употреблением церковного достояния. Так как в то время назревшими вопросами были вопросы о призрении многочисленных нищих и об обеспечении духовенства, то Синоду вменялось в обязанность упорядочить оба эти дела в целях устранения многочисленных злоупотреблений, тунеядства среди нищенствующих и нестроений в приходском клире[1426].

Само собою разумеется, что принимать это перечисление дел и обязанностей Синода, данное в духовном регламенте, за полную «регламентацию предметов ведомства Синода и законоположений, нормирующих все правовые отношения Синода», как делает это один исследователь о Синоде[1427], утверждающий затем, что «Синоду представлялось широкое поле деятельности как относительно пределов компетентности в известных делах, так и в решении последних», было бы совсем несправедливо. Духовный регламент, этот «учредительный акт» Синода, заменявший патриаршество Синодом, изменял только форму управления Российскою Церковию и не изменял в сущности круга церковных дел. Что принадлежало Церкви до регламента, то осталось за нею вообще и после, и нет серьезных оснований говорить о представлявшемся будто бы Синоду «широком поле» деятельности по определению «пределов компетентности». Синод принимал патриаршее наследство вообще в полном объеме круга дел, и не было надобности исчислять их в духовном регламенте, который и не дает такого исчисления, а только, обозревши круг дел, подлежащих Синоду, в самых общих чертах, и перешедши затем к обязанностям высшего органа церковного управления, он, в этой среде преимущественно, или напоминает забытое, или указывает вновь назревшее. Сам духовный регламент не раз напоминает читателю об этом. Часть II гласит: «о сих всех порядком, что есть важное, зде предлагается»; и в другом месте: «зде некая токмо предлагаются для примера, чтоб от сих мощно было наблюдать и прочая». Часть III гласит: «обаче некия правительства сего должности и собственно зде предлагаются»[1428]. При всем том необходимо не упускать из виду, что при неясности и «запутанности юридических понятий того времени»[1429], в духовном регламенте не проведено разграничения между строго разграничиваемыми в нынешней юридической науке объемом предметов, подлежащих известному

учреждению, и обязанностями этого учреждения[1430].

II

Дела веры – это такая область, которая бесспорно принадлежала ведению духовной власти. Вступление власти государственной в эту область было допустимо только в целях охранительных и практиковалось для оказания Церкви помощи, например, в поимке раскольников и т. п. Но так как, при спутанности и неясности правовых понятий того времени, это дело в междупатриаршество перестало приниматься государственною властью в качестве служебного для Церкви и получило в иных случаях самостоятельность, то с учреждением Синода такой порядок должен был измениться. Синод тотчас же по учреждении обратился к государю с докладом, что дьяки преображенского приказа вмешиваются в дела о раскольниках, всегда бывшие, и до учреждения Синода, в ведении духовной власти, именно – духовного приказа. Государь тотчас же дал повеление о передаче Синоду всех дел о раскольниках. 15 февраля 1721 года государь написал на докладе: «извольте послать указ, дабы преображенскаго приказу дьяки в те дела не вступалися и ничем как до чина духовнаго, так и до раскольщиков не касалися, ибо те дела поручены ныне духовной коллегии»[1431]. Позднее государь предоставил Синоду, в частности, право задерживать раскольников, чьему бы ведению они ни подлежали, а также предоставил и сбор с раскольников положенного с них оклада[1432]. Еще на самых первых порах Синод взял в свое ведомство всех «мирских персон», состоявших при раскольнических делах, на что было испрошено высочайшее повеление[1433]. Словом, дела о раскольниках переходили в полном объеме своем в ведение Синода. Однако, когда управитель приказа церковных дел, московский священник, посланный в Калугу для изыскания раскольников, был обвинен раскольниками во взяточничестве, то это дело, по высочайшему повелению, передано было для разбора в московскую губернскую канцелярию[1434].

Хотя по смыслу духовного регламента руководство высшим образованием и просвещением народным передавалось в ведение Синода, но нигде не было сказано определенно, что с открытием Синода высшие школы в Москве и типографии поступают в синодское ведение. 16 февраля 1721 года государь указал: печатному двору и школам славяно-греко-латинским, что в Москве, и печатне, которая в Петербурге, со всеми служащими при них, быть в ведении Синода, кроме школ навигацких[1435]. Недолго спустя, 22 февраля, Синод, на основании этого высочайшего указа, а также и духовного регламента, подчинил себе и все вообще

типографии в России, т. е., сверх упомянутых в царском указе, еще Киево-Печерскую и Черниговскую[1436]. Ведением от 1 марта 1721 года Сенат сообщил Синоду о совершившемся уже перечислении школ, кроме «навигацких», согласно указу 16 февраля, в ведомство Синода[1437]. 20 марта приняты были меры к подчинению торговли богослужебными книгами и иконными изображениями строгому контролю Синода[1438].

В самый день своего открытия Синод сделал государю доклад о порядке избрания Синодом архиереев, о чем не было упомянуто в духовном регламенте. Порядок этот требовал новых указаний, так как он не мог оставаться прежним: ни таким, как был при патриархах, когда избрание архиерея зависело от патриарха, ни таким, каким стал в междупатриаршество, когда архиереи избирались часто почти без участия духовной власти. Государь дал резолюцию: «выбирать по две персоны и, которую определим, посвящать и определять»[1439]. Затем Синод, вступая в управление духовенством, несколько расшатанное в междупатриаршество, собирал сведения о священнослужителях состоявших в ведении военной и адмиралтейской коллегий[1440], взял в свое ведение Новодевичий московский монастырь, оказавшийся состоящим в ведении преображенского приказа[1441], и т. п., и оповестил по своему ведомству, что лица духовного ведомства не обязаны повиноваться указам из светских коллегий и канцелярий без послушных указов от Синода[1442].

Вступление Синода в эти области ведения: дела веры, образование и просвещение и управление церковным строем, не вызывали ни споров, ни сомнений. Иное дело было с церковными имуществами и церковным судом.

III

Когда говорят о церковных имуществах петровского времени, то чаще всего разумеют почти исключительно церковные земли. Земля в это время была, действительно, «наиболее важною доходною статьею, хотя и далеко не единственною»[1443]. «В рассматриваемое время земля мыслилась не иначе, как населенною податным сословием на началах вотчинного права»[1444]. А по традиции древней Руси, разграничивавшей суд не по качеству проступков, а по принадлежности их тем или иным лицам, кто жил на церковной земле, тот подлежал и церковному суду, исключая тяжких преступлений уголовных. Поэтому обе эти области, область ведения церковных имуществ и область церковного суда, связаны между собою самым тесным образом.

Государство, во-первых, уже привыкло распоряжаться церковными вотчинами, во-вторых, не заявляя претензий на подведомственность себе духовных лиц, оно не могло примириться с мыслию о полной подведомственности церковным властям множества лиц, совершенно «мирских», т. е. церковных крестьян и всякого рода других лиц, состоявших при церковных вотчинах.

По духовному регламенту, Синоду принадлежало наблюдение за правильным употреблением церковных имуществ, но нигде в регламенте не было сказано, чтобы церковные имения поступали в ведение Синода, а между тем в данное время они, с упразднением монастырского приказа, были розданы по церквам, монастырям и архиерейским домам и оставались без центрального управления. В первое же свое заседание, 14 февраля 1721 года, Синод представил государю доклад о том, что надлежит передать ведение церковными имениями, бывшими под ведением упраздненного монастырского приказа, «сборами и правлением» Синоду, и государь дал резолюцию: «быть по сему»[1445].

Основываясь на этой резолюции, Синод разъяснил, что ему теперь, кроме заведывания «сборами» с церковных крестьян, принадлежит также «суд и расправа» между крестьянами и всякого чина людьми церковных вотчин, и вообще всякое правление ими. Обиженные и истцы из церковных крестьян и всякого чина людей должны были вчинать дела и искать своих исков в Синоде, а ответчики в Синоде же отвечать. Если же этими лицами будет причинена обида кому-либо из постороннего ведомства, то на них бить челом «по царскому указу и по генеральному регламенту». Исключались дела о разбое и убийстве, безусловно

подлежавшие светскому суду[1446].

Однако это разъяснение оказалось не совсем точным. Синод уже 28 апреля 1721 года жаловался государю, что Сенат велит быть духовным вотчинам и служителям их «под судом, по генеральному регламенту, в юстиц-коллегии». Синод прибавлял, что когда «сочинен» был генеральный регламент, тогда «о духовном правительстве еще и начинания не было», а ныне «духовное правительство от прочих коллегий отменно, равно Сенату»; если согласиться с Сенатом, то церковным вотчинам и их насельникам будет «прежнее от мирских властей утеснение». Резолюция государем дана такая: «определю по приезде; однако ж видится, что инако нельзя, понеже ведение вотчин у вас определено для поборов и между ими расправы и тому подобнаго, дабы в лучшем охранении были; а чтоб с посторонними случающимся делам всем быть у вас, чаю, не возможно, понеже при таких делах казни и наказания бывают, вам подписывать не возможно, а одному светскому вручить нельзя; другое, что столько будет хлопот, что настоящаго вашей должности дела управить будет неколи, которое и без иных дел великих трудов и времени требует, к тому же крестьяне и служители суть равные, где бы ни были»[1447]. За то Синод получил удовлетворение на свое ходатайство в том же докладе, чтобы духовные лица не были забираемы по оговорам в «разныя канцелярии и приказы», но чтобы дело было расследываемо духовною властию, и только тогда, когда по такому расследованию окажется, что необходим «розыск гражданскаго суда», или если духовное лицо взято будет в «явном каком злодействе», в таком только случае дело поступало бы в светский суд и предварительно с духовного лица снимался бы духовною властию сан. Государь дал резолюцию: «на которых оговор какой будет, кроме тяжких государственных дел, в каком партикулярном злодеянии, таких отсылать к Синоду против пункта сего силы, пока оные до гражданскаго суда приличны будут, а самим не брать в коллегии или где инде, и не держать; и должен каждый челобитчик в злодеянии на духовных нигде инде бить челом, токмо в Синоде. Сие разумеется о брани, бою, краже и прочих тому подобных дел, а не о тех, которыя тяжебныя дела, к которым сами духовные себя привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и прочее тому подобное, еже, где определено всем, там и на духовных бить челом; например, в иностранных торгах – в коммерц-коллегию, во внутренних торгах, промыслах, откупах – в камер-коллегию, и прочее тому подобное»[1448].

В августе 1721 года Синод спрашивал у Сената, распубликовал ли Сенат высочайшее повеление, сообщенное ему Синодом, о подсудности

духовных особ только духовному правительству и о неприкосновенности их, исключая явного злодейства. И сообщал, что «в некоторых светских командах поступают с духовными не по содержанию онаго именного указа»: преображенская канцелярия, не списавшись с Синодом, самовольно поручила арестовать в Новгороде духовных дел судию, архимандрита Андроника и выслать в Москву, «по такому делу, которое не так преображенской канцелярии, как синодальному рассуждению подложит», а затем, «по усмотрению его невинности», отпустила его обратно «с оправдательным указом». «А в других командах по губерниям и провинциям многия чинятся духовным, т. е. священнослужителям и прочим синодской команды подчиненным, обиды и отягощения, а именно: попов и диаконов и прочих причетников и подобных им» не только «в каких важностях, но и в истцовых делах берут в приказы и держат под караулом многое время и наносят им не малые убытки и озлобления»[1449].

Около того же времени, или вслед затем (11 сентября), открылось любопытное в этом отношении дело. Суздальский судья Толмачев требовал, чтобы на подчиненных ему лиц суздальское духовенство било челом у него, писал указы архиерею, принял жалобу на архиерея и препроводил ее в юстиц-коллегию, да и сам прислал в юстиц-коллегию жалобу на архиерея, – и только уже юстиц-коллегия направила дело к законному порядку: передала его в Синод[1450].

Вероятно, этого рода факты побудили Синод вторично просить государя о подтверждении неприкосновенности лиц духовного ведомства для светского суда. По крайней мере, без необходимости, потому что дело это было государем уже разрешено в резолюции на докладе 28 апреля, Синод в докладе 19 ноября 1721 года, объясняя, что «духовнаго чина и церковнаго причта люди, которые в бытность российских патриархов ведомы были во всем, кроме татиных, разбойных и убивственных дел, под судом патриаршим, подчинены ныне именным его императорскаго величества указом Синоду», просил, «дабы на оных светским в злодеяниях и в тяжебных делах бить челом нигде инде, токмо в Синоде». Государь оставил просьбу без ответа[1451]. Без ответа также было оставлено и, опять вторичное, ходатайство Синода о том, чтобы по оговорам духовных особ в преступлениях какой бы то ни было важности расследование первоначально производилось в Синоде, «доколе по явным их подозрительствам дойдут до телеснаго наказания, к которому тогда, яко причинные уже, из Синода и отсылаться будут». Синод изъяснял, что если об этом «собственною резолюциею не определится, то духовные от светских напраснаго утруждения и озлобления избыть не могут». Синод,

впрочем, прибавлял, что если духовные лица взяты будут в каком «явном злодействе», то о них следовать в гражданском суде и только для снятия сана присылать в Синод по-прежнему»[1452]. О крестьянах духовных вотчин того же 19 ноября в Сенате государь дал указ, что суд между ними и кто на них будет бить челом, кроме криминальных дел, которые подведомы юстиц-коллегии, принадлежит Синоду; а по жалобам духовных крестьян и других лиц духовного ведомства на светских лиц бить челом там, «где их соперники ведомы»[1453].

В докладе 19 ноября 1721 года Синод жаловался государю, что светское начальство не оказывает духовному содействия по части высылки в духовный суд по делам, подлежащим духовному суду, лиц, не подведомых духовной власти. Государь написал на докладе: «изъяснить дело именно». Это вызвало подробный доклад Синода 12 апреля 1722 года и повело к пересмотру и некоторому изменению круга подлежавших суду Синода дел.

Синод сделал подробный доклад о делах, подлежавших патриаршему суду, затем перешедших в ведение местоблюстителя патриаршего трона и, наконец, по духовному регламенту подлежащих Синоду. Государь, рассмотрев перечисление дел духовного суда по пунктам, некоторые пункты оставил без всякой отметки, как заключавшие в себе перечисление дел, бесспорно подлежавших Синоду, против других написал: «в Синоде», против третьих: «светскаго суда». Остались без всяких отметок пункты, перечислявшие следующие дела: богохульные; еретические; раскольничьи; волшебственные; недоуменные браки и определение степеней родства; развод по прелюбодеянию; дела о побегах и самовольных отлучках одного из супругов. Против следующих пунктов написано «в Синоде»: о двоебрачии; о браках по принуждению; о насильственном пострижении. «Светскаго суда» государь написал против пунктов, изъясняющих дела: о любодействе; о блудном насилии; о насильственном любодействе господ со своими «рабынями»; о насильственном «восхищении» к браку; о детях, прижитых от блуда и от незаконного брака; о женитьбе без воли родителей. Против пункта о кровосмешении государь написал: «светскаго суда, токмо о важности суда с спросу Синода»[1454]. Тогда же был разрешен вопрос об укреплении духовных завещаний. Ранее это было дело духовного суда[1455]. Духовный регламент передавал дела о завещаниях на совместное решение Синода с юстиц-коллегией. Теперь Синод возбуждал вопрос, куда должны поступать пошлины, взыскиваемые при укреплении духовных завещаний. Государь решил вопрос тем, что дела о завещаниях передал ведению одной

юстиц-коллегии. Он написал на докладе Синода: «быть в юстиц-коллегии, а которыя спорныя, для тех требовать из юстиц-коллегии из Синода одного или двух членов, чтоб при том были, понеже случаются духовники в воровских духовных, дабы член был тому свидетель и виноватый бы отдан был под градской суд; а пошлины в госпиталь»[1456]. В 1724 году временно, «для нынешняго случая», вследствие умножения дел в Малороссии по жалобам на духовенство, Петр подчинил малороссийских духовных суду малороссийской коллегии[1457]. В 1723 году предоставлен был вальдмейстерской канцелярии разбор дел по обвинению лиц синодального ведомства в порубке заповедного леса[1458], хотя еще в 1722 году Синод ревниво отстаивал свои права на разбирательство этого рода дел[1459], а также изъят был из ведения Синода и разбор дел по обвинению в утайке душ[1460].

Яснее и проще было дело со «сборами». Основываясь на высочайшей резолюции 14 февраля 1721 года, утверждавшей за Синодом ведение церковных вотчин «сборами и правлением», Синод разъяснил, что сборы с церковных крестьян подлежат исключительному ведению духовной власти[1461], а 28 апреля 1721 года постановил «выслать вон» из «патриарших», архиерейских, монастырских и церковных вотчин тех лиц, которые занимались сборами по назначению «из провинций», т. е. от светских властей[1462]. 19 ноября 1721 года государь дал в Сенате окончательное разъяснение о сборах. Сборами податей с крестьян духовных вотчин ведал Синод, который и обязан был отсылать подати «туда, куда со всех крестьян сбирают»; а «поборы с мельниц, пошлины и промыслы» оставлены были в ведении камер-коллегии[1463]. В 1724 году сбор положенных с дворового числа на провиант и фураж денег и доимочных рекрут поручен был исключительно определенным от камер-коллегии камерирам и комиссарам[1464].

IV

Когда круг дел Синода обозначился и Синод был открыт, в Синод были переданы дела из Сената, касавшиеся ведомства Синода, но до учреждения Синода производившиеся в Сенате. Были составлены описи таким делам в Сенате. Оказалось не решенных шесть дел: пять – по доношениям монастырского приказа[1465], одно по ходатайству Тверского епископа Варлаама о перестройке архиерейских палат[1466]. 29 марта 1721 года состоялось определение Сената передать все эти дела в Синод вместе с «выписками», если последние сделаны[1467]. И после этого поступавшие в Сенат по какому-нибудь недоразумению доношения из монастырского приказа и вообще всякого рода дела, подлежавшие ведению Синода, но по инерции поступавшие еще в Сенат, были направляемы Сенатом в Синод[1468].

Однако не все нерешенные дела были переданы светским ведомством в духовное. Синод узнал, что в Сенате имеется челобитная на Воронежского митрополита Пахомия от монахов и крестьян донецкой Успенской пустыни, и потребовал передачи ее в Синод[1469]. Сенат отыскал челобитную в своих нерешенных делах и отослал[1470].

21 июня Синод сделал распоряжение о том, чтобы московская земская канцелярия передала обратно во вновь открытый монастырский приказ переданные ей при закрытии монастырского приказа в 1720 году дела, а также и все те дела, которые производились в канцелярии по челобитью разных чинов людей на служителей и крестьян духовного ведомства, оконченные и неоконченные, вместе с подьячими, сборами и колодниками[1471]. В сентябре Синод принимал меры к скорейшему исполнению земскою канцелярией этого синодального требования[1472]. Вместе с делами из ведения московской земской канцелярии изъято было и одно село Суздальского архиерейского дома, состоявшее в ведении канцелярии[1473].

От камер-коллегии затребованы были окладные и доимочные книги, не переданные еще в духовное ведомство[1474]. От ревизион-коллегии и канцелярии розыскных дел Синод требовал передачи в Синод дела о начете на бывшем московском вице-губернаторе Ершове, поступившем на службу по духовному ведомству[1475]. В ноябре 1721 года Синод жаловался государю, что ни камер-коллегия в Синод, ни «губернии и провинции» в «синодскую команду» не присылают ведомостей и книг, необходимых для производства сборов. Государь написал на докладе: «прислать ведомости

подлинныя, о чем, куды надлежит, послать крепкие из Сената указы»[1476].

Рядом с этим были высылаемы с церковной земли продолжавшие проживать на ней подьячие разных светских канцелярий и «всяких чинов люди», подворья очищались от складов и постоя военного и гражданского ведомств[1477].

Один исследователь выражается, что «круг подведомственных коллегиям дел был далеко не определителен»[1478] в петровское время и, приписывая то же Сенату и Синоду, делает вывод, что «неразграниченность ведомств» была причиною того, что «светские учреждения вступались в дела, подлежавшие рассмотрению и решению духовной власти»[1479]. Далее тот же исследователь говорит: «как ни старался Синод выяснить и определить круг дел своего ведомства, светские учреждения постоянно вмешивались в дела, которые подлежали рассмотрению и решению исключительно духовной власти. И это должно сказать не только о коллегиях и канцеляриях, но даже и о самом Сенате»[1480].

Что вмешательство светских властей в дела духовного ведомства было, об этом не может быть и спора.

Однако не нужно преувеличивать этого явления. Несомненно, что были и «неразграниченность» ведомств, и вмешательство, но никогда, в сущности, не доходило дело до того, чтобы «определение подсудности зависело в действительности от личного взгляда самих учреждений»[1481]. Правда, что на первых порах Синод, не узнав подведомственности ему одного дела, по ходатайству Казанского митрополита Тихона о распределении денег на пособие новокрещенным и об обучении детей новокрещенных, передал было это дело в Сенат, и Сенат вернул его Синоду, объяснив, что согласно духовному регламенту это дело подлежит компетенции Синода[1482]. Но ведь это был исключительный случай. Также единичны были и принципиальные препирательства Синода с берг-коллегией и мануфактур-коллегией, причем Синод основывался на общем законе, а коллегии – на специальных высочайших повелениях, данных до издания общего закона[1483]. Было также препирательство Синода и с камер-коллегией, заключившей подрядчиков из духовных крестьян в колодки, в то время как Синод признавал заключенных неповинными[1484], и с юстиц-коллегией, от которой Синод безуспешно требовал в 1722 – 1723 годах, по просьбе комиссара старорусских вотчин Александро-Невского монастыря, передачи в Синод дела по взысканию с этого комиссара денег[1485]. Но эти последние факты не имели уже принципиального значения.

Несколько серьезнее обстояло дело в провинции. Синоду здесь довольно часто приходилось указывать на нарушение его границ другими ведомствами и требовать сатисфакции то у Сената – против астраханского губернатора[1486], или белоградского камерира[1487], или рязанских сборщиков[1488], или полицмейстерской канцелярии[1489], то у юстиц-коллегии против пензенского судьи[1490], то у камер-коллегии – против белоградского камерира[1491], то у штатс-контор-коллегии – против костромского рентмейстера[1492], то против сибирских властей[1493], то против вальдмейстерской канцелярии[1494].

Но в этих всех случаях необходимо принимать во внимание одну исключительную сторону дела. Необходимо помнить, что Синод выступал в деловую среду в ряду правительственных учреждений, так сказать, новорожденным, и нет ничего удивительного, если те ручьи дел, которые прежде текли в известном направлении, а теперь обращены были к Синоду, на первых порах по временам делали забывчивый шаг в своем прежнем направлении. Тут действовала сила привычки, инерции, но уже сломанная и все более ослабевавшая. Все эти вмешательства имели практические, а не принципиальные причины. Синод ревниво следил за неприкосновенностью области своего ведения и настойчиво отстаивал эту неприкосновенность даже в мелочах. Когда однажды штатс-контор-коллегия 20 марта 1721 года, т. е. уже после открытия Синода, определила по прошению служителей бывшего патриаршего дома выдать им жалованье на 1721 год и известила о том Синод, Синод, получив такое извещение, признал, что «штатс-контор-коллегия самовластно вступила в правление дел», определенных именным царским указом Синоду, ибо указом этим патриарший и архиерейские дома и монастыри с их служителями и вотчинными крестьянами, «как сборами, так и всяким правлением» повелено ведать в одном Синоде. Синод решил постановить свое собственное определение о выдаче служителям бывшего патриаршего дома жалованья и, чтобы на будущее время коллегии не вступались в правление синодальных дел, послать в Сенат ведение, а в штатс-контор-коллегию «паки подтвердить указом». Первым подтверждением был сочтен известительный указ Синода в коллегию о высочайше утвержденных докладных пунктах, одним из коих патриарший и архиерейские дома с монастырями отдавались в ведение Синода[1495]. Однажды дьяк монастырского приказа, уже после открытия Синода, обратился в Сенат с доносом о злоупотреблениях его сослуживцев по отдаче на откуп бумажного завода. Сенат передал донос в Синод, а Синод первым делом оштрафовал доносчика ста рублями за то, что тот обратился

к Сенату минуя свое начальство, – «дабы ему и иным впредь чинить так было неповадно»[1496]. Сам Синод старался быть свободным от упрека во вмешательстве и оказывавшиеся у него дела, не подлежавшие ему, передавал по принадлежности: в юстиц-коллегии – о завещаниях[1497], об умерщвлении незаконнорожденных детей[1498].

Принципиальное разногласие у Синода было единственно с Сенатом – по вопросу о церковных вотчинах и их насельниках, об этом было уже сказано и можно было видеть, что столкновение Синода с Сенатом по этому исключительному пункту являлось неизбежным. Вообще же можно сказать, что «с учреждением Синода положен был предел незаконному вмешательству Сената в не подлежащую ему духовную область»[1499].

V

Рядом с разграничением внешним, т. е. отграничением предметов, подлежащих ведению Синода, предстояло заняться и разграничением внутренним, т. е. отграничением предметов, подлежащих решению. В самое первое время этого необходимого отграничения сделано не было, и с первых же пор обнаружилось, что в Синод вступает непосильная для одоления масса дел, и в ней – немало дел крайне незначительных, подлежащих подчиненным Синоду инстанциям, и формальных, не требующих иногда никакого рассмотрения и отнимающих только время. Таковы, например, были все дела о выдаче паспортов приезжавшим в Петербург лицам синодального ведомства из епархий. Из Синода выдавались паспорта отъезжавшим из Петербурга или Москвы: иеромонахам, вкладчикам и служителям монастырским, приезжавшим по церковным делам[1500], ревельскому протопопу для проезда по делам службы из Петербурга в Москву[1501], поповским детям[1502], дворецкому архиерейского дома, приезжавшему для приискания места[1503], боярскому сыну с конюхом, приезжавшему по делам архиерея[1504], служителям архиерейских домов, бывшим на службе в столицах при архиерейских подворьях[1505] или приезжавшим по делам временно[1506], служителям монастырским[1507], крестьянам церковных вотчин, высылаемым за отсутствием у них разрешения на отлучку с места жительства[1508] или возвращавшимся на родину после службы в столице, после заработка[1509], после временного пребывания по какому-нибудь делу[1510], также паспорта на временное пребывание в столице[1511]. Таковы же были все дела с допросами беспаспортных церковных крестьян, захваченных в столице полицейскими властями и препровождаемых обыкновенно в Синод. Затем, Синод был обременен и своими «епархиальными» делами. Правда, для московской, бывшей патриаршей области с самого начала учреждено было архиерейское управление и существовали приказы, а потом учреждена была московская духовная дикастерия, но петербургский край оставался в непосредственном управлении Синода. Синод здесь давал указы об освящении церквей[1512], о перестройке[1513], устраивал дело обучения церковнических детей в Петербурге[1514]. К Синоду обращался главный магистрат с просьбою о приводе к присяге магистратского ратсгера, и Синод поручил привести к присяге Успенскому протопопу[1515]. Священник котлинского собора просит о даче собору утвари и богослужебных книг[1516]. Начальство петербургского корабельного

строения просило о назначении священника для отправления треб рабочим вместо заболевшего[1517]. Приходское духовенство просит о выдаче паспортов[1518]. Назначенные в Александро-Невский монастырь из Троице-Сергиевского три служителя просят о пособии на дорогу[1519].

Производя внутреннее разграничение дел, Синод 1 сентября 1721 года предоставил монастырскому приказу распределять по монастырям присылаемых военною коллегией в Синод отставных солдат[1520]. Своему обер-секретарю Синод предоставил решение дел о крестьянах духовного ведомства, оказавшихся в Петербурге без покормежных писем и паспортов и обыкновенно направляемых полицейскими властями в Синод. Синод объяснял установление такого порядка тем, что «Святейшему Синоду, труждающемуся в правлении духовных дел, не следует докучать о таких малых и неважных делах, чтобы от того в важных духовных правлениях помешательства не было»[1521]. По своей петербургской епархии Синод, сначала исполнявший даже самые мелочные дела, постепенно стал оставлять за собою только важнейшие, а менее важные передавал на распоряжение тиунской конторы, во главе с тиуном, учрежденной на третьем месяце существования Синода, – хотя, впрочем, все бумаги, подлежавшие решению тиуна, продолжали писаться или на имя Синода, или на высочайшее имя[1522]. Тиун уже, а не Синод, как было ранее[1523], назначает священника для привода к присяге служителей главной артиллерийской команды[1524], тиун же выдает паспорта подведомственному ему духовенству[1525], и т. д.

22 июня 1722 года Синод в цели ограничения круга входящих к нему дел постановил разослать указ по своему ведомству, воспрещающий входить в Синод с делами помимо подчиненных Синоду инстанций. В указе говорилось, что «многие челобитчики и доносители» обращаются к Синоду с челобитными и доношениями не только «о важных и без синодальнаго суждения решаться не могущих, но и о легких и малых делах», которые подлежат подчиненным Синоду приказам и управлениям. Эти маловажные дела, с течением времени все увеличивающиеся в своем числе, препятствуют отправлению «нужнейших, до единого токмо синодальнаго суждения надлежащих» дел. В основание постановления приняты были законы о делах светских. Эти законы устанавливали строгую постепенность инстанций в делах, так что в Сенат восходили дела уже профильтрованные в подведомых ему инстанциях. Без решения низшей инстанции переносить в высшую позволялось только в двух случаях: когда дело не решалось более полугода или когда «судья» состоял в свойстве или в явной вражде с одною из тяжущихся сторон. Синод

учрежден только для решения важных дел, в духовном правлении власть и силу имеет такую, как Сенат в светском, и если, по закону, не обращавшись к коллегиям, «не велено» обращаться и к Сенату, и даже нельзя обращаться и в юстиц-коллегию, например, не обращавшись наперед в низшие судебные инстанции и не дождавшись их решения, то «по примеру светских дел должен всяк и в делах духовнаго правительства поступать». В указе указывались дела, подлежащие ведению духовной власти, и затем предписывалось, что о всяком подлежащем духовному правлению деле все должны обращаться сперва «в городах к определенным к тому духовных дел управителям», с жалобами на архиерейских и монастырских служителей и на вотчинным их, а также на церковных крестьян – обращаться к их «командирам», или тоже к духовным управителям, если командиры далеко, и только если этими инстанциями будет учинено решение неправое, тогда обращаться к епархиальному архиерею, а в Синод входить исключительно в случае недовольства уже этим, архиерейским судом, или в случае жалобы на состоящих при Синоде лиц, не подчиненных никому, кроме Синода[1526].

После этого Синод стал передавать на решение епархиальных начальств некоторые дела, рассматривавшиеся сначала в Синоде: об определении подьячего, по его прошению, в епархиальный духовный приказ[1527], о беглых помещичьих крестьянах, оказавшихся проживающими в монастыре[1528], но каждый раз с требованием донести о решении Синоду. Когда синодальный казенный приказ просил у Синода разрешения его недоумений в деле о захвате земли, Синод не стал входить в обсуждение этой просьбы и сделал даже замечание приказу впредь не утруждать Синод подобными вопросами, а поступать «как должно»[1529].

VI

Установив для своих внутренних дел указанные ограничения, Синод не обезопасил себя от маловажных дел, которые входили в Синод от светских учреждений. В 1723 году Синод отказал дворцовой канцелярии исполнить ее просьбу о высылке к допросу не исполнивших подряда по поставке дров крестьян синодального ведомства с их поручителями и напомнил канцелярии, что никаких «челобитен» по делам, подлежащим ведению подчиненных Синоду учреждений и лиц, в Синоде определено не принимать, чтобы напрасною перепиской не препятствовать рассмотрению дел важнейших[1530]. Однако в том же году Синод исполнил требование конторы строения котлинских домов о допросе крестьянина относительно получения им денег; правда, тут же заметив, что справки и дела, относящиеся до подчиненных синодальной команды, на будущее время следует направлять в подчиненные Синоду правительства, мимо синодальной канцелярии[1531]. В 1724 году Синод также исполнил просьбу главной полицмейстерской канцелярии о допросе, в качестве свидетелей, монаха и попа по производившемуся в канцелярии делу и отослал в канцелярию допрос, но опять-таки заметил, что канцелярии надлежит впредь обращаться в подобных делах непосредственно в епархиальное управление, не утруждая Синода[1532].

А затем, 12 августа 1724 года, Синод признал необходимым сделать общее по этой части распоряжение. Изо всех коллегий и канцелярий в Синод могли вступать только «самые важные» дела, относящиеся до в веры («благочестия»), а в других случаях коллегии и канцелярии должны сноситься с подчиненными Синоду управлениями («правительствами»): относительно завещаний и церковнослужителей с местными епархиальными архиереями; если дело касается монастырей и вотчин, состоящих в ведении синодальных членов, то сноситься непосредственно с членами Синода; если дело касается синодальной московской области – с московскою духовною дикастерией; если Петербурга и новозавоеванных городов – с тиунскою конторой; если крестьян, подчиненных монастырскому приказу, – с монастырским приказом. И только если в какой-либо епархии какое-либо духовное дело будет признано «сомнительным», архиереям предоставляется входить с ним в Синод, присылая донесения с обстоятельными и краткими выписками и с приложением мнения с ясными резонами[1533].

Иногда, случалось, сам Синод обременял себя без нужды излишними

делами. В 1724 году он разбирал исковое дело двух крестьян Ростовского архиерейского дома, подлежавшее исключительному суду их хозяина – Ростовского архиерея. Обер-прокурор предлагал Синоду оштрафовать секретаря за принятие этого дела к синодальному производству[1534].

По некоторым известиям, Петр имел в виду церковное управление, Синод, оставить при одних духовных делах, «дабы церковное правление и учение во славу имени Божия в наилучшее происходило»[1535]. Синоду, как известно, предоставлено было, между прочим, ведение архиерейскими и монастырскими деревнями и всякими с них сборами и расходами, также и судом крестьян архиерейских и монастырских между собою и по искам на них. Государь будто бы нашел, что от подведомственности этих дел Синоду «Духовное Собрание стало быть отягощено», «в управлении духовных дел учинилось помешательство», возникли «многие непорядки» и духовные власти «не о духовных, но паче о других, не принадлежащих к их правлению, попечение возымели». Тогда, будто бы, государь «возымел конечное намерение», чтобы вовсе освободить духовное управление от вотчинных и судных дел, и «быть бы в Синоде только одним делам духовным, о чем собственныя его императорскаго величества руки в Сенате записки имеются, но к исполнению того не допустила его величества кончина»[1536].

VII

Относительно «власти» Святейшего Синода в петровское время высказанные разными исследователями взгляды нельзя назвать твердо установленными. Основываясь на выражении манифеста об учреждении Синода, угрожающем за противление и ослушание Синоду наказанием «против прочих коллегий», один исследователь говорит, что «этим выражением законодатель как будто дает знать, что степень власти этого правительства приравнивается к другим коллегиям; значит, Синод должен быть равен с последними». И далее, находя, что в духовном регламенте упоминается об участии государя в синодальной работе лишь однажды, при выработке Синодом дополнительных к регламенту правил, а между тем коллегиям представлено было обращаться к царю во всех случаях, когда того требовала государственная польза, этот исследователь приходит к мысли, будто «власть Синода по сравнению с коллегиями была ограниченнее»[1537]. Затем, будто бы, «Синод de jure скоро занял положение, равное с Сенатом, высшее по отношению к коллегиям», после чего «власть Синода в пределах своего ведомства была точно такою же, как власть Сената в области светского управления»[1538].

Другой, позднейший исследователь о Синоде высказывает мысль, что решить вопрос, «был ли Синод – в ряду других государственных учреждений – органом второстепенным, как все коллегии, или по своим полномочиям был равен Сенату – разумеется, в порученной ему области», – задача трудная. «Одни источники несомненно указывают на то, что Синод имел честь и силу в духовных делах такую же, какую Сенат имел в гражданских», «обладал равенством с Сенатом по своим полномочиям», «был органом, не подчиненным никому другому, кроме воли одного монарха». «Другие же источники таковы, по которым можно заключить, что Синод имел полномочия, не большие коллежских полномочий, и что он если не был в прямом подчинении Сенату, то находился в косвенной зависимости от него, и что Сенат нередко входил со своею властью, как орган главенствующий в государстве, и в область синодальную»[1539]. «Первоначальной мыслью Петра Великого было создать для управления духовными делами духовную коллегию», и «Синод по мысли Петра должен был занять место в ряду коллегий, второстепенных органов государственного управления, которые все были под апелляцией Сената»[1540]. В доказательство такого заключения этот исследователь приводит то, что за противление и ослушание Синоду обещано наказание

«против прочих коллегий», что сами члены Синода просили себе жалованья «против коллегий», значит, смотрели на Синод, как на коллегию; что Синод устроен был по типу коллегий; что и члены Синода именовали Синод на первых порах коллегиею, и Сенат именовал его так же. Но в первое же заседание «с Синодом произошло превращение, вследствие которого он сразу выдвинулся из ряда коллегий». «В этом заседании духовные персоны высказали государю мысль, что Синод должен занять высшее место в ряду учреждений государственного управления, – место, равное Сенату. В доказательство такого права Синода они привели следующие основания: во-первых, они утверждали, что Синод есть прямой преемник чести, силы и власти патриаршей», и даже, во-вторых, большей, потому что он собор. И резолюция Петра «выводила Синод из ряда коллегий: он добился равенства с Сенатом и таким образом стал тоже высшим правительственным органом». Это «подтверждено» Петром 12 апреля 1722 года: «понеже Синод в духовном деле равную власть имеет, как Сенат в гражданском, того ради респект и послушание равное отдавать надлежит и за преступление наказание»[1541]. Но, с другой стороны, полномочия Синода в петровское время по сравнению с «полномочиями Сената едва ли были больше и шире коллежских»; «Синод по своим полномочиям занимал место в ряду органов государственного управления едва ли высшее, чем коллегии, и отличался от них только внешним обликом чести и значения, внешним ореолом». Равенство с Сенатом «было только кажущееся; оно было только внешним титулом, без сущности полномочий», и «произошло оттого, что Синод беспрестанно просил государя дать ему положение в государстве, равное с Сенатом»; члены Синода помнили еще значение недавней патриаршей власти. И «государь, в силу разных обстоятельств, уступил докучливым просьбам Синода, дал ему равенство с Сенатом», – титулярное только, впрочем, а не действительное[1542].

VIII

Оба исследователя, по-видимому, упускают из виду, что невозможно ставить Синод в ряду государственных учреждений, как учреждение сравнимое с другими. Синод был высшим органом церковного управления; но, по наследству от патриарха, Синоду оставлена была значительная часть предметов государственного ведения, в которой Синод являлся уже высшим органом не церковного управления, а только, так сказать, сословного в государстве. Но высшим органом государственного управления был Сенат. Таким образом, была часть в государстве, в которой хозяевами должны были являться, в сущности, и Синод, и Сенат. По части собственно церковной Синод был безусловно самостоятелен, и к царю в этой области «обращался не как к главе Церкви, а как к главе государства»[1543]; но по части предметов ведения «сословных», входивших в круг ведения Синода, Синод имел «крайнего судию» в «высокомонаршей особе»[1544], а на практике естественно должен был постоянно справляться с намерениями Сената, как высшего органа общегосударственного управления, и его голосу уступать первое место, хотя, во всяком случае, и в этой области «вмешательству Сената положен был с учреждением Синода предел»[1545]. И Сенат, и Синод были высшими органами управления, Сенат по части государственной, Синод по части церковной с прибавлением некоторой доли дел сословных государственного характера. Но как и Синод был гражданин государства, и Сенат был сын Церкви, то между ними было взаимное и первенство, и послушание. В делах церковных исключительный голос принадлежал Синоду, в делах государственных первый голос принадлежал Сенату. На этой исключительно почве и может быть рассматриваемо взаимоотношение Синода и Сената, но при этом необходимо заметить, что при неясности и «запутанности» правовых понятий того времени[1546] точное определение этого взаимоотношения не соответствовало бы действительности.

Синод, правда, при своем учреждении получал и именование, и формы устройства, тождественные с именованием и формами устройства коллегий. В Синоде, как в коллегиях, были президент, вице-президенты, советники и асессоры. Именовался Синод по духовному регламенту коллегией или «коллегиумом». Однако в манифесте это слово употребляется с прибавлением: «т. е. духовное соборное правительство»[1547]. Но разница была в содержании самых учредительных актов. В генеральном регламенте прямо сказано, что «коллегии

обретаются под указами» государя «и Сената»[1548]. На подчинение Сенату «духовной коллегии» нет ни малейшего намека ни в духовном регламенте, ни в манифесте, сопровождавшем регламент. Напротив, там оттенены даже исключительные отношения «духовной коллегии» к государю, о которых для прочих коллегий не было речи, и не могло быть речи при существовании Сената[1549]. Один исследователь жалуется, что по духовному регламенту «совершенно не видно, в какое отношение ставился Синод к Сенату, в подчиненное или равное ему», и что «почти совершенно не выяснена законодателем степень власти Синода и положение его в ряду других учреждений государственных»[1550]. Но это только и показывает самым убедительным образом, что Синод при своем учреждении не входил в «ряд государственных учреждений».

Слова манифеста: «повелеваем всем верным подданным нашим всякаго чина, духовным и мирским, иметь сие (духовное соборное правительство) за важное и сильное правительство, и у него крайния дел духовных управы, решения и вершения просить и судом его определенным довольствоваться, и указов его слушать во всем, под великим за противление и ослушание наказанием против прочих коллегий»[1551], означают не что иное, по совершенно ясному их смыслу, как только то, что органу высшего церковного управления этим манифестом сообщалась сила государственных правительственных учреждений, действовавших царским указом. Необходимо помнить, что за всякий непочтительный отзыв о коллегиях грозило тяжкое наказание всякому, «яко помешателю добрых порядков и общаго покоя, такожде яко противнику и неприятелю его величества воли и учреждения»[1552].

Сама «духовная коллегия» еще до дня своего открытия, следовательно до того дня, когда будто бы она получила уравнение с Сенатом и вышла из ряда коллегий, сносится с Сенатом, 9 февраля 1721 года, не «доношением», а «мемориалом», как равный с равным, и именует себя «Правительствующим Духовным Собранием» в точное соответствие «Правительствующему Сенату»[1553]. И после открытия Синода, но еще до объявления указа о порядке сношений с Синодом, военная коллегия спрашивает у Сената, как ей сноситься с духовною коллегией[1554], очевидно, будучи уверена, что духовная коллегия ей не равна.

Что, в самом деле, произошло на первом заседании Синода такое, что могло бы изменить бывшие уже налицо отношения? Синод, еще до своего открытия вошедший в сношение с Сенатом и получивший от него, на имя своего президента «указ»[1555], озаботился установлением формы сношений с Сенатом, какую признавал соответственной. Доклад Синода буквально

гласит следующее: «о прилучающихся требованиях из Правительствующаго Духовнаго Собрания в Правительствующий Сенат, такожде и в коллегии и от них в Духовное Собрание каковым образом письменное обхождение иметь? А на патриаршее имя указов ниоткуда не присылалось, духовная же коллегия имеет, честь, силу и власть патриаршескую, или едва и не большую, понеже собор». И государь, написав: «в Сенат ведением и за подписанием всех, а в коллегии так, как из Сенату пишут, и за подписанием только секретарским»[1556], – оформил только существующие отношения, в которых никто не сомневался. Синод ведь прямо говорит: «а на патриаршее имя указов ниоткуда не присылалось», «духовная же коллегия имеет честь, силу и власть патриаршескую». Имеет, а не желает только иметь. Затем, и в журнале синодском совершившееся 14 февраля озаглавлено только: «о письменном до Сената и до коллегий отправлении»[1557], т. е. о форме сношений, и ни о чем больше того.

12 апреля 1722 года тоже нет никакого «подтверждения» равенства Синода с Сенатом. Об этом равенстве Петр говорит как о существующем уже и никем не оспариваемом: «понеже Синод в духовном деле равную власть имеет, как Сенат, того ради респект и послушание равное отдавать надлежит и за преступление наказание»[1558].

Что касается дальнейших настаиваний Синода при всяком малейшем поводе, что он имеет равную силу с Сенатом, то это вовсе не «разъяснение своей власти» новоприобретенной[1559], а в значительной степени просто плод канцелярской полемики, не имевший серьезного основания в действительности. И в этой полемике не имеют серьезного значения даже такие выражения самого Синода, как, например, что «ныне по всемилостивейшему определению вашего величества духовное правительство от прочих коллегий отменно, равно как Сенат»[1560], неловко редактированная фраза, имеющая тот смысл, что самим государем точно установлены известные формы отношений между духовным Синодом и светскими Сенатом и коллегиями. Стремившийся возвысить пошатнувшееся в междупатриаршество значение высшего органа церковного управления, чрезвычайно чувствительный ко всякому прикосновению, Синод во всех случаях, когда ему казалось, что чуть-чуть нарушаются чем-либо его права, ставил дело на ту почву, что он равен Сенату, а между тем его третируют как коллегию. Но серьезных принципиальных «замахов» против равенства Синода с Сенатом, в сущности, никогда не было за это время.

IX

Сношения Синода и Сената начались еще до открытия Синода. Сообщение Сената о назначении, по царскому указу, суммы на обзаведение здания Синода, тысячи рублей, состоялось 6 февраля 1721 года в форме «указа» на имя «президента», митрополита Стефана[1561]. В этом нельзя видеть намерения Сената трактовать «духовную коллегию» как подчиненную Сенату инстанцию: указ давался не на имя коллегии, а на имя только ее члена; и сенаторы, в отдельности, получают от Сената указы. Духовная коллегия при первом своем сношении с Сенатом стала с ним на равную ногу. Сообщение об избрании 9 февраля, согласно царскому указу, «четвертаго» асессора и обер-секретаря духовной коллегии сделано было в форме «мемориала» от имени «Правительствующаго Духовнаго Собрания» в «Правительствующий Сенат»[1562]. Сенат, сделав свое определение по этому мемориалу, постановил 14 февраля послать «в духовную коллегию» «указ»[1563]. Что это постановление было только канцелярским недосмотром, видно из того, что и 16 февраля, когда Сенату, несомненно, была уже известна высочайшая резолюция 14 февраля о порядке сношений, Сенат также в определении своем упоминает о посылке указа, наряду со штатс-конторою, и в духовную коллегию[1564]. В обоих случаях в действительности посланы Синоду ведения, а не указы[1565].

Несколько, по-видимому, об ином отношении Сената к Синоду говорит жалоба Синода государю в докладе 28 апреля 1721 года, что в Сенате доклад синодских ведений происходит в порядке реестра, наряду с делами коллегий, в то время как, например, высочайшие указы докладывались немедленно, вне порядка реестра. Государь дал резолюцию: «о духовных делах надлежит прежде всех коллегийских дел, первыя по наших указах слушать и решить; а что касается до внешних дел, те по реестру с прочими, яко партикулярныя»[1566]. Но в этом случае могло иметь значение для Сената простое отсутствие указаний на тот или иной порядок, без какого-либо принципиального смысла.

Столкновение с Сенатом начались не на принципиальной, а на практической почве, когда Синод пытался отвоевывать себе безраздельное господство в предоставленной его ведению части дел по качеству своему государственных. Сенату почти не приходилось вмешиваться в круг дел Синода чисто церковных, но так как у Синода в ведомстве была целая область, в сущности, чисто гражданских дел – чиновники, сборы, имения,

крестьяне с их разнородными делами, – то Синоду часто, почти постоянно приходилось отправлять государственное, чисто сенатское дело, и здесь границы синодского и сенатского ведения могла установить только практика, и притом не без столкновений. Насколько в этом отношении трудно было точное разграничение, видно из того, что иногда и сам Синод не мог определить, ему или Сенату подведомо то или иное дело. Синод, назначив в Китай епископа, написал в ведении Сенату, между прочим, о необходимости назначить новому епископу жалованье. Сенат вернул ведение с сообщением, что сам Синод должен определить цифру жалованья. Тогда Синод «приговорил» назначить 1500 рублей жалованья и 500 подможных и на будущее время посылать жалованье с сибирским караваном, «и Правительствующему Сенату о помянутом учинить по его величества указу», т. е. по изложенному в синодском ведении[1567].

Первые жалобы Синода, что «в Сенате происходит к стороне правительства духовнаго противность», возникли именно на практической почве. Сенат разъяснил, что духовные вотчины и их служители подлежат суду по генеральному регламенту в юстиц-коллегии, Синод отстаивал полную неприкосновенность своих вотчин, и на жалобу Синода государь написал, что «однако ж видится, что инако нельзя, понеже ведение вотчин у вас определено для поборов и между ими расправы… а чтобы с посторонними случающимся делам всем быть у вас, чаю, не возможно»[1568]. Потом столкновение вышло из-за чиновников, которых Синод выбрал в свое ведомство, а Сенат не отдавал, потому что они состояли в его ведомстве на службе[1569]. Сенат дал назначение состоявшему на службе в духовном ведомстве начальнику розыскной раскольнических дел канцелярии Плещееву, а Синод признал это назначение незаконным и сообщил о том Сенату[1570]. В свою очередь, Синод воспретил литейную продажу, кулачные бои и конские бега в тех местах и в те дни, где и когда бывают церковные праздники и крестное хождение, а Сенат ограничил это распоряжение только временем до окончания церковного богослужения и крестного хождения[1571]. Все это была почва духовного ведомства, но никак не церковная почва. И в тех редких случаях, когда можно было подумать, что Сенат действительно вмешивается в церковное дело, Синод спешил дать ему сильный толчок обратно. Состоявший при проверке ревизских душ в Казанской губернии бригадир донес Сенату, что у казанских черемис открыта утайка душ, что сотник, старосты и все ясачные черемисы просят не поставить им этого в вину и как бы в заглаждение своей виновности выражают желание креститься; бригадир спрашивал у Сената, как поступить с виновными.

Сенат ответил: крестить, согласно их желанию, и никакому наказанию не подвергать. О таком своем решении Сенат сообщил и Синоду. Синод признал сенатское распоряжение «странным» и «сомнительным»: странным потому, что крещение неверных есть дело исключительно духовного правительства, между тем Сенат сообщает об этом Синоду не для действия, а только для ведома; сомнительным потому, что крещение черемис явилось бы без испытания в вере, могло быть притворным, в поругание вере, и, наконец, «в сенатском ведении не означено, кому оных обращающихся учить и крестить велено». Конечно, серьезно верить будто Сенат приказывал бригадиру крестить черемис лично, никто в Синоде не мог, но редакция сенатского ведения была действительно не удачная. И если синодский ответ не есть незаконный плод соревнования канцеляристов двух учреждений, подписанный только членами Синода, то он носит несомненные следы того, что в дело впутаны личные отношения. Синодальное ведение оставлено Сенатом, конечно, без ответа[1572].

В Сенате, случалось, синодские дела задерживались, – иногда по соображениям принципиального свойства[1573], иногда без ясных причин или в силу практической необходимости[1574]. По одному синодскому ведению Сенат разослал указы только чрез семь с половиною месяцев[1575], по другому только чрез полтора года, притом после того, как Синод дважды повторил свое первоначальное ведение[1576]. Вообще, синодские ведения, большею частью требовавшие рассылки Сенатом указов о содействии гражданских властей духовным, в Сенате принимались неохотно[1577], иногда оставались без исполнения и без ответа[1578]. Один раз, не получая удовлетворения и объяснений, Синод посылал в Сенат даже своего члена, советника-архимандрита Петра, но и из этого не вышло толку[1579]. А рядом с этим и из Сената «ведение в Синод посылано было три раза, но не принято, а зачем, не ответствовано», жаловался Сенат. И Синод на эту жалобу ответил, что «ответствовать Синод Сенату, яко не подчиненный, не должен»[1580].

Каковы были отношения Синода и Сената между собою непосредственно, таковы были отношения и их ведомств. Синод напрасно требовал от камер-коллегии высылки ведомостей, она их не высылала[1581]. Штатс-контор-коллегия вовсе не отвечает на указы Синода[1582]. Ревизион-коллегия и штатс-контора отказываются слушаться указа Синода о признании равенства монастырского приказа с коллегиями и требуют для себя указов об этом от Сената[1583]. В юстиц-коллегию Синод шлет три подтвердительных указа о передаче одного дела в Синод, бесполезно, дважды сносится по этому поводу с Сенатом, и тоже безуспешно[1584].

Синод безуспешно посылает главному магистрату три указа по делу своего канцеляриста[1585]. Главный магистрат отписывается на синодальный указ, но указа не исполняет[1586]. Не слушается синодальных указов и владимирский воевода[1587]. Даже в полицмейстерскую канцелярию приходилось посылать три указа об одном и том же, и посылаемые указы оставались без исполнения[1588], даже без ответа[1589]. Но и, с другой стороны, строитель архиерейского дома отказывается дать в магистрат, по его требованию, не имея на то послушного указа от Синода, сведения о проживающих на подворье мастеровых[1590]. Крестьяне духовного ведомства без послушного синодского указа отказывались подчиняться указу об охранении заповедных лесов[1591]. Церковный приказ отказывает, не имея послушного указа от Синода, в выдаче светской канцелярии требуемых ею справок[1592]. Сам Синод 10 декабря 1722 года постановил писать Сенату, «дабы впредь синодальной команды подчиненных без послушных указов из Синода ни к каким делам брать и отягощения им чинить никто не дерзал»[1593].

Если в изложении этих отношений число фактов неравномерно, то это только результат практических условий, а факты, во всяком случае, с обеих сторон были однозначущие. Жалобы на нарушение прав были взаимные.

Сенатом издано было распоряжение о том, чтобы двойной оклад с раскольников был отсылаем в штатс-контор-коллегию, а в Синод поступали бы только штрафы с раскольников по духовным делам, но и о них бы Синод рапортовал в камер-коллегию и в штатс-контор-коллегию. Синод справедливо обиделся и дал знать Сенату, что такое сенатское «приказание» умаляет предоставленную царем Синоду честь и равенство с Сенатом; что Синод имеет честь, силу и власть патриаршескую, а к патриарху от светского правительства повелительных писем не посылалось; что требование Сената касается дел духовного ведомства, Сенату не подлежащих; и что рапортование о поступающих в Синод суммах для Синода излишне обременительно и обидно, как будто Синод чем-либо подорвал доверие к себе; ведь он не менее коллегий и Сената обязан присягою соблюдать «государственный интерес» и «верность присяжную всецело содержать тщится, а в похищении интересов не точию не явился, но никогда тому еще и не учился, и впредь учиться не намерен». И это свое ответное послание Сенату Синод ядовито заканчивал: «но ежели Правительствующий Сенат в коллегии рапортует, то и Синод подобное тому рапортование употреблять будет»[1594]. Рапортуют только подчиненные.

И Сенат, в свою очередь, в мае 1721 года считает нужным напоминать Синоду, что «правление гражданских дел» поручено ему, Сенату, и что «Правительствующий Сенат равную честь и силу имеет в светском правлении, как и Синод в духовном». Объяснения эти вызваны были распоряжениями Синода о посылке нарочных для насильного забирания подьячих в Синод. Сенат замечал, что «надлежало определения об отдаче тех приказных служителей требовать в Сенате, а, не получа определения в Сенате, от гражданских дел брать, и для взятия их нарочных посылать, и Корнышеву в Синоде секретарство сказывать и к делам определять не надлежало»; «и в бытном святейших российских патриархов ко управлению дел из гражданских в судьи и во дьяки определялись и указы им сказываны из разряду, хотя оной тогда таковой силы и действия не имел, как ныне Правительствующий Сенат»[1595].

Если светские власти являлись иногда и в духовном ведомстве хозяевами положения, хотя бы, например, в делах уголовных, то и духовным властям в поимке, например, раскольников предоставлены были права, равные с правами по розысканию закурешного вина, т. е. не ограничиваемые рамками подведомственности[1596].

X

По-видимому, не остается сомнений, что Синод с первых своих шагов стремился более всего упрочить свою «силу». В этом отношении были и недоразумения совсем невинного свойства. Один воевода в указе, объявленном всенародно, опустил у Синода титул «святейший». Один преосвященный представил Синоду деньги при «ведении», а не при «доношении». О воеводе Синод тотчас же снесся с Сенатом, а от преосвященного (Тверского Сильвестра) потребовал признания «без всякаго пристрастия по самой истине», почему прислал в Синод именно ведение, «чем явился Синоду как бы не подчиненным, а равным»[1597]. Митрополиту Крутицкому Игнатию, отитуловавшему Синод в своем донесении «вашим превосходительством», Синод строго внушал изъяснять в присылаемых Синоду доношениях данную Синоду от царского величества честь без всякого умаления, потому что «Синод имеет честь, силу и власть патриаршую, если не большую, потому что собор»[1598]. Сенат один раз выразился в своем ведении, что синодское ведение «подано» в Сенат. Синод разобиделся, усмотрел в этом умаление своей чести и пенял Сенату что тот назвал его ведение «не сообщенным или присланным (что к равенству бы относилось), но поданным, что относится не к равенству, но к подчиненному лицу, от котораго большему начальству подаемо бывает»[1599].

Камер-коллегия однажды, по поводу синодального распоряжения в защиту своих крестьян, поручившихся за подрядчиков хлеба, которые оказались неисправными и подверглись преследованию камер-коллегии, предлагала Синоду взыскать недоимку на поручителях, и если Синод этого не исполнит, то слагала с себя всякую ответственность. Синод обиделся. Иронически перефразировав речь камер-коллегии о сложении с себя ответственности, Синод в указе объявлял ей, что она «неумеренно и весьма противно поступает, не взирая на достоинство Синода», который равен Сенату; виновата коллегия была в своем ответе еще и потому, что в числе поручителей за неисправных подрядчиков из синодальных крестьян была только едва четвертая часть, а более трех частей были крестьяне светского ведомства, подведомые камер-коллегии[1600].

Однажды мануфактур-коллегия употребила в своей бумаге в Синод в отношении к Синоду слово: «сообщается». Синод признал это за «немалую неучтивость», разъяснил, что это слово употребляется при сношениях равночестных лиц или учреждений, а низшая инстанция

должна писать высшей: «доносит»; обвинял мануфактур-коллегию, что она, употребив слово: «сообщается», вышла из границ должных отношений, с намерением унизить Синод, и требовал от Сената удовлетворения. Мануфактур-коллегия, когда узнала об этом, тотчас же покорнейше просила прощения, изъяснялась, что «мирское никогда не сравнится с святостию», так у всех народов, и она не имела мысли умалять значение Синода, писала в Синод не ведение, а донесение, слово же «сообщается» употреблено в этой бумаге по совершенно невинной ошибке[1601].

Вообще Синод пользовался каждым случаем, чтобы напомнить, что он «важное и сильное правительство»[1602].

XI

Порядок формального уяснения равенства Синода с Сенатом был следующий. 14 февраля 1721 года установлена была, как уже сказано, форма сношений Синода с Сенатом на правах равных учреждений. 19 ноября 1721 года Синод пишет в докладе государю: «понеже Синод с Сенатом уравнен есть, того ради может, как и Сенат, из подчиненных своих в своей команде секретарей определять; о чем не было бы зде нужды и упоминать, ежели бы не произошло от Сената иного о том мнения. А понеже то произошло, требуется определение, дабы и впредь Синоду из подчиненных своих в секретари определять и тот чин в Синоде сказывать было позволено, чтоб синодальное правительство не приобщено было к числу коллегий, от сенатских указов зависящих». Государь дал резолюцию: «из своих сказывать в Синоде; а буде которые понадобятся кроме ведения их, о таких давать ведение в Сенат и с согласия определять»[1603]. Это полученное Синодом право не было для Синода совершенною новостью: еще в мае, на предложение Сената брать в Синод для образования канцелярии подьячих из подчиненных Синоду приказов и не забирать состоящих на службе в сенатском ведомстве, Синод заметил, что относительно таких лиц «определений от Сената не требуется», и «Синод может годных взять и без сенатского определения, своею от царскаго величества данною властию», и «Правительствующий Сенат таким синодских служителей определением утруждал себя напрасно»[1604].

Затем Синод докладывал: «когда сенатскими приговоры бывают какия генерально о всех определения, в чем и синодская команда заключается, тогда можно, видится, прежде заключения, во время обычайного о таких определениях рассуждения, и Синод уведомлять, и с общаго согласия такие определения заключать, что было б к лучшему общей пользы усмотрению». Государь написал: «быть так»[1605].

Наконец, Синод писал: «хотя по уложению и по прочим указам, которые генерально о всех без всякаго выключения предложены, и ведомо есть, как в каком тяжебном деле надлежит судьям поступать, однако ж Синод о некоторых, яко от общества народнаго изъятых, а именно о знатных и сильных персонах, особливаго требует определения, ежели которые из таких будут в порученных Синоду делах требовать синодальнаго рассуждения, но, вступя в дело, станут оное своим неприходом и прочим должнаго неисполнением продолжать, и предлагаемое от Синода определение, якобы не сильное и не важное,

нечто высоко о себе мня, презирать и уничижать, какие тогда с такими сильными лицы употреблять Синоду поступки и действа?» Государь положил резолюцию: «против Сенату»[1606].

Будучи в Сенате, того же 19 ноября, государь повелел: «какое дело позовет о новом каком определении генеральном, то не должно ни в Синоде, ни в Сенате без подписания собственныя его императорскаго величества руки чинить. А буде во отлучении его величества такое дело случится, а обождать до прибытия его величества будет не возможно, то Синоду согласиться с Сенатом и подписать, и потом публиковать»[1607]. Это повеление государь повторил Синоду 13 июля 1722 года[1608].

После этого Синод постоянно в требуемых случаях повторял, что по пунктам 19 ноября 1722 года он «в поступках и действиях удостоен против Сената»[1609]; что он «во всем равен с Сенатом»[1610]; иногда прибавляя впоследствии: «о духовном правлении»[1611]. А обер-секретарь синодский изъяснял Синоду, что «Синод в духовном деле равную власть имеет, как Сенат, того ради ему респект и послушание равное отдавать надлежит», что Синод имеет «равность, как Сенат, во всем, как в должностях, так и о служителях канцелярских»[1612].

Имея уравнение с Сенатом, Синод стремился и всю свою духовную часть, ведомство, также уравнять с сенатским. Когда сочинялось новое уложение, Синод своему члену, участвовавшему в сочинении нового уложения, давал такую инструкцию: «прилежно смотреть, дабы во всех исправляемых и новосочиняемых правах, до духовнаго правительства касающихся, как священному и духовному чину, так и всем всякаго звания Синоду подчиненным, надлежащее охранение и удовольствование и достойное коегождо ранга содержание было не пренебреженно, и подобающие респекты не были б оставлены, и всякия продерзостных неучтивости и предосуждения и обиды крепко б были возбранены, и никакого духовным пред светскими ни в чем уменьшения и неуравнения не было б»[1613]. Еще ранее Синод заботился об уравнении приказных своего ведомства со светскими в правах[1614], своих крестьян с дворцовыми в повинностях[1615].

Впрочем, как Синод ни защищал свою неприкосновенность, ему все-таки приходилось подчиняться государственным учреждениям – в делах, само собою разумеется, не церковных, а мирских, взятых Синодом в свое ведение. В ноябре 1723 года канцелярия вышнего суда, заподозрив Синод в злоупотреблениях, предложила Синоду несколько вопросов, на которые он должен был дать объяснение. Вышний суд спрашивал, почему на основании высочайше утвержденных пунктов 14 февраля 1721 года,

передававших в ведение Синода все церковные вотчины, Синод немедля изъял из ведения светских властей вотчины монастырей, в которых архимандритами были синодальные советники, а для общего распоряжения по духовному ведомству дожидался сенатского ведения по этому предмету: была неравноправность; и затем, почему вотчины этих же монастырей изъяты из ведения монастырского приказа, которому велено ведать все сборы. На первый вопрос Синод ответил: немедля сделано было распоряжение потому, что архимандриты были в Петербурге и вотчины, остававшиеся без начальников, могли подпасть разорению; а также и ради важности их звания; а потом вскоре сделано и общее распоряжение; от Сената Синод ничего не дожидался, а только сообщил ему высочайше утвержденные пункты к сведению. На второй вопрос: что из ведения монастырского приказа эти вотчины не изъяты, а только освобождены от посылки в них людей и указов из приказа; и это потому, что судья монастырского приказа правит в приказе, подчиненном Синоду, а не в Синоде, что синодальным членам удобнее получать указы непосредственно из Синода, чем чрез монастырский приказ, что Синод усмотрел «слабое правительство» начальника монастырского приказа Ершова и, наконец, во избежание, опять-таки, обиды при отсутствии хозяев. Вреда государственной казне от этого нет, потому что члены сами ведали сборами и представляли их к общей сумме в Синод, давая отчет и монастырскому приказу. А с 15 сентября 1722 года и эта привилегия уничтожена, права вотчин относительно взимания сборов уравнены, и только указы по-прежнему передаваемы были советникам по делам их монастырей непосредственно из Синода. Щекотливый вопрос, почему Ершову предписано было сноситься с управителями членовных вотчин промемориями, а не указами, был обойден объяснением, что монастырский приказ тогда еще надлежащей силы не имел, и многие коллегии писали ему указы; Синод не равнял управителей имений с государственными коллегиями, но опасался неумеренного проявления власти Ершовым, а когда монастырский приказ окончательно устроился и членами снабдился, порядок сношений был изменен.

На вопрос, почему однажды синодальный указ послан был за подписью одного советника, без подписи обер-секретаря, Синод ответил, что указ касался монастыря, в котором игуменом был именно обер-секретарь Варлаам Овсяников, почему и нет подписи его под указом, а что касается самого содержания указа, то оно передает определение не одного советника, а всего Синода: злоупотребления здесь нет.

Указанную вышним судом заминку в сборах с членовных вотчин, как

и со всех других, Синод ставил в вину камер-коллегии, которая не доставляла ведомостей. Был еще вопрос, по какому указу синодальный асессор и обер-секретарь Варлаам Овсяников получал жалованье 1200 рублей, равное жалованью сенатского обер-секретаря. Синод ответил, что по синодальному определению, потому что Синод во всем равен Сенату. Наконец, вышний суд еще спрашивал, самовольно ли или с ведома Синода синодальный советник, архимандрит Гавриил, бил своих крестьян и сжег найденную у них книгу заговоров. Синод ответил, что с общего согласия, докладывал Синоду словесно[1616]. В феврале 1724 года вышний суд требовал от Синода справок об установленных архимандритом Гавриилом в своих вотчинах сборах на столовые запасы, на проезд в Петербург и пр.[1617]

VII. Делопроизводство

Делопроизводство по генеральному регламенту. – Поступление бумаг. – Рассмотрение и решение дел: заседания; конторы; конференции; допросы; приговоры. – Исполнение: ведения, указы и пр. – Доставка и обнародование указов и пр. – Ответные бумаги и форма сношений. – Печати. – К характеристике делопроизводства.

I

Все «входящия» в коллегию бумаги, по генеральному регламенту, разделялись на три разряда: одни, царские и сенатские указы, распечатывались самими президентами; другие, все приходящие из провинций и коллегий бумаги, распечатывались тем, «кто первый после президента»; третьи, «доношения» с требованиями какой-либо «управы», полагалось подавать в коллегию президенту, «а принимать секретарю, а не иному кому, при прочих членах»[1618]. На всех входящих бумагах секретарь должен был «подписать» номер и число, означающее время поступления бумаги[1619]. Регистратор должен был внести каждую бумагу в «регистратуру». «Регистратура» или «записка», говорится в генеральном регламенте, «состоит в четырех книгах»: две первые, А и В, назначались для исходящих бумаг, две остальные, С и Д, для входящих. «Третья книга содержит в себе все во весь год от царскаго величества или от Сената указы, в коллегиум полученные рапорты и подлинныя дела, которые по числам расположены, реестр учинен, листы счислены и таким образом переплетены быть имеют». «В четвертой книге надлежит все прочия от других коллегий, губерний, от прочих служителей и подданных, також и прочия в коллегиум полученныя оригинальныя письма, ведомости, мемориалы, требования, известия, по провинциям и числам собраны, листы перемечены и реестр учинен, быть со означением коллегий и провинций, откуда какия дела присланы»[1620]. Темный смысл этих слов следует понимать, по-видимому, так, что надлежало вести два реестра входящих бумаг: один – для царских и сенатских указов и вообще более важных дел, другой для всех прочих бумаг. По генеральному регламенту полагалось еще, что и актуариус «прилежно собирает» «получаемыя в коллегии письма», ведет им реестр, перемечивает листы и держит книгу расписок, в которой «служители коллегии» должны были расписываться в случае, если брали «для отправления своего», т. е. для производства некоторого, «дела и письма»; при возвращении взятого расписки уничтожались[1621]. Затем, в собрании членов коллегии секретарь «доносил и читал» «все в надлежащем порядке»: сначала «публичныя государственныя дела, касающиеся его царскаго величества интереса, потом приватныя дела». Доклад должен был происходить «по номерам и числам», «без всякаго подлога или пристрастия», «разве когда дела такия между прочими случатся, которыя остановки иметь не могут»: в таком случае порядок мог быть нарушен и можно было «о тех делах наперед

доносить, которыя нужнее». Также мог быть нарушен порядок и «в челобитчиковых делах» в случае неявки истца и ответчика, но вообще эти дела должно было докладывать также по порядку, а не по выбору, чтобы тяжущихся «долго не волочить, но как скоро возможно отправить». «Ежели же кто против сего поступит и пренебрежет, тот наказан будет денежным штрафом, а ежели от того кому какой вред или убыток учинится, то оный на них доправить», т. е. на виновных, вдвое. «В государственных делах и то за действительно принимается, от чего б убыток или вред случиться мог, хотя его и не было»[1622].

Решение дел происходило на заседаниях. К заседанию, или, как сказано в генеральном регламенте, к «сидению», члены коллегии должны были съезжаться четыре раза в неделю: по понедельникам, вторникам, средам и пятницам. Четверг назначался для собрания президентов коллегий в Сенате, суббота была неприсутственным днем. Само собою разумеется, что если в присутственные дни случались праздники или высокоторжественные дни, то заседания не было[1623]. Кроме того, коллегии были свободны от дел с 25 декабря по 7 января, в недели сырную, первую Великого поста, страстную и светлую и летом в течение трех летних месяцев на четыре недели, причем в последнем случае освобождалась от занятий каждый раз только третья часть коллегии, поочередно, так что течение дел не прерывалось[1624]. На заседаниях коллегии присутствовали, кроме членов, секретарь и нотариус-протоколист, сидевшие за особыми столами[1625].

На заседания члены должны были являться в восьмом часу утра, а в «самые кратчайшие дни» в шестом часу, «и быть по пяти часов». В случае наличности «важных» дел, не терпящих отлагательства, все члены коллегий должны были приезжать и в неурочные дни и часы. «Канцелярские служители» должны были «сидеть» во все дни недели, кроме воскресных, праздничных и высокоторжественных дней, «и съезжаться за час до судей». «Приказных людей приезд и выезд» «определялся» «президентами и другими членами», смотря по делу, под штрафом за всякий раз небытия месяц, а за час недосидения – недели вычета из жалованья[1626]. В случае неявки президента или некоторых членов, заседание не отменяется, если членов собралась «большая часть», и дела идут обычным ходом; только если «что важное случится», в таком случае постановление, принятое на заседании, прежде объявления и исполнения, должно было сообщить отсутствовавшим и требовать их мнения. В случае небытности президента, его обязанности исполняет вице-президент, за ним – старший советник[1627].

«Всякий президент» коллегии должен был все указы царские и сенатские «неотложно исполнять», «и оным две записки иметь»: «которые вершены и действом исполнены, те вносить в книгу, а которые не вершены, или и вершены, а действом не исполнены, тем держать роспись на столе, дабы непрестанно в памяти было». На исполнение указа полагалось не более недели, «ежели скорее нельзя»; в случае необходимости предварительных справок в губерниях и провинциях – шесть недель, как самый крайний срок. «Челобитчиковы всякия дела по выправкам вершить» предписывалось по мере возможности, но без умедления, и никак не долее шести месяцев, под угрозою штрафа в случае промедления без законной причины – за каждый день по тридцати рублей, а если произошел от умедления убыток, то доправить на виновном убыток вдвое в первый и второй раз, в третий раз виновный в промедлении подвергается «наказанию»[1628].

Каждое предлагаемое на рассуждение коллегии дело записывается нотариусом, одно за другим, в «протокол», затем дела подвергаются обсуждению, и при постановлении решения каждый член отдельно, свободно и ясно подает свой голос. Подача голосов начинается с младших членов. Решение постановляется по большинству голосов. В случае разделения голосов поровну, решающею признается сторона, на которой голос президента. Каждому члену предоставляется оставаться при особом мнении, причем мнение его заносится нотариусом в протокол. Когда решение состоится, оно «явственно от слова до слова» вносится нотариусом в протокол. Резолюция должна быть подписана всеми членами[1629].

Исполнительная часть принадлежала секретарю и канцелярии[1630]. Составление важнейших исполнительных бумаг лежало на обязанности секретаря коллегии, обыкновенные должны были, по распределению секретаря, составлять канцеляристы[1631]. Для облегчения работы у канцеляристов были «генеральные формуляры», т. е. общие формы или образцы разного рода бумаг: дипломов, патентов и прочих. То, что канцеляристы сами сочиняли, они обязаны были подавать «для поправления» секретарю[1632]. Набело бумаги переписывались копиистами[1633]. Затем на сцену выступал опять регистратор. Он должен был «собрать письма» и разложить «по пакетам», а потом велеть переписать набело «сочинения всех указов и писем» «помесячно и во весь год», которые «отпущены из коллегии», и записать в книги своей «регистратуры»: в книгу А все посланные от коллегии к его величеству письма, реляции, доклады, – краткое содержание дела и точную копию

посланной бумаги; в книгу В – все остальные исходящие бумаги, в таком же порядка. Для облегчения справок, регистратор должен был еще вести журнал или «повседневную записку» из изложения содержания каждого бывшего в коллегии дела в алфавитном хронологическом порядке[1634]. Все книги должны были содержаться «чисто и порядочно»[1635]. Все пакеты, выходящие из коллегии в провинцию, за печатью коллегии, подлежали бесплатной пересылке по почте, равно и бумаги от губернаторов или воевод в коллегию, за губернаторскою или воеводскою печатью[1636].

Со стороны внутренней, по содержанию, бумаги, исходящие от коллегии, должны отличаться полною и всестороннею обстоятельностью и ясностью и обязательно иметь мнение самой коллегии по тому или иному делу, если бумага идет к государю или в Сенат, а если к подчиненным коллегии лицам, губернаторам или воеводам, то бумага должна быть «с крепким подтверждением». Те же требования должны были предъявляться и к бумагам, входящим в коллегии от губернаторов и воевод, «дабы все случаи отнять, чтобы не могли чем отговариваться и чрез многие вопросы дело продолжать и замедлять»[1637].

Воспрещалось генеральным регламентом кому бы то ни было из служащих в коллегии «удерживать дела у себя дома и тем умедливать или весьма утратить»[1638]. Воспрещалось ходить по делам к кому бы то ни было на дом, только президенту, в случае его болезни или «других помешательств», препятствующих ему быть в коллегии, предоставлялось приглашать к себе на дом секретаря или нотариуса и объявить им свое мнение; и секретарь, и нотариус с «коллегийными членами» в таких случаях должны были явиться к президенту, «однако ж никогда не надлежит в президентском доме коллегиум или протокол сочинять»[1639]. «Доносителям» предоставлялось подавать свои «доношения» президенту только в коллегию, притом принимать должен был секретарь «при прочих членах», во избежание утайки доношения. Если дело было «скорое», то доноситель обязан был «подать и прочим нескольким членам»[1640]. В случае, если являлся «служитель воинского или гражданского чина» по какому-либо неотложному делу, президент или «иная знатная особа» обязаны были принять его на дому немедленно. «А если ненужные дела станет допускать и делать» на дому, то «денежным штрафом наказан будет»[1641].

Всем без исключения посторонним вход в судебную камеру коллегии без доклада был воспрещен. До приглашения ожидать надо было в прихожей. В судейской строго воспрещалось заниматься посторонними и пустыми разговорами или смехом, говорить можно было только о

служебном деле. Чины до полковника должны были изъяснять стоя, чинам с полковника «поставлялся» стул[1642]. Допущенного в коллегию челобитчика или доносителя выслушивать должен был президент; если «требование» челобитчика или доносителя по признанию президента было «состоятельное и важное», то тут же записывалось в протокол, челобитчик удалялся, записанное в протокол подвергалось обсуждению коллегии и постановлялось решение. А затем снова приглашали челобитчика в коллегию и объявляли ему решение. Все объяснения вел президент; если же он что-либо упускал «в разговорах своих», то полагалось «нужное с надлежащим почтением припамятовать и изъяснять» вице-президентам и советникам[1643].

Все, «что при коллегиях чинится», должно содержаться в тайне и ни в каком случае преждевременно не должно быть оглашено; по этой части в особенности должны остерегаться и «удерживать себя от безвременных речей» «те, которым в канцеляриях отправления поверены»[1644].

II

Каждая бумага, поступившая в Синод, имеет проставленный вверху первой страницы № и дату, означающие порядок и время поступления бумаги, и канцелярскую отметку: «доложить со справкой», или «доложить немедленно», или «№ 252. Подано и чтено 20 января 1725 года, записать в книгу», или: «записав в книгу, доложить»[1645]. На ходатайствах Холмогорского архиепископа и Тобольского митрополита об оставлении в их епархиях часовен сделаны надписи: на первом – «записав в книгу, взять к наряду и, выписав обстоятельно, доложить немедленно»; на втором: «записав в книгу, взять ко означенному определению и доложить обстоятельно в скорости»[1646]. На донесении Новгородского архиерейского дома об исполнении указа относительно разобрания часовен и киотов сделана надпись: «записав, взять к отпуску. И сообща все также о всесовершенном по указу исполнении рапорты под реестрами о отправлении указов отметить, и о всех ответствовавших и не ответствовавших учинить для разсмотрения табель и предложить немедленно»[1647]. На донесении Астраханского архиерея о том, что в одной из часовен, принадлежавших монастырю, изъятому в 1717 году бывшим патриаршим духовным приказом из ведения епархиального архиерея, над гробницею одного игумена, местно чтимого, отправляются панихиды с особым тропарем и кондаком, положена надпись: «по сему доношению о неведении архиерею онаго монастыря, что тому причина, взять достоверное известие из дикастерии, а о гробнице и мнимых мощах – из Троицкаго монастыря; и в самой скорости доложить, чтобы, негли есть, суеверие не продолжалось»[1648]. И т. п.

Поступающие в Синод бумаги от подчиненных Синоду учреждений и лиц должны были обладать точностью и соблюдением форм. Дела, которые переносились в Синод из подчиненных ему учреждений, должны были представляться в форме обстоятельных докладов со справками, с выписками относящихся к делу законов и с мотивированным мнением учреждения, рассматривавшего дело[1649]. Синод вернул в дикастерию дело, по которому не было представлено выписки законов и мнения[1650]. Точно так же возвращено было одному епархиальному преосвященному дело, по которому он спрашивал, что делать с архимандритом, не желающим явиться к следствию, а мнения своего и выписки из законов не представил[1651]. Если ведомости представлялись не по форме, то Синод требовал представления вновь ведомостей, составленных по форме, и

объяснения, почему ведомости представлены не по форме[1652]. Было распоряжение Синода, воспрещающее докладывать дела, представляемые без справок, законов и мнения[1653]. Когда однажды Синод в пространном донесении Черниговского архиерея нашел разногласие и неточности, то прописал в указе преосвященному, что «ежели он впредь так писать будет, то штрафа ему не упустится»[1654]. Одно должностное светское лицо жаловалось в юстиц-коллегию на незаконные действия одного архиерея. Юстиц-коллегия передала дело в Синод, а Синод решил оставить дело без движения на том основании, что доношения «присланы не к Синоду, но к лицу обретающихся в юстиц-коллегии персон», потому что если бы «по присланным на имена светских персон доношениям» начато было в Синоде дело, то из этого «признаваться будет уничижительное на Святейший Правительствующий Синод подчинения нарекание»[1655]. В январе 1722 года для устранения на будущее время вступления в Синод «неучтивых» бумаг, Синод «сочинил» форму, «каким образом к лицу Синода доношения писать надлежит», которую затем и обнародовал. «Начало от всех общее»: «Святейшему Правительствующему Синоду – доношение». Затем писать изложение дела и просьбы. А где будет встречаться «синодальное именование», там его писать «третьим лицом так»: «по приказу Святейшаго Правительствующаго Синода», или «вторым лицом» так: «по вашему, Святейшаго Правительствующаго Синода, приказу велено». Это при изложении дела. Необходимо еще заметить, что просьбы обыкновенно писались на высочайшее имя, но так, что после царского титула писался и титул учреждения, в которое поступала просьба, и дело считалось решаемым по царскому указу «и по приказу» того учреждения, где решалось, поэтому и в изложении дела упоминание Святейшего Синода следовало «по титле императорскаго величества». «В показании же требования и в предложении прошения» следовало писать так: «того ради (что придается ко изъявлению важности) Святейшему Правительствующему Синоду», или: «вам, Святейшему Правительствующему Синоду, сим доношением объявляю», или: «предлагаю»; а в прошении: «Святейшаго Правительствующаго Синода прошу, дабы вашим, Святейшаго Правительствующаго Синода, благорассмотрением определено было учинить то и то». «А во окончании употреблять: Святейшаго Правительствующаго Синода имярек». Обнародывая эти формы, Синод пояснял, что «многие» не только светские, но и духовные «не вмещают силы предложеннаго установления» о Синоде, «как о новоучрежденном правительстве», «и некоторые от незнания и невежества, а иные и от предприятаго себе гордаго нрава достойной

Святейшему Синоду чести в письменных доношениях не отдают»[1656].

В 1724 году Синодом принята была установленная Сенатом форма принятия из подчиненных учреждений таких дел, которых там не могли решить за неимением точных указаний закона. Генеральный регламент требовал, чтобы при представлении таких дел из коллегий в Сенат были изложены «все основания и обстоятельства» и напоследок «мнение» коллегии[1657]. А положение о Сенате требовало, чтобы дела, которых нельзя было решить в коллегиях, президенты коллегий приносили в Сенат. И, несмотря на подтверждение Сената, чтобы дела представлялись в исправности, в Сенат продолжали поступать из коллегий дела без обстоятельных выписок указов и без необходимых справок, что обременяло и сенатскую канцелярию, поставленную в необходимость подыскивать указы, и Сенат, вынужденный иногда терять время на рассмотрение таких дел, которые легко могли быть решаемы коллегией, если бы ей были известны существующие на тот или иной предмет указы. Сенат 2 октября 1724 года и постановил, чтобы, во-первых, дела, в случае нужды, представлялись в Сенат из коллегий и канцелярий с обстоятельными справками и выписками указов, и, во-вторых, чтобы приносили такие дела сами начальствующие в коллегиях и канцеляриях в полном составе, а Сенат тогда же и будет давать им свое решение. Это постановление Сената сообщено было Синоду, и Синод и со своей стороны сделал подобное же распоряжение относительно подчиненных ему дикастерии, монастырского приказа, раскольнической канцелярии и тиунской конторы[1658].

10 марта 1721 года Синод постановил взимать «по обычаю приказному» по четыре деньги пошлин «со всяких челобитен и доношений», которые будут поданы в Синод «о исковых делах и о сатисфакциях» и будут записаны в регистратуре; деньгам этим велся особый счет, и они употреблялись на канцелярские расходы – на покупку бумаги и пр.[1659]

Для записи входящих бумаг в Синоде за каждый год было четыре книги, сохранившихся доселе. В одну вписывались все царские указы[1660]. Другая книга называлась: «книга Святейшаго Правительствующаго Синода записная по 33-му генеральнаго регламента пункту челобитным и доношениям о исковых и сатисфакции требующих делах, о которых показующия важность фундаментально записываются, а прочия, важности не имущия, объявляются деклярованием сенса». В этой книге две узкие графы определены были для № и числа, затем шла широкая графа, в которую списывались или записывались в более или менее подробном

изложении челобитные и доношения. Наконец, четвертая графа, несколько уже третьей, была заполняема резолюцией по делу. Третья книга от второй отличалась тем, что в третьей ее графе помещалось только краткое изложение содержания челобитных, промеморий и других бумаг, а под изложением делалась отметка, у которого канцеляриста производится дело: «у Дмитрия Парфентьева», «у Ивана Орлова» и т. д. В четвертой же графе делалась только отметка о решении без изложения его: «синодальное определение учинено февраля того ж числа», или вовсе не было никакой отметки. Четвертая книга от третьей книги отличалась тем, что отметка о нахождении дела у того или иного канцеляриста делалась не после изложения содержания бумаги в третьей графе, а сбоку листа, вне граф, справа или слева, смотря по тому, где в книге оставалось свободное место; четвертая же графа оставалась свободной. Потом в нее была перенесена отметка о канцеляристах, сначала в том же роде, т. е.: «у Дмитрия Парфентьева», «у Кучина», а потом несколько иначе: «отдано Ивану Патрикееву» и т. п. Книга эта, по-видимому, черновая и вначале не оправдывавшая необходимости своего существования, как, в сущности, совершенно сходная с третьею книгой, в конце концов пробрела пятую графу, причем в четвертой записывалось канцелярское (а не синодальное) решение о движении бумаги, вроде: «велено взять к отпуску, а кто здесь для строения обретается, взять в том строении сказки» (в бумаге шла речь об обязательном строении на Васильевском острове), а в пятой графе делалась отметка, кому из канцеляристов бумага «отдана» для производства[1661].

С 1723 года, согласно царскому указу, общему для всех правительственных учреждений, положено завести для записи прихода и расхода денежных сумм шнуровые книга с алфавитом, по форме, указанной в адмиралтейском регламенте[1662].

III

В генеральном регламенте совершенно определенно было сказано, что «как в Сенате, так и в коллегиях словесные указы никогда отправляемы быть не надлежат»[1663]; затем повторено, что «указы его величества и Сената надлежат быть письменные и зарученные»[1664]. Однако тут же было толкование, что письменные указы обязательно должны быть только в тех случаях, когда требуется действительное исполнение, а указы, «которые только к сочинению действа надлежат», могут быть и словесные: например, «надлежит собрать деньги или провиант. Тогда и словами приказать можно, чтобы о том советовали, как то чинить, но когда положат, тогда доложить, так ли быть, и когда апробуется, тогда не производить в дело без письменнаго указа»[1665].

Требование, чтобы царские указы были «письменные» и «зарученные», не исполнялось в практике Синода, которая по части получения от государя указов поражает величайшим разнообразием. Несколько раз государь сам был в Синоде[1666], где и давал свои указы Синоду или в форме письменной резолюции на представляемых ему Синодом докладах, когда государь присутствовал на заседании Синода[1667], или устно членам Синода, когда государь бывал в Синоде, в Петербурге или Москве, не в заседании Синода и видел только одного или нескольких членов[1668]. 1 октября 1721 года государь собирался зайти в Синод перед обеднею, и кабинет-секретарь спешил накануне предупредить, чтобы «всех о том повестить»[1669]. 1 января 1722 года государь был в «ответной палате» Синода[1670].

Один раз государь прислал в Синод свой указ чрез архиепископа Феофана в форме записки без подписи, причем и устно Феофану сказал тот же указ[1671]. Но чаще всего «именные высочайшие указы» для Синода давались, где приходилось и кому приходилось: очень часто в церквах, где государь бывал за богослужениями, которому-нибудь из попавшихся на глаза членов Синода, или всем присутствовавшим вместе: в Троицком соборе Феодосию, или Феодосию и Феофану, или Феофилакту и Иерофею, или Феодосию, Феофилакту, Гавриилу, Петру Симоновскому и Рафаилу[1672]; в сенатской церкви архимандриту Гавриилу[1673]; в Александро-Невском монастыре Феодосию, Феофану и Гавриилу, или одному Феодосию[1674]; в Чудовом монастыре – Феодосию[1675]; за вечерней в своем дворце – Феофану и Феофилакту[1676]; однажды на похоронах одного сановника[1677]; часто в зимнем своем дворце[1678], в новом саду[1679], в

«летнем доме»[1680]; в Преображенском[1681]; на Котлине[1682], в Шлиссельбурге[1683], на новоспущенном корабле[1684], в Сенате[1685], в ревизион-коллегии[1686], на Новгородском подворье[1687], на генеральном дворе[1688], в частных домах – у Строгоновых[1689], у генерал-фельдцейхмейстера Брюса[1690], у графа Толстого на ассамблее[1691], один раз государь дал указ четырем синодальным членам – Феодосию, Феофану, Гавриилу и Феофилу, «будучи на трактаменте в гавани на Котлине»[1692]. Особенно часто высочайшие указы давались словесно которому-нибудь из вице-президентов, Феодосию[1693], или Феофану[1694], или обоим вместе[1695], и ими затем, в ближайшее заседание, сообщались Синоду, словесно или письменно[1696]. Один раз государь дал сложный указ по нескольким делам в своем зимнем дворце бывшим там на именинах царевны Анны Петровны четырем членам Синода – Феофану, Феофилакту, Иерофею и Рафаилу, с которыми, очевидно, шла беседа у государя о церковных делах[1697]. Один раз объявил Синоду два высочайших указа советник, архимандрит Гавриил; указы даны были государем при посещении типографии и касались типографских дел[1698]. Тот же Гавриил объявил однажды о высочайшем разрешении ему отпуска[1699]. Иногда высочайшее повеление сообщалось Синоду кабинет-секретарем Макаровым, устно[1700], или письменно, на имя советника, архимандрита Гавриила, когда дело касалось перевода или печатания книг[1701], и на имя синодального обер-секретаря, когда дело касалось избрания кандидата на одну светскую должность в духовном ведомстве[1702]. Один царский указ, о высылке из Александро-Свирского монастыря десяти овец на олонецкие марциальные воды, был сообщен Синоду посредством письма маршала высочайшего двора к синодальному обер-секретарю[1703]. Один раз объявил Синоду царский указ, о поимке распространяющих про царя дурные слухи, действительный тайный советник Петр Андреевич Толстой, письменно, «будучи в столовой палате»[1704]. Два раза высочайшие указы Синоду, касавшиеся певчих и богослужения, сообщил Синоду письменно «дьяк и певчий государев» Иван Протопопов[1705]. Тот же дьяк и певчий два раза и словесно сообщал Синоду высочайшие указы, о возвращении в Москву вызванных в Петербург дьяконов, не понравившихся государю[1706]. Бывали случаи, что царский денщик приносил Феодосию от государя ту или другую книгу, Юлия Цезаря или Аполлодора Афинейского, и передавал устно царский указ перевести эти книги в Синоде или напечатать перевод[1707]. Во избежание недоразумений[1708] необходимо заметить, что царские денщики того времени были «собственно говоря, не что иное, как царские пажи, избираемые из среды народа»[1709]. Бывали

случаи, что государь давал указ Синоду и при торжественной обстановке – в присутствии всего Синода и Сената, в своем дворце[1710].

Указы шли большею частью по инициативе самого государя. Но иногда они давались и на синодальные доклады. О резолюциях государя, данных на синодальные «пункты» в самом Синоде, было уже упомянуто. Но государь редко бывал в Синоде. Обыкновенно со всеподданнейшими докладами являлись оба вице-президента[1711], с письменными, но иногда и с устным[1712]; иногда вице-президент с советником: Феодосий с Иерофеем[1713], иногда один Феодосий[1714] или один Феофан[1715], раз обер-секретарь Палехин[1716], и резолюции давались тут же, немедля, большею частью устные. Ни дня, ни места, определенного для всеподданнейшего доклада, не было. Один раз Синод порешил сделать доклад государю, «улуча его в Троицком соборе»; дело касалось именно Троицкого собора: об определении церковному старосте собора жалованья[1717]. Один раз доклад Синода государю состоялся в Сенате, перед вечернею 5 января, в навечерие праздника Богоявления[1718]. Иногда сам государь назначал Синоду доклад в церкви, «когда его величество изволит быть у обедни»[1719]. Иногда доклад «отправлялся» «с курьером», и государь прочитывал или выслушивал его, где приходилось. Так, резолюцию на отправленный с курьером доклад с представлением кандидатов на должность судьи розыскной раскольнических дел канцелярии государь дал на «генеральном дворе», и резолюция эта, т. е. высочайший указ, сообщена была Синоду за подписью семи лиц: графа Брюса, графа Матвеева, Мамонова, Воейкова, Блеклого, Баскакова и Бредихина, т. е., вероятно, всех присутствовавших[1720].

Когда государь был в отъезде, он часто писал на синодальных докладах, что определит по приезде, отлагая решение дела[1721]. Доклады тогда представлялись государю посредством нарочных курьеров – солдат[1722], один раз посредством синодального переводчика Розенблюта[1723], – обыкновенно представлялись в кабинет[1724], и возвращались при письме кабинет-секретаря[1725], обыкновенно на имя обер-секретаря, причем однажды Макаров приложил и копии царских резолюций на доклад Синода, на тот случай, если обер-секретарь не разберет царского почерка, весьма неразборчивого[1726].

Всеподданнейшие доклады подписывались всеми членами. И когда один раз на таком докладе не оказалось подписи Стефана, то кабинет-секретарь Макаров особым письмом просил синодального обер-секретаря свезти доклад к митрополиту для подписи на дом[1727].

Несколько раз Синод получал указы и от государыни. Все они

касались или помещения высокопоставленных дам в монастыри, или перевода их из одного монастыря в другой; один указ касался определения ключаря Архангельского собора в Москве в протопопы к собору на вакантное место, один касался назначения второго пастора к шведской церкви в Петербурге. Указы ее величества были объявлены Синоду: тайною канцелярией письменно[1728], «обретающимся при дворе ея величества гвардии поручиком» – словесно[1729], архиепископом Феодосием – и письменно[1730], и словесно[1731], генерал-полицмейстером Девиером[1732].

Высочайшие указы объявлялись обыкновенно в первое же ближайшее заседание Синода и записывались в установленную для записи высочайших повелений книгу. Но был случай, что высочайший указ, данный 29 июня, объявлен был Феодосием и Феофаном только 2 декабря. Этот указ касался французских патеров в Петербурге и имел секретный характер[1733].

IV

Рассмотрение и решение дел происходило на заседаниях.

Первое заседание Синода происходило 14 февраля, во вторник, в день открытия Синода, при весьма торжественной обстановке, в присутствии государя «со всеми министрами»[1734]. Заседание ограничилось представлением доклада государю в семи пунктах: о возношении за богослужениями названия Синода вместо патриаршего имени; о порядке сношений Синода; об оставлении в ведомстве Синода на прежних должностях светских лиц, служивших по раскольническим делам; о порядке избрания архиереев на вакантные кафедры; о передаче церковных вотчин в ведение Синода; об отводе дворов в Петербурге для жительства членов Синода – архимандритов; наконец, о разрешении Черниговскому преосвященному, подпавшему было царской немилости за «защищение возмутителей» и получившему теперь прощение, возвратиться в свою епархию. Кроме того, был представлен государю список требующихся для образования синодальной канцелярии секретарей и подьячих. Состоявшиеся высочайшие повеления вписаны были «подлинно» в учрежденную на то книгу. На этом заседании присутствовали все члены Святейшего Синода[1735].

Второе заседание состоялось 16 февраля в четверг. На этом заседании митрополита Стефана уже не было. В этот день Синод сделал исполнение по высочайшим резолюциям на пункты 14 февраля: назначил секретаря и канцеляриста, распорядился послать солдат в Москву и «города» за назначенным секретарем и тридцатью тремя подьячими, поименованными в поднесенном государю списке, и «определил» в канцеляристы двоих старых подьячих – Новгородского и Ростовского архиерейских домов, – бывших по делам своей службы в Петербурге и взятых в Синод[1736]. На следующий день, 17 февраля, Синод постановил затребовать подробные сведения о типографиях и школах, накануне переданных в ведение Синода[1737], и затем определил порядок своих заседаний. Общие заседания назначены три раза в неделю, по понедельникам, средам, и пятницам; а один советник и два асессора должны были являться в Синод ежедневно, соблюдая недельную очередь[1738]. В Сенате определено было иметь заседания также трижды в неделю, в те же дни, а «месячный» сенатор должен был ездить в Сенат ежедневно, и даже, когда дело было, и в послеобеденные часы, под угрозою штрафа в 50 рублей за неисправность[1739].

Начинались заседания сначала в восемь часов, потом в девять; продолжались до часу. Обер-секретарь являлся в Синод часом раньше, т. е. в семь часов. С течением времени, впрочем, этот порядок изменился и заседания начинались в разные часы[1740].

После первого заседания полное собрание членов Синода случалось уже нечасто. Некоторые члены уехали в отпуск. Иные не являлись время от времени по разным причинам. Митрополит Стефан после первого заседания не приезжал в Синод до 23 июня, когда он снова появился на заседании Синода[1741]. Но затем митрополит опять часто не приезжал в Синод, ссылаясь на болезнь. В Синоде к этому уже привыкли. 25 августа асессор и обер-секретарь посылал «от Синода» подьячего к митрополиту «для объявления, изволит ли он, как прочие, быть в Синод в собрание». Вернувшись, подьячий заявил, что митрополит пришлет об этом сказать; так сказал ему, подьячему, секретарь митрополита[1742]. С марта 1721 года уехал на три месяца в отпуск в свой Ипатский монастырь архимандрит Гавриил, опоздавший вернуться в срок и ссылавшийся на распутицу[1743]. В ноябре 1723 года на три месяца уезжал в свой новый, Спасо-Ярославский монастырь архимандрит Афанасий Кондоиди[1744]. В 1724 году ездили в отпуск: архимандрит Гавриил, в начале года, в Олонец и Москву[1745], архимандрит Иерофей, в сентябре, на пятнадцать дней на марциальные воды близ Москвы[1746], архимандрит Петр на марциальные воды[1747]. Когда в Синоде разбиралось дело, касавшееся Феодосия, то Феодосий, заявив свое желание, по обычаю, наблюдаемому в коллегиях, вышел из собрания[1748].

Постановление Синода о том, чтобы один советник и два асессора являлись в Синод для занятий ежедневно, соблюдая понедельную очередь, скоро утратило свою действительность: сначала, вместо двух асессоров, стал являться только один[1749], а потом очередные советники и асессоры и вовсе перестали являться для занятий в дни, когда не было общих собраний. Быть может, это было в зависимости от распределения синодальных дел по конторам, когда каждому советнику и асессору дан был определенный крут дел, и дежурство, таким образом, в значительной степени утратило свое значение. По предложению обер-прокурора, Синод 24 сентября 1722 года подтвердил прежнее свое постановление, с тем, впрочем, отличием, что теперь положено было являться в недельную очередь ежедневно советнику и одному асессору, вместо двух[1750]. 20 августа 1724 года Синод, тоже по обер-прокурорскому предложению, постановил опять «иметь сессии для надлежащаго отправления» три раза в неделю: в понедельник среду и пятницу[1751].

На заседаниях за своим столом посередине сидели «на своих местах» члены. В зале присутствовали на собраниях Синода и все секретари, «сидели»[1752] и делали свое дело. По генеральному регламенту, для секретаря коллегии полагался в зале заседаний особый стол на правой стороне от стола членов[1753]. Тут же был и протоколист, обязанный записывать решения.

Доклады дел Синоду производились и обер-секретарем[1754], и секретарями[1755], и членами Синода, как архимандритом Гавриилом[1756]. Бывали доклады и «словесные»[1757]. Письменные доклады изготовлялись канцеляристами[1758], иногда ими и подписывались[1759]. Если доклад изготовлялся по какому-нибудь вопросу, возбужденному в канцелярии, то он заканчивался обыкновенно вопросом: «и о том Святейший Правительствующий Синод что повелит»[1760].

V

Когда Синод почувствовал обременение делами, что случилось вскоре по учреждении, он обратился к мере, которая приносила разделение труда между членами Синода. Эта мера получила осуществление в учреждении контор. Сначала учреждена была так называемая типографская контора. Все типографии, существующие и впредь имеющие открыться, 21 июля 1721 года Синод постановил «выдать» советнику, архимандриту Гавриилу. Типографии отдавались в ведение Гавриилу «со всеми преждебывшими над оными командующими и с служительми». Мотивы учреждения конторы были указазы следующие: «для лучшаго усмотрения и в прилучающихся делах между оными правления». Гавриилу положено было «иметь особливую контору», «в которой ведать и московския училища со всяким их отправлением». Киевские и Черниговские училища оставлены были под ведением своих епархиальных архиереев, но о них было сказано, что если будут иметь какую нужду к Синоду, то писать должны в новоучрежденную контору. Гавриил получил титул: «школ и типографий протектор»[1761].

28 февраля 1722 года учреждены были Синодом, в придачу к типографской, еще три конторы: судных, раскольнических и инквизиторских дел. В каждую контору назначено было по одному советнику и по одному асессору из монашествующих; протопопы не вошли в конторы, быть может в виду сложности их приходских обязанностей. Так как монашествующих асессоров было только два, а контор учреждено три, то в одной конторе, судных дел, оставлена была вакансия в ожидании, «кто из монашеских особ впредь определится». Во главе конторы судных дел поставлен был советник, архимандрит Петр, для асессора оставлена вакансия; в контору раскольнических дел назначены: советник, архимандрит Феофилакт и асессор, иеромонах Афанасий Кондоиди; в контору инквизиторских дел – советник, архимандрит Иерофей и асессор, игумен Варлаам. Контора типографская осталась с одним архимандритом Гавриилом; асессора к нему не было назначено. За общим собранием Синода остались только «приказные» дела, т. е. церковно-административные. Соответственно распределению дел Синода распределены были по конторам и служащие в синодальной канцелярии[1762].

При учреждении этих контор принята была в основание восьмая глава генерального регламента, в которой сказано, что в коллегиях дела

распределяются между советниками и асессорами, причем каждому дается определенная часть дел и вместе с тем начальство над «канцеляриею и конторою», занимающимися этою частью; президенту же и вице-президентам принадлежит общий надзор за работою прочих членов[1763].

Что эти конторы не были отдельными от Синода[1764] и, значит, подчиненными ему учреждениями, видно из того, что они не имели ни отдельного состава, ни отдельного делопроизводства. Работали в них члены Синода и синодальная канцелярия, рассматривались и решались дела, вступающие в Синод, решения писались от имени Синода, скреплялись во всех конторах одним и тем же обер-секретарем. Члены, специально ведавшие контору, разбирали поступающие в Синод дела, каждый по своей части, «не зело важныя» решали сами, а все важнейшие обязательно должны были докладываться общему собранию Синода, по всем конторам: типографской ли, судной, раскольнической или инквизиторской, причем и решения подписывались уже всеми членами Синода[1765].

Самое слово «контора» употреблялось в разных смыслах. Правильнее всего конторою называлось отделение канцелярию, занимавшееся определенною группой дел[1766]. Иногда слово контора употреблялось для наименования помещения канцелярии, комнаты[1767], или «камеры заседаний»[1768]. И канцелярии монастырского приказа разделялись на конторы, – судейскую, инквизиторскую[1769]; и в дикастерии была контора[1770].

Еще до официального установления контор дела в Синоде были уже распределены, как между советниками и асессорами, так и в канцелярии. Так, еще в высочайшем указе 21 января 1722 года, об определении грека Анастасия Наусия, сказано: «а отправление дел иметь ему (в Синоде), какие от Синода определятся»[1771]. А в канцелярии служащие давно уже считались одни «в приказном столе», а другие «у разных дел»[1772], т. е. в той или другой конторе[1773].

VI

Тесная связь между духовным и светским управлениями вызвала необходимость соединения по временам высших органов обоих этих управлений для рассмотрения и решения вопросов, касающихся и того и другого ведомства. Очень рано мы встречаем уже на заседании в Сенате «прилучившагося» члена Синода[1774]. 6 сентября 1721 года государь, будучи в Сенате, дал указ, чтобы в тех случаях, когда по ведениям из Синода в Сенат или из Сената в Синод возникнут сомнения с той или с другой стороны, составлялись в Синоде и в Сенате «конференции», причем в потребных случаях из Синода в Сенат или из Сената в Синод должны были являться «по две персоны»[1775]. Этот указ объявлен был в Синоде 8 сентября Феофаном. 19 ноября 1721 года государь дал новый указ: если случится издавать какое генеральное о всех определение, касающееся и синодской команды, то не должно издавать его ни в Синоде, ни в Сенате, без высочайшего утверждения, а если государь будет в отъезде и ждать будет невозможно, то Синоду согласиться с Сенатом, подписать и публиковать[1776]. Наконец, в 1722 году, из Астрахани, Петр писал Синоду: «ежели впредь будут дела такия, что времени не терпящия, хотя об оных и писать будете, однако ж токмо для ведома нам, а решить можете обще с Сенатом до нашей апробации, понеже как возможно из такой дальности мни указы на дела давать!» И при этом было прибавлено: «понеже иные дела без рассуждения и рассмотрения с вами и Сенатом за очи решить не возможно»[1777].

Первою известною конференцией была конференция 20 октября 1721 года в Сенате, в аудиенц-камере; рассуждение шло о поднесении Петру титула императора и именования Великого. От Синода был вице-президент Феофан и два советника-архимандрита[1778].

На следующий день, 21 октября, была вторая конференция по тому же предмету, уже в Синоде. От Сената было девять сенаторов. Из состава Синода не было архимандрита Леонида, бывшего в отпуске, митрополита Стефана и Феофана[1779].

22 октября была третья конференция все по тому же предмету, опять в Синоде. Синод был весь, кроме Леонида и Стефана, а из Сената было только три сенатора. Конференция эта собрана была собственно для редакции речи, предназначенной к произнесению в церкви при поднесении Петру титулов[1780].

Была конференция 19 ноября 1721 года, в Сенате, в присутствии

государя[1781].

23 декабря 1721 года была конференция в Москве, в синодальной крестовой палате, о согласовании титула государыни с титулом государя, который теперь стал именоваться императором. Синод на этой конференции был в полном составе, кроме митрополита Стефана[1782].

В 1722 году было, кажется, более всего конференций. 12 апреля, в Сенате, «при присутствии Синода и Сената» был и государь; рассуждение шло по многим вопросам, касающимся духовного ведомства; от Синода был, между прочим, представлен доклад, на который были даны высочайшие резолюции; кроме того, последовали и особые высочайшие указы по некоторым вопросам[1783]. 20 июня конференция была в Синоде, о писании икон; от Сената были два сенатора и генерал-прокурор[1784]. 16 июля была конференция в Сенате, о мерах к уменьшению раскольников[1785], 27 июля, в Сенате, о призрении незаконнорожденных младенцев[1786]; тогда же решено отпускать из казны ежегодно тысячу рублей «на довольствование иностранных духовных персон до совершенного о них установления по приезде в Россию»[1787]. 31 августа 1722 года, по-видимому, была вторая конференция о писании икон: этим числом отмечено подписанное Сенатом и Синодом общее определение относительно иконного письма[1788]. 19 ноября 1722 года была конференция, на которой, между прочим, решено увеличить жалованье госпитальным ученикам и принято решение о немедленном очищении духовных подворий, занятых светскими командами[1789]. Была еще конференция в декабре, по вопросу о посылке в Сербию русских учителей по просьбе сербского митрополита Моисея[1790].

В 1723 году, перед отъездом Синода и Сената из Москвы, 8 марта, была конференция об ассигновании денег и назначении подвод на переезд в Петербург Синода[1791], а 9 марта была конференция в Синоде, по предложению Синода об ассигновании денег на постройку госпиталя[1792].

В 1724 году конференции были: 24 января, по вопросу об упорядочении имущественного положения духовенства[1793]; 4 сентября, в Сенате, по делу о злоупотреблениях в Новгородском архиерейском доме, причем от Синода были три члена и обер-прокурор[1794]; 30 сентября, по предложению Синода, в Сенате, по вопросу об учреждении в синодальном ведомстве камер-конторы, от Синода были два советника и асессор[1795]. Затем, в ноябре и декабре было несколько конференций по делу о злоупотреблениях в Новгородском архиерейском доме[1796].

Кроме того, Синод и Сенат иногда встречались «в зимнем доме его величества»[1797]; 8 декабря 1724 года «ходили в Сенат» советники

Феофилакт и Петр и обер-прокурор для уговора о назначении следствия по доносу о злоупотреблениях в Новгородском архиерейском доме, – дело, касавшееся Феодосия, которое, по резолюции государя, должно было «следовать» Синоду с Сенатом, – и там «советовались все купно» и «обще определили» порядок следования[1798]. Бывали и, так сказать, частные конференции. Общая конференция Сената с Синодом однажды решила предоставить решение дела соглашению Феодосия с Меншиковым, о чем те и имели «конференцию» в январе 1723 года. Вопрос был о том, на чей счет следует чинить ивановский колокол в Москве, – на счет Синода или на счет военной коллегии[1799].

Конференции составлялись иногда по предварительному уговору, иногда происходили, так сказать, неожиданно для которой-нибудь стороны. О конференции 30 сентября 1724 года, с предложением назначить ее, ходил в Сенат от Синода обер-секретарь[1800].

Кроме конференций для обсуждения новых решений, Синод с Сенатом однажды соединялся, по царскому указу, для допроса митрополита Стефана по делу Левина[1801]. Один раз Синод предлагал коллегии иностранных дел иметь с нею конференции в случае затруднений при решении вопроса об улучшении положения православных в Вильне, под Польшей[1802].

VII

При разборе дел Синодом допускалось личное участие заинтересованных сторон, большею частью ответчиков, причем показания давались иногда в присутствии Синода[1803], но в большинстве в канцелярии[1804]. Посадский, предлагавший себя в изыскатели раскольников Ростовской епархии, где он указал в своем заявлении Синоду наличность семи тайных раскольников, призван был в Синод и «допрашиван пред собранием Святейшаго Синода», подлинно ль он истину доносит[1805]. Синод определил допросить миссионера Иосифа Решилова, по жалобе на него киевского генерал-губернатора, в «синодальной канцелярии»[1806]. В синодальной канцелярии производился допрос по обвинению раскольниками посланного из приказа церковных дел в Калугу для изыскания раскольников священника Михайлова во взяточничестве, в чем обвиняемый и признал себя виновным[1807]. Для исследования доноса на миссионера Иосифа Решилова по обвинению в блуде Синод требовал высылки в Синод из киевской губернской канцелярии двух женщин[1808]. Крестьянин-должник жаловался на пристрастный допрос его в синодальной канцелярии подьячим и комиссаром[1809]. В синодальной канцелярии был допрошен железный заводчик, желавший строить церковь, об условиях постройки[1810]. По прошению писчиков об определении их копиистами, сделан просителям, по помете секретаря на прошении, допрос в синодальной канцелярии о безподозрительстве их и годности к службе[1811]. В синодальную канцелярию вызывался для увещания крещеный калмык, учившийся в Александро-Невской школе крайне лениво, и был предупрежден, что если не исправится, то будет жестоко наказан[1812]. Заподозренный в лжеучительстве казанский монах, присланный из Казани, допрашиван был в синодальной канцелярии по 95-и пунктам, причем ответы записывал не он сам, а с его слов разные лица, по-видимому, синодальные канцелярские; очевидно, допрос продолжался несколько дней. В конце допроса монах дал свою подпись; писал он хорошо и сам. «Да сверх пунктов» этот монах имел «разговоры» с советником, архимандритом Феофилактом, в которых и обнаружил свои заблуждения. Чрез некоторое время Феофилакт опять имел с ним «увещательное разглагольствие», после которого заблуждавшийся пожелал исповедаться. Чрез три дня «разглагольствие» было повторено, и все дело завершилось раскаянием заблуждавшегося[1813].

VIII

Всякое решение прежде всего записывалось в протокол. Протокол, по генеральному регламенту, составлялся следующим образом. Вверху листа пишется год и число заседания, затем записываются присутствующие в заседании члены, а затем идет «протокол». Записывается всякое «приключившееся в коллегии», т. е. обсуждаемое дело, обыкновенно «перечнем», т. е. с кратким означением содержания, а «дело великой важности» – «пространно, со всеми надлежащими обстоятельствами». Затем следует «выписка, или содержание всех от его царскаго величества и от всех других коллегий, губерний, служителей, подданных и прочих полученных и против того отпущенных указов, грамот, писем, требований, мемориалов, реляций и прочее». Затем в протокол вносились «разговоры о важных делах», а также и о делах обыкновенных, если эти последние не решались на том же заседании и откладывались до другого раза. Вносились в протокол и голоса каждого из членов, если при решении дела возникало между членами несогласие. Наконец, записывались и решения. Ведение протокола лежало на обязанности нотариуса. Свой протокол нотариус обязан был «помесячно сшивать, в канцелярии набело переписывать, листы номеровать», сделать «напреди» алфавитный указатель лиц и предметов и отдать переплетчику в переплет[1814].

В Синоде за первые месяцы его существования велись два протокола по конец мая 1721 года, потом стал один. Оба они переплетены в одну книгу, носящую по описи название: «журналы 1721 года»[1815]. Надписаны протоколы так: «протокол Святейшаго Правительствующаго Синода, показующий по 30-му генерального регламента пункту присутствующие члены и прочее, в должности нотариуса содержащееся». Две узкие графы слева были предназначены для обозначения числа и часа, остальное пространство надписано: «присутствие в Синод коллегиатов». На первых порах присутствующие на заседании члены перечислялись поименно, потом это перечисление заменено было отметкой: «прибыли: вице-президенты, советники и асессоры все, кроме президента», и т. п., потом перечисление и отметка стали чередоваться без какого-либо видимого порядка, случайно. Чрез некоторое время форма протокола изменилась. Число стали писать вверху, графы слева были уничтожены, на середине полулиста появились новые графы: «часы приезда», «часы выезда», и после них оставляемо было место для отметок об исполнении: «указ послан» и т. п. Существенная часть протокола состояла в изложении тех

работ, которыми члены занимались на заседании. «При том собрании слушали дел», и следовало изложение заслушанных дел и дословное определение Синода. Или: «сочинен и руками оных коллегиатов подписан приговор о посылке в Сенат ведения». Или: «крепили приговоры», далее следовало изложение содержания приговоров. Или шел рассказ, что «посылан был» куда-нибудь или к кому-нибудь канцелярист, или даже член Синода, и, «пришед, объявил» о результатах своего посольства. Или была заметка, что тому или другому лицу «указ объявлен», и тот, кому объявлен указ, «выслушав, ответствовал» то или другое[1816].

Кроме протокола, запись решения производилась еще и в журнале регистратором. Книга эта озаглавлена так: «книга записная по 33-му генерального регламента пункту сочиненным в Правительствующем Духовном Синоде приговорам и предложенным по делам решениям, которыя с показанием исполнения подлинно записываются». Первая слева, узкая графа предназначалась для №; вторая, тоже узкая, для числа; третья, самая широкая, озаглавливалась: «приговоры»; четвертая: «исполнение по оным». В графе: «приговоры» кратко излагалось содержание дела, а затем записывались дословно приговоры: «по указу великаго государя», или «по указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца», «Правительствующий Духовный Синод», или «Святейший Правительствующий Синод», «слушав того доношения», или «прошения», «приговорили», и в конце отметка: «подлинный приговор за подписанием всех коллегиатов, кроме президента», или: «подлинный приговор за подписанием рук», и далее следовало перечисление членов, подписавших приговор. Чрез некоторое время в этой книге появились пометки о получении подлинных приговоров канцеляристами: «подлинный приговор взял Стефан Яковлев» и т. п.[1817]

Подлинные приговоры, или, по теперешней канцелярской терминологии, протоколы, писались на отдельных листах и в первые годы включались в канцелярское дело, а не собирались отдельно, как это стало позднее. Они и теперь сохраняются в делах Синода за первые годы существования Синода[1818]. Некоторая их часть, небольшая впрочем, перешла чрез тиунскую контору вместе с делами в архив петербургской духовной консистории[1819].

В ноябре 1721 года был опубликован царский указ об употреблении в делопроизводстве правительственных учреждений царского титула. По этому указу, протоколы начинались словами: «По указу его императорскаго величества»[1820].

В начале 1724 года был обнародован высочайший указ о том, чтобы протоколы в Сенате, Синоде, коллегиях и во всех судебных местах всего государства подписывались «на другой день сиденья», «выключая праздничные и иные дни, в которые не сидят в коллегиях», и притом – прежде всякого другого дела, так что, не подписавши протоколов предшествовавшего заседания, не должно было приступать к решению какого бы то ни было дела, «разве такое дело приключится, которое времени не терпит», – и в таком случае рассмотреть и решить одно только это дело и тотчас же подписывать протоколы предшествовавшего дня; а если времени в тот день не останется, то подписывать непременно на третий день, а далее того отнюдь не отлагать[1821].

Первое определение Синода подписано всеми членами Синода, кроме митрополита Стефана, который, несмотря на настояния[1822], обращенные к нему, отказался дать свою подпись по болезни. Затем, на втором заседании, два определения – об исполнении царских резолюций на пункты 14 февраля и о назначении секретаря и сыске подьячих, – подписаны всеми членами, кроме президента, который не присутствовал на этом заседании, а одно определение – о назначении бывших в Синоде двух старых подьячих архиерейских домов канцеляристами Синода – подписано только двумя советниками и двумя асессорами. Далее, 20 февраля, определение о выводе солдат из синодальной караульной избы впервые подписано одним советником, архимандритом Симоновским Петром[1823].

Самая подпись на первых порах производилась не сразу под текстом приговора, а несколько отступив. Но вскоре стали подписываться тесно, вплотную под текстом[1824]. Так как подписей было много, то они часто переносились и на другую страницу[1825].

Протоколы конференций подписывались членами Синода и Сената и скреплялись обер-секретарями синодским и сенатским[1826].

Подписание происходило и в Синоде, и на домах. Так, митрополит Стефан, хотя не присутствовал в Синоде по болезни с 15 февраля по 23 июня, подписывал, однако, некоторые синодальные определения и другие бумаги[1827]. Генеральный регламент предусматривал возможность подписи «на дому»; именно, в главе о сторожах, на обязанность сторожей возлагалось между прочим «к членам ходить, ежели что подписать надобно будет, чего для писчую шкатулу за замком держать и каждому члену к тому особый ключ иметь надлежит»[1828].

В своих приговорах Синод, не стесняясь, повторял иногда изветы челобитчиков. Так, в определении по делу Ягужинского с женой Синод

повторял из челобитья Ягужинского, что жена его, Ягужинского, съехала к «такой же беспутной» княгине Щербатовой, а потом «еще непотребнее себя сыскала» вдову-княгиню Солнцову[1829].

С приговорами иногда случались неожиданности. Один приговор «подаван был для закрепы и чрез многое время не закрепя отдан был в повытье», причем секретарь сказал, что делу дано направление приватным путем, не чрез Синод[1830].

IX

Каждый приговор заключался определением об исполнении: «и о том к синодальным членам и в синодальную область и во все епархии ко архиереям и ставропигиальных монастырей к архимандритам, также и для ведома к протоинквизитору, послать его императорскаго величества указы»[1831]. Если нужно было сообщить в Сенат, то определялось послать в Сенат ведение. Если было дело частных лиц, то определялось объявить им указ, и т. п. Иногда синодальное решение сообщалось в кабинете, «для случайнаго объявления его императорскому величеству»: в том, понятно, случае, когда Синод предполагал, что государь по тем или иным причинам мог интересоваться решением Синода[1832].

О порядке сношений Сената с коллегиями Синод счел нужным в день первого же своего заседания спросить у государя. В докладе об этом было замечено, что «на патриаршее имя указов ни откуда не присылалось» и что «духовная коллегия имеет честь, силу и власть патриаршескую, или едва и не большую, понеже собор». Государь дал резолюцию: «в Сенат – ведением и за подписанием всех, а в коллегии так, как из Сенату пишут, и за подписанием только секретарским»[1833]. Сенат, заслушав присланные ему Синодом «пункты» 14 февраля 1721 года с резолюциями государя, 3 марта постановил, между прочим, о порядке сношений Синода с Сенатом, ведения «по важным делам», от Сената Синоду и от Синода Сенату, «подписывать всем», «а прочия, которыя только для ведома, крепить обер-секретарю и секретарю»[1834]. Об этом Синоду сообщено было ответным ведением[1835], и вскоре повсюду разослан был печатный указ от 13 марта, чтобы изо всех коллегий, канцелярий, губерний и провинций писали в Синод, как и в Сенат, доношениями[1836]. Это сенатское постановление и было принято в практику и Сенатом, и Синодом, с тою только особенностию, что из Синода иногда, вероятно, за неимением секретаря на первых порах, ведение в Сенат присылалось за одною обер-секретарскою подписью[1837] или за подписью обер-секретаря и канцеляриста[1838]. На ведениях Синода иногда была прикладываема сургучная печать с изображением государственного герба; печать имеет овальную форму, вышина ее в полтора приблизительно раза более ширины[1839]. Подобные печати имеются и на сенатских указах[1840]. Иногда бывали и «словесныя сообщения» Синода с Сенатом[1841].

С остальными учреждениями и должностными лицами Синод сносился указами. В списках лиц и учреждений, которым посылались

указы, сохранившихся в синодальных делах, значатся: сначала синодальные члены, потом московская синодального правления канцелярия, затем петербургская тиунская контора и, наконец, епархиальные преосвященные[1842]. В епархии указы посылались не только на имя преосвященных, но и на имя некоторых старших представителей духовенства, как протопопов Исаакиевского[1843], или Трубчевского[1844], или московского Успенского «с братиею»[1845]. Духовные лица, заседавшие в Синоде, хотя и не имели архиерейского сана, получали указы на свое имя[1846]. В Петербурге, епархии Синода, указы посылались не только соборам, но и приходским церквам, был указ даже на имя протодиакона Исаакиевского собора[1847]. Когда в епархиях не было налицо преосвященных, указы посылались на имя управителей архиерейского дома или управителей консистории, где была консистория[1848]. Посылались указы и на имя светских лиц, стоявших во главе управления тою или другою частью в духовном ведомстве[1849].

Так как Синод считался высшим правительственным учреждением, равным Сенату по обязательной силе своих решений для всех ведомств, а не только для духовного, то и указы посылались не только лицам и учреждениям, подчиненным ведомству Синода, но и светским: стольнику-воеводе, бригадиру, обер-коменданту или управителю провинции, генерал-губернатору, губернатору, вице-губернатору, всем им «с товарищи», «обретающимся при олонецких петровских заводах управителям»[1850], разным канцеляриям, как полицмейстерской[1851], коллегиям[1852]. Впрочем, светские учреждения требовали подтвердительного указа от Сената для исполнения указов Синода[1853]. Указы, по общему закону, начинались словами: «Указ его величества, императора и самодержца всероссийскаго, из…»[1854].

Однако не всем учреждениям, кроме Сената, и не всем лицам посылались Синодом указы[1855]. В канцелярию вышнего суда Синод посылает однажды не указ, а ведение[1856]. В кабинет тоже посылается ведение[1857]. В 1723 году Синод не знал, как ему сноситься с московскою синодальною канцелярией, где во главе стоял синодальный асессор. Было послано из синодальной канцелярии «требование» в сенатскую канцелярию с просьбою сообщить, как Сенат сносится со своим московским отделением. Сенатская канцелярия ответила, что сносится ведением, по такой форме: «правительствующаго Сената в Москву в канцелярию сенатскаго правления, тайному советнику, сенатору, князю Голицыну ведение». Синод определил писать так: «в московскую синодальнаго правления канцелярию», и больше ничего, без обозначения,

как называется бумага: ведение или указ; однако в содержании бумаги она именовалась указом[1858]. А впоследствии прямо уже посылались указы[1859].

С августейшими особами Синод сносился посредством «писем», подписанных всеми членами Синода. Такое именно письмо было отправлено Синодом курляндской герцогине Анне Иоанновне, будущей императрице российской, по делу о разглашении чудес от иконы проживающим во владениях герцогини попом. Изложив дело и законы, Синод писал: «от вашего высочества требуем об отдаче онаго образа снисходительнаго повеления». Подпись: «вашего высочества нижайшие богомольцы». Титул: «благоверной государыне царевне и великой княжне Анне Иоанновне, герцогине курляндской»[1860]. Меншикову, на его «прошение», Синод тоже посылал не указ, а письмо. Определено было: «и о том светлейшаго князя письменно уведомить». Письмо начиналось: «светлейший римскаго и российскаго государств князь... Александр Данилович», затем излагалось дело, и конец: «о сем Святейший Правительствующий Синод вашу светлость творим известны». Подписался, однако, только один советник: «Святейшаго Синода послушник Петр, архимандрит Симоновский»[1861]. Исключением таким пользовался один Меншиков, генерал-прокурору Ягужинскому Синод посылал «обычайный указ»[1862].

Указы подписывались обер-секретарем и секретарем[1863]; иногда (в июле 1721 года) советником и обер-секретарем[1864], иногда одним обер-секретарем, – на первых порах Синода[1865], иногда одним секретарем[1866], иногда обер-секретарем, секретарем и канцеляристом[1867]. Когда однажды указ касался обер-секретаря Варлаама Овсяникова, то был отпущен без его подписи, за подписью советника и секретаря[1868]. Относительно подписи указов не лишне заметить, что и ранее, например, грамоту митрополита Новгородского Иова, 1713 года, подписывали светские – дьяк и канцелярист[1869]. К указу прикладывалась сургучная синодальная печать, обыкновенно черная[1870]. Для «запечатания» указы в Москве передавались в печатный приказ[1871]. В 1723 году Сенат издал указ, чтобы все указы и промемории посылались не иначе, как с печатью печатной конторы, во избежание утраты печатных пошлин, по прежним указам. Синод пытался обязательность этого указа ограничить только для указов по челобитчиковым делам, но Сенат не согласился[1872].

Как бывали «словесныя сообщения» Синода с Сенатом, так и указы объявлялись иногда «словесно». «Словесно» был сказан указ в Синоде советнику Синода, архимандриту Иерофею, двум архимандритам и судье розыскной раскольнических дел канцелярии Топильскому, о назначении

их в московскую синодального правления канцелярию, – первого советником, прочих асессорами[1873]. И вообще, если духовное лицо, для которого предназначался указ, находилось налицо в Петербурге или Москве, то оно лично приглашалось в Синод и здесь ему, в присутствии членов, и «сказывался» указ «с подпискою»[1874]. И светские лица иногда приглашались в Синод для выслушания касающегося их указа. Объявление происходило по особой форме. Генерал-прокурор Ягужинский, ведший в Синоде бракоразводное дело, был приглашен в Синод и здесь ему 24 сентября 1723 года, «при синодальных членах, чтено» было следующее: «благородный генерал-лейтенант и генерал-прокурора господин Ягужинский. По указу его величества, императора и самодержца всероссийскаго, Святейший Правительствующий Синод поданных твоих о прегрешениях жены твоея доношений и ответов ея, и учиненнаго исследования и выписки слушав и довольно рассуждая, приговорили: оной твоей жене по законам быть от тебя отлученной и за важныя ея прегрешения в Переславль Залесский в Феодоровский девич монастырь на неисходное житье посланной. О чем и приговоры синодальные ныне тебе объявляются»[1875].

По содержанию указы и ведения не были точною копиею синодального приговора. Буквально вносилась в них только так называемая резолютивная часть определения, а части докладная и справочная писались гораздо подробнее[1876]. Впоследствии, когда форма приговоров изменилась, приблизившись к современной, указы стали более точною копией их. И сенатские указы писались в то время не в виде точной копии с определения и в них прибавлялись обстоятельства дела из бумаг, которые в определении только упоминались, а здесь излагались[1877]. Иногда посылались «крепкие» указы[1878]. Иногда в определении упоминалось – послать указ «немедленно»[1879]. Последнее, оказывается, вызывалось наличностью потребности, так как, например, бывало, что по определению 1 октября указ посылался только 8 января следующего года[1880].

X

Для приема указов от патриарха в патриаршее время от каждой епархии при патриаршем управлении были «стряпчие»[1881]. Несколько епархиальных стряпчих сохранилось и до синодального времени[1882]. При Сенате были комиссары от каждой губернии[1883]. Стряпчие получали указы на руки от синодального агента и уже сами должны были озаботиться доставкою указа по принадлежности[1884]. Это был самый простой способ рассылки указов. Но так как стряпчие были не ото всех епархий, то необходимо было пользоваться и другими способами рассылки указов. Так, в епархии, от которых не было при Синоде стряпчих, Синод, по докладу своего агента, определил посылать указы чрез нарочных, на счет епархий[1885], что и было практикуемо[1886]. С нарочными лейб-гвардии солдатами посылались и спешные указы[1887]. Один раз посланы были подтвердительные указы в епархии с курьерами за счет монастырей, виновных в проволочке, вызвавшей посылку подтвердительных указов[1888]. Обыкновенно наряжался с целой группой указов один «нарочный курьер» в Москву, с прогонами на одну лошадь по одной деньге или по одной, или по две, или по три копейки с версты, смотря по времени года и по месту пути[1889]. В 1721 году в Смоленск привозил синодальные указы солдат[1890]. Преосвященному Аарону Корельскому указы посылались чрез контору Новгородского архиерея[1891]. Во избежание слишком крупных расходов на нарочных или на содержание особых стряпчих, Синод рекомендовал преосвященным войти в соглашение с губернскими стряпчими, бывшими при Сенате[1892].

Казалось бы, наиболее обычный путь рассылки указов был казенная почта, заведенная с 15 мая 1720 года[1893]. Но это был путь слишком медленный. В Москву, например, казенная почта ходила сначала дважды в неделю[1894], в прочие города – раз[1895], а в конце июня 1721 года Сенат распорядился, из экономических соображений, отправлять указы с ординарною почтой только раз в неделю, по вторникам. Получались бумаги из Москвы по понедельникам, причем за получением бумаг каждый раз посылались из Синода в ямской приказ, куда почта доставлялась, «дневальные подьячие»[1896]. «Нужные» указы полагалось посылать с нарочными курьерами[1897]. В августе 1723 года, по жалобе ямщиков, содержавших почту, что постоянно отправляемые из разных учреждений курьеры держат в разгоне почти всех ямских лошадей, Сенат дал указ, чтобы впредь указы и прочие бумаги из коллегий и других

учреждений, «доношения и всякия письма по делам его императорскаго величества», т. е. так называемые «казенные», посылаемы были не с курьерами, а по почте, за исключением особенно важных случаев[1898]. В самое первое время ямской приказ ежемесячно представлял счет за пересылку указов, но вскоре положено было Сенатом платить деньги за пересылку при сдаче указов на почту, и без денег никаких бумаг не принимать. Плата за пересылку по почте взималась по полуденьге с золотника до Москвы, а далее – по расчету веса и расстояния применительно к Москве[1899].

Иногда для доставки указов по назначению пользовались так называемою «оказией», случаем. Так, указы на имя преосвященного в Тобольск, куда почты не было, сданы были приезжавшему в Москву по епархиальным делам казначею Тобольского архиерейского дома. Тот, не зная, как отправить указы, просил дать ему паспорт, чтобы самому отвезти их, и паспорт был выдан[1900]. Один раз указ Синода штатс-контор-коллегии вручен был, для доставки по принадлежности, отправлявшемуся в коллегию по своему делу диакону, заходившему в Синод[1901]. Один раз указ монастырскому приказу вручен был, для доставки в приказ, дьяку приказа; указ этот состоялся по просьбе этого самого дьяка и касался выдачи ему жалованья из приказа[1902]. Другой раз указ Синода на имя монастырского приказа вручен «человеку» истца, по делу которого состоялся указ, и вручен еще в неготовом виде: «человеку» поручено сначала доставить указ в печатный приказ для запечатания и потом уже передать его по принадлежности[1903]. Стряпчий однажды, получив указ, отдал его, для доставки по принадлежности, отправлявшемуся в епархию своему духовному отцу, священнику; указ не был доставлен, а священник объяснил, что по дороге на него напали воровские люди и ограбили, причем пропал и указ[1904].

Все эти способы доставки указов не были свободны от упрека. Синод усмотрел, что отправление указов в епархии происходит «весьма медленно и продолжительно»; причина была найдена: «не другое что, а только небытность при Синоде архиерейских стряпчих». И вот, 15 марта 1722 года Синод определил для приема указов и скорой рассылки быть всегда при Синоде из каждой архиерейской епархии, кроме епархий синодальных членов, по стряпчему, как и прежде, в патриаршее правление, стряпчие были изо всех епархий в Москве неотлучно[1905]. Указы к преосвященным о немедленной высылке стряпчих посланы были с синодскими лейб-гвардии солдатами на почтовых подводах, за счет архиерейских домов. Солдаты развезли указы довольно скоро[1906]. Относительно расходов на содержание

стряпчих Синод заметил, что они должны быть «по прежнему обыкновению». В это время в Москве, где был Синод, были стряпчие только от восьми епархий: Вятской, Казанской, Коломенской, Нижегородской, Ростовской, Суздальской, Тверской, Устюжской, – все светские. По понедельникам и пятницам они обязаны были являться в Синод, без указа никуда из Москвы не отлучаться, под страхом лишения движимого и недвижимого имущества и ссылки за отлучку. К этим восьми прибавились вскоре от Вологодской епархии монах, от Киево-Печерского и Киево-Межигорского монастырей иеромонахи. Черниговский преосвященный отказывался содержать при Синоде своего стряпчего, потому что не имел в Петербурге подворья, где бы стряпчему можно было жить, и не имел «маетностей», на что мог бы содержать. Нижегородский поручил содержать своего стряпчего трем монастырям своей епархии, поочередно. В других епархиях стряпчие содержались на деньги, собираемые (особым налогом) с дворового числа[1907]. Освобождена была от содержания стряпчего, по ходатайству казначея архиерейского дома, Тобольская епархия, никогда (и при патриархах) не имевшая в Москве своего стряпчего, ввиду того, что Сибирский архиерей никогда не имел двора в Москве или подмосковных вотчин, как другие архиереи; указы в Тобольск положено было отправлять по почте на счет архиерея[1908]. Из сохранившихся отметок в синодальных делах видно, что, например, в конце апреля 1722 года епархиальным стряпчим вручены были указы только на имя преосвященных Тверского и Нижегородского, для Коломенского архиерея принял дьяк местного казенного приказа, для Вятского – «домовый» дьяк, для Смоленского – бывший в то время в Москве, где был Синод, судья Смоленского архиерейского дома, к преосвященным Астраханскому, Белгородскому, Корельскому, Устюжскому и Холмогорскому указы посланы с дворянином, князем Мещерским[1909]. А в октябре того же года стряпчим уже вручены указы для семи преосвященных: Воронежского, Вятского, Казанского, Ростовского, Смоленского, Суздальского и Коломенского, – для последнего указ отдан Вятскому стряпчему[1910]. При учреждении должности синодального агента на агента возлагалась обязанность, между прочим, отправлять и указы преосвященным, для чего при агенте полагалась в некотором роде экспедиционная часть[1911].

Тем лицам и учреждениям, которые находились в Петербурге или Москве, где был Синод, указы доставлялись с нарочными или выдавались на руки. В коллегии, конторы и канцелярии носили указы канцеляристы[1912], копиисты[1913], синодальные дворяне[1914]. Точно так же и

ведения в Сенат пересылались чрез копиистов[1915], дворян[1916]. Когда при Синоде учреждена была должность агента, то доставка ведений в Сенат и указов в коллегии по важным делам возлагалась на это лицо, а по маловажным агент же должен был отправлять чрез «нарочных солдат»[1917]. Петербургские священники являлись за указами сами в Синод, получали указы и расписывались в получении[1918]. Указ Ягужинскому был вручен «служителю» Ягужинского[1919].

Те, которые разносили указы, возвращались иногда с каким-нибудь ответом. Синод послал чрез канцеляриста указ в штатс-контор-коллегию об очистке отданного государем Синоду двора князя Гагарина от сваленной на нем меди, принадлежавшей ведомству коллегии; канцелярист, вернувшись, сказал, что «очистить хотели в скорости»[1920]. Иногда со вручением указов происходили крупные недоразумения. В полицмейстерскую канцелярию был послан указ за подписью одного секретаря. Копиист, носивший указ, вернулся с ним обратно: указа не приняли на том основании, что он не имел подписей всех членов Синода. Копиист вторично был послан с придачею разъяснительного указа о том, что все члены Синода дают свои подписи только под ведениями Сенату и что даже в коллегии посылаются указы только за подписью обер-секретаря и секретаря. На это «генерал» полицмейстерской канцелярии стал требовать, чтобы, по крайней мере, такое разъяснение было подписано всеми членами Синода. Тогда Синод поручил одному своему асессору-протопопу лично объясниться с асессором полицмейстерской канцелярии. Объяснение состоялось, и указ после этого был принят[1921]. В другой раз в той же полицмейстерской канцелярии полковник Греков, прочитав принесенный в канцелярию указ Синода об отводе синодальным солдатам квартир близ Синода, вернул указ посланному, сказав, что свободных квартир в распоряжении канцелярии нет, а пусть Синод поместит своих солдат на своих подворьях[1922]. Один раз Синод послал указ в ревизион-коллегию о том, чтобы она сносилась с монастырским приказом не указами, а промеморіями, как равное ему учреждение; дьяк ревизион-коллегии не принял этого указа от посланного в коллегию синодального дворянина и сказал, что об этом надо Синоду отнестись ведением в Сенат, а не указом в коллегию[1923]. В тайную канцелярию однажды был послан указ с препровождением колодника; там указа этого от принесшего его канцеляриста не приняли на том основании, что дело обследовано неполно; не принят был канцелярией этот указ и после того, как его подавал сначала сам обер-секретарь, а потом и обер-прокурор[1924]. Один раз отказался принять указ Синода поверенный помещицы по делу о

крестьянине, сбежавшем в монастырскую деревню; отказ в принятии указа был мотивирован тем, что в указе не объяснено, на основании каких указов и ради каких причин челобитная не уважена, и что синодальное определение состоялось за подписью только двух членов, значит, это определение – «не всего собрания, да и то, знатно, по нечьему неправому докладу на словах, а не по подлинной челобитной»[1925]. В военной коллегии однажды отказался секретарь принять указ Синода потому, что без послушного указа от Сената его нельзя было исполнить[1926]. Был случай, что даже протопоп петербургский, судья тиунской конторы Семенов, не принял синодального указа, и по единственной причине, что в указе, как ему показалось, его титул был означен неполно[1927].

Что было с указами, то, еще чаще, было с ведениями Сенату. Синодальный копиист принес ведение в Сенат с ходатайством Синода по делу одного частного лица; в Сенате секретарь и обер-секретарь, прочитав указ, отказались его принять, потому что в прошении, за которое ходатайствовал Синод, не было полных сведений об упоминаемых в прошении указах. После этого дело в Синоде было дополнено опросом просителей и прошение вновь препровождено при ведении[1928]. Однажды сенатский обер-секретарь не принял синодального ведения потому, что оно показалось ему не согласным с высочайшею волею, и возвратил обратно[1929]. Однажды, в 1724 году, в Сенате не приняли ведения Синода о рассылке от Сената указов, чтобы светские власти помогали духовным в раскольнических делах, – не приняли на том основами, что еще в 1721 году, по синодскому ведению, разосланы были «послушные» об этом указы[1930]. Сенатский секретарь не принял однажды синодского ведения потому, что, по его мнению, о предмете ведения надлежало писать в военную коллегию[1931]. Одно ведение Синода синодский копиист носил в Сенат дважды, но ведения этого там не принимали; тогда Синод решил послать ведение в третий раз, а если и тогда не примут «сенатской канцелярии служители», то подать ведение генерал-прокурору в Сенате[1932]. Одного ведения Синода не приняли в Сенате потому, что ведение шло против распоряжения канцелярии вышнего суда[1933]. Один раз сенатский обер-секретарь принял было синодское ведение, но затем вернул обратно без всякой надписи и без объяснения[1934]. В канцелярии вышнего суда одного синодального ведения не принимали два раза потому, что секретари не считали себя вправе принимать ведения, а «судей в суде по три дня не бывало ни одного». Потом приняли, но вернули, требуя, чтобы было подписано всеми членами[1935].

Указы, подлежавшие всенародному объявлению, а равно

«объявления» и «пункты» такого же характера печатались и рассылались по своему ведомству иногда по цене заготовки, обыкновенно по две копейки за лист[1936]. Для распубликования в «светских командах» такие указы посылались Синодом в Сенат[1937]. Такие указы подьячий «прибивал» «в пристойных местах»[1938]. Часто присылались в Синод для распубликования по духовному ведомству указы и Сената, касавшиеся общегосударственных дел[1939]. Так как эти указы присылались в ограниченном числе экземпляров, то они перепечатывались в московской синодальной типографии в потребном числе[1940]. Там же были печатаемы на первых порах и синодальные указы и «книжицы», рассылаемые по епархиям, а с октября 1722 года Синод постановил печатать их для надобностей Новгородской и Псковской епархий и для новозавоеванных городов с Петербургом в Петербурге: гражданским шрифтом в светской типографии, славянским в Александро-Невской[1941].

«Указы» Синода, подлежавшие специальному вниманию канцелярии, объявлялись в ней «с запискою и с рукоприкладством» всех канцеляристов, подканцеляристов и копиистов. Так был объявлен указ о воспрещении всем служащим в канцелярии давать поручительства по посторонним делам[1942]. Так же был объявлен по канцелярии указ о возведении епископа Нижегородского Питирима в архиепископы[1943], сенатское ведение о недопущении в частной переписке известий о государственных тайнах[1944], синодское распоряжение о том, чтобы именование истца и ответчика в деле оставалось неизменным, как оно употреблено в начала, без распространения прибавкою «чинов» и отчества[1945].

XI

По закону на каждый указ полагалось получить два рапорта – о получении указа и об исполнении указа[1946]. Ответные рапорты о получении указа требовались с тою целию, «чтобы никто неведением не отговаривался»[1947]. Рапорт о получении указа должен был писаться на следующий же день по получении указа, в крайнем случае – в течение недели. За неисполнение этого требования угрожалось разорением, наказанием, ссылкою или лишением жизни. Потом за неисправность в представлении рапортов был назначен штраф: за первый месяц проволочки – сто рублей, за второй вдвое, за пятый – лишение всего и вечная работа на галерах, если не окажется уважительных причин к промедлению. Так как и подведомые Синоду учреждения и лица на первых же порах оказались неисправными в представлении рапортов и ведомостей, то Синод, в ноябре 1721 года, предупредил, что «и архиереи за нерапортование должны быть штрафованы». В апреле 1722 года последовало вторичное напоминание об этом, но в нем проведена была уже несколько новая мысль: «духовныя персоны» за неисправности будут подвергаться «приличному» для них «штрафованию», а со светскими будет поступаемо по указам без всякой пощады[1948]. Но и этим подтверждением не были искоренены неисправности, и Синоду все же приходилось по разным делам посылать «подтвердительные» указы[1949] и не получать на свои предписания ответных доношений[1950]. В 1723 году по царскому указу были собираемы по всем правительственным учреждениям в империи сведения об остающихся не исполненными указах и опять было повелено брать штраф за неисполнение неукоснительно[1951].

Закон о двойном рапортовании создавал массу ненужной переписки. И с первых же пор были частичные попытки к изменению его сообразно местным требованиям практики. В апреле 1721 года Синод получил от Златоустовского архимандрита Антония одно общее, сводное доношение по многим указам о различных предметах. Синод предписал Антонию впредь доносить о каждом деле порознь, а в одном донесении о двух и более делах не сообщать, под угрозою «штрафования», потому что в противном случае неизбежна путаница в канцелярии[1952]. О том же, позднее, предписано и Астраханскому преосвященному, сделавшему подобную же попытку[1953]. Несмотря на это, сам член Синода, архиепископ Феофан в начале 1725 года сделал опыт представления одной общей ведомости о получении и исполнении указов за весь прошлый год.

И он получил предписание представлять на будущее время особые рапорты и о получении, и об исполнении каждого указа[1954].

Затруднение в этих ответных рапортах лежало, кроме увеличения канцелярской переписки, и в том, для отдаленных епархий, что не с кем было посылать рапорты. Даже московская синодальная канцелярия спешила пользоваться случаем, когда, например, был посыл из типографии[1955]. Астраханский преосвященный жаловался, что ему не с кем посылать донесения и рапорты, так как курьеров своих нет, а губернские курьеры не принимают от него пакетов[1956]. А Тобольскому преосвященному сам Синод разрешил рапортовать по указам дважды в год, – впрочем, разрешение это дано было лишь относительно указов монастырского приказа. Преосвященный жаловался, что «ездоков в Москву частых не бывает, но разве в три и в четыре месяца, и то купечество, а оные ездоки не скорые»[1957].

Ответные рапорты на указы подписывались не всегда самими архиереями, а иногда епархиальным судьею духовных дел – архимандритом, «с товарищи», дьяком архиерейского дома, епархиальною «канцелярией» – архимандритом, казначеем и подьячим[1958]. От имени частных лиц писали Синоду и вообще вели все дело нередко поверенные. «Человек» казанского вице-губернатора обращался к Синоду от имени своего господина с прошением о разрешении отправлять в доме его службы, за его болезнию[1959]. «Служитель» помещика обращался с просьбою об освящении церкви в вотчине помещичьей[1960].

При сношениях не иногородних бывали случаи, что в Синоде не принимали адресованных Синоду бумаг. Подьячий из Сената принес в Синод сенатское ведение и подал его обер-секретарю Варлааму Овсяникову; ведение извещало о подписании государем некоторых пунктов. Варлаам прочитал ведение и отдал обратно, сказав, что надо прислать в Синод подлинные пункты. Ведение было принято-таки, но значительно позже, новым обер-секретарем Палехиным[1961]. В другой раз тоже не приняли в Синоде сенатского ведения, принесенного также подьячим. Когда подьячий этот, вернувшись, заявил о том, сенатский обер-секретарь доложил в Сенате, и сенаторы сказали послать ведение еще раз, а если снова не примут, то «взять сказку, зачем» не принимают[1962]. Одно ведение посылалось из Сената в Синод три раза, и все-таки не было принято Синодом[1963]. В одном сенатском деле сохранилась подробная история мытарств, сопровождавших поступление одного сенатского ведения в Синод. Сенатский подьячий принес ведение «в Синод, где подьячие сидят», и «говорил» канцеляристу Ивану Орлову, чтобы тот

доложил обер-секретарю Варлааму Овсяникову, что принесено ведение. Орлов доложил. Варлаам велел впустить сенатского подьячего в «секретную контору», «в которой дела отправляет». Подьячий «вступил». Варлаам спросил его, о чем ведение. Тот рассказал содержание: ведение было о назначении в Синод подьячих. Варлаам, по словам сенатского подьячего, сказал после этого, что «такого ведения нам принять не надлежит, для того что оное учинено не против их требования». Это было 15 марта 1721 года. 17-го подьячий опять приносил это же ведение, но Варлаам опять не принял, сказав, что докладывал «президенту и советникам» и те приказали не принимать ведения – по той же причине[1964]. Подобные приемы вызывали такие случаи, что, например, два солдата принесли в Синод пакет от Меншикова и «бросили на стол», сказав, чтобы пакет отдан был обер-секретарю[1965]. Был случай, что и протопоп Исаакиевский «не принял указу» из адмиралтейств-коллегии. Указ касался крещения татар и написан был коллегией протопопу ненадлежаще[1966].

Что касается формы сношений с Синодом, то правильность ее установилась не сразу. Военная коллегия, встретив надобность писать в Синод, 1 марта 1721 года спрашивала Сенат, «как» надо писать в Синод[1967]. Митрополит Сарский Игнатий додумался написать Синоду: «до вашего превосходительства»[1968]. Другой архиерей в своем обращении к Синоду выказывал уже не «незнание и невежество», но «гордый нрав»[1969]. От 19 января 1722 года Синод установил форму своего именования в трех словах: «Святейший Правительствующий Синод»[1970]. Доселе сам Синод именовал себя различно: «Правительствующим Духовным Собранием», «Правительствующим Духовным Синодом»[1971].

Может быть не безынтересно знать, что прошение, поданное в Синод, именовалось «прошение, поданное в канцелярию Святейшаго Правительствующаго Синода»[1972], а указ Сената московский вице-губернатор именовал «указом великаго государя из канцелярии Правительствующаго Сената»[1973].

Все учреждения, кроме Сената, обращались к Синоду с «доношениями», если возбуждалось новое дело, и с рапортами – о получении и исполнении синодальных указов[1974]. Члены Синода входили в Синод и с ведениями[1975]. Герцогиня курляндская Анна Иоанновна писала Синоду: «Святейший Правительствующий Синод! письмо ваше… получила… на которое сим объявляю... Пребываю вам, Святейшему Синоду, доброжелательная Анна»[1976]. От имени царицы Прасковьи Феодоровны писал Синоду ее «певчий дьяк»[1977]. Кабинет-секретарь

Макаров сносился с Синодом большею частью при посредстве обер-секретаря[1978]. В сношениях, особенно на первых порах, было много простоты. В 1721 году из кабинета его величества пришел в Синод канцелярист и объявил, что государь указал отпустить из кабинета 2000 рублей на строение семинарии, «и дабы Синод прислал кого-нибудь в кабинет для приема оных»[1979].

Иногда, в мелочных делах, сносились вместо учреждений их канцелярии. Канцелярия синодальная писала в сенатскую «требование» сообщить, как сносится Сенат с оставленным в Москве, при московском отделении Сената, сенатором. Требование было подписано секретарем и канцеляристом. Ответ из Сената поступил за такими же подписями[1980]. Синодальная канцелярия, за подписью секретаря, просила штатс-контор-коллегию дать справку, сколько собрано денег с церковных вотчин; но посланному за справкой объявили в штатс-контор-коллегии, что об этом нужно Синоду спросить коллегию указом. Был послан указ, но оказалось, что в коллегии не было налицо нужных данных, чтобы можно было тотчас же дать требуемую справку[1981].

Форма сношений патриархов с Синодом была: «Иеремия, милостию Божиею архиепископ Константинополя, Новаго Рима, и вселенский патриарх. Благочестивейшему, священному и православнейшему российскому святому Синоду, о Св. Духе возлюбленной братии, молитву, благословение от Бога и о Христе целование в лобзании святом преподаем». В тексте обращение к Синоду: – «вашему Святейшеству», себя именование во множественном числе: «изъявим», «сотворихом». Заключение: «благость Божия и молитва и благословение нашея мерности да будет вам, Святейшему российскому Синоду, в лобзании святом». Число и год. Подпись: «Константинопольский и о Христе брат ваш»[1982]. «Афанасий, милостию Божиею патриарх великаго града Божия Антиохии и всего Востока», писал по той же форме, подпись: «Антиохийский Афанасий, о Христе брат ваш»[1983].

XII

По генеральному регламенту, в каждой коллегии полагалась особая печать с изображением государственного герба и с надписью названия коллегии. Печать должна была храниться под замком секретаря коллегии, во избежание наложения печати на какие-либо «подложные письма». Прикладывать печать полагалось канцеляристу, но, ввиду той же предосторожности, «при вахмистре» коллегии[1984].

При патриархах было три печати в патриаршем казенном приказе: большая, средняя и малая; большая – серебряная, «двойная», была устроена при патриархе Адриане и имела вырезанными изображения: на одной стороне Успения Богоматери, на другой – двух «рук благословящих».

При патриархе Иоакиме изображения были: Богоматери на престоле и одной «руки благословящей». Большая печать употреблялась для припечатания по красному воску настольных грамот архимандритам, игуменам и протопопам и ставленных – священникам и диаконам. Средняя, тоже серебряная, с изображением одной «руки благословящей», употреблялась для печатания, тоже по красному воску, грамот и указов по челобитным, выдаваемых в казенном приказе, а также приносимых и из духовного и дворцового приказов, подлежащих взиманию печатных пошлин. Малая печать, медная, с надписью: «печать патриаршая домовая», употреблялась для припечатывания, по черному воску, беспошлинных грамот и указов, которые посылались в патриаршие домовые села, например, о высылке хлеба, и по всякого рода другим делам. Обе серебряные печати были «объявлены и предложены» Синоду и в нем были удержаны. В синодальном казенном приказе оставалась только малая печать, которою и пользовались в круге ее употребления. Между тем с приездом Синода в Москву появились грамоты и указы, требовавшие припечатания по красному воску большою или среднею печатями, и неимение этих печатей должно было вызвать приостановку сбора печатных пошлин, которых собиралось в год до двухсот рублей. По донесению об этом ризничего синодального дома, Синод 12 февраля 1722 года постановил: обе серебряные патриаршии печати обратить в слиток, а указы, исходящие из синодального казенного приказа, печатать малою синодальною печатью[1985]. Затем 28 февраля Синод решил заказать для припечатывания грамот по синодальной области для синодального казенного приказа печать среднего размера, из стали, «применяясь ко

учрежденным в Синоде печатям», но чтобы она была «округлостию большая меньше, а меньшая немного больше», с изображением государственного герба и именования Святейшего Правительствующего Синода, «как на оных синодальных печатях видно»; а для печатания указов, взамен остававшейся в приказе медной патриаршей домовой печати, сделать подобную новой другую, малую печать, «подобную обретающейся в Синоде меньшей печати», с надписью: «печать синодального дома»[1986]. Следовательно, у Синода было две печати, большая и малая, обе с изображением государственного герба и «синодального именования». На указах и ведениях Синода полагалась печать по черному сургучу, с изображением государственного герба, как на монетах, но овальной формы, высотою приблизительно в полтора раза более ширины[1987]. Свою печать Синод именовал «синодальная его императорскаго величества печать»[1988].

XIII

Делопроизводство Синода в общем шло не с идеальною быстротой. Ведение Синода Сенату о том, что государь, будучи в Синоде, 1 октября дал указ быть в Синоде обер-секретарем дьяку Палехину, подписано было только 18 октября[1989]. Был случай, что по сенатскому ведению 26 сентября определение Синода состоялось только 13 января следующего года[1990]. От первых лет существования Синода многие дела остались вовсе нерассмотренными и впоследствии, за ненадобностию уже решений, сданы были в архив неоконченными[1991]: иные с пометками об изготовлении справки к докладу[1992], или о немедленном докладе[1993], иные без всяких пометок[1994], иные с подлинным епархиальным следственным производством[1995], иные с проектом определения Синода, оставшимся без подписей[1996]. Подчиненные Синоду места, устав ждать указов по своим доношениям, представляли иногда Синоду ведомость представленных Синоду и Синодом не решенных доношений. В июле 1722 года и в феврале 1723 года московский приказ церковных дел представлял такие ведомости о тридцати пяти доношениях, не решенных с 1721 года. Ведомости остались не доложенными Синоду. На одной из них имеется надпись о том, чтобы навести по ней справку в канцелярии[1997].

Медленность и неисправность делопроизводства не были привилегией синодальной канцелярии. К характеристике исправности делопроизводства канцелярий того времени может служить случай, что канцелярист, состоявший в городовой канцелярии, вышел из нее в 1716 году, служил уже в четвертом учреждении, и только в 1721 году канцелярия заметила, что в ней остались «его дела» неоконченные, и требовала его присылки из типографии, где он теперь служил, для окончания неоконченных дел[1998].

О том, что в делах происходит «задержка», знал и Синод: это не было тайною секретариата и канцелярии. В сентябре 1722 года обер-прокурор заявил Синоду, что «в делах происходит не малая остановка»[1999]. В октябре 1722 года, вследствие высочайшего указа по всем ведомствам, Синод сделал распоряжение, чтобы рассмотрение дел «о государственных должниках» происходило без всякого замедления[2000].

В 1724 году Синод объявил служащим в канцелярии указ «с запискою и с рукоприкладством» о том, чтобы доношения преосвященных об освободившихся вакансиях архимандритов и игуменов были предлагаемы «синодальному рассуждению» «без всякаго умедления»[2001]. Но, во всяком

случае, замедление этим изъяснением не узаконялось, так сказать, для других дел, и был случай, что обер-секретарь надписал на одном деле: «о причинах долговременнаго нерешения со справкою немедленно предложить в доклад»[2002].

Иногда дело замедливалось или подвергалось бесконечной волоките по причинам, от Синода не зависевшим. Один раз Синод передавал в канцелярию генерал-прокурорских дел дело по обвинению фискала. В канцелярии указа синодального не приняли, потому что судьи канцелярии не были в указе написаны по именам. Указ был переписан с наименованием судей и опять был послан в канцелярию, но теперь его не приняли уже потому, что дело следовало передавать не в канцелярию, а в Сенат. Послано было дело и в Сенат. В Сенате секретарь принял было дело, докладывал сенаторам и возвратил с ответом, что дело надо передать в юстиц-коллегию. А в юстиц-коллегии за совершенным неимением уже сколько-нибудь подходящей инстанции, в которую бы еще можно было направить дело, кратко сказали: не надлежит[2003]. Когда у Синода возникло спорное земельное дело с Петром Шафировым, то Сенат просто-напросто отказывался входить даже в рассмотрение этого дела, на том основании, что двор, о части которого шел спор, «Шафирову велено отписать из канцелярии вышняго суда», а когда потом Синод обратился в вышний суд, то там сначала не принимали секретари синодского ведения потому, что судей никак не было в канцелярии, сами же секретари принять не решались, а потом судьи стали требовать, чтобы ведение было подписано всеми членами Синода[2004].

Бывали иногда случаи и сокрытия дел от Синода или, по крайней мере, намеренного их замедливания. Один из канцеляристов, при переезде Синода из Москвы в Петербург, самовольно взял с собою одно дело, которое производить следовало в московской синодальной конторе[2005]. Дело по обвинению одного архимандрита в том, что он не раздавал жалованья по принадлежности, оказалось в Синоде пропавшим. Из расспросов в канцелярии выяснилось, что оно было у секретаря Котыгулова, который остался в московской синодальной конторе. Синод предписал конторе «взыскивать» дело на Котыгулове[2006].

Иногда дело и было рассмотрено и решено Синодом, но решение оставалось без исполнения. Один раз определение Синода не исполнялось целых девять месяцев: указ не был послан по той причине, что «бумаги на то время давано не было»[2007]. В другой раз Синод определил продать имущество бывшего ризничего Троице-Сергиева монастыря на погашение оказавшегося начета, но, хотя и указ уже был написан, секретарь

остановил исполнение, сказав, что указ надо переписать на гербовой бумаге, а гербовой бумаги «взять» было «негде», ибо «в деле» имелся «только ответчик», а «челобитчика» не было[2008].

Для ускорения делопроизводства и в устранение утраты дел нотариус, по генеральному регламенту, обязан был составлять реестр всех нерешенных дел «прошлой недели», а также реестр всех дел решенных и законченных. Реестр нерешенных дел должен был находиться пред президентом на столе, чтобы его «в коллегии ежедневно видеть» и обо всех нерешенных делах можно было знать. В обоих реестрах секретарь делал отметку на поле, которому канцелярскому служителю каждое дело «к управлению его отдано»[2009]. Во избежание «умедления или утраты» строжайше воспрещалось «удерживать указы, письма и дела» дома, кто какого бы звания ни был[2010].

Когда было нужно, дела, впрочем, производились с величайшею быстротой. Так, по требованию канцелярии тайных дел, синодальный указ «о взятьи» человека духовного ведомства в канцелярии был написан «того же числа и часа»[2011].

По генеральному регламенту полагалось, чтобы всем «вершенным и исполненным», а также «вершенным и не исполненным» делам вывешивался на стене реестр, для облегчения справок[2012].

Копии полагалось выдавать по всем делам, кроме дел, касающихся измены, злодейства и хульных слов на его величество[2013].

Характерно распоряжение Синода 11 сентября 1721 года о том, чтобы «к синодальным членам и служителям никто, как от высоких, так и от низких духовных и прочих чинов никаких подарков и небезподозрительных присылок, какого бы звания они ни были, ни под каким претекстом отнюдь никогда не присылал». Мотивами выставлено было то, что от таких «присылок» дается «причина укорительного нарекания» на Синод и что «в тех, которые чрез такие подарки надеются некоторые получить требованию своему способы, умаляется достодолжное ко оной правильной власти покорение и послушание и возрастает противным образом смелость к презрению повелеваемых, от чего уже происходит и уничтожение, и преслушание». «А тому всему виновно есть не другое что, но оное подарками обязание, которое властителям не точию надлежащие по званию и должности их действа препинает, но паки и свободность отъемлет, и понеже оное подарков употребление так доброму правительству препятственно есть, того ради весьма оное обоим странам запретить, под лишением чести и под жестоким штрафованием»[2014].

Не лишено интереса и распоряжение Синода 20 октября 1721 года,

вызванное, очевидно, практическими требованиями: чтобы «в делах, в выписках и в допросах разнаго звания людей чины, имена, отчества и прозвания не умножать, но как истец или ответчик в начале допроса или дела будет написан, так и до окончанья во всем деле производить одним званием, а имен и прозвищ по отчествам не переменять»[2015].

Один раз в синодальном указе, по недосмотру, оказалась ошибка. Архиепископу Псковскому, Феофану предписывалось собрать данные с церквей деньги и «отдать в рентерею». Между тем эта формула: собрать и отдать, относившаяся ко всякого рода другим сборам, была неприменима к данным, которые никогда не поступали в государственную казну и всегда сберегались в архиерейской казне. Преосвященный официально запросил у Синода разъяснения, но его запрос остался без официального ответа[2016].

Один раз ошибка была допущена и в синодальном определении, «знатно подьяческою неосторожностию», как объяснял Синод: лицо, о котором состоялось определение, названо было другим именем. Допущенная в определении ошибка перешла и в указ, и когда затем открылась, то Синод постановил новое определение, в котором и оговорил свою предшествующую ошибку[2017].

VIII. Переезды Синода в Москву. Петербургское и московское синодальные правления

Выезд в конце 1721 года и возвращение в 1723 году. – Выезд 1724 года. – Отделения Синода в Петербурге и Москве.

I

При Петре Синод два раза выезжал в Москву. Оба выезда происходили совместно с выездами и других высших правительственных учреждений, по желанию государя, тоже выезжавшего в Москву: в первый раз для ознаменования торжествами в Москве славного окончания долголетней Шведской войны и принятия императорского титула, а во второй раз – для коронации новой императрицы.

Первый выезд Синода в Москву произошел в исходе 1721 года. Приготовления начались тотчас же после того, как заключение вечного мира было отпраздновано в Петербурге, завершившись поднесением Петру императорского титула. С 20 сентября Синод уже делает распоряжение о постройке от Синода триумфальных ворот для встречи государя[2018]. 22 сентября Синод делает распоряжение, чтобы к его приезду в Москву крестовая палата и «знатныя кельи» патриаршего дома и «прочее, что надлежащаго убранства требует», были «убраны и учреждены», как «приличествует, дабы все было чиновно и уборно». Указано, какие помещения следовало очистить в Москве для Синода, для его секретарей и канцелярии, какие сделать переделки.

Велено собрать с бывших патриарших, а теперь синодальных сел «потребное число» «стоялых и езжалых» лошадей и держать их на патриаршем конюшенном дворе; набрать с тех же сел нужное количество фуража для лошадей, овса и сена, а также приготовить «по надлежащему», «без продолжения времени» «прочие припасы, какие к прибытию синодальных членов и служителей потребны»[2019]. Конюшенный двор занят был мундирною канцелярией, которая держала на нем склады различной амуниции, велено было требовать немедленной очистки двора[2020]. Все это исполнить должен был монастырский приказ. Несколько позднее Синод опять писал монастырскому приказу, что надо приготовить к прибытию Синода в Москву разных припасов, лошадей, экипажи. Последние, а также несколько запряжек лошадей указано было взять из Троице-Сергиева монастыря[2021]. Делались распоряжения об отводе квартир некоторым лицам[2022], о назначении подвод всем переезжавшим[2023].

Первым выехал из Синода в Москву преосвященный Феофан. Постановление об его отъезде состоялось 27 ноября. Ехать ему полагалось «немедленно», в силу царского указа, назначавшего его понаблюсти за постройкою синодальных триумфальных ворот, которыми Петр, по-

видимому, живо интересовался[2024]. Некоторые духовные лица, как протодиакон, успели уже явиться в Москву[2025]. Выезжали и певчие[2026]. Синод выехал из Петербурга 12 декабря 1721 года[2027], государь выехал 16 декабря[2028]. Перед отъездом, 11 декабря, Синод уволил в отпуск одиннадцать своих «подьячих» для забора их семей и имущества в Петербург[2029].

II

Сенат в половине ноября сообщил Синоду, что по высочайшему указу велено в первых числах декабря по всем станам от Петербурга до Москвы поставить по полтораста подвод для императорской фамилии и этих подвод до проезда государя никому не давать. А «для министров и прочих особ», для канцелярий и коллегий поставить в Петербурге, затем на полпути к Новгороду, а от Новгорода по ямам ямские, и к ямам, расположенным по дороге, для усиления их провозоспособности, «приписать в прибавку» из соседних ямов, лежащих на расстоянии до трехсот верст. Если бы всех этих перевозочных средств не хватило, ямской приказ должен был войти с особым доношением в камер-коллегию и магистрат для усиления перевозочных средств иными способами на счет городского купечества и уездных дворов. Все эти подводы должны были по 25 декабря заниматься исключительно перевозкою петербуржцев, никуда не отлучаясь в сторону. Прогонные деньги положено было платить в определенном законном количестве. Чтобы не было потом, при самом переезде, неожиданных затруднений, Сенат предлагал всем коллегиям, «сметясь», определить заранее, сколько для каждой понадобится подвод на переезд, и сообщить, куда следует. О том же Сенат писал и Синоду[2030].

Синод назначил для президента и вице-президентов по двадцати ямских подвод, советникам по восьми, асессорам по шести, под дела две подводы. «Синодальным служителям», отъезжавшим в Москву, т. е секретарям и канцелярским, а также караульным солдатам количество подвод Синодом не было определено: Синод предоставлял это сделать ямскому приказу, прибавив, что должно «требовать определение им подвод против сенатских»[2031]. Впоследствии оказалось, что секретарям полагалось по четыре подводы, нотариусу три, переводчикам, регистратору и канцеляристам по две, копиистам по одной, солдатам по одной на двоих[2032]. Феофан, выехавший ранее, получил шестнадцать подвод[2033].

В Москву выезжали: президент, оба вице-президента, три советника, один асессор, он же обер-секретарь Варлаам, два секретаря, нотариус, переводчик, регистратор, два канцеляриста, четыре подканцеляриста и восемь копиистов, и сверх того шесть караульных солдат[2034]. Кроме того, в Москве оказался и другой асессор, Афанасий Кондоиди[2035]. Таким образом, Синод оказывался в Москве почти в полном составе, оставив в Петербурге только двух асессоров, к которым потом присоединился

третий – новый; четвертый советник, архимандрит Леонид был в это время в отпуску в Москве.

Прогоны по числу подвод выданы были каждому на руки, под расписку, по 2 рубля 66 ½ копеек на подводу до Москвы. Собраны были подводы из лежащих по пути губерний: Новгородской, Тверской и Московской. Деньги взяты были из наличной в Синоде «сборной казны»[2036].

Стефан и Феодосий имели свои помещения в Москве, Феофану было отведено Крутицкое подворье в Кремле[2037], советники, все – московские архимандриты, также имели свои помещения. Асессор Афанасий Кондоиди поместился на Кирилло-Белозерском подворье у Спасских ворот[2038]; новый член Синода Анастасий Наусий проживал в наемной квартире и подвергался опасности военного постоя, чего не случилось только благодаря заступничеству Синода[2039]. Секретари и канцелярские расположились, где кому пришлось. Регистратор, два подканцеляриста и копиист поселились, например, в домах беглых раскольников[2040]; другим, не имевшим приюта, тоже были «определены постоялые дворы»[2041]; и также преимущественно беглых раскольников[2042]. Некоторые, взятые в Петербург из Москвы, вернувшись в Москву, несомненно, поселились в своих домах, в которых еще оставались их семьи, не перевезенные пока в Петербург. Некоторые сами себе очистили помещения, сделав донос на хозяев-раскольников, которые предпочитали допросу и суду бегство[2043]. Некоторые приютились на подворьях[2044].

Для некоторых канцелярских поездка в Москву была радостным событием, и один сам просился у Синода, чтобы его взяли в Москву[2045]. Другой, при возвращении Синода в Петербург, просил оставить его в Москве при каких-либо делах[2046].

III

Взятых из Петербурга канцелярских вскоре оказалось для Синода недостаточно. Набраны были «для письма» подьячие из Троице-Сергиева монастыря[2047]. Так как из этого монастыря были взяты в Синод и другие «служители», а еще раньше взято было двадцать человек в Александро-Невский монастырь, то монастырь тяготился оказавшимся у него безлюдьем и, ссылаясь на «остановку дел», просил вернуть взятых людей[2048]. И сами подьячие, попав после привольной монастырской жизни в каторжную канцелярскую работу, и притом оторванные от семей, тяготились своим положением и, прослужив около полугода безропотно, стали жаловаться, что «весьма одолжали и отощали», что оставленные ими дома разорились, и просили отпуска. По таким их просьбам некоторые и были возвращены, а на место возвращенных вызваны другие[2049]. Возвращены были четыре человека и по ходатайству монастыря, за оскудением у монастыря рабочих канцелярских рук[2050]. Один подьячий, умолявший вернуть его в монастырь, оказался одержим «несносною горловою болезнию», не дозволявшею ему при ветре вовсе выходить из дому; кроме того, у него оказались два пальца оторванными ружьем. Такой инвалид, конечно, был возвращен[2051].

IV

Синод пробыл в Москве на этот раз до весны 1723 года. Государь уезжал в персидский поход – в Астрахань и вернулся только к весне 1723 года[2052]. В мае 1722 года выезжал из Москвы в Петербург Феодосий[2053] и вернулся в Москву в конце августа[2054]. Для обратного переезда в Петербург подводы для государя были заказаны к 15 февраля 1723 года, а затем начался и переезд правительственных учреждений, в таком же порядке и на таких основаниях, как было при переезде в Москву. Первым уехал Феодосий, поспешивший в Петербург вслед за государем и оставившей в Москве и ризницу, и келейные свои вещи. На конференции Синода с Сенатом, 8 марта, положено было членам Синода выдать прогоны на руки, с тем чтобы сами члены озаботились наймом для себя подвод, для асессора же, грека Анастасия Наусия, обер-секретаря, секретарей, канцелярии и под вещи Феодосия дать казенные ямские подводы. Указ в ямской приказ о поставке подвод почему-то был дан только 27 марта[2055].

Синод возвращался в Петербург значительно не в том виде, в каком он оставил его полтора года назад. Не было президента, который нашел себе в Москве вечный покой, вместо прежнего асессора – обер-секретаря появились два лица: асессор и обер-секретарь, появились новые лица: обер-прокурор и агент, канцелярия значительно увеличилась в своем составе, под дела и казну потребовалось уже не две, а двадцать подвод. Синодальный поезд, проходивший свои двадцать четыре стана между Москвою и Петербургом, теперь, следовательно, был значительно больше. Новым должностным лицам определено было следующее количество подвод: обер-прокурору восемь, обер-секретарю шесть, агент просил себе тоже шесть[2056]. Путь из Москвы в Петербург был, по отзыву путешествовавших, «великотрудный и медленноудержанный», преисполнен «непреминуемой нужды»[2057].

Не все, однако, выехали в Петербург. Асессор Наусий просил позволенья остаться в Москве до зимнего пути, так как не успел, «за скорбьми», собраться вовремя, и в сентябре 1723 года был оставлен Синодом в Москве «до указу»[2058]. Застряли было канцелярист и три копииста. Они прогоны получили еще в июне, но и в августе, однако, их не было в Петербурге. И только после строгого подтверждения Синода они были разысканы московским правлением и трое из них собрались в путь. Свое замедление они объясняли болезнью. Четвертый, копиист,

действительно оказался болен и ехать не мог[2059].

V

Второй раз Синод выезжал в Москву в 1724 году на короткое время, около трех месяцев. Прогоны для всех положены были на прежнее число подвод, исключая обер-секретаря, которому теперь назначено было на пять подвод вместо шести. Подводы стоили теперь несколько дешевле, по 2 рубля 55 ½ копеек. Члены, как и прежде, получив прогоны, сами должны были позаботиться о подводах. На этот раз ямскими подводами по казенным прогонам, вследствие уменьшения ямщиков, можно было пользоваться только для «важнейших дел», и то только по проезде двора. А так как необходимо было некоторых служащих с делами отправить заранее, то были наняты подводы вольные, по 11 рублей за пару, и на них отправлены были в Москву актуариус, канцелярист, три подканцеляриста, три копииста и шесть солдат с «нужнейшими делами»[2060].

Как прежде Феофан, так теперь Феодосий выехал в Москву раньше других, еще в декабре 1723 года[2061]. С ним в Москву отбыли секретарь Семенов и два копииста[2062]. Деньги на переезд были получены из штатс-конторы. Указ об отъезде Синода сказан государем 9 февраля, в Троицком соборе после обедни присутствовавшим там шести членам Синода по их докладу. Члены объявили высочайший указ в Синоде 10 февраля, но только 25-го Сенат разрешил нанять вольные подводы. К этому дню членов Синода уже не было в Петербурге, последнее их заседание было 20 февраля. Из членов уезжали все, кроме двух асессоров: протопопа Григорьева, оставленного в Петербурге, и Афанасия, бывшего в отпуске, но ожидаемого вскоре в Петербург. Уезжал обер-секретарь, секретарь Дудин, – другой секретарь, Семенов, был уже в Москве, – протоколист, актуариус, четыре канцеляриста, девять подканцеляристов и двадцать один копиист. Назначение канцеляристов, подканцеляристов и копиистов к отъезду в Москву было предоставлено усмотрению обер-секретаря. Списки назначенных в Москву канцелярских имеют следы неоднократных исправлений и перемен. Переводчик в Москве был свой, при канцелярии синодального правления, регистратор оставался в Петербурге. В Москву брались, по-видимому, лучшие силы канцелярии. По крайней мере, про одного копииста в списках замечено, что он и в Петербурге не годен, значит, не может быть взят в Москву[2063].

В Москве в подмогу прибывшим взято было еще четыре копииста из канцелярии синодального правления[2064]. Прибывшие разместились так же, как и в предшествовавшее время, по разным местам. Некоторые

поместились в монастырях. Свободных помещений было мало, и приходилось мириться с крайнею теснотой: помещалось по три семьи в одном доме. Получавшие дом иногда вынуждены были ремонтировать его на свой счет[2065].

Обратно в Петербург Синод выехал в июне. Распоряжение Синода о выезде было сделано 9 июня[2066]. 15 июня обер-секретарь дал приказ, чтобы все канцелярские покинули Москву до 19 июня и чтобы 19 июня канцелярии в Москве отнюдь не было. Чтобы успели собраться, обер-секретарь поручил секретарю Семенову «заключить» канцелярию и самому оставаться в ней при сборах «неисходным». Дела приказано было укладывать по реестрам в сундуки, в ящики, «а не лучше ль в бочки»[2067]. Назначенный срок наступил, но канцелярия еще не была готова к выезду и двинулась в путь едва 3 июля[2068]. Ехали обозом: секретарь Семенов, четыре канцеляриста, восемь подканцеляристов и двадцать два копииста. Из канцеляристов один, Григорий Нестеров, назначен был начальником обоза, двое даны были ему в помощь, один канцелярист избран пещись о подводах и припасах. Путь лежал от Москвы до Вышнего Волочка сушею, далее по рекам Мсте и Волхову, затем от Новой Ладоги по Ладожскому озеру в Шлиссельбург и отсюда по Неве в Петербург. В Вышний Волочек прибыли 12 июля, здесь купили барку под дела за 20 рублей и снарядились в водный путь, в Новгород прибыли 25-го, здесь в архиерейском разряде заняли 50 рублей, так как в Москве не успели получить всех денег, следуемых им, в Старую Ладогу прибыли 31-го и, наконец, «с великим трудом» прибыли в Шлиссельбург 13 августа, «имея тракт свой денно и нощно с великим старанием». В Шлиссельбурге канцелярия была на несколько дней задержана непогодою[2069].

Как и в первый переезд, при теперешнем возвращении Синода в Петербург в Москве осталось несколько служащих: обер-секретарь, по домашним делам, до августа; актуариус – для получения из штатс-конторы жалованья на канцелярских; один канцелярист и один подканцелярист. Синод настоятельно требовал скорейшей высылки последних в Петербург. Кроме того, несколько лиц остались в Москве навсегда, будучи назначены на службу там[2070].

VI

Отъезжая в 1721 году в Москву, Синод оставил в Петербурге двух асессоров-протопопов: Троицкого Семенова и Петропавловского Григорьева. 7 декабря положено было дать им инструкцию, которая и подписана 10 декабря. Асессорам поручено было быть у отправления синодальных и конторы тиунской дел, и в частности: 1) сделать исполнение по тем определениям Синода, которые уже состоялись, но еще не исполнены, для чего составить предварительно реестр всем оставленным делам; 2) все не взятые в Москву и оставленные в Петербурге дела рассмотреть и подготовить к решению; 3) завести книги входящих бумаг и поручить ведение книг достойному из подьячих, по усмотрению; 4) в случае требования, давать справки в Сенат, коллегии и канцелярии и разрешать поступающие оттуда бумаги, исключая дел важных, о которых немедленно и обстоятельно доносить по почте Синоду в Москву. Далее в инструкции содержались распоряжения Синода по частным делам, именно: как асессоры должны поступать с теми ведомостями, деньгами и ризницею, доставки которых Синод ожидал по прежним своим распоряжениям. Так как оба секретаря Синода уезжали в Москву, а без секретаря остаться было невозможно, то к «отправлению секретарской должности» и «смотреть за служительми» назначен комиссар монастырского приказа Семен Дьяков, оставленный вместе с тем и при прежней своей должности. Разрешено дать отпуск тем канцелярским, которые будут о том просить, до возвращения Синода. Инструкция заканчивалась замечанием, что «так как в ней всего пространно описать невозможно», то асессоры и с их повеления комиссар Дьяков должны поступать в делах и по собственному «верному и доброрассудительному рассмотрению», применяясь к инструкции, помня свою должность и присягу, и под угрозою ответственности по закону[2071].

К двум протопопам, представительствовавшим все время Синод в Петербурге[2072], присоединился в март 1722 года третий асессор, иеромонах Феофил Кролик[2073]. В октябре протопоп Семенов отпросился у Синода (московского) в отпуск в Москву для продажи двора и имущества[2074].

Из канцелярии при отъезде Синода в Москву в Петербурге оставались девять канцеляристов, четыре подканцеляриста и шесть копиистов[2075]. Из них некоторые тотчас же уехали в отпуск, так что вскоре налицо оставалось в Петербурге только пять канцеляристов и один

подканцелярист; зато число копиистов возросло до десяти[2076].

Оставшиеся в Петербурге члены Синода, по примеру оставленных в Петербурге членов Сената и коллегий, писались полным синодальным титулом: «Святейший Правительствующий Синод». Приехавший в Петербург летом 1722 года Феодосий сказал им писаться: «Святейшаго Правительствующаго Синода обретающиеся в Санкт-Петербурге члены», а потом о таком своем распоряжении предложил Синоду в Москве, который и утвердил предложение Феодосия 31 августа[2077].

Отъезжая в Москву в 1724 году, Синод оставлял в Петербурге налицо только одного асессора, протопопа Григорьева, который и решал дела[2078]. Другой назначенный к оставлению в Петербурге асессор, архимандрит Афанасий, был в отпуску, и хотя срок отпуска уже истек, он все-таки в Петербург не возвращался. Посланы были ему два подтвердительных указа о немедленном возвращении[2079], и он скоро прибыл[2080]. Кроме того, предположено было немедленно вызвать из Москвы советника, Симоновского архимандрита Петра[2081]. Но с этим вызовом произошло какое-то недоразумение. Определение о вызове подписано 25 февраля только протопопом Григорьевым со скрепою секретаря Тишина, но было замечено, что оно дается во исполнение словесного распоряжения всего Синода пред отъездом. Подписав это определение, Григорьев с Тишиным тотчас же послали указ в Москву архиепископу Феодосию, бывшему уже в Москве, о немедленной высылке в Петербург архимандрита Петра. Но Феодосий, получив указ, усумнился в правильности его смысла и предложил его Синоду, когда члены съехались в Москву. Синод 18 марта признал, что было постановлено: «ежели за какими резонами Симоновского архимандрита из Москвы выслать будет не можно, то б выслать Спасоярославского, а не обоих; а в С.-Петербурге к отправлению синодальных дел определены асессоры Афанасий и Григорьев». Получив об этом извещение, протопоп Григорьев счел долгом ответить Синоду, в Москву, что «при последнем собрании Синода в Петербурге, 20 февраля, постановлено» было вызвать именно советника Петра, как и предлагал остававшийся в Петербурге сенатор, граф Матвеев, именно об оставлении советника, – а вместе с Петром и Афанасия, а не одного Афанасия; но «если ваше Святейшество общим благорассмотрением своим изволили тому советнику сюда не отправляться, и то благочтенно приемлю»[2082]. Однако архимандрит Петр все-таки выехал в Петербург[2083].

На этот раз остался в Петербурге секретарь Тишин, регистратор, все пять переводчиков, из канцелярии – три канцеляриста, пять подканцеляристов и девять копиистов[2084]. Обязанности нотариуса,

уехавшего в Москву, исполнял регистратор Пасторов[2085].

Так же, как и прежде, и теперь дана была оставшимся членам особая инструкция. Инструкция эта в большей ее части представляла буквальное повторение прежней. Но были и особенности. Асессорам предоставлено было, «исследовав, что возможно без всецелаго синодальнаго собрания бессумнительно решить, то решить»; предписано наблюдать за строением семинарии и нового синодального дома; вступить в управление типографскими делами и конторой на время отсутствия архимандрита Гавриила. Секретарю Тишину предоставлено было «всех канцелярских служителей и солдат содержать и во всем поступать с ведома и повеления» оставшихся асессоров, а указы отправлять только за одною своею подписью[2086].

VII

При отъезде в 1723 году из Москвы Синод оставил в Москве «московскую синодальнаго правления контору».

Ведением от 12 декабря 1722 года Сенат сообщил Синоду, что высочайшим указом 19 января велено иметь в Москве от каждой коллегии для суда и управления по одному советнику с конторою, и то же от Сената. 20 марта 1723 года, при отъезде из Москвы, Синод решил оставить в Москве и своего советника с конторою. Из советников Синода избран был Симоновский архимандрит Петр, при нем назначены асессорами Андроньевский архимандрит Дионисий и судья канцелярии розыскных раскольничьих дел Топильский. В особой инструкции, составленной применительно к инструкции, данной остававшемуся в Москве сенатскому члену, им поручено «следование» по делам, которые будут оставлены Синодом в Москве, причем предоставлено и решение тех дел, «по которым возможно решение и без всего синодальнаго разсуждения и определения». Дан был указ судить «по святым правилам, по духовному и генеральному регламентам, и по соборному уложению, и по состоявшимся его императорскаго величества указам и государственным правам». Советнику с асессорами подчинена была и московская типография со своею канцелярией на время небытности в Москве Синода и протектора школ и типографий, архимандрита Гавриила[2087]. При советнике и его асессорах оставлена была и канцелярия из трех канцеляристов, четырех подканцеляристов и двадцати одного копииста[2088]. Секретаря избрать предоставлено было советнику с асессорами, и определить его, с донесением Синоду, если будет из подчиненных Синоду приказов, а если из других команд, то писать в Синод о нем и ожидать синодального определения[2089]. Секретарем избран бывший «у дел сочинения уложения» Семен Катыгулов, и 5 апреля 1723 года[2090] «определен» к делам «до указу», а между тем о нем сообщено Синоду. Синод снесся с Сенатом, и Катыгулов Сенатом оставлен при новой его должности[2091]. Остался в Москве и переводчик, прибывший с Синодом из Петербурга[2092].

Канцелярия, оставленная в Москве, развивалась, увеличивалась. К приезду Синода в Москву в 1724 году в ней уже было пять канцеляристов, три подканцеляриста и двадцать пять копиистов. Вся канцелярия «московского синодального правления» разделялась на шесть столов: приказный стол, стол должности протокола, инквизиторский стол, стол регистраторской должности, судный и раскольнический столы. Самый

людный был первый стол, приказный, имевший двух канцеляристов и семь копиистов; в столе должности регистраторской были один подканцелярист и шесть копиистов; в судном два подканцеляриста и четыре копииста; в столах должности протокола и инквизиторском по одному канцеляристу и по три копииста; в раскольническом один канцелярист и два копииста. Кроме того, при канцелярии было двадцать шесть солдат: восемь лейб-гвардии, шесть – других полков и двенадцать из Троицкого монастыря[2093].

Так как по инструкции, данной государем Сенату, сенатский советник, остававшийся в Москве, должен был ежегодно сменяться, то и Синод, при отъезде в следующем, 1724 году из Москвы назначил 11 июля в московское синодальное правление уже другого своего советника, Новоспасского архимандрита Иерофея; при нем оставлены были оба прежних асессора и прибавлен к ним третий – из духовной дикастерии асессор, архимандрит Петровский Сергий[2094]. В инструкции, данной Иерофею, была разница с прежней. Во-первых, о типографии сказано, что в отсутствие архимандрита Гавриила, до прибытия его в Москву и до присылки директора, типографии ведать во всем поручено архимандриту Спасского училищного монастыря Гедеону и управлять все типографские дела, «как поверенной персоне»; а чего решить не сможет, предлагать доношениями в канцелярию «ведомства» Иерофея. Во-вторых, дела московской дикастерии, которые окажутся сомнительными, поручено представителям московского синодального правления вершить и решать в общем собрании с заседающими в дикастерии, для чего собираться в синодальную крестовую палату; а если и с общего согласия в чем окажется решить невозможно, представлять Синоду. Правление в дикастерию пишет указы, дикастерия в правление – доношения[2095]. Еще была новость: прокурор. Синодом 10 июня постановлено: «а прокурорское смотрение, как в канцелярии оставшегося члена и асессоров, так и в дикастерии и в прочих подчиненных Синоду московских приказах, чинить прокурору монастырского приказа Раевскому по-прежнему»[2096]. Кроме того, Иерофей, ведавший в Синоде контору инквизиторских дел, сохранил за собою эти дела и оставшись в Москве, для чего они были перевезены из Петербурга[2097].

В июне 1724 года Андроньевский архимандрит Дионисий умер; Синод, по представлению из московской канцелярии, назначил на его место архимандритом и асессором архимандрита Никитского в Переславле-Залесском монастыря Иосифа[2098].

VIII

Эти отделения Синода, остававшиеся в Петербурге и Москве, не получили специального именования. Синод их именовал «оставшимися в Санкт-Петербурге Святейшаго Правительствующаго Синода асессорами» или «оставшимся в Москве членом и асессорами»[2099], сами себя они именовали в Петербурге сначала полным синодальным титулом, как уже сказано, потом – «обретающиеся в Санкт-Петербурге Святейшаго Правительствующаго Синода члены»; затем: «оставшийся в Санкт-Петербурге синодальный асессор», – в «протоколе оставшегося в Санкт-Петербурге синодальнаго асессора Петра написано... » В Москве все сношения велись от имени конторы или канцелярии: «московскаго синодальнаго правления контора», или «московскаго синодальнаго правления канцелярия». Такая канцелярия посылала в канцелярию настоящего Синода доношения, а из канцелярии Синода присылали ей указы. Доношения, шедшие из московской канцелярии в Синод, подписывались асессором и секретарем; указы «из синодальной канцелярии» – по обычаю[2100]. В сентябре 1723 года в Синоде возник вопрос, как именно сноситься с оставленным в Москве членом. Спросили у Сената, как он сносится с оставленным в Москве сенатором. Сенат писал: «Правительствующаго Сената в Москву, в канцелярию сенатскаго правления, тайному советнику, сенатору, князю Дмитрию Михайловичу Голицыну». Синод решил писать несколько иначе, просто: «в московскую синодальнаго правления канцелярию»[2101]. Но именование «контора» или «канцелярия» во всяком случае не заключало в себе полного объема остававшегося в Москве синодального установления. Синод прямо говорит в инструкции Иерофею в 1724 году: «канцелярия вашего ведомства»[2102], таким образом, самого Иерофея выделяет из канцелярии.

Московская канцелярия как бы не отделялась от общесинодской, в Москве оставлены были служащие по назначению обер-секретаря[2103], а счет зачастую велся общий обеим канцеляриям[2104].

Разделение Синода надвое вело иногда к некоторым недоразумениям. Поручик Коптелов, состоявший в Новгородской епархии по раскольничьим делам, с переездом Синода в Москву, стал отсылать все свои ведомости и доношения не в Петербург, как ранее, а в Москву. Петербургский Синод сделал ему запрос. Коптелов ответил, что, по его мнению, «большее правление Синода в Москве», потому что там «главные синодальные персоны обретаются», а следовательно, там «вящше прочих

членов о порученном и предлагаться должно». Петербургский Синод крайне обиделся таким рассуждением Коптелова, написал ему, что он «учинил сугубую глупость и оною в буесловие преклонился», и предписал, чтобы впредь так «не малоумничал, разделяя суемыслием своим Святейший Синод в персонах»[2105].

Однако Синод все-таки, по-видимому, разделялся в персонах. По крайней мере, был случай, что из Петербурга вытребовано было дело одного московского священника для решения в Москве[2106].

IX. Хозяйственная часть

Брюсов дом. – Гагаринский дом. – Помещение в Москве. – Караул и прислуга. – Комиссар. – Денежная часть. – Участие в торжествах и трапезы.

I

Отданный под помещение Синода дом покойного генерал-лейтенанта Романа Виллимовича Брюса, первого петербургского обер-коменданта, находился на «городском острову», т. е. на нынешней Петербургской стороне, – на берегу Невы, занимая второе дворовое место от церкви Святой Троицы по направлению к Карповке[2107]. Дом был деревянный, состоял из десяти светлиц. Самою обширною была третья светлица, по счету от прихожей, в четыре окна. Две светлицы, прихожая и четвертая, имели по три окна, десятая – одно, а все остальные – по два. В прихожей, считавшейся по описи первою светлицей, стены и потолок были обиты черным холстом. В четвертой и шестой стены были покрыты шпалерами, во всех остальных светлицах, кроме десятой, стены были обиты холстом; потолок во всех светлицах тоже был обит холстом. В первых трех светлицах, в пятой и в шестой было по одной «обращатой зеленой» печи; в четвертой светлице печь была «цениная травчатая», в восьмой – «цениная белая», у задних сеней; в седьмой и десятой светлицах печи были кирпичные, в девятой – «комель» кирпичный. Против первых четырех светлиц были, как отмечено в описи, «спальни и каморки». Из пятой был выход в сени, а из сеней во двор. Десятая светлица, называвшаяся и каморкою, была расположена против передних сеней, которые вели в прихожую. В сени вело крыльцо, у которого стояло два стеклянных фонаря на столбах; «кругом крыльца» были балясы. Крыльцо, при входе «с улицы», было «на правой руке». «По левой руке тоже было крыльцо с двумя фонарями на столбах и балясами. Оно вело наверх, где еще была светлица в два окна и сени, тоже в два окна, холодные, без печей. «При светлицах» была поварня, в одно окно, с печью и кирпичным очагом, четыре нужника. «Хоромы» крыты были черепицею, а снаружи «обиты досками и выкрашены». Все дверные и оконные наличники, а также и двери были «столярной работы», все «окончины» стеклянные[2108].

На дворе у ворот была караульная изба о двух окнах со ставнями, в ней кирпичная печь. Теплый погреб в «напогребницею». Подле погреба светлица о трех окнах с каморкою; в светлице кирпичная печь. Поварня, поваренная изба об одном окне. Позади поварни – конюшня на 20 лошадей, с сушилом. Амбар, «для запасу», подле него «сарай для поставки карет». Среди двора «кухня» из досок[2109]. Все строения обошлись когда-то Брюсу «без мала в 3000 рублей»[2110].

Весь двор носил признаки запустения. В доме «окончины» были

разбиты, стекла многие выбиты, у иных дверей не было замков, левое крыльцо не имело семи баляс. Ни столов, ни стульев, вообще никакой мебели в светлицах не было. Когда-то против двора была устроена пристань на Неве, но теперь она оказалась «срубленною»[2111]. В «приворотной» избе жило несколько солдат лейб-гвардии Преображенского полка; после открытия Синода, 20 февраля, солдаты эти были выведены в другое место, так как изба понадобилась для караульных[2112].

К открытию Синода на отпущенную Сенатом тысячу рублей[2113] был произведен, по-видимому, только самый необходимый ремонт. Но с началом строительного сезона начались более значительные переделки. Наиболее серьезные работы были по починке пристани на Неве, обошедшиеся в 60 рублей, устроена изразцовая, или, как тогда говорили, образцовая печь в 30 рублей, отделан алебастром потолок в «большой светлице», отремонтированы печи, трубы, полы, окна, двери, крыльцо, устроены решетки в «колодничьей избе», в которую была превращена значившаяся в описи «караульная изба», – всего работ произведено на 300 рублей[2114]. Для отделки синодальных палат куплено было в гостином дворе 146 аршин 2 вершка лазоревых обоев, по полтора рубля аршин, 20 аршин красных, по рублю тридцати копеек, около двух фунтов шелковой бахромы, по четыре рубля за фунт; подрядчик, крестьянин-костромич обязался снять старые обои и поставить новые к 24 июля за 30 рублей. Осенью решено было в следующий строительный сезон произвести ремонт всех надворных построек: «колодничьей», караульной светлицы, сеней между ними, приворотной избы, погреба, конюшни, амбара, поварни, а также «крылец с перилами», забора, из тридцати звеньев которого двадцать пять было ветхих, двух ворот[2115]. В строительный сезон 1722 года израсходовано было около 700 рублей на переделку черепичной крыши на скалах в гонтовую без скал на всех строениях синодального двора[2116]. Синодальные помещения были в довольно жалком состоянии, и, например, в феврале 1722 года синодальные истопники доносили, что небезопасно топить печи вследствие их неисправности, а капрал заявлял о настоятельной необходимости немедленно починить печи, трубы и пол в колодничьей и караульной избе[2117].

II

Брюсовский дом, отданный под Синод, не соответствовал значению и потребностям Синода, и государь уже 10 марта 1721 года, по ходатайству Синода, предоставил Синоду каменные «палаты» казненного сибирского губернатора, князя Матвея Гагарина. Палаты помещались «при Неве, на углу первой линии» Васильевского острова[2118]. Это было кирпичное здание в двадцать сажен длины по Неве, в двенадцать сажен ширины во двор и в две и две трети сажени высоты, с бревенчатыми при нем подмостками. При доме были три жилых избы и торговая лавка, кроме служб. Все было ветхо[2119]. Двор был занят сваленною на нем медью сибирского комиссариатства[2120]; при запечатанной гагаринской конюшне стоял караул[2121]. Синод, получив палаты, распорядился об очистке двора[2122] и занялся перестройкою палат, или, вернее, постройкою нового соответственного здания на гагаринском дворе. По смете, кирпича требовалось более 700000 штук, извести свыше 2000 бочек, оконных дубовых рам 90, дверных замков 85. Эти цифры дают понятие о размерах сооружения. Предполагалось воздвигнуть трехэтажное здание, первый этаж в двенадцать футов, второй в тринадцать, третий в девять. Зал предполагался в два этажа, в двадцать пять футов вышиною. Предположено было отделать в синодальном здании тридцать восемь палат: певческую, переднюю, большую, аудиенцию, тиунскую, контору и другие[2123]. Летом 1721 года отданы были подряды на поставку строительных материалов, а в начале 1722 года Синод уже объявлял торги на постройку, которую желал видеть оконченною в наступавший строительный сезон[2124]. Однако, не докончив работ[2125], Синод истощил на постройку все бывшие в его распоряжении суммы, и работы в 1722 году приостановились. Денег взять было неоткуда, и возникал даже вопрос, «достраивать» ли начатую постройку, у которой еще не готовы были даже стены[2126]. А время между тем уходило. И только через год, в конце мая 1723 года, Феодосий, присутствуя на новоспущенном корабле, воспользовался удобным моментом и сделал доклад государю о затруднительных обстоятельствах постройки синодального дома. Государь указал продолжать постройку вчерне на синодальные штрафные деньги. После этого работы возобновились и новый синодальный дом в строительный сезон 1723 года был окончен постройкою вчерне и покрыт гонтом. Работами руководил архитектор Иосиф Трезин (Ioseppe Trezzin или Trezzini), получавший по 15 рублей в месяц[2127]. Всего израсходовано

было на постройку свыше 16000 рублей. Синод истратил все бывшие у него суммы. Между тем на окончательную отделку, по расчету архитектора, требовалось еще до 8000 рублей. По докладу Феодосия и Феофана государь разрешил употребить на отделку синодального дома деньги, оставшиеся после кончины митрополита Стефана, 2000 рублей, – его жалованье за две трети 1722 года, не взятое им при жизни. Кроме того, Синодом взята была и тысяча рублей, завещанная почившим митрополитом Нежинскому монастырю[2128]. Истрачены были на синодальный дом и суммы, оставшиеся после смерти Воронежского митрополита Пахомия, 1250 рублей, хранившиеся в синодальной канцелярии[2129]. Но так как и этих средств не хватило, и денег взять больше было уже неоткуда, то отделана была только одна, меньшая половина синодального дома, для помещения канцелярии и контор, и притом с наивозможною экономией: предположенный дуб всюду, кроме оконных станков, заменен сосною, лепные потолки сделаны только в двух палатах, всех палат было тридцать восемь, а отделано было только восемнадцать[2130]. В это помещение Синод перешел уже в новое царствование, в 1725 году[2131], а дотоле все время оставался в брюсовском доме[2132].

III

Каждая из комнат синодального дома имела свое особое назначение и свое название. В перечне комнат встречаются названия: «малая судейская», «большая светлица», «тиунская»[2133], в Москве – «ответная палата»[2134]. Особая комната была для обер-секретаря[2135]. По генеральному регламенту в каждой коллегии полагалась «камора аудиенции, или судейскаго правления», так называемый ныне зал заседаний. Эта «камора» должна была быть убрана «добрыми коврами и стулами»; посредине ее стоял стол для членов под балдахином, покрытый «добрым сукном»; на правой стороне помещался секретарский стол, на левой – «нотариусов протокольный». Перед каждым членом на столе полагалась чернильница «со всею принадлежностию». На стене в этом зале полагались «добрые часы»[2136]. Особая «камора» в коллегии полагалась президенту[2137]; особая «прихожая», где толкались сторожа и челобитчики, особая – канцелярия, где работали канцелярские служители и секретарь. Секретарям полагались особые столы с замком, переводчикам, актуариусам и регистраторам тоже, канцеляристам и копиистам предоставлялось сидеть в случае тесноты места по двое «при одном ящике», но по возможности они должны были сидеть отдельно, чтобы не мешать друг другу. Все столы должны были быть покрыты сукном и так устроены, «чтобы всякий у своего места дело свое за замком иметь мог»[2138]. Прихожая должна состоять или из двух комнат, или по крайней мере из двух отделений – для знатных персон и для подлого люда. В случае, если комната была одна, то поближе к коллегийным дверям должны были находиться лавки, обитые сукном, для знаменитых персон, прочие лавки, вокруг по стенам, не были обиты[2139]. В каждой коллегии полагалось иметь генеральные и партикулярные ландкарты[2140].

Постепенно заводилась соответственная обстановка. В начале 1722 года французским мастером Шардомном исполнены были для Синода три «судейских» чернильницы, по образцу сенатских, весом около семнадцати фунтов, обошедшиеся свыше трехсот рублей, сделан дубовый стол под станок, на котором печатались большою синодальною печатью грамоты «и тому подобное»[2141]. В июне 1722 года заказан по особому рисунку станок для известного указа 17 апреля 1722 года о хранении прав гражданских и о суде («зерцало»), во всех коллегиях выставленного уже на судейских столах в станках[2142]. В 1723 году исполнен для Синода живописцем Григорием Одальским, за 10 рублей, портрет императора[2143]. В 1721 году

Синод заказал двум казенным «рещикам» сделать два «приказных подьяческих стола»; рещики забрали половину условленной платы и не делали столов; тогда Синод арестовал их и удерживал под арестом, пока они не исполнили взятой на себя работы[2144]. На синодальном столе находился «вестовой» колокольчик[2145].

21 апреля 1721 года, заслушав справку, что в Сенате в коллегии иностранных дел для переездов чрез Неву имеется по буеру и верейке, Синод определил писать к стольнику Потемкину о присылке в Синод буера и четырехвесельной верейки с матросами[2146]. Суда эти требовались Синоду для частых переездов чрез Неву «к строению семинарии и гагаринского дома», в Александро-Невский монастырь, в море, на Котлин, за строительными материалами. На Котлине находилась контора строений, или управление, под начальством Меншикова, заведовавшая всеми казенными постройками в столице. Буер был снаряжен четырьмя пушками[2147].

IV

В Москве Синод помещался в патриарших палатах. Собираясь в Москву, Синод, в сентябре 1721 года, распорядился очистить патриаршую крестовую палату и «знатныя» келлии патриаршего дома, заменить в крестовой палате каменный пол со ступенями деревянным без ступеней «добрым мастерством», подмазать стены алебастром, устроить новую печь, расширить, сколько можно, окна, вместо слюды «в знатных палатах» вставить в окна «доброе французское стекло» в дереве, а не в свинце, и убрать «окончины». Для секретарей и канцелярии очистить помещение казенного приказа и казначейские келлии, а казенный приказ и казначейство перевести в монастырский приказ[2148]. Над помещением казенного приказа, где теперь водворялась канцелярия Синода, нужно было устроить новую крышу. На ремонт употреблено было до 850 рублей, в том числе свыше пятисот на строительные материалы, до ста на прокормление мастеровых, остальное уплачено подрядчикам. Деньги были взяты из монастырского приказа.

Патриарший конюшенный двор оказался занят огромными складами материалов мундирной канцелярии, и военная коллегия оказалась не в состоянии немедленно исполнить требование Синода об очистке двора.

Особенных забот стоило убранство зала заседаний. В нем помещались: стол, покрытый зеленым сукном; кресла, крытые красным сукном; во главе стола – царское место под балдахином из «добраго пунцоваго бархата», вышитого золотом, с золотыми позументами. Двери и окна в зале были тоже обиты зеленым сукном. Чтобы не терять времени на выбор материала и торг, Синод предписал «торговому человеку» Ивану Сидорову поставить «самый лучший материал» и взял у него подписку, что он покажет товару свою покупную цену и удовольствуется прибылью для себя в десять процентов. Вышивка была поручена старицам московского Вознесенского монастыря. Сидорову уплачено за материал 2500 рублей, старицам за работу 40 рублей, на 25 рублей истрачено червонцев на позолоту, архитектору Зарудневу выдано 100 рублей на мелочные расходы и 100 рублей за наблюдение за производством работ.

С началом строительного сезона началась сизифова работа казенных зданий по перекладке печей, устроена новая крыша, в церкви исправлялась живопись. Так как и печи делались «живописныя», «какия строились в Воскресенском на Истре монастыре», то потребовалось в Синод немало «живописцев». Вытребованы были все из Воскресенского монастыря. Но

так как этих оказалось недостаточно, а московские сами на работу в Синод не шли, то приходилось хватать их насильно и держать на работе под караулом.

«Синодальная палата» была убрана прежде всего. Канцелярия и сени окончены убранством только в мае 1722 года. Другие работы продолжались позднее. Заведовал всеми работами Заруднев. В старании ускорить производство работ он даже тратил свои деньги, которые впоследствии были ему, конечно, возвращены, по представлении счета. «За труды свои» Заруднев получил пятьдесят четвертей ржи[2149].

В синодальном доме в Москве была церковь Трех Святителей «на сенех»[2150]. В 1722 году церковь эта также ремонтировалась, и, между прочим, для нее взята была слюда, хранившаяся в патриарших палатах[2151].

В синодальных палатах были часы. В январе 1723 года за починку их уплачено 3 рубля 50 копеек[2152].

V

По генеральному регламенту при каждой коллегии полагалось определенное число караульных солдат. При Сенате, «для посылок и караулов», полагался офицер с ротою драгун. 24 февраля 1721 года Синод отнесся в военную коллегию о присылке вахмистра и двух капральств, но так как ответа из военной коллегии никакого не было, то Синод, недели через три, решил набрать себе стражу из отставных солдат, разосланных по епархиям «на прокормление и довольство». Тем временем военная коллегия прислала в Синод для караула шестнадцать солдат, уволенных в отставку. Синод потребовал от коллегии выдачи присланным солдатам ружей, шпаг и епанчей, ввиду того, что в Синоде бывают колодники, обвиняемые «в важных делах». Военная коллегия исполнила требование. Вместе с тем она прислала в Синод еще тридцать солдат. Это число с прежними шестнадцатью и составило два капральства.

Капрал на военной службе в гвардии получал жалованья по 18 рублей деньгами, по 6 юфтей хлеба и по 4 пуда соли. Солдаты гвардейские – от 12 до 17 рублей деньгами, от 2 ½ до 5 юфтей хлеба, а соли от полуторых до трех пудов, – по трем окладам. Сверх того, все получали по 1 рублю 32 копейки в год мясных и ежемесячно приварочные натурою: муку и крупу. Московские гарнизонные солдаты получали по 4 рубля деньгами в год, а хлебом – женатые по 3 ⅓ четверика муки и по ½ четверика крупы, холосты – по 2 четверика муки и ⅓ круп в месяц. Из жалованья производился вычет на мундир по 3 рубля и на медицинскую помощь по 12 копеек в год.

Синод оставил своим солдатам тот же размер жалованья, каким они были довольствованы на военной службе, и только иногда перелагал хлеб на деньги[2153].

В октябре 1722 года при Синоде состояло 47 солдат. При Сенате была целая рота драгун. Признавая это число солдат недостаточным, Синод решил выбрать себе еще семнадцать солдат из присланных военною коллегией пятисот для размещения по монастырям и еще не распределенных, и назначил им монашескую порцию: по пяти рублей и по пяти четвертей солдатам, унтер-офицерам – по семи. Но после первой же трети солдаты завопили, что им с семьями жить нечем, и просили прибавки и денег, и хлеба, чтобы «стоя на караулах и посылаясь в посылки, с голоду и без одежды с холоду не помереть». Синод тогда уравнял их оклады с окладами старых своих солдат и соорудил новым одежду[2154]. Достойно замечания, что солдаты только тогда получали

жалованье, когда действительно исполняли работу, им порученную; если же, состоя на службе, они этой работы исполнять не могли, то и жалованье удерживалось[2155].

Синод хлопотал одно время о назначении своим караульным солдатам от полицмейстерской канцелярии квартир близь Синода. Канцелярия ответила, что свободных дворов поблизости Синода нет, и предложила Синоду разместить своих солдат по дворам своих, синодальных членов. Синод после этого и распределил солдат по домам синодальных членов. В полицмейстерскую канцелярию дано было знать об этом, и при этом Синод предлагал канцелярии, чтобы за то дворы синодальных членов были свободны от постоя посторонних солдат. Канцелярия ответила, что желание Синода будет исполнено, если для помещения солдат найдется достаточно других домов[2156]. Некоторые солдаты перевезли к себе и свои семьи[2157].

В середине 1723 года у Синода было 58 солдат: 38 с капралом при Синоде в Петербурге, 8 при синодальной канцелярии в Москве и 11 «в прочих местах»[2158]. «В прочих местах» солдаты были по каким-либо поручениям. Так, известен случай, что Коломенский архиерей просил назначить в его епархию одного солдата синодальной канцелярии для изыскания раскольников, и просьба эта была удовлетворена[2159]. Число солдат не было сколько-нибудь устойчивым и постоянно менялось[2160]. В 1724 году при Синоде было уже только 52 солдата, в том числе в Москве, где тогда был Синод, 28 солдат, курьер и капрал, и в Петербурге 22 солдата. По полкам эти солдаты распределялись так: Преображенского полка 22 солдата, Семеновского 16 и прочих полков 14[2161].

Был случай, что солдат, согласно прошению, был переведен из Петербурга в Москву, потому что у него в Москве было тяжебное дело о земле с приказчиком Меншикова[2162]. Однажды синодальный солдат покрал чулки в гостином дворе, был уличен, «бит батогами» и отослан в Синод. Чрез некоторое время он опять попался в краже, на этот раз ста сальных свечей. Тогда его по суду прогнали шесть раз шпицрутенами чрез полк и снова прислали в Синод. Синод на этот раз оставил его у себя на службе только после того, как все остальные синодальные солдаты поручились, что он больше красть уже не будет[2163].

Был случай, что одного усердного и расторопного солдата Синод произвел в курьеры с жалованьем в 70 рублей и 10 рублей уже были выданы ему в счет будущего жалованья. Против такого оклада синодальным обер-прокурором был заявлен протест; указано, что в Сенате курьеры получают полковой оклад. После этого Синод вынужден был

разжаловать своего курьера в прежнее состояние. Только уже сам «курьер» не захотел оставаться на службе в Синоде и покинул Синод[2164].

Из солдат некоторые, вместо «караула и посылок», несли денщицкую службу. Обер-секретарь Синода Палехин имел из синодальных солдат двух денщиков[2165].

Кроме караульных солдат, у Синода были свои матросы – на буере и верейке в Петербурге. Сначала их было три человека из приставов синодального духовного приказа, взятые из Москвы, и один квартирмейстер, взятый из конторы Потемкина. Синодальные пристава тоже были отосланы к Потемкину в контору предварительно для обучения делу. Матросы получали жалованья по рублю две копейки в месяц, матросское, считая в этой сумме и хлебное жалованье. Уезжая в декабре 1721 года в Москву, Синод забрал с собою при канцелярии и матросов для сторожевой службы. В 1723 году, к возвращению из Москвы Синода в Петербург, были наняты новые матросы, из «охочих людей», пять человек, четыре матроса и один «квартирмистр», с жалованьем по два рубля с полтиною в месяц. Вернулись вскоре и двое старых из Москвы; тогда двум из вольнонаемных было «отказано». На зиму матросы были обыкновенно пристраиваемы к какой-либо работе в канцелярию, чтобы не получать жалованья даром. Наемные матросы довольно часто менялись. Их содержание Синод скоро нашел обременительным для себя и в августе 1724 года решил заменить наемных матросами из своих крестьян. С этою целью вызваны были из Москвы трое синодальных крестьян – для обучения матросскому делу. Когда они вышли в матросы, то им жалованья было назначено по рублю в месяц в счет мелочных расходов по синодальному дому. В этом жалованье заключалось и вознаграждение, выдаваемое взамен хлебного жалованья[2166]. Эти матросы скоро заявили, что на такое жалованье в Петербурге невозможно прожить, потому что здесь хлеб дорог и алтыном в день, достаточным только на покупку хлеба, «без всякого харчу» «всеконечно работаючи, пробавиться нельзя». Они просили назначить им особое хлебное жалованье и соорудить мундиры. Мундиры, летний и зимний, Синод им построил, а в прибавке жалованья отказал – «впредь до учинения штата»[2167]. Когда прибыли из Москвы трое крестьян в матросы, то прибывшие не увеличили собою общего числа синодальных матросов, потому что из прежних двух старых синодальных матросов один ушел в служителя канцелярии, где, кроме денежного жалованья, одинакового с матросским, полагалось еще особо хлебное, по шести четвертей в год. Впрочем, некоторое время один из наемных матросов оставался, пока прибывшие приучались к своей работе.

Оставался и наемный квартирмистр. Сначала было даже положено вообще держать наемного квартирмистра, но потом решено было подготовить к этой должности одного из старых синодальных матросов, именно того самого, который ушел в сторожа канцелярии, причем было предположено, что он будет продолжать числиться сторожем, но как летом работы по дому меньше, не надо ни дров рубить, ни печей топить, то будет отлучаться к буеру в квартирмистры. Все эти предположения относились к предстоявшему лету 1725 года[2168].

Матросы носили мундиры из темно-серого простого сукна, стоившие по 6 рублей 50 копеек. Мундиры были изготовляемы на синодальный счет. Форма мундира взята была, по-видимому, «с примеру партикулярной верфи», потому что по адмиралтейскому регламенту мундир матросам полагался «канифасной кафтан матросский со штанами», подкладка – «хрящевая», или из сермяжного сукна, смотря по тому, летний был мундир или зимний; шляпа вязаная, на английский манер, глубокая, «чтоб могла половину ушей закрывать»[2169].

Сторожей при синодальном доме сначала было три, потом четыре. Они убирали комнаты, топили печи, рубили дрова и числились при синодальной канцелярии. Жалованья получали по 12 рублей деньгами в год и сверх того по 6 четвертей хлеба, как и сенатские[2170]. Над сторожами был вахмистр, получавший жалованья, вместе с ценою хлебной выдачи, 50 рублей[2171]. По проекту нового штата 1722 года Синод предполагал иметь шесть сторожей с жалованьем по 30 рублей каждому в год, считая в том числе и цену хлебной выдачи, и одного вахмистра, с жалованьем в 50 рублей[2172]. По генеральному регламенту, в каждой коллегии полагался «вахтмейстер» и «канцелярные слуги», «которым всегда быть надлежит в прихожей, и когда в колокольчик позвонят, войти и принять повеление». Сколько их должно было быть, регламент не указывал. В слуги регламент рекомендовал выбирать «добрых и знаемых людей, которые опыты верности их и добраго поведения показали и рекомендации имели», потому что они при чистке комнат и топке печей по коллегиям и конторам «всюду свободно ходят». Ночью эти сторожа должны были поочередно держать караул, находясь в прихожей. На их обязанности было также «двери замыкать, письма на почту и с почты носить и к членам ходить, ежели что сообщить или подписать надобно будет». Вахтмейстер обязан был ежедневно утром являться к президенту «и о его приказах осведомляться, не имеет ли какое дело кроме коллегии отправлено быть»[2173].

VI

Заведовал петербургским синодальным домом комиссар Семен Дьяков. Хозяйство по дому велось на основаниях строгой отчетности Синоду. Расходы допускались только с разрешения Синода. В случаях непредвиденных и неотложных закупки и заказы производились и самостоятельно комиссаром, но вписывались в расходную книгу только после утверждения Синодом представленных счетов. Даже счета мелочных расходов, простиравшихся обыкновенно от семи и до двадцати двух рублей в месяц, ежемесячно рассматривались и утверждались Синодом[2174].

Дрова для синодального дома в первый год были куплены по цене: два рубля за сажень «двухполенных и трехполенных», с доставкою и укладкою, а без доставки и укладки – рубль[2175]. Эти дешевые дрова унесены были наводнением, зимою пришлось прикупить двадцать одну сажень уже по 2 рубля 20 копеек[2176]. После того дрова в 1723 году куплены были ольховые трехполенные по два рубля за сажень, а в 1724 году – по два с полтиной. В оба эти года куплено было по пятидесяти сажень. Любопытно, что в оба года на поставку дров являлись подрядчики, назначавшие цену – в первый год по 2 рубля, во второй – на гривенник дешевле за сажень, но каждый раз, забрав задатки, подрядчики скрывались[2177].

К приезду Синода в Москву велено было набрать из синодальных сел «потребное число» «стоялых и езжалых» лошадей на синодальный, бывший патриарший конюшенный двор[2178]. В конце 1722 года в Москве для надобностей Синода было куплено 17 лошадей[2179].

Пока шла постройка на гагаринском дворе, из него извлекались, какие можно было, прибыли. Лавочка и квасное место, бывшие при гагаринском доме, отданы были в 1721 году в оброк крестьянину за плату по рублю в месяц[2180]. В следующем году сдана харчевенная изба с ледником за 51 рубль в год; в 1723 году на торгах арендная цена была увеличена на 10 рублей. Один торговец на торгах давал на несколько копеек больше, но под условием дозволить ему продажу пива и меда, на что Синод не согласился, полагая, что быть такой продаже в синодальном доме неприлично[2181]. Затем доходность служб гагаринского дома уменьшилась, и в 1724 году изба, погреб, печь для хлеба и «под каменными палатами с улицы в погребном выходе место», где прежде продавался квас и съестной харч, отданы уже на три года за 28 ½ рублей в год[2182]. Зато стало

приносить доход новое каменное здание, которое строилось на гагаринском дворе. Устроенные под домом восемнадцать погребов в феврале 1721 года уже публиковались к отдаче в аренду. Пять из них и были сняты за 100 рублей греком, намеревавшимся производить в них продажу вина на вынос и распивочно, но так как гарнизонная канцелярия не допустила там распивочной продажи, то грек от аренды отказался[2183].

VII

Для обозначения синодальных сумм не требовалось особенно крупных цифр. Вот несколько финансовых бюллетеней Синода. 22 февраля 1721 года у Синода было налицо 600 рублей, не израсходованных из присланной штатс-контор-коллегиею тысячи рублей[2184]. В этот день решено было послать указ в приказ церковных дел о высылке в Синод всех наличных в приказе денег[2185]. На 21 августа 1721 года числилось 17644 рубля; в том числе: вексельных незаписных Тамеса (петербургского банкира) 10371, полученных от Смоленского архиерея 6229, лазаретных Крутицкой епархии 411, пошлинных из духовного приказа 520[2186]. На 29 ноября 1721 года было наличных 15176 рублей, векселей на Тамесе, или Томасе, в 3529, всего числилось до 20800 рублей[2187]. На август 1723 года числилось 21173 рубля, в том числе: в Москве в монастырском и дворцовом приказах 18687, раскольнических 1129, лазаретных 566, на строение синодального дома из берг-коллегии 329, вычетная четверть жалованья 325, остаточных от дачи жалованья – вексельных 133, пошлин всякого рода 4 рубля[2188]. На 8 июня 1724 года числилось 24795 рублей, в том числе: синодального казенного приказа 7547, лазаретных в синодальной канцелярии 6172, остаточных с 1712 года Рязанского архиерейского дома 5880, приказа церковных дел 1324, штрафных с раскольников 1088, подможных полковым попам 985, милостынных с церковниковых дворов 766, Коломенского архиерейского дома 500, синодального дворцового приказа 274, с церковниковых дворов 180, московской духовной дикастерии 79 рублей[2189]. На 7 сентября 1724 года числилось 21111 рублей, в том числе: в монастырском приказе 18174 рубля, раскольнических и с не исповедавшихся 1587, лазаретных 550, канцелярских пошлин 406, дворцового приказа 269, вычетная четверть жалованья 125[2190]. За 1722 год весь приход выразился по двадцати шести статьям в сумме 29445 рублей, расход, по ста двум статьям, в сумме 26448 рублей, остаток получился в 2997 рублей[2191].

Синодальным приходорасходчиком, или счетчиком, был сначала подьячий Филипп Каретников[2192], назначенный к отправлению своих обязанностей 8 июля 1721 года[2193], потом, с 1722 года, Иван Клепиков[2194]. Каретников часто ошибался в счете, и комиссар просил Синод сделать распоряжение, чтобы вместе с деньгами были присылаемы в Синод и привычные счетчики из крестьян[2195]. За 1722 год прочет достиг 41 рубля[2196]. О Клепикове известен случай, что он однажды уплатил

подрядчику по поставке изразцов 85 рублей, а расписку взял на 100 рублей, всю сумму, обещая выдать остальные деньги, когда будут доставлены остальные изразцы. Но подрядчик поставку выполнил, а денег не получал третий год и обратился с жалобою в Синод[2197].

Над Каретниковым и Клепиковым стоял «рентмейстер» Семен Дьяков, которому Синод 4 октября 1721 года поручил быть синодальным комиссаром и ведать «приход и расход синодальной денежной казны». Дьяков только недавно был прислан из Сената по требованию Синода для определения к делам монастырского приказа, в начале сентября монастырский приказ назначил его комиссаром приказа при Синоде. Синодальное постановление 4 октября состоялось за неимением при Синоде канцелярских служителей. В декабре 1721 года, при отъезде Синода в Москву, Дьякову поручено и отправление секретарской должности при остающихся в Петербурге членах[2198]. Таким образом, Дьяков оказался отправляющим «три службы»: комиссарскую, секретарскую и рентмейстерскую[2199]. В Арзамасском уезде он имел пчел в общем владении с одним священником[2200], в Петербурге купил дом беглого помещичьего крестьянина[2201]. В мае 1723 года он неожиданно был арестован по оговору одного колодника-иеродиакона в денежных злоупотреблениях и продержан в преображенской канцелярии двенадцать дней. Оговор оказался не доказанным, оговорщик был бит кнутом за клевету, Дьяков освобожден, однако, потому ли, что оговор был признан не невероятным, или потому, что всякая клевета оставляет пятно на репутации, только Дьяков прежнего места не получил, был рассчитан жалованьем по 300 рублей в год, но в конце концов остался на службе в духовном ведомстве, хотя и не в синодальной канцелярии[2202].

За неимением в петербургском синодальном доме удобного и безопасного места для хранения «синодальной денежной казны», Синод в июле 1721 года, по заявлению приходорасходчика, решил хранить свою казну на будущее время, за караулом своих же солдат, в петербургском гарнизоне в городовой крепости в казарме, об отводе которой было сделано сношение с военною коллегией[2203]. А до этого времени синодальные суммы хранились в «передней светлице», под караулом солдат[2204].

Главные суммы, как видно из бюллетеней, были в Москве, и однажды, в июле 1724 года, произошел такой случай, что остававшиеся в Петербурге асессоры не имели из чего получить жалованье и заняли для Синода у купцов 2000 рублей под вексель с погашением в Москве: тысячу у полтавского купецкого человека Семена Бужинского и тысячу у

переяславца Ивана Кашинцева[2205].

У приходорасходчика можно было узнать, по-видимому, только общий баланс, но что касается прихода и расхода синодальных сумм по предметам, то относительно этого никакого единства в счете не было. По крайней мере, когда в 1725 году пришлось определить стоимость ремонта брюсовского синодального дома, справки собирались и у канцеляриста Клепикова, и у протоколиста, и у актуариуса, и в приказном столе, даже в тиунской и в типографской конторах: словом, был всеобщий опрос[2206].

VIII

По временам Синод принимал участие в разных народных торжествах и устраивал у себя «трапезы» – пиршества. Едва ли не самое роскошное пиршество было 25 июня 1722 года в Москве, когда за синодальным столом присутствовали голштинский князь с министрами, сенаторы, «военные люди». Само собою разумеется, Синод и служащие в синодальном ведомстве высшие чины были здесь в полном составе. 15 августа 1722 года в храмовой праздник Успенского собора в Синоде был стол для членов Синода, для участвовавших в богослужении архиереев и высших чинов синодального ведомства. «К столам» синодальный дворцовый приказ заготовил вина: венгерское – «крепкое» и сладкое, армитаж, бургонское, шампанское, французское, полынное, ренское, «ссект кенарий», «ссект сырей», ренгитин, пантак, оглонское, ренское красное. Водки были: «насиженная» на церковном вине анисовая, «коричневая», персиковая, ландышевая, лимонная, померанцевая, «насиженная» на церковном вине и на простом гуляфная. Пиво, мед, сбитень. Повара на такой случай приглашались от наиболее известных лукуллов: сенатора, князя Дмитрия Михайловича Голицына, князя Юрия Юрьевича Одоевского, во главе всех становился, однако, повар преосвященного Феофана[2207]. Устроен был «стол» с разными питьями и припасами и при триумфальных воротах в Москве при встрече государя в 1721 году, хотя это было в декабре. Стол обошелся в 549 рублей[2208].

Вина и припасы, в ожидании ближайшего торжества, заготовлялись заблаговременно. Так, в 1721 году к прибытию Синода в Москву, по приказанию Синода, монастырский приказ заготовил разных водок на 106 рублей, купив их на питейном дворе на каменном мосту, пива, меду да съестных припасов, закусок и хрустальной посуды на 152 рубля[2209]. При этом судья монастырского приказа Ершов предупреждал Синод в начале декабря 1721 года, что нет надежды достать в Москве вин лучших сортов, и Синод, при отъезде, решил купить в Петербурге и взять с собой «антал добраго и крепкаго венгерскаго, другой – столоваго, два ящика армитажу, бургонскаго тож, шампании один ящик», а в Москве решено было купить только более простые сорта виноградных вин: «сект», белое, красное[2210]. В 1722 году остававшиеся в Петербурге синодальные члены истратили на покупку у иноземных купцов питей для посылки в Москву 582 рубля[2211]. Для хранения напиткам при Синоде был даже особый «питейный погреб виноградных вин» и при погребе особый ключник[2212]. В 1722 году Синод

внес и в проект своего штата на подобные расходы 3000 рублей[2213].

К 18 декабря 1721 года, к торжественной встрече государя в Москве по случаю окончания войны со шведами, Синод устраивал триумфальные ворота, обошедшиеся в 4000 рублей[2214]. Ворота были устроены в Китай-городе при соборной церкви Казанской Богоматери[2215]. Всех ворот для встречи государя, по его повелению, должно было устроить в Москве трое: на Тверской, в Китай и на Мясницкой, «а в каких местах и из каких доходов, определить велено было в Сенате». Сенат определил, чтобы ворота в Китай-городе устроены были на счет Синода, и, кроме того, возложил на Синод составление рисунков ворот и надписей. Синод же составление это поручил типографской своей конторе[2216]. 1 октября 1721 года, будучи в Синоде, государь рассматривал рисунок синодальных триумфальных ворот, одобрил, назначил к постройке их архитектора Заруднева[2217], потом назначил и других строителей, живописцев[2218], надзор[2219], наконец, повелел, для наблюдения за постройкой, выехать в Москву преосвященному Феофану[2220]. Ворота были украшены картинами, елками и коврами[2221]. Герцог голштинский прислал к воротам своих музыкантов, и Синод дал им в награду за игру 50 червонных золотых[2222]. Любопытно, что в то же время музыканты Лефортовского полка, игравшие у Сретенских ворот, получили за свои труды только один рубль[2223]. При триумфальных воротах был устроен стол с питьями и закусками[2224]. Государь вступил в Москву пешком, во главе войск[2225]. Когда государь подошел к воротам, митрополит Стефан и учителя школы встретили его речами[2226]. Говорил речь и Феодосий, краткую, ловкую: подвиги и заслуги государя превосходят всякие ораторские силы, поэтому он, Феодосий, и не берется их изображать, а только высказывает пожелание государю наслаждаться плодами трудов своих многие годы. Государь доволен был встречей, долго оставался в воротах, слушая музыку и пение школьников, которые исполняли разноязычные песнопения[2227]. 3 февраля 1722 года, в пятницу на сырной неделе, в синодальных светлицах «по указу царскому и Святейшаго Синода повелению» горела иллюминация, свечи в окнах. В здании Синода в это время никого, кроме сторожей, не было[2228].

По письму Петра к Феодосию триумфальные ворота были устроены Синодом и к 18 декабря 1722 года, к торжественной встрече государя после взятия Дербента. Было устроено новое убранство, новые картины-эмблемы, новые украшения. Убранство на этот раз обошлось в 327 рублей[2229]. Сохранилось подробное описание убранства этих ворот. На воротах были «фигурныя вещи», прозрачные картины на пологий. На картины было употреблено 205 аршин полотна[2230]. На воротах был и

«Спасов образ»[2231]. Для освещения ворот и картин было куплено 1300 штук сальных свечей, 3 пуда говяжьего сала, 3 пуда смолы; было куплено 7 возов углей, 10 больших горшков «для ставки жиру», «ракитныя веревки»[2232]. У Спасских ворот были наняты играть музыканты Лефортовского полка[2233], за что получили от Синода 100 рублей[2234]. У ворот встречали государя сорок избранных школьников. Им на этот случай были куплены на уборы холст, рукавицы, чулки немецкие, пряжки, башмаки, перевязи из алой китайки, зеленые «венцы» на головы с белыми и красными цветами, зеленые ветви из бумаги; бумаги на ветви было куплено 2500 листов. На головах у школьников были парики, взятые на прокат. Все школьники брились к этому дню. Для угощения их куплено было свежей рыбы и 2 склянки лимонной водки. На школьников было израсходовано Синодом 118 рублей[2235]. 23 декабря 1722 года буря повредила картины на воротах[2236], понадобился их ремонт[2237]. 11 января 1723 года Синод постановил снять ковры с ворот, а картины починить. Ковры были сняты и отданы на хранение в синодальный дом[2238].

Примечания

[1] - СИРИО. XL, 8.

[2] - ПСЗ. 2467. 2739. 2778. 2968. 2971. 2978. 2979. 3058. 3062. 3122. 3171. 3175. 3182. 3208. 3266. 3276. 3375. – П. Знаменский, «Дух. школы» 46–50.

[3] - П. Пекарский, «Наука и литература при Петре Великом» I, 183.

[4] - П. Пекарский, «Наука и лит.» I, 258.

[5] - П. Пекарский, «Наука и лит.» I, 241.

[6] - ПСЗ. 2467. – ОАСС. 1721 г., 438.

[7] - «Порядок княжеского и царского правления в древней Руси, вызвавший, по мере роста земли русской, установление приказов и приказчиков, вследствие невозможности личного участия верховного правителя в каждом деле, привел к господству насилия местных властей, владельцев и лихих людей, по земле бродивших. При действии множества случайных и не соглашенных между собою приговоров и указов, неравномерно применявшихся, при смешении прав, властей, обязанностей и повинностей, – на такое насилие не было управы, и хотя в народе не угасала надежда на царскую власть, как единственный светоч правды, но в то же время сложилась пословица: «до Бога высоко, до царя далеко». – Из одной официальной записки.

[8] - ПСЗ. 1598. 1601.

[9] - ПСЗ. 1598. «К государевой службе быть всегда готовым, и к боям с неприятелем»...

[10] - ПСЗ. 1884. Указы 30 декабря 1701 года с запрещением писаться уменьшительными и уничижительными именами.

[11] - ПСЗ. 1735 и 1736. Указы 19 и 20 декабря 1699 года.

[12] - ПСЗ. 1598. 1740. 1887. 1999. 3141.

[13] - ПСЗ. 2015.

[14] - ПСЗ. 1570. 1580. 1581. 1598. 1607. 1684. 1825. 1879. 1883. 2072. 2225. 2534. 2548. 3203. 3210. 3212. 3226. 3236. 3246.

[15] - ГА., Кабинет II, № 1, л. 108.

[16] - ПСП. I, 1. Духовный Регламент.

[17] - С. Соловьев, «История России» XIII, 737. 740. 741. 744 – 746; XIV, 1190; XV, 1359; XVI, 268. – И. Покровский, «Рус. епархии» I, 255 – 259.

[18] - С. Соловьев, «История России» XIII, 738. 739. 744. 777; XIV, 1096;

XVI, 268. – ПСП. I, 1. Духовный Регламент. – ОАСС. 1721 г., 216. – И. Покровский, «Русск. епархии» I, 267.

[19] - Н. Розанов, «История моск. епарх. упр.» I, 116.

[20] - ААЛ. 1716 г., 5.

[21] - ОАСС. 1724 г., 256.

[22] - СИРИО. XXXIV. 122–123.

[23] - ПСП. I, 60.

[24] - ОАСС. 1722 г., 471.

[25] - ААЛ. 1714 г., дело 1 июня.

[26] - ААЛ. 1719 г., дела 23 мая и ? августа.

[27] - ААЛ. 1713 г., 30.

[28] - ААЛ. 1720 г., дело 6 июля.

[29] - ААЛ. 1714 г., дело 1 августа.

[30] - ААЛ. 1715 г., 64.

[31] - ААЛ. 1717 г., дело 18 февраля.

[32] - ААЛ. 1714 г., дело 9 ноября.

[33] - ОАСС. 1721 г., 422.

[34] - ОАСС. 1721 г., 362.

[35] - Н. Розанов, «Ист. моск. еп. упр.» I, 230 – 231.

[36] - М. Горчаков, «Монастыр. Приказ», прилож., стр. 44 – 46.

[37] - ОАСС. 1724 г., 248.

[38] - Н. Розанов, «Ист. моск. еп. упр.» I, 121.

[39] - Н. Розанов, «Ист. моск. еп. упр.» I, 121. В Москве обыкновенно на Спасском, Ильинском, Нарварском или Никольском. Тут происходил мелочной торг и производилась продажа печатных лубочных листов. Тут же стояли и часовни. – Н. Розанов, «Ист. моск. еп. упр.» I, 236.

[40] - ПСЗ. 4136.

[41] - С. Соловьев, «Ист. России» XIV, 1038 – 1039.

[42] - Ю.Самарин, «Сочинения» V, 317 – 318.

[43] - ПСЗ. 1839.

[44] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 738. 739; XIV, 1193. – ПСП. I, 1. 71. – ОАСС. 1721 г., 33.

[45] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 265.

[46] - ААЛ. 1714 г., дело 1 июля.

[47] - ААЛ. 1719 г., дело 14 июля.

[48] - ААЛ. 1720 г., дело 20 апреля.
[49] - ААЛ. 1718 г., дело 26 ноября.
[50] - ПСП. I, 71.
[51] - ОАСС. 1725 г., 11.
[52] - ПСП. I, 71.
[53] - ОАСС. 1722 г., 148.
[54] - ОАСС. 1722 г., 558.
[55] - ААЛ. 1719 г., дело 12 декабря.
[56] - ОАСС. 1721 г., 641.
[57] - ОАСС. 1722 г., 960.
[58] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 746.
[59] - ААЛ. 1719 г., дело 6 июня.
[60] - ААЛ. 1719 г., дело 8 апреля.
[61] - ПСП. I, 71.
[62] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 745.
[63] - ОАСС. 1722 г., 960.
[64] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 746.
[65] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 738.
[66] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 49.
[67] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 19.
[68] - М. Горчаков, «Мон. приказ» 21.
[69] - ОАСС. 1721 г., 66.
[70] - ААЛ. 1719 г., дело 30 мая.
[71] - ААЛ. 1721 г., дело 29 августа.
[72] - ОАСС. 1721 г., 33.
[73] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 739. – ОАСС. 1721 г., 33. – ПСЗ. 1834. 1839.
[74] - Ю. Самарин, «Сочин.» V, 249.
[75] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 738. 750. – См. Л. Петров, «Русское законодательство в борьбе с пьянством». Газета «Россия» 1899 г. № 77.
[76] - СИРИО. XL, 427 – 428.
[77] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 753. 754. – Н. Розанов, «Ист. моск. еп. упр.» I, 83.
[78] - ААЛ. 1720 г., дело 11 мая. – С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 754.

[79] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 210.

[80] - И. Покровский, «Русск. епархии» I, 270.

[81] - И. Покровский, «Русск. епархии» I, 264. 267.

[82] - С. Соловьев, «Ист. России» XIV, 1100.

[83] - ПСЗ. 3169.

[84] - ОАСС. 1722 г., 141.

[85] - ОАСС. 1722 г., 807.

[86] - ОАСС. 1722 г., 141.

[87] - ОАСС. 1722 г., 141.

[88] - ОАСС. 1722 г., 141.

[89] - ОАСС. 1722 г., 807.

[90] - ОАСС. 1722 г., 187.

[91] - ОАСС. 1724 г., 331.

[92] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 23.

[93] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 755 – 758 – ПСП. I, 60. – ПСЗ. 2906. – П. Пекарский, «Наука и лит.» I, 493.

[94] - С. Соловьев, «Ист. России» XIV, 1039.

[95] - П. Пекарский, «Наука и лит.» I, 493.

[96] - СИРИО. XXXIV, 108.

[97] - ОАСС. 1722 г., прил. XVIII.

[98] - ПСП. 391.

[99] - СИРИО. XL, 130. – Ср. П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 500.

[100] - С. Соловьев, «Ист. России» XIV, 1042.

[101] - И. Покровский, «Русск. епархии» I, 265.

[102] - И. Покровский, «Русск. епархии» I, 263.

[103] - ОАСС. 1721 г., 29. – С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 21 – 22. – ПСЗ. 2844.

[104] - ПСП. I, 1.

[105] - ПСП. II, 648.

[106] - Феофана Прокоповича «Слова в речи» II, 66 – 67.

[107] - ПСП. I, 1.

[108] - В пору увлечения экономическими вопросами не бесполезно привести компетентное замечание одного талантливейшего министра финансов о значении денег в государственной жизни: «изо дня в день вращаясь в сфере материальных и денежных интересов, министр финансов

позволяет себе упорствовать в своем, по-видимому, ныне устаревшем взгляде, что государственные дела прежде всего совершаются людьми и порядками, и только на втором месте деньгами».

[109] - ПСП. I, 1.

[110] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 777.

[111] - С. Соловьев, «Ист. России» XIII, 739.

[112] - ПСЗ. 1601.

[113] - ПСЗ. 1601.

[114] - ААЛ. 1713 г., 18. 21; 1715 г., 41. 42. 54. 59. 71. 75; 1716 г., дела 1 марта, 17 и 26 октября, 15 и 27 ноября, 15 и 28 декабря; 1717 г., дела февраля, 21 июля; 1718 г., дела 15 марта, 9, 19, 20 и 29 августа, 8 ноября, 23 декабря; 1719 г., дела 25 и ? января; 1720 г., дела 26 марта, апреля, 13 и 23 мая, 8 и 20 августа, 3 сентября, 5 и 17 ноября.

[115] - И. Покровский, «Русск. епархии» I, 257.

[116] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 256 и след.

[117] - С. Соловьев, «Ист. России» XV, 1358. – Н. Устрялов, «История Петра Великого» III, 512. – ГА., Кабинет II, № 53, л. 333.

[118] - Н. Кедров, «Духовный Регламент в связи с преобразовательною деятельностью Петра Великого». М. 1886. Стр. 1 – 2.

[119] - Н. Кедров, «Дух. Регл.» 3.

[120] - ПСЗ. 1536.

[121] - ПСЗ. 1538.

[122] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 265.

[123] - ПСЗ. 1613.

[124] - ПСЗ. 1629.

[125] - ПСЗ. 1664.

[126] - «В последней четверти первого часа ночи», – писал Петру Пронка Возницын. – ГА., Кабинет II, № 1, л. 52. – «В исходе первого часа», – писал Петру Тишка Стрешнев. – ГА., Кабинет II, № 1, лл. 164. 892. – «Во втором часу, в первой четверти ночи», – писал Петру князь Ф. Ромодановский. – ГА., Кабинет II, № 1, л. 151.

[127] - Н. Розанов, «История московского епархиального управления», ч. I, стр. 42.

[128] - ГА., Кабинет II, № 1, лл. 52. 151.

[129] - ГА., Кабинет II, № 1, лл. 164 – 165.

[130] - ГА., Кабинет II, № 1, л. 52.

[131] - Н. Кедров, «Дух. Регл.» 18.

[132] - Так как у Н. Устрялова, в его «Истории Петра Великого», т. IV, ч. II, стр. 164 – 165, текст письма Курбатова помещен в вольной передаче, а у С. Соловьева, «Ист. России» XV, 1359 – в коротком только извлечении, то здесь приводится подлинный текст.«Самим Богом избранно помазанный в управление и избавление от ига магометанскаго людей, достояния Его, храбро премудрейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, преславнаго всероссийскаго государствия самодержавнейший повелитель.Бог, в Его же руце прещедро содержится твое царево сердце, Той, видя правость к Нему твоего сердца и во всем избранна тя быти Его сосуда, предал в самодержавие твое люди достояния Своего в житейских потребах управляти в правде ими, яко отцу чады, пещися во всем. Ныне же, всемилостивейший государь, видишь, яко и в духовных хощет Бог, да ты попечешися и усмотриши правительства того от многих бывшия поползновения, понеже, якоже тебе, государю, известно, святейший патриарх от временныя преселися в жизнь вечную, а и в животе его, за болезнию его, усмотрение то было ему трудно. Видишь и ныне, ежели, государь, те же будут во управлении, добра никакого не будет. Тебе, государю, из них о архидиаконе известно. И зело, государь, о сем мнози сетуют, что в таком великом деле, во избрании архимандритов и прочих священнаго чина людей вверено одному, который и себе единаго управити не может. И сего ради молю тя, государя, благоволи в сем усмотрении попещися ради премногия за сие от Бога тебе, государю, милости и избрати в сие духовное управление на время из архиереев могущаго тое управити и к нему четырех человек из монахов, ведущих Писания, чтоб без их избрания рук ниже в диаконы кто посвящен был.О избрании же, государь, патриарха, мню, достоит до времени обождати, да во всем всего сам твое самодержавие изволишь усмотрети.Ко усмотрению же над всеми и собранию домовыя казны достоит, государь, избрати, кого тебе, государю, от усердных. Зело, государь, ныне во всем видится слабо и неисправно. Также, государь, о чем я доносил тебе, государю, в первом моем писании, чтоб во архиерейских и монастырских имениях усмотреть и волости переписать, отдать все в охранение, избрав кого во всяком радении тебе, государю, усерднаго, учинив на то расправный приказ особливый. Истинно, государь, премногая от того усмотрения сбиратися будет казна, которая ныне погибает в прихотях владетелей. Школа, государь, которая была под призрением святейшаго патриарха и вручена

монаху Палладию, – зело, государь, в ней живущие, с полтораста человек, скорбят и всего лишаются, и учиться в ней не возможно. Потолоки в печи и иное строение обвалилося. Требуют, государь, твоего всемилостивейшаго усмотрительнаго милосердия.Мог бы я, убогий, тебе, всемилостивейшему государю, и о ином доносити, но не вем о сих моих письмах. Истинно, государь, посреде хожду сетей многих. Едино упование и во всем надежда моя – твоя государева милость.Из архиереев, государь, для временнаго в духовных управления, ежели тебе, государю, угоден, мнится многим добр быти Холмогорский. Из монахов же казначей патриарший, Карион меньшой, Палладий, школ учитель, да Чудова монастыря монах Феолог.Из мирских, государь, в начальство усмотрения в собрания казны, ежели угодны тебе, государю, боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин или стольник Дмитрий Петрович Протасьев, зело, государь, человек доброй.Самодержавия твоего всеусерднейший и свыше достоинства помилованный последний твой, государь, раб, Лешка Курбатов. – 1700. Октоврия дня 25». – ГА., Кабинет II, № 1, л. 108.

[133] - И. Устрялов, «Ист. Петра В.» IV, 549.

[134] - Н. Устрялов, «Ист. Петра В.» IV, 535. – И. Чистович, «Ф. Прокопович» 58 – 59.

[135] - ПСЗ. 1818.

[136] - ПСЗ. 1829.

[137] - ПСЗ. 1876. – Указом 4 июля 1701 года велено нижегородскому митрополиту Исаии, чтобы все дела судные, допросные и по завещаниям передал в московский судный приказ, а если не отдаст, то взять его приказных и держать в московском судном приказе, пока не отдаст. – ПСЗ. 1862.

[138] - ПСЗ. 1834.

[139] - ПСЗ. 1834. 1839. 1856.

[140] - ПСЗ. 1856.

[141] - ПСЗ. 1886.

[142] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 246.

[143] - ПСЗ. 1910.

[144] - СИРИО. XXXIV, 29 – 30. 343. 347; XL, 91 – 92. 99 – 102. – П. Петров, «История С.-Петербурга», прим. 201.

[145] - СИРИО. XXXIV, 30.

[146] - ПСЗ. 1985. 2277. 2279. 2286. 2287. 2297. 2298. 2292.

[147] - ПСЗ. 3225. – МАМИД, по реестру 138 № 103 и по дополнит.

реестру 137 № 722 б.

[148] - ПСЗ. 3300.

[149] - ПСЗ. 3400.

[150] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 246.

[151] - Ф. Терновский, «Митрополит Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 255.

[152] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 444.

[153] - ПСЗ. 2985.

[154] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 471. – ОАСС. 1721 г., 65.

[155] - ПСЗ. 3161.

[156] - ОАСС. 1721 г., 87.

[157] - Ф. Терновский, «Митрополит Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 255.

[158] - ПСЗ. 2863.

[159] - МАМЮ. 764, л. 588. Донесение митрополита Феодора Сенату.

[160] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 498.

[161] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 535. – МАМЮ. 764, лл. 595 – 598.

[162] - ПСЗ. 2920.

[163] - ПСЗ. 3062. У реки Терешки и в Чугуеве.

[164] - ПСП. IV, 1175. – ОАСС. 1724 г., 25.

[165] - ОАСС. 1722 г., 491.

[166] - СИРИО. XXXIX, 466.

[167] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 498.

[168] - МАМЮ. 764. лл. 595. 596. 598. – ОАСС. 1722 г., 491.

[169] - СИРИО. XXXIX, 466.

[170] - ПСЗ. 3410.

[171] - «Историко-статист. свед. о С.-п.-бургской епархии» I, III, 19. 21.

[172] - ПСЗ. 2602.

[173] - ААЛ. 1713 г., 8.

[174] - «Ист.-статист. свед. о СПб. еп.» I, II, 60 – 61.

[175] - ПСЗ. 3232.

[176] - ПСЗ. 3340.

[177] - ОАСС. 1721 г., 45.

[178] - ОАСС. 1721 г., 74; 1722 г., 700.

[179] - ОАСС. 1721 г., 75.

[180] - ОАСС. 1722 г., 187.

[181] - ПСЗ. 3356. – СИРИО. XL, 46.

[182] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 51 – 52.

[183] - ПСП. II, 391.

[184] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 500. – Ср. СИРИО. XL, 130.

[185] - Н. Каптерев, «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях». М. 1885. Стр. 26 – 27. 28 – 29. 30.

[186] - Там же, стр. 105. 145. 246. 348. – Н. Каптерев, «Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1699 – 1707 г.)». М. 1891. Стр. 344 – 349 и приложения №№ 1, 2, 3, 5, 7, 10 и др.

[187] - ОАСС. 1723 г., прил. XXXIX.

[188] - МАМИД. по реестру 137 № 695.

[189] - МАМИД. по реестру 137 № 696.

[190] - МАМИД. по реестру 137 № 697.

[191] - МАМИД. по реестру 137 № 700.

[192] - МАМИД. по реестру 137 № 705.

[193] - МАМИД. по реестру 137 № 706.

[194] - МАМИД. по реестру 138 № 94.

[195] - МАМИД. по реестру 137 № 707.

[196] - МАМИД. по реестру 139 № 76.

[197] - МАМИД. по реестру 137 № 708.

[198] - МАМИД. по реестру 139 № 78.

[199] - МАМИД. по реестру 137 № 711.

[200] - МАМИД по реестру 137 № 709.

[201] - МАМИД по реестру 137 № 714.

[202] - МАМИД. по реестру 137 № 715.

[203] - МАМИД. по реестру 137 № 713.

[204] - МАМИД. по реестру 137 № 716.

[205] - МАМИД. по реестру 139 № 79.

[206] - МАМИД. по реестру 137 № 719.

[207] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 100 – 101. Это одарение черногорского владыки имело главным образом политические причины; оно было вызвано благодарностью русского правительства за то участие, которое черногорцы приняли в войне русских против турок, окончившейся

несчастным Прутским миром.

[208] - ОАСС. 1723 г., 140.

[209] - МАМИД. по реестру 137 № 722.

[210] - ОАСС. 1724 г., 211 и прил. V. – Н. Каптерев, «Хар. отн. России» 120 и прил. 37 – 39. – МАМИД. по реестру 138 № 102.

[211] - ОАСС. 1722 г., 526, прим. – ПСП. II, 610.

[212] - Н. Каптерев, «Русская благотворительность монастырям св. горы Афонской в XVI, XVII и XVIII столетиях». ЧОЛДП. 1882 г., кн. V, 459 – 461. – МАМИД. по реестру 137 № 720.

[213] - МАМИД. по реестру 138 № 93.

[214] - МАМИД. по реестру 137 № 698.

[215] - МАМИД. по реестру 139 № 82.

[216] - МАМИД. по реестру 139 № 74.

[217] - Н. Каптерев, «Русск. благотв. мон. св. горы Афон.» ЧОЛДП. 1882 г., кн. III, 320.

[218] - МАМИД. по реестру 139 № 75.

[219] - Н. Каптерев, «Русск. благотв.» ЧОЛДП. 1882 г., кн. I, 113. 114. 115. – МАМИД. по реестру 137 № 710.

[220] - МАМИД. по дополнит. реестру 137 № 721а.

[221] - Н. Каптерев «Русск. благотв.» ЧОЛДП. 1882 г., кн. V, 467. 471. МАМИД по реестру 137 № 701; по реестру 139 №. 80.

[222] - Н. Каптерев, «Русск. благотв.» ЧОЛДП. 1882 г., кн. V, 476.

[223] - Н. Каптерев, «Русск. благотв.» ЧОЛДП. 1882 г., кн. I, 85. 92.

[224] - ОАСС. 1722 г., 432. – ПСП. II, 530.

[225] - С. Соловьев, «История России» XVI, 51.

[226] - ОАСС. 1721 г., 9. 11. 12. 13. 14. 15. 16.

[227] - Н. Розанов, «История моск. еп. упр.» I, 106. 231.

[228] - Н. Розанов, «История моск. еп. упр.» I, 106. 281.

[229] - ПСЗ. 2991.

[230] - ПСЗ. 3169.

[231] - ПСЗ. 3169.

[232] - ПСЗ. 3183.

[233] - Н. Розанов, «История моск. еп. упр.» I, 106 – 107. 232.

[234] - Н. Розанов, «История моск. еп. упр.» I, 106 – 107. 232.

[235] - ПСЗ. 3169; также 3294. – ПСП. I, 52.

[236] - ПСЗ. 3250.

[237] - ПСЗ. 2906. – С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 209 – 210.

[238] - СИРИО. XXXIV, 108.

[239] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 210.

[240] - ПСЗ. 1907.

[241] - ПСЗ. 1964.

[242] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 459.

[243] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 462. 466. 470.

[244] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 540.

[245] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 195.

[246] - П. Петров, «История СПб.» 201.

[247] - «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» I, II, 3. 60 – 61.

[248] - ОАСС 1721 г., 32. – ПСЗ. 3178. – МАМИД. по реестру 138 № 101 и по дополнит. реестру 137 № 721в.

[249] - МАМИД. по реестру 138 № 100 и по дополн. реестру 137 № 721б.

[250] - ОАСС. 1722 г., прил. XLII. – МАМИД. по реестру 254, «доклад о клеймении икон».

[251] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 234.

[252] - ПСЗ. 2978.

[253] - ОАСС. 1722 г., 18.

[254] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 647.

[255] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 648.

[256] - ПСЗ. 2928.

[257] - ПСЗ. 2186.

[258] - ПСЗ. 2308.

[259] - ПСЗ. 2778. 2971. 2979.

[260] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 235.

[261] - ПСЗ. 3171. 3175.

[262] - ПСЗ. 3182.

[263] - С. Соловьев, «История России» XVI, 233 – 234.

[264] - ПСЗ. 3182.

[265] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский» ТКДА. 1864 г., I, 279.

[266] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 241.

[267] - ПСЗ. 2985.

[268] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II. 444. – П. Петров в своей «Истории Спбурга», 137 – 138, приписывает составление «обещания» Феодосию Яновскому.

[269] - М. Горчаков, «Монаст. приказ» 176 – 177.

[270] - ПСЗ. 2130.

[271] - ПСЗ. 2352.

[272] - ПСЗ. 3171, 3175.

[273] - ПСЗ. 2070.

[274] - ПСЗ. 2263.

[275] - ААЛ., дело 21 марта 1720 года.

[276] - ПСЗ. 2959.

[277] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 17. – ОАСС. 1722 г., 403.

[278] - ПСЗ. 2179.

[279] - ПСЗ. 3409.

[280] - ОАСС. 1722 г., 487.

[281] - М. Горчаков, «Монаст. Приказ» 169.

[282] - М. Горчаков, «Монаст. Приказ» 102 – 120.

[283] - М. Горчаков, «Монаст. Приказ» 139. 140.

[284] - ПСЗ. 1920.

[285] - ПСЗ. 1984.

[286] - ПСЗ. 2252.

[287] - ПСЗ. 2376. 3243.

[288] - ПСЗ. 1914.

[289] - ПСЗ. 1897.

[290] - ОАСС. 1721 г., 44. 48.

[291] - ОАСС. 1723 г., прил. XL.

[292] - ПСЗ. 2130. 2650. 2680.

[293] - ПСЗ. 2142. 2154. 2166.

[294] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 10. 11.

[295] - ПСЗ. 2014.

[296] - ОАСС. 1721 г., 52. 81.

[297] - ОАСС. 1721 г., 66.

[298] - ОАСС. 1721 г., 575; 1722 г., 967. 1041; 1723 г., 553.

[299] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 272.

[300] - ОАСС. 1722 г., 84.

[301] - ОАСС. 1722 г., 886. 1041.

[302] - ОАСС. 1721 г., 51.

[303] - ОАСС. 1721 г., 554.

[304] - ОАСС. 1722 г., прил. XLI; 1723 г., 31.

[305] - ПСЗ. 1886.

[306] - ОАСС. 1721 г., 77. 89; 1722 г., 329. 341. 367. 728; часть II, прил. I; 1723 г., 42. – МАМЮ. 764, лл. 589. 591.

[307] - ОАСС. 1723 г., прил. XXIV.

[308] - М. Горчаков, «Мон. Прик. » 104.

[309] - ОАСС. 1721 г., 34; 1722 г., 556. 1147. – ПСЗ. 2462.

[310] - ОАСС. 1722 г., 721. – М. Горчаков, «Мон. Пр.» 164.

[311] - ОАСС. 1722 г., 403, – М Горчаков, «Мон. Пр.» 164.

[312] - ОАСС. 1721 г., 19. 70; 1722 г., 76. 321. 415; 1723 г., прил. XXVII. – М. Горчаков, «Мон. Пр. », прил. № 17.

[313] - ОАСС. 1721 г., 96.

[314] - ОАСС. 1724 г., 156.

[315] - М. Горчаков, «Мон. Пр.» 166.

[316] - ПСЗ. 3023. 3036.

[317] - ПСЗ. 2597. 2615. 2686. 3023. 3038.

[318] - ПСЗ. 2686.

[319] - ПСЗ. 2707. – ОАСС. 1721 г., 44. 48. 66. 72. 73. 85. 93. 94. 95; 1723 г., 558.

[320] - М. Горчаков, «Мон. Пр.» 121 – 129.

[321] - СИРИО. XL, 434.

[322] - М. Горчаков, «Мон. Пр.» 166.

[323] - М. Горчаков, «Мон. Пр.» 166.

[324] - ОАСС. 1721 г., 53. 55. 90; 1722 г., 748; 1725 г., 8.

[325] - ОАСС. 1721 г., 91.

[326] - ОАСС. 1721 г., 25.

[327] - ОАСС. 1721 г., 53. 90; 1722 г., 748.

[328] - МАМЮ. 764, л. 506. – ПСЗ. 3659. – ГА., XVIII, № 47, т. I.

[329] - ОАСС. 1722 г., 587. – М. Горчаков, «Мон. Пр.» 168. – ГА., XVIII, № 47, т. I.

[330] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 13 – 14.

[331] - ПСЗ. 2467. 2477.

[332] - ПСЗ. 2470.

[333] - ПСЗ. 3172.

[334] - ПСЗ. 3213

[335] - ПСЗ. 2821.

[336] - ПСЗ. 2844.

[337] - ПСЗ. 2856. 2953.

[338] - ПСЗ. 2911.

[339] - ПСЗ. 3003.

[340] - ПСЗ. 3026.

[341] - Отчество определяется письмом митрополита Стефана к своему брату, где он именует последнего Федор Иванович. – «Письма митрополита Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., № 4, 547.

[342] - Некоторые (Терновский) указывают Явор «в Подгории – в Галичине», другие (Розанов, Родосский), вернее, на Волыни, откуда только и естественно было ниже упоминаемое переселение по другую сторону Днепра.

[343] - Занятие мелочною торговлей соединено было в Польше, по литовскому статусу, с потерею шляхетских прав. – Ф. Терновский, «Митр. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 46.

[344] - «Москвитянин» 1852 г., V, № 19, стр. 96.

[345] - ГА., XVIII, № 7.

[346] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 21. – Ю. Самарин, «Сочинения» V, 377

[347] - И. Чистович, «Неизданные проповеди Стефана Яворского». ХЧ. 1867 г., II, 137 – 139.

[348] - «Письма и бумаги императора Петра Великого». СПб., т. I. 1887. Стр. 337.

[349] - «Камень веры» митр. Стефана Яворского, изд. 1730 г., предисловие. – «Проповеди» митр. Стефана Яворского. М. Часть I. 1804 г. Предисловие VII – XIII. – Ф. Терновский, «Митрополит Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 36 – 70. 237 – 242. 286. 287. – Н. Розанов, «Ист. моск, еп. упр.» I, 143 – 144. – Ю. Самарин, «Сочинения» V, 257 – 268. – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 3. 387 – 392. – «Неизвестное сочинение Стефана Яворского». «Москвитянин» 1842 г., III, 105 – 109, – Свящ. Стефан Родосский, «Стефан Яворский, митрополит Рязанский».

«Странник» 1863 г., кн. 11-я, 33 – 51. – КС., 1883 г., июль; 1885 г., т. XIII, 172 – 175. – «Киевлянин» 1850 г., III, 133 – 136.

[350] - Этим показанием совершенно устраняется спор о том, кто посвящал Стефана в монашество. О споре см. у И. Чистовича, «Феофан Прокопович» 388 – 389.

[351] - МАМИД., реестр 254, письмо игумена Стефана Яворского. – ГА., Кабинет II, № 1, лл. 689 – 692. В государственном архиве сохранились только «Вины», а письма к Головину нет.

[352] - «Письма м. Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., I, 543 – 544.

[353] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г. I, 286. 287.

[354] - И. Чистович, «Неизд. проп. Стефана Яворского». ХЧ. 1867 г., II, 117. Ср. Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г. I, 286 – 287, где сказано, будто Стефан был в Рязани уже 9 июня.

[355] - И. Чистович, «Неизд. проп. Стефана Яворского». ХЧ. 1867 г. I, 823.

[356] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 286 – 287. В Рязани Стефан говорил проповеди 15 августа, 1 октября, 8 ноября 1700 года. – И. Чистович, «Неизд. проп. Стефана Яворского». ХЧ. 1867 г., I, 815. 817. 821.

[357] - И. Чистович, «Феофан Прокопович», 391.

[358] - «Письма м. Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., I, 546.

[359] - Н. Каптерев, «Характ. отнош.», прил. 28 – 30. – Н. Каптерев, «Сношения Иерус. патриархов с русск. правительством». Православн. Палест. Сб., т. XV, вып. I. СПб. 1895. Стр. 349 – 351. – Н. Каптерев, «Сношения Иерус. патр. Досифея с русским правительством (1699 – 1707 г.)». М. 1891. Стр. 90 – 91 и прил. № 10, стр. 39 – 44. – Письма и бумаги имп. Петра В.» II, 718 – 719.

[360] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 247. – Н. Каптерев, «Характ. отн.», прил. 26. – Н. Каптерев, «Сношн. Иерус. патр. Досифея» 91.

[361] - Н. Каптерев, «Характ. отнош.», прил. 25 – 30. – Н. Каптерев, «Сношн. Иерус. патр.». Прав. Палест. Сб., т. XV, вып. I, стр. 351 – 352. – Н. Каптерев, «Сношн. Иерус. патр. Досифея» 91 – 92.

[362] - Н. Каптерев, «Сношн. Иерус. патр.» Прав. Пал. Сб. XV, вып. I, 352 – 353. – Н. Каптерев, «Сношн. Иерус. патр. Досифея» 93 и прил. № 11, стр. 55 – 56.

[363] - ОАСС. 1721 г., 475: «еще при патриархе». – ПСЗ. 2346: но Сте-

фану грамота дана на нее из монастырского приказа 9 июля 1701 года, вследствие царского указа 15 мая 1701 года.

[364] - М. Торчаков, «Мон. Пр.» 176.

[365] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 283.

[366] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 283.

[367] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 19. – Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 264 – 272.

[368] - «Письма и бумаги Петра В.» II, 158. – ОАСС. 1721 г., прил. I.

[369] - «Письма и бумаги Петра В.» III, 120. – ОАСС. 1721 г., прил. I.

[370] - ОАСС. 1721 г., прил. I.

[371] - ОАСС. 1721 г., прил. I.

[372] - «Письма м. Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., I, 545.

[373] - «Письма и бум. Петра В.» III, 875.

[374] - «Письма м. Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., I, 544 – 545.

[375] - Там же, 546 – 547.

[376] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 18 – 20.

[377] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 21.

[378] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 18.

[379] - «Письма и бум. Петра В.» II, 9.

[380] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 60 – 61.

[381] - МАМИД. по реестру 254, письмо комнатного Гаврилы Головкина.

[382] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 20.

[383] - ПСЗ. 2328.

[384] - См. «Проповеди блаженной памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола патриаршего». М. 1804 – 1805. Части I – III. – Также «Слова Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского», В. II.ТКДА. 1874, 1875 и 1877 гг. – «Неизданные проповеди Стефана Яворского», И. А. Чистовича. ХЧ. 1867 г. I, 259 – 279. 414 – 429. 814 – 837; II, 99 – 149.

[385] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 21.

[386] - Ф. Терновский, «Очерки из истории русской иерархии в XVIII веке. Стефан Яворский». ДНР. 1879 г., II, 312.

[387] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 182.

[388] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 61 – 64.

[389] - Чистович вслед за Терновским. ТКДА. 1864 г., I, 254.

[390] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 183.

[391] - «Письма м. Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., I, 545.

[392] - ГА., Кабинет II, № 15, 1071 – 1072; № 24, 370 – 371. 372 – 373 (два списка письма). – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 61 – 63.

[393] - ГА., Кабинет II, № 24, л. 369. – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 68.

[394] - ОАСС. 1721 г., прил. I.

[395] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 21. – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 63. 66, – ГА., Кабинет II, № 15, л. 1072; № 24, л. 366.

[396] - «Письма м. Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., I, 542 – 543, и др.

[397] - ГА., XVIII, № 7.

[398] - «Письма м. Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., I, 547.

[399] - ОАСС. 1721 г., прил. V.

[400] - ОАСС. 1721 г., прил. X.

[401] - ОАСС. 1721 г., прил. IV, 3.

[402] - ОАСС. 1721 г., прил. IV, 4.

[403] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 144.

[404] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 65 – 66, – ГА., Кабинет II, № 24, лл. 366 (подлинное) и 374 – 375 (список).

[405] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 144.

[406] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 62.

[407] - Дело Тверитинова.

[408] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 66. – ГА., Кабинет II, № 24, л. 365.

[409] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 62. – ГА., Кабинет II, № 15, 1071; № 24, лл. 370. 372.

[410] - П. Знаменский, «Дух. школы» 49.

[411] - Н. Розанов, «Ист. моск. еп. упр.» I, 144.

[412] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 274.

[413] - С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 18 – 20.

[414] - И. Чистович, «Неизд. проп. Стефана Яворского». ХЧ. 1867 г., I, 820.

[415] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский ». ТКДА. 1864 г., I, 286.

288.

[416] - И. Чистович, «Неизд. проп. Стефана Яворского». ХЧ. 1867 г., II, 140.

[417] - И. Чистович, «Неизд. проп. Стефана Яворского». ХЧ. 1867 г., II, 136.

[418] - Ф. Терновский, «Очерки из истории русской иерархии в XVIII в. Стефан Яворский» ДиНР. 1879 г., II, 311.

[419] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 68. – ГА., Кабинет II, № 15, 1072; № 24, 371. 373.

[420] - ОАСС. 1721 г., прил. IV, 1.

[421] - ОАСС. 1721 г., прил. IV, 2.

[422] - ОАСС. 1721 г., прил. IV, 3; прил. I, 10.

[423] - ОАСС. 1721 г., прил. IV, 3; прил. I, 10.

[424] - ОАСС. 1721 г., прил. IV, 4.

[425] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 68. – ГА., Кабинет II № 24, лл. 368 – 369.

[426] - ОАСС. 1721 г., прил. I, 11.

[427] - ОАСС. 1721 г., прил. I, 10.

[428] - ОАСС. 1721 г., 28.

[429] - «Краткая история построения Нежинского Благовещенского монастыря, называемого Богородичным Назаретом». М. 1815. Стр. 16 – 17. – Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 145.

[430] - И. Чистович, «Неизд. проп. Стефана Яворского». ХЧ. 1867 г., I, 817.

[431] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 149.

[432] - ПСЗ. 3239.

[433] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА, 1864 г., II, 150.

[434] - Там же, 146. – П. Петров, «История СПб.» 160.

[435] - ПСЗ. 3239.

[436] - П. Петров, «Ист. СПб.» 112.

[437] - П. Петров, «Ист. СПб.» 165.

[438] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 459.

[439] - П. Петров, «Ист. СПб.» 201.

[440] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 162.

[441] - ПСЗ. 3239.

[442] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 274.

[443] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 308.

[444] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 189.

[445] - «Письма и бумаги Петра В.» I, 857.

[446] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 269.

[447] - ПСЗ. 2213.

[448] - ПСЗ. 2352.

[449] - С. Петровский, «О Сенате в царствование Петра Великого». М. 1875. Стр. 319.

[450] - ОАСС. 1722 г., 187 и прил. XVII.

[451] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 64, прим.

[452] - ОАСС. 1722 г., 187. – «Местоблюститель патр. престола, м. Рязан. Стефан Яворский и Дмитрий Тверитинов». ПТСО. 1862 г., кн. 3-я, 467.

[453] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 59. – Н. Кедров, «Дух. Регл.» 15.

[454] - ААЛ., дело 1719 г. 24 сентября, – ЧМОИД. 1848 г. «Иерархия вятская» 51.

[455] - ОАСС. 1721 г., 28.

[456] - МАМЮ. 765, л. 2. – ОАСС. 1721 г., 124.

[457] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 25.

[458] - Н. Кедров, «Дух. Регл.» 24 – 26. – С. Петровский, «О Сенате» 319.

[459] - ПСП. II, 472.

[460] - ПСЗ. 3300.

[461] - Н. Каптерев, «Хар. отнош.», 467 – 469 и прил. 38 – 34. 35 – 36. – ПСЗ. 3178. – ОАСС. 1721 г., 32.

[462] - С. Соловьев, «Ист. России» XV, 1360.

[463] - СИРИО. XL, 2.

[464] - СИРИО. XXXIX, 449.

[465] - См. «Записки Имп. Академии Наук» 1899 г. «Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. Рецензия проф. М. Горчакова на сочинения проф. Т. Барсова», стр. 82 – 84.

[466] - ПСЗ. 3239.

[467] - ПСЗ. 3197. 3201. 3202. 3207.

[468] - ПСЗ. 3264.

[469] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 47 – 48. – П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 522.

[470] - См. у И. Чистовича, «Феофан Прокопович» 7 – 8.

[471] - Н. Тихонравов, «Трагикомедия Феофана Прокоповича» «Владимир». ЖМНП. 1879 г., № 5, 62 – 63. 91.

[472] - «Выдержки из рукописной риторики Ф. Прокоповича». ТКДА.

[473] - Ю. Самарин, «Сочинения» V, 393. 1865 г., I, 614 – 637.

[474] - Ю. Самарин, «Сочинения» V, 162 – 163.

[475] - С Сенютовичем Феофан поддерживал переписку и по отъезде из Киева в Петербург, в первое время. См. ГА. XVIII, № 11. Впрочем, имеющиеся здесь два письма Феофана совершенно бессодержательны.

[476] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 1 – 23.

[477] - «Феофана Прокоповича, архиепископа Великого Новаграда и Великих Лук, Святейшего Правительствующего Синода вице-президента, а потом первенствующего члена слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, собранные и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные». Часть I, СПб. 1760, стр. 1 – 11.

[478] - Там же, стр. 21 – 50.

[479] - Феофана Прокоповича «Слова и речи» I, 57 – 73.

[480] - Утверждение, будто Петр, теперь познакомившись с Феофаном, «увидел в нем будущего надежного своего помощника в деле преобразования, особенно в отношении к духовенству», – П. Морозов, «Феофан Прокопович», СПб. 1880, стр. 163 – 164 – ни на чем не основано.

[481] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 14 – 20. – «Письма Феофана Прокоповича». ТКДА. 1869 г., III, 275 – 279.

[482] - Феофана Прокоповича – богословские сочинения (т. IV слов и речей). СПб. 1774, стр. 84 – 85.

[483] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 24. – П. Морозов, «Феофан Прокопович» 163 – 164.

[484] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[485] - Ю. Самарин, «Сочинения» V, 411.

[486] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 24 – 26. – Ф. Терновский «Материалы для истории русской религиозной и церковной жизни. Письма Феофана Прокоповича». ТКДА. 1865 г., I, 141 и след.

[487] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 38 – 39. – «Письма Феофана Прокоповича». ТКДА. 1865 г., I, 145 и след.

[488] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 25.

[489] - ААЛ., дело 11 апреля 1716 г.: сто рублей в ноябре 1716 г.

[490] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 25.

[491] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 154 – 155.

[492] - ЧМОИД. 1864 г., т. IV, отд. V, 5 – 8.

[493] - ОАСС. 1721 г., 98.

[494] - ГА. XVIII, № 41.

[495] - Биографические сведения о Феофане см. И. Чистович, «Феофан Прокопович» 1 – 50; С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 274 – 275. – П. Пекарский, «Наука и лит.» I, 480 – 491. – Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 151 – 158. – ЧМОИД. 1862 г., I, 1 – 92. – РА. 1865 г., I, 329 – 336.

[496] - «Достопамятные повествования и речи Петра Великого, собранные Андреем Нартовым». «Москвитянин» 1842 г., VIII, 340. – С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 275.

[497] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 47 – 48. – П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 522.

[498] - ПСП. I, 1.

[499] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 521.

[500] - ПСП. I, 1.

[501] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 70, прим.

[502] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 521 – 522. – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 70 прим.

[503] - ПСП. I, 1.

[504] - ПСП. I, 1.

[505] - МАМЮ. 764, лл. 1. 5. 501. – А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт моск. госуд.» II, 229. – «Письма и бумаги Петра» I, 400.

[506] - В приписке к духовному регламенту, удержанной, в качестве послесловия, и при его издании, сказано определенно, что преосвященные архиереи и архимандриты вместе с сенаторами «слушали и, разсуждая, исправляли» проект духовного регламента «февраля 23 дня» (ПСП. I, 1). В сенатском же подлинном деле об учреждении Синода сказано, что «преосвященные архиереи и господа сенат» слушали и исправляли присланный проект «24 февраля» (МАМЮ. 764, л. 5). Если с этим сопоставить сообщение Феофана в его письме, что проект регламента пред

сенаторами и архиереями «читан был дважды, в течение двух дней» (см. выше, стр. 113), то ход события делается совершенно ясным. 23 февраля, а может быть еще и 22-го поздним вечером, по окончании дня (почему и помечено завтрашнее число), Петр написал свой указ сенатскому обер-секретарю. Указ был доставлен ранним утром. И хотя по указу обсуждение регламента назначалось на следующий день, но, получив оригинал проекта, архиереи и сенаторы в тот же день приступили к делу, которое продолжали и в следующий день. Так только и может быть объяснено разногласие синодского и сенатского источников: в Синоде решающим моментом принят первый день, в Сенате второй. И в сенатском деле заметно также колебание относительно этих двух чисел, хотя принятым числом здесь, несомненно, является 24 февраля. – МАМЮ. 764, лл. 1. 5. 38.

[507] - МАМЮ. 764, л. 5. У А. Голубева, в его очерке о Св. Синоде («Внутр. быт» II, 230), ошибочно выписано, вместо изрядно, «порядочно».

[508] - МАМЮ. 764, лл. 5 – 6; а не «объявление», как ошибочно выписано у Голубева («Внутр. быт» II, 230).

[509] - МАМЮ. 764, лл. 5 – 6. – А. Голубев, «Св. Синод» («Внутр быт» II, 229 – 230).

[510] - МАМЮ. 764, лл. 2 и 6. Писано 24 февраля, а получено в Сенате 25-го. Так помечено на копии указа, имеющейся в деле. А в сенатской канцелярской справке этот высочайший указ отнесен к 25 февраля.

[511] - Пропустив почему-то слова: «для подписания», А. Голубев в своем очерке Св. Синода («Внутр. быт» II, 230) совершенно неосновательно утверждает, будто «цель посылки проекта духовного регламента в епархии не объяснена в указе», и высказывает предположение, что, «быть может, монарх хотел, чтобы епархиальные власти, близко стоящие к духовной жизни провинции, сделали свои замечания и пополнения к проекту, каких требовали нужды ее; другими словами: быть может, государь хотел привлечь к участию в составлении духовного регламента и провинциальное духовенство». Это наивное предположение относительно акта, закрепленного уже высочайшею подписью, окончательно устраняется двумя пропущенными автором словами высочайшего указа: «для подписания». Не для исправления или пересоставления, а для подписания.

[512] - МАМЮ. 764, лл. 6 – 7. «Письма и бумаги Петра» I, 400.

[513] - ПСП. I, 1. – ОАСС. 1721 г., 151.

[514] - МАМЮ. 764, л. 2.

[515] - ПСП. I, 1. – МАМЮ. 764, лл. 9. 14. – См. подлинный экземпляр духовного регламента, хранящийся в Св. Синоде.

[516] - МАМЮ. 764, лл. 32 и 33.

[517] - МАМЮ. 764, лл. 6 – 7. 501.

[518] - ПСП. I, 1. – Подлинный экземпляр в Синоде.

[519] - МАМЮ. 764, лл. 32. 33.

[520] - МАМЮ. 764, л. 502. – Подлинный экземпляр в Синоде.

[521] - Написано по подчищенному.

[522] - МАМЮ. 764, л. 502.

[523] - А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт» II, 231.

[524] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 164 – 167. – Ср. Ю. Самарин, «Сочинения» V, 299.

[525] - «Камень веры», изд. 1730.

[526] - МАМЮ. 764, лл. 6 – 7.

[527] - МАМЮ. 764, лл. 6 – 7.

[528] - Впоследствии сделана была справка и о не подписавших духовного регламента сенаторах, но осталась без последствий. Не подписались под регламентом сенаторы: светлейший князь Меншиков, светлейший князь Дмитрий Кантемир, действительный тайный советник, князь Григорий Долгорукий, граф Мусин-Пушкин, генерал, князь Голицын, генерал, князь Репнин. – См. подлинный экземпляр духовного регламента в Синоде.

[529] - МАМЮ. 764, лл. 8. 501.

[530] - МАМЮ. 764, л. 8.

[531] - МАМЮ. 764, л. 11.

[532] - МАМЮ. 764. лл. 14. 15.

[533] - МАМЮ. 764, лл. 18 – 19.

[534] - МАМЮ. 764 лл. 20 – 21.

[535] - МАМЮ. 764, лл. 22 – 23.

[536] - МАМЮ. 764, лл. 24 – 26.

[537] - МАМЮ. 764, л. 27.

[538] - МАМЮ. 764, лл. 55. 62. 63. Указаны в разных местах оба эти числа.

[539] - МАМЮ. 764, лл. 38 – 39. 40 – 41. – Указ Антонию от 17 марта. ОАСС. 1721 г., 56.

[540] - МАМЮ. 764, лл. 8 – 9. 30 – 33. 36 – 37.
[541] - МАМЮ. 764, лл. 44 – 45. 46.
[542] - МАМЮ. 764, лл. 42. 62. 70 – 72.
[543] - МАМЮ. 764, л. 63.
[544] - МАМЮ. 764, лл. 60 – 61.
[545] - МАМЮ. 764, лл. 42. 62. 70 – 72.
[546] - МАМЮ. 764, лл. 70 – 72.
[547] - МАМЮ. 764, лл. 70 – 72.
[548] - МАМЮ. 764, л. 27.
[549] - МАМЮ. 764, лл. 42. 66 – 77.
[550] - МАМЮ. 764, л. 73.
[551] - МАМЮ. 764, лл. 78 – 79.
[552] - МАМЮ. 764, л. 82.
[553] - МАМЮ. 764, лл. 83 – 84.
[554] - МАМЮ. 764, л. 86.
[555] - МАМЮ. 764, л. 88.
[556] - МАМЮ. 764, л. 108.
[557] - МАМЮ. 764, лл. 98 – 99.
[558] - МАМЮ. 764, л. 100.
[559] - МАМЮ. 764, лл. 102 – 103.
[560] - МАМЮ. 764, лл. 104 – 105.
[561] - МАМЮ. 764, л. 106.
[562] - ПСП. I, 1.
[563] - ПСП. I, МАМЮ. 764, л. 116.
[564] - МАМЮ. 764, л. 118. – ПСП. I, 1.
[565] - МАМЮ. 764, лл. 110. 121. 197.
[566] - МАМЮ. 764, л. 197.
[567] - ПСП. I, 1.
[568] - МАМЮ. 764, л. 121.
[569] - МАМЮ. 764, л. 124.
[570] - МАМЮ. 764, л. 132.
[571] - МАМЮ. 764, л. 188. – ОАСС. 1721 г., 71.
[572] - МАМЮ. 764, л. 204.
[573] - МАМЮ. 764, лл. 205 – 206.

[574] - МАМЮ. 764, л. 207.

[575] - ОАСС. 1721 г., 82.

[576] - МАМЮ. 764, л. 129. – На отъезд Антония из Москвы «для объявления регламента» есть указание и в ОАСС. 1722 г., 755.

[577] - МАМЮ. 764, лл. 250. 129. 146. 148. 164. – У Голубева («Внутр. быт» II, 231) неверно сказано, будто в Казани Давыдов предлагал регламент в подписание вместе с архимандритом Ионою.

[578] - ПСП. I, 1.

[579] - МАМЮ. 764, л. 145.

[580] - МАМЮ. 764, л. 138.

[581] - МАМЮ. 764, л. 253.

[582] - МАМЮ. 764, л. 260. В одном синодальном деле есть показание бывшего сослуживца архимандрита Антония по приказу церковных дел, священника Тимофеева, что в 1720 году Антоний ездил по предписанию начальства в Казань и Вологду для объявления регламента. – ОАСС. 1722 г., 755. – В указе так и было сказано: ехать в Казань и на Вологду, и, выезжая из Москвы, Антоний, не получив еще освободительного указа, собирался, конечно, ехать и на Вологду, но в действительности не ездил.

[583] - МАМЮ. 764, лл. 168. 169.

[584] - МАМЮ. 764, лл. 170 и 183. По донесению Давыдова 16 же декабря, а по донесению Холмогорского епископа 17-го.

[585] - МАМЮ. 764, л. 261. 501.

[586] - МАМЮ. 764, лл. 158 – 159.

[587] - МАМЮ. 764, лл. 274 – 276.

[588] - ПСП. I, 1. Может быть, не лишне заметить, что в провинции архиереи подписывались особо, в начале, а архимандриты, игумены и иеромонахи в хронологическом порядке, так что под регламентом значатся сначала подписи, сделанные в Петербурге, потом провинциальные архиерейские подписи, а за ними – прочего духовенства без различи чинов.

[589] - ОАСС. 1721 г., 151.

[590] - Написано в подлиннике, очевидно, по ошибке: Дорофея.

[591] - МАМЮ. 764, л. 281.

[592] - МАМЮ. 764, л. 283.

[593] - МАМЮ. 764, л. 288.

[594] - МАМЮ. 764, л. 291.

[595] - МАМЮ. 764, л. 290.

[596] - У Голубева («Внутр. быт» II, 257) ошибочно – «лишние» и оттого вся фраза лишена смысла.

[597] - МАМЮ. 764, лл. 301 – 302.

[598] - МАМЮ. 764, л. 303.

[599] - МАМЮ. 764, лл. 301 – 302.

[600] - МАМЮ. 764, л. 305.

[601] - МАМЮ. 764, л. 297. – У П. Петрова, в «Истории Спбурга», 208, сказано, что 18 января 1721 года в утреннем и вечернем заседаниях Сената Петр «слушал духовный регламент». Шло рассуждение о Синоде, но «слушать» и регламент, конечно, было уже незачем.

[602] - МАМЮ. 764, л. 304.

[603] - МАМЮ. 764, л. 305.

[604] - ПСП. I, 1.

[605] - ПСП. I, 325. – Ср. ОАСС. 1721 г., 151.

[606] - У Голубева («Внутрен. быт» II, 231) сказано, что Петр повелел быть в духовной коллегии первым 11 членам указом 26 января. Но Голубев при этом ссылается на дело МАМЮ. 764, лл. 304 и 502. На листе 304 есть, правда, список членов Синода, под названием: «Персоны, коим быть в духовной коллегии», но этот список без числа и в нем помещен Андроник, иеромонах Александро-Невский, который «может быть архимандритом». Очевидно, это список только предположительный. А на листе 502 помещены совсем другие сведения.

[607] - ОАСС. 1721 г., 151.

[608] - МАМЮ. 764, лл. 307. 308. – Ср. ПСП. I, 27, где сенатский указ об этом показан от 5 февраля.

[609] - АЛЛ. 1720 г., дела 27 января, 11 ноября.

[610] - ПСЗ. 3653. – ААЛ. 1720 г., дело 4 июля.

[611] - МАМЮ. 764, л. 340.

[612] - МАМЮ. 764, лл. 341. 342. 343.

[613] - П. Петров, «История СПб.», 205.

[614] - ОАСС. 1721 г., 99.

[615] - Все эти сведения о заседании 9 февраля взяты из записи в протоколе 9 февраля, переплетенном в книге журналов Св. Синода за 1721 год. Запись эта доселе оставалась неизвестною; между тем в делах Св. Синода, изложенных в ОАСС. о заседании 9 февраля сказано только, что

заседание было «по некакому делу» (ОАСС. 1721 г., 151), что обыкновенно и повторялось доселе в печати. В ПСП. и ОАСС. сведения о заседании 9 февраля также не вошли. Объясняется это тем, что «протокол» Св. Синода (журналы) за первые три месяца сохранился в двух экземплярах, а переплетен в одной, первой, книге журналов. Исследователи, ознакомившись с первыми листами журнала, очевидно, не считали нужным перелистать всю книгу. Между тем после «протокола» 24 мая начинается новая тетрадь с протоколами от начала Св. Синода. Первый полулист занят заголовком, второй на лицевой стороне имеет список членов Синода, а на оборотной надпись: «а действие оная коллегия восприяла, именованием Святейшего Правительствующего Синода отитлована, с нижеписаннаго числа». Далее со всею очевидностью следовала запись заседания 14 февраля – на третьем полулисте. Но, очевидно, впоследствии к оборотной стороне второго полулиста подклеен вставной лист с записью заседания 9 февраля. Эта вставка вызвана, по-видимому, возникшим впоследствии вопросом, с какого числа следует членам Синода жалованье. Тогда Синод доказывал, что жалованье следует не со дня открытая Синода, а с начала года, потому что члены не открытого еще Синода были уже собраны в Петербурге и «вступили в действо» ранее 14 февраля. – См. ОАСС. 1721 г., 151.

616 - МАМЮ. 764, л. 352.

617 - МАМЮ. 764, л. 353.

618 - Феофана Прокоповича «Слова и речи», ч. II, СПб. 1761 г., стр. 63 – 70.

619 - ПСП. I, 2. – ОАСС. 1721 г., 151. – П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 520 – 521. 536. – АСС., Журналы и Протокол 1721 года. – МАМЮ. 764, л. 364. – Ср. ПСП. I, 157, где Синод выражается, что он «в действо вступил» «с февраля средних чисел 1721 года».

620 - МАМЮ. 764, лл. 333. 337 – 338. – АСС. 1721 г., 141. В печатном сенатском манифесте выпущены конечные строки высочайшего манифеста (напечатанного в ПСП. I, 1): о том, что президент Синода имеет голос равный с прочими членами и что члены Синода обязаны при вступлении в свое дело принести присягу.

621 - П. Пекарский, «Наука и лит.» I, 512.

622 - ПСП. I, 3.

623 - ОАСС. 1721 г., 158.

624 - АПДК. 1721 г., 84. Указ Синода тиуну от 2 августа 1721 г., о

возношении за богослужениями имени Синода вместо имени патриаршего. После этого только указа тиун разослал с своей стороны указы и тетрадь с формами.

625 - ПСП. I, 27. – См. стр. 138.

626 - ОАСС. 1721 г., 209.

627 - ПСП. I, 32. – ОАСС. 1721 г., 156.

628 - ПСП. I, 64.

629 - ПСП. I, 106.

630 - ПСП. I, 118.

631 - ПСП. I, 106.

632 - МАМЮ. 767, лл. 1 – 14.

633 - ОАСС. 1721 г., 281.

634 - ОАСС. 1721 г., 281, – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 107.

635 - ПСП. I, 118. – ОАСС. 1721 г., 325.

636 - ПСП. I, 159. – ОАСС. 1721 г., 410.

637 - ПСП. I, 170. – ОАСС. 1721 г., 456.

638 - ПСП. I, 115.

639 - ПСП. I, 345. – ОАСС. 1721 г., 742 и прил. XLV.

640 - «Царская и патриаршая грамоты о учреждении Святейшаго Синода». Москва 1848. Стр. 1 – 4.

641 - ОАСС. 1721 г., 760.

642 - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 78, прим.

643 - ОАСС. 1721 г., 760.

644 - МАМИД., по реестру № 137 документ № 723.

645 - ПСП. IV, 1331.

646 - По другому переводу: «узаконяет, утверждает и провозглашает»; в подлиннике: «έπιχυροῖ βεβαιοῖ χαῖ αποφαῖνει».

647 - ПСП. III, 1115. – Подлинный текст грамоты, греческий, издан и в брошюре 1840 г., СПб. – «Царск. и патр. грам.» 5 – 7.

648 - ПСП. III, 1115. – «Царск, и патр. грам.» 7 – 8.

649 - ОАСС. 1724 г., прил. VII.

650 - МАМЮ. 764, л. 500. – ПСП. I, 67.

651 - МАМЮ. 764, лл. 501 – 502.

652 - МАМЮ. 764, л. 503.

653 - Этот экземпляр духовного регламента хранится ныне в зале

заседаний Святейшего Синода в особом ковчеге.

[654] - ПСП. I, 294. – П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 519 – 520.

[655] - ПСП. I, 294.

[656] - ОАСС. 1721 г., 228. – ПСП. I, 314.

[657] - ПСП. IV, 1331.

[658] - ПСП. IV, 1337.

[659] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 522 – 523.

[660] - ОАСС. 1721 г., 228. – ПСП. I, 314.

[661] - ПСП. II, 596.

[662] - ПСП. II, 596.

[663] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 545.

[664] - ПСП. II, 597.

[665] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 545.

[666] - ПСП. II, 834.

[667] - ПСП. II, 945.

[668] - Знаков препинания не поставлено в подлиннике, так что в зависимости от такой или иной их постановки текст получает не одинаковый смысл, по крайней мере в оттенках.

[669] - Подлинники первого текста прибавления, копии, исправленной Петром, и окончательного текста хранятся в зале заседания Св. Синода при духовном регламенте, с которым они переплетены в одну книгу. – См. также ПСП. II, 596.

[670] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. III, 1.

[671] - ПСП. I, 1. Манифест.

[672] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. I, 5.

[673] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. I, 5, прим. 2.

[674] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. III, 1.

[675] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. I, 5.

[676] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. III, 2.

[677] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. I, 7.

[678] - ПСП. I, 1. Манифест. – Это пояснение в манифест приписано рукою архиепископа Феодосия. – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 70, прим.

[679] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. I, 8.

[680] - ПСП. I, 1. Манифест.

[681] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. I, 8.

[682] - ПСП. I, 1. Духовный регламент, ч. III, 13.

[683] - ПСП. I, 1. Манифест.

[684] - МАМЮ. 764.

[685] - ПСП. I, 210; II, 508.

[686] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 88 – 89.

[687] - ПСП. V, 1703. – ОАСС. 1725 г., 403. – Как на преимущество членов Синода, указывают еще (И. Чистович, «Ф. Прокопович» 93) на то, что церковные вотчины, бывшие под ведением синодальных членов, изъяты были из подчинения монастырскому приказу (ПСП. I, 10). Но это не было в действительности «преимуществом», – см. стр. 333.

[688] - АСС. 1721 г., журналы, кн. I.

[689] - ОАСС. 1722 г., 885.

[690] - ПСП. I, стр. 446, таблица.

[691] - МАМЮ. 764, лл. 783 (13 мая, о подьячих), 639 (18 августа, о назначении архимандрита Гавриила в типографскую контору), 576 (18 октября, о назначении Палехина обер-секретарем в Синод).

[692] - ОАСС. 1721 г., 159. – Ф.Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 172 – 173. – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 111. прим. – И. Морошкин, «Ф. Яновский». РС. 1887 г., кн. XI, 289 – 292.

[693] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 175 – 178.

[694] - ОАСС. 1722 г., 885.

[695] - М. Максимович, «Книжная старина южнорусская». «Киевлянин» 1850 г., III, 133 – 136. «О панегириках Стефана Яворского и о времени его префектства». Стр. 135.

[696] - ОАСС. 1721 г., 118.

[697] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 170.

[698] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 109. – Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 171. – Свящ. С. Родосский, «Стефан Яворский». «Странник» 1863 г., ноябрь, 47.

[699] - ОАСС. 1721 г., 84.

[700] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 173.

[701] - ПС. 1859 г., II, 86 – 88.

[702] - Ф. Терновский, «Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 174 – 175

[703] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 177.

[704] - «История Неж. мон.» 59 – 63. – Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 178.

[705] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 181.

[706] - «Камень веры», предисловие.

[707] - Ю. Самарин, «Сочинения» V, 262.

[708] - Проповеди Стефана Яворского, I, XXI – XXVII.

[709] - «История Нежин. мон.» 54 – 58. – Стихотворное переложение этой элегии см. «Проповеди Стефана» III, 138 – 139. – ОАСС. 1723 г., прил. II.

[710] - ПС. 1859 г., II, 86 – 88. Письмо м. Стефана к м. Тихону.

[711] - Свящ. С. Родосский, «Стефан Яворский». «Странник» 1863 г., ноябрь, 45.

[712] - «История Неж. мон.» 63 – 65. – Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г. II, 178 – 179 – ОАСС. 1722 г., 885; 1723 г., прил. III и IV.

[713] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 179. – Н. Розанов, «История моск. еп. упр.» I, 144. 145. 239 – 241. Где ныне духовная консистория. – ОАСС. 1723 г., прил. V. – «Слова и речи» митрополита Стефана, I, предисловие VII – XIII.

[714] - ОАСС. 1723 г., прил. I, II, III, IV.

[715] - День указывается различно.

[716] - Свящ. С. Родосский, «Стефан Яворский». «Странник» 1863 г., ноябрь, 49 – 50. – Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 179 – 180.

[717] - «Слова и речи» м. Стефана, I, XIII.

[718] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II, 180.

[719] - ОАСС. 1724 г., 32. – ПСП. IV, 1189.

[720] - ОАСС. 1723 г., 383.

[721] - Н. Розанов, «Ист. моск. еп. упр.» I, 239 – 241.

[722] - ОАСС. 1725 г., 248.

[723] - П. Петров, «Ист. СПб.», прим. 158, стр. 75 – 79.

[724] - И. Морошкин, «Ф. Яновский». РС. 1887 г., кн. X, 37. – ГА., Кабинет II, № 41, л. 648.

[725] - ААЛ. 1714 г., дело 13 апреля. Впоследствии Петров, в 1714 году, был определен Меншиковым на службу в Александро-Невском монастыре.

[726] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 74. – П. Петров, «История

С.-Петербурга», прим. 158, стр. 75 – 79. – И. Морошкин, «Феодосий Яновский, архиепископ Новгородский». РС. 1887 г., VII, 1 – 84; X, 31 – 44. – «Чернец Федос», в сборнике Г. Есипова: «Люди старого века», СПб. 1880 г., стр. 234 – 331.

727 - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 76.

728 - П Петров, «История Спбурга», прим. 158, стр. 75 – 79.

729 - ГА., Кабинет II, № 24. Письма Иова к Петру за 1715 год.

730 - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 77. – П. Петров, «История СПб.», прим. 158, стр. 75 – 79. – И. Чистович, «Новгородский митрополит Иов. Жизнь его и переписка с разными лицами». «Странник» 1861 г., февраль, стр. 82. 83.

731 - ААЛ. 1719 г., дело 24 сентября. – «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» I, I, 59 – 60.

732 - И. Чистович, «Феофан Прокопович», 77 – 78, прим.

733 - П. Морозов, «Феофан Прокопович как писатель». СПб. 1880 г., стр. 261, прим.

734 - ААЛ. 1714 г., 4, л. 138. «В новой линии... идучи из морской слободы переулком по левую сторону в адмиралтейской крепости».

735 - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 74 – 75, прим. – ГА., Кабинет II, № 4, л. 150. – И. Морошкин, «Феодосий Яновский, архиепископ Новгородский». РС. 1887 г., кн. VII, 11.

736 - П. Петров, «Ист. Спбурга», прим. 158, стр. 75 – 79.

737 - «Письмо преосвященного Иова, митрополита Новгородского, к архимандриту Феодосию». Сообщено Д. И. Иловайским. «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым». Т. I, Москва, 1859 г., отд. III, стр. 153 – 159. – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 75 – 77.

738 - П. Петров, «История Спбурга», прим. 158, стр. 75 – 79.

739 - ААЛ. 1713 г., 8.

740 - ОАСС. 1725 г., прил. X, стр. CCCXLV – CCCXLVI.

741 - П. Петров, «История Спбурга», прим. 158, стр. 75 – 79.

742 - И. Чистович, «Новг. м. Иов». «Странник» 1861 г., февраль, 99.

743 - И. Морошкин, «Феодосий Яновский». РС. 1887 г., кн. VII, 21.

744 - И. Чистович, «Новг. м. Иов». «Странник» 1861 г., февраль, 101.

745 - ГА., Кабинет II, № 24, л. 179.

746 - «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» II, монастыри, 92.

[747] - ГА., Кабинет II, № 24, л. 179.

[748] - ААЛ. 1715 г., 65.

[749] - ГА., XVIII, № 31.

[750] - ААЛ. 1716 г., дело 23 марта.

[751] - ААЛ. 1716 г., 10.

[752] - ААЛ. 1717 г., дело 12 декабря.

[753] - ААЛ. 1719 г., дело 13 декабря.

[754] - ААЛ. 1720 г., дела 20 февраля, 13 и 30 января, 2 и 16 декабря.

[755] - ААЛ. 1720 г., дело 1 июля.

[756] - ААЛ. 1720 г., дело 26 июля.

[757] - ААЛ. 1720 г., дело 27 января.

[758] - ААЛ. 1716 г., 5.

[759] - ААЛ. 1715 г., 18; 1720 г., дела 14 и 27 января, 10 марта.

[760] - ААЛ. 1714 г., дело 11 декабря.

[761] - ААЛ. 1714 г., дело 26 ноября.

[762] - ААЛ. 1720 г., дела 7 и 12 мая, 14 сентября.

[763] - ААЛ. 1714 г., дело 12 ноября; 1720 г., дела 13 февраля, 3 и 27 августа, 11 ноября.

[764] - ААЛ. 1714 г., дело 3 июля.

[765] - ААЛ. 1718 г., дело 23 декабря; 1720 г., дела 12 января и 2 мая. По прелюбодеянию и по неспособности.

[766] - ААЛ. 1718 г., дело 23 декабря; 1720 г., дело 2 мая.

[767] - ААЛ. 1719 г., дело 19 августа.

[768] - ААЛ. 1715 г., 69.

[769] - ААЛ. 1719 г., дела 7 и 26 апреля.

[770] - ААЛ. 1714 г., дела 1 июня и 1 июля.

[771] - ААЛ. 1713 г., 30.

[772] - «Пункты Троицкого Александро-Невского монастыря архимандрита Феодосия и на них решения Петра Великого», И. Чистовича. ЧМОИД. 1872 г., III, отд. V, 2. – ААЛ. 1719 г., дела 26 апреля, 25 мая, 2 июня.

[773] - ААЛ. 1719 г., дела 15 мая и 19 декабря.

[774] - ААЛ. 1720 г., дело 13 июля.

[775] - ААЛ. 1719 г., дело 16 августа.

[776] - ААЛ. 1720 г., дело 13 июля.

[777] - ААЛ. 1719 г., дело 6 июня.
[778] - ААЛ. 1720 г., дело 26 июня.
[779] - ААЛ. 1713 г., 32; 1714 г., дело 1 сентября.
[780] - ААЛ. 1713 г., 26.
[781] - ААЛ. 1714 г., дело 1 июня.
[782] - ААЛ. 1714 г., дело 1 июля.
[783] - ААЛ. 1716 г., дело 23 марта.
[784] - ААЛ. 1719 г., дело 26 апреля.
[785] - ААЛ. 1714 г., дело 25 марта.
[786] - ААЛ. 1720 г., дело 26 июля.
[787] - ААЛ. 1720 г., дело 27 января.
[788] - ААЛ. 1720 г., дело 9 января.
[789] - ААЛ. 1713 г., 10.
[790] - ААЛ. 1713 г., 9.
[791] - ААЛ. 1719 г., дело 24 сентября.
[792] - ААЛ. 1718 г., дело 22 апреля.
[793] - ААЛ. 1718 г., дело 13 декабря.
[794] - ААЛ. 1718 г., дело 2 декабря; 1719 г., дело 26 апреля.
[795] - ААЛ. 1719 г., дело 5 февраля.
[796] - ААЛ. 1720 г., дело 2 апреля.
[797] - ААЛ. 1720 г., дело 4 июля.
[798] - ААЛ. 1714 г., дело 10 июля.
[799] - ААЛ. 1718 г., дело 16 декабря.
[800] - ААЛ. 1718 г., 12.
[801] - ААЛ. 1713 г., 26.
[802] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 79. – ГА., Кабинет II, № 41. лл. 657, 658.
[803] - ААЛ. 1718 г., дело 15 декабря.
[804] - ААЛ. 1719 г., дело 12 ноября.
[805] - ААЛ. 1719 г., дело 24 сентября. – «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» I, I 63.
[806] - И. Чистович, «Феофан Прокопович» 79 – 80. – «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» I, I, 63 – 64.
[807] - ААЛ. 1719 г., дело 24 сентября. – «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» I, I, 65.

[808] - ААЛ. 1713 г., 12. 19. 33; 1716 г., дело 20 мая.

[809] - ААЛ. 1713 г., 1. 2. 6. 12. – И. Чистович, «Феофан Прокопович» 81.

[810] - ААЛ. 1714 г., дело 23 декабря; 1715 г., 28.

[811] - И. Морошкин, «Феодосий Яновский». РС. 1887 г., кн. X, 36. – ГА, Кабинет II, № 41, л. 647.

[812] - ААЛ. 1719 г., дело 31 марта. – ГА., Кабинет II, № 33, л. 307; № 41, лл. 653 – 654, где имеется «объявление царскому пресветлому величеству» о подлежащих вызову монахах и список не явившихся.

[813] - ААЛ. 1719 г., дело 28 мая.

[814] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта. Здесь за 1719 год вызванных перечислено 37 человек, но в другом деле – ААЛ. 1719 г., дело 31 марта – показано 40.

[815] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[816] - ААЛ. 1720 г., дела 22 сентября и 27 июля.

[817] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[818] - ААЛ. 1719 г., дело ? мая.

[819] - ОАСС. 1725 г., прил. X, стр. CCCXLVII.

[820] - ААЛ. 1720 г., дело 30 августа.

[821] - ААЛ. 1720 г., дело 14 ноября.

[822] - ААЛ. 1720 г., дела 27 июля и 22 сентября.

[823] - ААЛ. 1719 г. дело ? мая.

[824] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[825] - ААЛ. 1719 г., дело 26 апреля.

[826] - ААЛ. 1719 г., дело ? августа.

[827] - ААЛ. 1719 г., дело 13 декабря.

[828] - ААЛ. 1713 г., 7.

[829] - ААЛ. 1720 г., дело 24 марта.

[830] - ААЛ. 1716 г., 15.

[831] - ААЛ. 1716 г., 15.

[832] - ААЛ. 1716 г., 15. Письма Феодосия.

[833] - П. Петров, «История Спбурга» 137.

[834] - И. Морошкин, «Феодосий Яновский». РС. 1887 г., кн. VII, 32. – ГА., Кабинет II, № 33, лл. 306 и 308.

[835] - ГА., Кабинет II, № 33, л. 309. – И. Морошкин, «Ф. Яновский». РС. 1887 г., кн. VII, 33.

[836] - ГА., Кабинет II, № 33, л. 310. – И. Морошкин, «Ф. Яновский». РС. 1887 г., кн. VII, 33.

[837] - И. Морошкин, «Ф. Яновский». РС. 1887 г., кн. VII, 34.

[838] - ААЛ. 1718 г., дела 19 февраля, 22 апреля.

[839] - А не три года, как сказано у И. Чистовича, «Феофан Прокопович» 78.

[840] - ААЛ. 1716 г., дело 11 апреля.

[841] - ААЛ. 1716 г., 15.

[842] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[843] - ААЛ. 1716 г., 15.

[844] - ААЛ. 1716 г., 7.

[845] - ААЛ. 1716 г., 15.

[846] - ААЛ. 1716 г., дело 11 апреля.

[847] - ААЛ. 1716 г., дело 11 апреля.

[848] - ААЛ. 1716 г., дело 11 апреля.

[849] - ААЛ. 1716 г., дело 29 мая.

[850] - ААЛ. 1716 г., дело 11 апреля.

[851] - ААЛ. 1716 г., дело 11 апреля.

[852] - АПДК. 1721 г., 31.

[853] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 114 – 115.

[854] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 81.

[855] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 85 – 86.

[856] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 87, прим.

[857] - ААЛ. 1718 г., дело 23 декабря.

[858] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 86.

[859] - ААЛ. 1719 г., дело 30 мая.

[860] - ААЛ. 1719 г., дело 12 декабря; 1720 г., дело 16 января.

[861] - ААЛ. 1720 г., дело 30 мая.

[862] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[863] - МАМЮ. 764, лл. 206 – 206.

[864] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[865] - «Письма м. Стефана Яворского». ТКДА. 1866 г., I, 554.

[866] - ОАСС. 1721 г., 143.

[867] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 86.

[868] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 81. 86, прим.
[869] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 85, прим.
[870] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 113.
[871] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 113.
[872] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 114.
[873] - ААЛ. 1718 г., дело 22 марта.
[874] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 27, прим.
[875] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 78 – 79.
[876] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 83.
[877] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 84. – См. ОАСС. 1728 г., 601.
[878] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 82 – 83.
[879] - ОАСС. 1721 г., прил. X, 15.
[880] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 114.
[881] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 112 – 113.
[882] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 114 – 118. – ПСП. IV, 1351. 1404. 1420. 1427. 1433.
[883] - И. Покровский, «Русск. епархии» I, 385.
[884] - Ю. Самарин, «Сочинения» V, 300.
[885] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 118 – 120. 127 – 131.
[886] - П. Пекарский, «Наука и лит.» II, 595.
[887] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 42.
[888] - ОАСС. 1722 г., 1046.
[889] - «Москвитянин» 1842 г., VIII, 339 – 340. «Достоп. сказ.», Нартона. – Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., II 157 – 158. Здесь изложены признаки недостоверности этого анекдота в тех подробностях, в которых он записан у Нартона.
[890] - Стр. 110 – 111. – ОАСС. 1723 г., 163. 188.
[891] - МАМЮ. 764, лл. 548. 552. 557.
[892] - ОАСС. 1722 г., 883. – ПСП. II, 760.
[893] - ОАСС. 1722 г., 884.
[894] - ОАСС. 1722 г., 1048.
[895] - П. Петров, «История СПб.» 96. – «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» I, I, 104.
[896] - ОАСС. 1721 г., 755.
[897] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 90.

[898] - ОАСС. 1721 г., 756.
[899] - ОАСС. 1722 г., 1228.
[900] - ПСП. IV, 1219. – ОАСС. 1724 г., 80.
[901] - ПСП. IV, 1413.
[902] - ОАСС. 1724 г., 548.
[903] - ОАСС. 1724 г., 547.
[904] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 90.
[905] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 89. – Архиеп. Филарет, «Обзор русск. дух. литературы», 3-е изд., СПб. 1884 г. Стр. 286.
[906] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта; 1719 г., 7 апреля.
[907] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 90.
[908] - Ф. Терновский, «М. Стефан Яворский». ТКДА. 1864 г., I, 42.
[909] - ОАСС. 1721 г., 755.
[910] - ОАСС. 1721 г., 402.
[911] - ОАСС. 1721 г., 671. – ПСП. IV, 1370.
[912] - ОАСС. 1722 г., 946. – ПСП. II, 791. 942; III, 1101.
[913] - ОАСС. 1722 г., 1253. – ПСП. IV, 1357.
[914] - ОАСС. 1721 г., 402.
[915] - ОАСС. 1721 г., 671. – ПСП. IV, 1357.
[916] - И. Чистович. «Ф. Прокопович» 89 – 90. – Филарет, «Обзор» 286 – 288. – ОАСС. 1721 г., 633. 671; 1722 г. 1247. 1287; 1723 г., 60. 61. 62; 1724 г., 447.
[917] - ОАСС. 1721 г., 130.
[918] - ОАСС. 1722 г., 397. – ПСП. II, 498.
[919] - ОАСС. 1721 г., 755. 756.
[920] - ОАСС. 1723 г., 607.
[921] - ОАСС. 1724 г., 547.
[922] - ОАСС. 1721 г., 754.
[923] - ОАСС. 1721 г., 484; 1722 г., 519.
[924] - ОАСС. 1721 г., 754.
[925] - ОАСС. 1722 г., указатель. – «Списки архиереев и архиерейских кафедр». СПб. 1895. Стр. 5.
[926] - ОАСС. 1722 г., 215.
[927] - ОАСС. 1721 г., 392.
[928] - ОАСС. 1723 г., прил. XLVIII, 1; 1724 г., 310. – ПСП. IV, 1314.

[929] - ОАСС. 1724 г., 416.

[930] - ОАСС. 1724 г., 547.

[931] - ОАСС. 1722 г., 695. 246.

[932] - ПСП. II, 421.

[933] - И. Морошкин, «Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской». РС. 1886 г., кн. I, 3. – ОАСС. 1723 г., 38.

[934] - И. Морошкин, «Ф. Лопатинский». РС. 1886 г., кн. I, 10 – 14.

[935] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 90 – 93. – И. Морошкин, «Ф. Лопатинский». РС. 1886 г., кн. I, 14 – 15.

[936] - ПСП. II. 446. – ОАСС. 1722 г., 295.

[937] - ПСП. II, 350.

[938] - ПСП. II, 418.

[939] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 93, прим.

[940] - МАМЮ. 765, лл. 587 – 588. – ПСП. IV, 1198. 1206.

[941] - ОАСС. 1723 г., 374.

[942] - ОАСС. 1724 г., 547.

[943] - ОАСС. 1722 г., 1035. 1122.

[944] - ОАСС. 1723 г., 374.

[945] - ОАСС. 1724 г., 201.

[946] - ОАСС. 1723 г., 374. – См. также ОАСС. 1725 г., 217.

[947] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 97. 80. – «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» I, II, 118.

[948] - «Ист.-стат. свед. о СПб. еп.» I, I, 127.

[949] - ОАСС. 1721 г., прил. XVIII.

[950] - П. Пекарский, «Наука и лит.» I, 572. 574. – И. Чистович, «Ф. Прокопович» 54.

[951] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 93 – 95.

[952] - ОАСС. 1722 г., 166. – ПСП. II, 401. – И. Чистович, «Ф. Прокопович» 96.

[953] - ОАСС. 1722 г., 269.

[954] - ОАСС. 1723 г., 327.

[955] - ОАСС. 1723 г., 392.

[956] - ПСП. IV, 1219.

[957] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 95.

[958] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 96.

[959] - ОАСС. 1723 г., 38.

[960] - ОАСС. 1721 г., 453.

[961] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[962] - ОАСС. 1721 г., 116.

[963] - ОАСС. 1723 г., 125. – ПСП. III, 1150. – И. Чистович, «Ф. Прокопович» 168 – 169.

[964] - П. Пекарский, «Наука и лит.» I, 233 – 235.

[965] - ОАСС. 1722 г., 4.

[966] - АСС. 1722 г., 204. – ПСП. II, 403.

[967] - ОАСС. 1723 г., 374.

[968] - ОАСС. 1724 г., 34. – ПСП. IV, 1192.

[969] - ОАСС. 1723 г., 434. 458. 489. 586; 1724 г., 59. 474.

[970] - ОАСС. 1723 г., прил. XLVIII, 2. 3.

[971] - ПСП. IV, 1304.

[972] - АСС. 1722 г., 92. – ПСП. II, 462; IV, 1304.

[973] - ОАСС. 1723 г., 496.

[974] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 98.

[975] - ОАСС. 1723 г., 374.

[976] - ААЛ. 1720 г., дело 21 марта.

[977] - См. стр. 137. – Также ПСП. IV, 1158. – ОАСС., 1725 г., 26.

[978] - ПСП. I, 298.

[979] - ПСП. I, 325.

[980] - ПСП. I, 225. 325; IV, 1304. – ОАСС. 1721 г., 151. 452. 557. 715; 1724 г., 7. – МАМЮ. 764, лл. 562. 563. 565. – АСС. 1722 г., 204.

[981] - ОАСС. 1721 г., 151; 1722 г., 1047.

[982] - ПСП. II, 901.

[983] - ПСП. II, 901.

[984] - ОАСС. 1721 г., 151.

[985] - ОАСС. 1721 г., 151.

[986] - ПСП. IV, 1158.

[987] - ПСП. II, 901.

[988] - Указ 9 мая 1719 года. Этот указ устанавливал выдачу жалованья в следующем порядке: сначала солдатам, потом обер-офицерам, штаб-офицерам, генералитету, и только когда будет уплачено войску, тогда выдавать гражданским управителям и прочим. – ПСП. IV, 1304. 1363.

[989] - ОАСС. 1722 г., 485.
[990] - ОАСС. 1724 г., 4. – ПСП. II, 390; IV, 1304.
[991] - ОАСС. 1722 г., 519.
[992] - ОАСС. 1721 г., 151; 1722 г., 885.
[993] - ПСП. III, 1058.
[994] - ПСП. III, 998.
[995] - ПСП. III, 1004.
[996] - ПСП. III, 1156.
[997] - ПСП. IV, 1186.
[998] - ПСП. IV, 1267. – ОАСС. 1724 г., 208.
[999] - ПСП. IV, 1280.
[1000] - ПСП. IV, 1304. – См. также ОАСС. 1724 г., 4. 62. 147. 208. – ПСП. IV, 1392.
[1001] - ОАСС. 1724 г., 4.
[1002] - ОАСС. 1724 г., 4.
[1003] - АСС. 1723 г., 263. – ОАСС. 1723 г., 321.
[1004] - ОАСС. 1724 г., 48. – ПСП. IV. 1198.
[1005] - «Письмо м. Стефана». ПС. 1859 г., II, 88.
[1006] - ОАСС. 1723 г., 263.
[1007] - ОАСС. 1723 г., 321.
[1008] - ОАСС. 1725 г., прил. X.
[1009] - ПСП. I, 3.
[1010] - МАМЮ. 764, л. 621.
[1011] - МАМЮ. 764, лл. 623 – 624.
[1012] - ОАСС. 1721 г., 101. – ПСП. I, 30.
[1013] - ОАСС. 1722 г., 1058.
[1014] - ОАСС. 1722 г., 846.
[1015] - ОАСС. 1723 г., 321.
[1016] - ОАСС. 1723 г., 321.
[1017] - ОАСС. 1721 г., 694.
[1018] - ОАСС. 1723 г., 263. 321; 1724 г., 269. – И. Чистович, «Ф. Прокопович» 93.
[1019] - МАМЮ. 765, лл. 587 – 588. – ОАСС. 1724 г., 48. – ПСП. IV, 1198.
[1020] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 93.

[1021] - МАМЮ. 765, лл. 587 – 588.
[1022] - ОАСС. 1724 г., 62.
[1023] - ОАСС. 1721 г., 483.
[1024] - ОАСС. 1721 г., 690.
[1025] - ОАСС. 1722 г., 935.
[1026] - ОАСС. 1724 г., 448.
[1027] - ОАСС. 1725 г., 43.
[1028] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 97, прим.
[1029] - ОАСС. 1723 г., 321.
[1030] - ОАСС. 1723 г., 321.
[1031] - ОАСС. 1724 г., прил. IX; 1724 г., 9. 83.
[1032] - ОАСС. 1724 г., 9.
[1033] - ОАСС. 1724 г., 7.
[1034] - ОАСС. 1722 г., 377.
[1035] - ОАСС. 1724 г., 78.
[1036] - ОАСС. 1724 г., 83.
[1037] - ОАСС. 1724 г., прил. IX.
[1038] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXVIII.
[1039] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXIX – XXXVI.
[1040] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XL.
[1041] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXIX.
[1042] - ПСЗ. 3534.
[1043] - ПСП. I, 1.
[1044] - ПСП. I, 118.
[1045] - См. выше, стр. 140.
[1046] - АСС. 1721 г., 136.
[1047] - АСС. 1721 г., 574. – МАМЮ. 764, лл. 576. 577. – ПСП. II, 337.
[1048] - ПСП. II, 707. – ОАСС. 1721 г., 97.
[1049] - АСС. 1721 г., 574.
[1050] - МАМЮ. 764, лл. 576. 577.
[1051] - АСС. 1721 г., 574. – ПСП. II, 337.
[1052] - МАМЮ. 764, л. 745.
[1053] - МАМЮ. 764, л. 745. Сенатское ведение было подано принесшим его сенатским подьячим обер-секретарю. – По генеральному

регламенту, «доношения» принимал секретарь коллегии. – ПСП. 3534. Генер. регл. XIV.

[1054] - ОАСС. 1722 г., 174; 1723 г., 383 и прил. XLVIII. – ПСП. II, 707. – ОАСС. 1721 г., 97. – АСС. 1721 г., 574. – ПСП. I, 190.

[1055] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XIV.

[1056] - ПСП. II, 573. – ОАСС. 1722 г., 532.

[1057] - ОАСС. 1723 г., 224.

[1058] - ОАСС. 1724 г., 492.

[1059] - ОАСС. 1723 г., 368.

[1060] - ОАСС. 1724 г., 369. – ПСП. I, V 1356.

[1061] - ОАСС. 1721 г., 120.

[1062] - ОАСС. 1723 г., прил. XLVIII. – ОАСС. 1722 г., 174.

[1063] - ОАСС. 1722 г., 623.

[1064] - ОАСС. 1722 г., 111 и прил. VII. – ПСП. II, 373.

[1065] - ОАСС. 1722 г., 174.

[1066] - ОАСС. 1724 г., 311.

[1067] - ОАСС. 1723 г., прил. XLVIII. – ОАСС. 1722 г., 623.

[1068] - ОАСС. 1723 г., прав. XLVIII, – ОАСС. 1722 г., 111 и прил. VII. – ПСП. II, 373.

[1069] - ОАСС. 1723 г. 565.

[1070] - ПСП. II, 901.

[1071] - ОАСС. 1723 г., 381.

[1072] - ОАСС. 1723 г., 321.

[1073] - ОАСС. 1722 г., 741. – ПСП. II, 707.

[1074] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXIX, V, XIV, XVI.

[1075] - АСС. 1722 г., 557.

[1076] - ПСП. IV, 1249.

[1077] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXIII.

[1078] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XL.

[1079] - АСС. 1721 г., протоколы, кн. I.

[1080] - ОАСС. 1721 г., 250. – ПСП. I, 82.

[1081] - МАМЮ. 764. л. 702.

[1082] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XI.

[1083] - ОАСС. 1721 г., 250. – ПСП. I, 82. 190.

[1084] - МАМЮ. 764, лл. 1017 – 1018. 1029.

[1085] - ОАСС. 1721 г., 250. – МАМЮ. 764, л. 1000: 22 ноября 1722 года.

[1086] - МАМЮ. 764, л. 1011.

[1087] - ПСП. I, 82.

[1088] - ПСП. I, 190.

[1089] - ОАСС. 1723 г., 30. 562. – ПСП. IV, 1163.

[1090] - АСС. 1721 г., 106. – ПСП. I, 190.

[1091] - ОАСС. 1721 г., 665. – ПСП. I, 297.

[1092] - АСС. 1722 г., 557. – ОАСС. 1723 г., 30. – ПСП. IV, 1163.

[1093] - АСС. 1721 г., 665.

[1094] - АСС. 1722 г., 557.

[1095] - АСС. 1723 г., 414. – ПСП. III, 1081.

[1096] - ПСП. IV, 1210. В феврале 1724 года было в Синоде только три секретаря: Семенов, Тишин и Дудин.

[1097] - ОАСС. 1725 г., 16. – ПСП. IV, 1301. С оставлением при прежних обязанностях до назначения преемника ему по его должности.

[1098] - ПСП. II, 901.

[1099] - АСС. 1723 г., 414. – ОАСС. 1723 г., 30. – ПСП. IV, 1163.

[1100] - МАМЮ. 764, л. 305.

[1101] - АСС. 1723 г., 30. – ПСП. I, 297; IV, 1163. 1210. – ОАСС. 1722 г. 93; 1724 г., 466. – МАМЮ. 764, л. 564.

[1102] - ПСП. II, 901.

[1103] - ОАСС. 1724 г., 508. – ПСП. III, 1081.

[1104] - ОАСС. 1724 г., 509. – ПСП. IV, 1377. 1301.

[1105] - ОАСС. 1721 г., 403.

[1106] - ААЛ. 1721 г., дело 26 июня.

[1107] - ОАСС. 1722 г., 946. – ПСП. IV, 1236.

[1108] - ПСП. I, 312; III, 1081.

[1109] - ОАСС. 1721 г., 118. – ПСП. I, 12. 27. – А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт» II, 258. Дальнейшие сведения об образовании синодальной канцелярии в изложении Голубева перепутаны и потому не вполне верны.

[1110] - ПСП. I, 12.

[1111] - АСС. 1721 г., 104. – ПСП. I, 82.

[1112] - ПСП. I, 12. – См. АСС. 1721 г., протоколы, кн. I. Здесь изложено постановление Синода 22 февраля послать о том же указ в бывший патриарший духовный приказ.

[1113] - ОАСС. 1721 г., 118. – ПСП. I, 27.

[1114] - ПСП. I, 115.

[1115] - ОАСС. 1721 г. 118. – ПСП. I, 27. – МАМЮ. 764, лл. 318 – 391. 322 – 332.

[1116] - ПСП. I, 115.

[1117] - ПСП. I, 68.

[1118] - ПСП. I, 76.

[1119] - ОАСС. 1721 г., 104.

[1120] - ОАСС. 1721 г., 397.

[1121] - ОАСС. 1724 г., 123.

[1122] - ПСП. I, 13. – ОАСС. 1721 г., 172.

[1123] - ПСП. I, 30.

[1124] - ОАСС. 1722 г., 726.

[1125] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXIV.

[1126] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXV.

[1127] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXIV.

[1128] - МАМЮ. 764, л. 305.

[1129] - ПСП. I, 297.

[1130] - АСС. 1721 г., 665. – Ср. ПСП. I, 297, где сосчитано «явившихся» в канцелярию – канцеляристов (старых подьячих) 15, подканцеляристов (средней статьи) 10, копиистов (молодых подьячих) 16.

[1131] - ОАСС. 1723 г., прил. CLII.

[1132] - ПСП. IV, 1210.

[1133] - ПСП. II, 901.

[1134] - АСС. 1724 г., 311.

[1135] - ОАСС. 1724 г., 466.

[1136] - АСС. 1724 г., 311. – ОАСС. 1724 г., 466.

[1137] - ОАСС. 1721 г., 106; 1722 г., 1198.

[1138] - ОАСС. 1722 г., 719.

[1139] - ОАСС. 1722 г., 861.

[1140] - ОАСС. 1722 г., 1149. 1269.

[1141] - ОАСС. 1721 г., 534; 1722 г., 985; 1723 г., 34.

[1142] - ОАСС. 1722 г., 850. 1051; 1723 г., 493.

[1143] - ОАСС. 1721 г., 132.

[1144] - ОАСС. 1721 г., 192.

[1145] - ОАСС. 1722 г., 850.
[1146] - ОАСС. 1722 г., 985. 1051; 1723 г., 116.
[1147] - ОАСС. 1722 г., 544.
[1148] - ОАСС. 1721 г., 728; 1722 г., 693.
[1149] - ОАСС. 1722 г., 193. 647.
[1150] - ОАСС. 1722 г., 872.
[1151] - ОАСС. 1721 г., 534; 1722 г., 719.
[1152] - ОАСС. 1722 г., 702.
[1153] - ОАСС. 1722 г., 1196.
[1154] - ОАСС. 1724 г., 218.
[1155] - ОАСС. 1722 г., 1268.
[1156] - ОАСС. 1721 г., 426; 1722 г., 861. 985.
[1157] - ОАСС. 1725 г., 16.
[1158] - ОАСС. 1722 г., 473. 600. 697. 702; 1723 г., 122.
[1159] - ОАСС. 1722 г., 833.
[1160] - ОАСС. 1722 г., 677.
[1161] - ОАСС. 1722 г., 1097.
[1162] - ОАСС. 1722 г., 1181.
[1163] - ОАСС. 1722 г., 1091.
[1164] - ОАСС. 1722 г., 444.
[1165] - ОАСС. 1722 г., 869.
[1166] - ОАСС. 1722 г., 906.
[1167] - ОАСС. 1722 г., 347.
[1168] - ОАСС. 1723 г., 267.
[1169] - ОАСС. 1723 г., 473.
[1170] - ОАСС. 1723 г., 24.
[1171] - ОАСС. 1722 г., 552.
[1172] - ОАСС. 1722 г., 747.
[1173] - ОАСС. 1723 г., 267.
[1174] - ОАСС. 1722 г., 830.
[1175] - ОАСС. 1723 г., 132.
[1176] - ОАСС. 1722 г., 934.
[1177] - ОАСС. 1721 г., 206. 255; 1722 г., 155. 473. 508. 677. 694. 702. 719. 830. 833. 861. 869. 872. 934. 1043. 1097. 1158. 1167. 1181. 1196. 1264. 1265;

1723 г., 210. 267; 1724 г., 209.

[1178] - ОАСС. 1722 г., 958. 1091. 1097. 1158. 1265; 1723 г., 24. 267. – Обычная форма одобрения: вопрос: «NN быть в Святейшем Синоде копиистом достоин ли?» Ответ: «достоин и должен, письмо его не плохо». – Иногда в одобрении принимали участие и подканцеляристы. См. ОАСС. 1723 г., 267.

[1179] - ОАСС. 1722 г., 1043; 1723 г., 267. – См. также ОАСС. 1722 г., 861, где одному определяемому в синодальную канцелярию, прежде служившему в ратушном таможенном столе, выдал свидетельство о «бесподозрительности» прежний его сослуживец, состоявший теперь канцеляристом в синодальной канцелярии.

[1180] - ОАСС. 1722 г., 1043.

[1181] - ОАСС. 1721 г., 150 и прил. XIV.

[1182] - ОАСС. 1723 г., 132. 380. – См. также ОАСС. 1722 г., 827. – И по генеральному регламенту допускались в канцеляриях «молодые люди» для обучения канцелярскому делу, – ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXVI.

[1183] - ОАСС. 1723 г., 267.

[1184] - ПСП. II, 907.

[1185] - ОАСС. 1724 г., 523.

[1186] - ОАСС. 1723 г., 52.

[1187] - ОАСС. 1723 г., 444.

[1188] - ОАСС. 1722 г., 589.

[1189] - ОАСС. 1724 г., 186.

[1190] - ОАСС. 1721 г., 571.

[1191] - ОАСС. 1722 г., 334. 726.

[1192] - ОАСС. 1722 г., 726.

[1193] - ОАСС. 1722 г., 544.

[1194] - ОАСС. 1722 г., 176.

[1195] - ОАСС. 1723 г., 474.

[1196] - ОАСС. 1722 г., 29.

[1197] - ОАСС. 1722 г., 747.

[1198] - ОАСС. 1722 г., 654.

[1199] - ОАСС. 1722 г., 1267.

[1200] - ПСП. II, 780.

[1201] - ПСП. III, 1081.

[1202] - ОАСС. 1722 г., 1181.

[1203] - ОАСС. 1723 г., 34.

[1204] - ОАСС. 1723 г., 444.

[1205] - МАМЮ. 764, лл. 305. 564. – ПСП. I, 297; II, 798; IV, 1210. – ОАСС 1722 г., 93; 1724 г., 466.

[1206] - МАМЮ. 764, лл. 301 – 302.

[1207] - ОАСС. 1722 г., 827; 1723 г., прил. CLII. – См. ОАСС. 1721 г., 715. – См. ПСП. I, 297.

[1208] - ПСП. IV, 1163.

[1209] - ОАСС. 1722 г., 827; 1723 г., 41.

[1210] - ОАСС. 1722 г., 485.

[1211] - ОАСС. 1722 г. 15. 809.

[1212] - ОАСС. 1723 г., 41. – ПСП. IV, 1447.

[1213] - ПСП. IV, 1363.

[1214] - ПСП. I, 297. – Ср. ОАСС. 1721 г., 505.

[1215] - ПСП. II, 901.

[1216] - См. ОАСС. 1723 г., 30.

[1217] - ОАСС. 1723 г., 401; 1724 г., 60. 524. – ПСП. III, 1017.

[1218] - ПСП. III, 1058.

[1219] - ПСП. II, 901.

[1220] - ОАСС. 1723 г., 383.

[1221] - ОАСС. 1723 г., 401. 547.

[1222] - ОАСС. 1724 г., 268. Один канцелярист получил дворовое место на углу Оружейной и Посадской улиц.

[1223] - ОАСС. 1724 г. 268.

[1224] - ОАСС. 1721 г., 314.

[1225] - ОАСС. 1723 г., 547.

[1226] - ОАСС. 1724 г., 221. 532.

[1227] - ОАСС. 1723 г., 208.

[1228] - ОАСС. 1724 г., 22.

[1229] - ОАСС. 1721 г., 6. 8.

[1230] - ОАСС. 1723 г., 30, прим.

[1231] - ОАСС. 1723 г., 401. 594.

[1232] - ОАСС. 1723 г., 474.

[1233] - ОАСС. 1724 г. 268.

[1234] - АСС. 1721 г., 630. – ПСП. I, 281. – ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXIII.

[1235] - АСС. 1721 г., 630. – ПСП. I, 281.

[1236] - АСС. 1722 г., 557.

[1237] - АСС. 1722 г., 557. – ОАСС. 1725 г., 16.

[1238] - ПСП. II, 901.

[1239] - ПСП. II, 901.

[1240] - ПСП. II, 901.

[1241] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXII. – АСС. 1721 г., 630. – ПСП. I, 281.

[1242] - АСС. 1722 г., 557; 1724 г., 466.

[1243] - ОАСС. 1723 г., прил. CLII.

[1244] - ПСП. II, 901.

[1245] - ПСП. II, 901.

[1246] - АСС. 1722 г., 557.

[1247] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXVI. – АСС. 1721 г. 630. – ПСП. I, 281.

[1248] - АСС. 1721 г., 630. – ОАСС. 1722 г., 389. – ПСП. I, 281; II, 798; IV, 1301.

[1249] - ПСП. IV, 1301.

[1250] - ОАСС. 1725 г., 16.

[1251] - ПСП. II, 798. – ОАСС. 1723 г., прил. CLII, – См. ОАСС. 1723 г., 30; 1724 г., 389.

[1252] - ПСП. II, 901.

[1253] - ПСП. II, 901.

[1254] - АСС. 1722 г., 557; 1724 г., 466. – ОАСС. 1723 г., 493.

[1255] - ОАСС. 1722 г., 1269.

[1256] - ОАСС. 1722 г., 735. 850. 1051.

[1257] - ОАСС. 1722 г., 735. 850. 1051.

[1258] - ОАСС. 1722 г., 735. 850. 1051.

[1259] - ОАСС. 1722 г., 833. 1051; 1723 г., 426.

[1260] - ОАСС. 1722 г., 450. – ПСП. II, 520. 681.

[1261] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XL.

[1262] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. III.

[1263] - ОАСС. 1722 г., 1027.

[1264] - ОАСС. 1723 г., 401.
[1265] - ОАСС. 1724 г., 111.
[1266] - ПСП. II, 517.
[1267] - ПСП. IV, 1428. – ОАСС. 1724 г., 525.
[1268] - ОАСС. 1723 г., 156. 473.
[1269] - ОАСС. 1722 г., 177.
[1270] - ОАСС. 1722 г., 177.
[1271] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. X.
[1272] - ОАСС. 1722 г., 946.
[1273] - ОАСС. 1724 г., 432.
[1274] - ОАСС. 1724 г., 83.
[1275] - ПСП. IV, 1304.
[1276] - ОАСС. 1722 г., 866.
[1277] - ОАСС. 1723 г., 402. – ПСП. III, 1080.
[1278] - ОАСС. 1721 г., 611.
[1279] - АСС. 1724 г., 322.
[1280] - ОАСС. 1722 г., 1052.
[1281] - ОАСС. 1723 г., 266.
[1282] - ОАСС. 1724 г., 186.
[1283] - ОАСС. 1721 г., 314.
[1284] - ОАСС. 1724 г., 95.
[1285] - ОАСС. 1722 г., 693.
[1286] - ОАСС. 1721 г., 556.
[1287] - ОАСС. 1721 г., 172. 426.
[1288] - ОАСС. 1724 г., 22.
[1289] - ОАСС. 1724 г., 164. – ПСП. IV, 1249.
[1290] - ПСП. IV, 1249.
[1291] - ПСП. IV, 1359. – ОАСС. 1724 г., 87. 194. 415.
[1292] - ПСП. II, 901.
[1293] - АСС. 1721 г., 713; 1723 г., 320.
[1294] - ОАСС. 1723 г., 11. 22.
[1295] - ОАСС. 1721 г., 595.
[1296] - ОАСС. 1723 г., 320.
[1297] - ОАСС. 1723 г., 320.

[1298] - ОАСС. 1722 г., 4.
[1299] - ОАСС. 1725 г., 1.
[1300] - ОАСС. 1721 г., 713; 1723 г., 201.
[1301] - ОАСС. 1723 г., 201.
[1302] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XLIX.
[1303] - ОАСС. 1722 г., 424. 871. – ПСП. II, 511. 591.
[1304] - ОАСС. 1722 г., 1155.
[1305] - АСС. 1722 г., 992.
[1306] - ПСП. II, 511.
[1307] - АСС. 1722 г., 992.
[1308] - ОАСС. 1724 г., 5.
[1309] - ОАСС. 1724 г., 495.
[1310] - ПСП. IV, 1410.
[1311] - ОАСС. 1722 г., 558.
[1312] - ПСП. II, 901.
[1313] - МАМЮ. 764, л. 305.
[1314] - МАМЮ. 764, лл. 264. 265.
[1315] - ОАСС. 1721 г., 503; 1723 г., 484.
[1316] - ОАСС. 1722 г., 526.
[1317] - ОАСС. 1721 г., 222.
[1318] - ОАСС. 1722 г., 328.
[1319] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXI.
[1320] - ОАСС. 1722 г., 526.
[1321] - ОАСС. 1721 г., 715; 1222 г., 153; 1724 г., 58. 474.
[1322] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXI.
[1323] - ОАСС. 1721 г., 104.
[1324] - ОАСС. 1721 г., 760.
[1325] - ОАСС. 1723 г., 584.
[1326] - ОАСС. 1722 г., 277.
[1327] - ОАСС. 1723 г., 103.
[1328] - ОАСС. 1722 г., 277.
[1329] - АСС. 1724 г., 311.
[1330] - МАМЮ. 764, л. 305.
[1331] - ОАСС. 1722 г., 485; 1723 г., 484 и прил. CLII. – ПСП. II, 901; IV,

1210.

[1332] - ПСП. II, 901.

[1333] - ПСП. II, 901.

[1334] - ОАСС. 1722 г., 868.

[1335] - ОАСС. 1724 г., 445.

[1336] - ОАСС. 1722 г., 1131; 1723 г., 363. 601. 603.

[1337] - ОАСС. 1723 г., 208.

[1338] - ОАСС. 1723 г., 208.

[1339] - СЗ. 3534. Генер. регл. XLIV.

[1340] - ОАСС. 1722 г., 314. – ПСП. II, 460.

[1341] - ОАСС. 1724 г., 92.

[1342] - АСС. 1724 г., 61.

[1343] - АСС. 1724 г., 311.

[1344] - ПСП. II, 901.

[1345] - ОАСС. 1724 г., 172. – ПСП. IV, 1241.

[1346] - ОАСС. 1722 г., 602. – ПСП. II, 620.

[1347] - ПСП. II, 412.

[1348] - ОАСС. 1724 г., 92.

[1349] - ПСП. III, 966. 1014.

[1350] - ОАСС. 1721 г., 403.

[1351] - ПСЗ. 4001. – ПСП. II, 609.

[1352] - ПСП. II, 705. – АСС. 1722 г., 734. – Любопытно, что в тексте синодального определения 4 июля, напечатанном в ПСП. II, 705, в фразе: «для ведома о том господин обер-прокурор, Святейшаго Правительствующаго Синода в подчиненные приказы ко управителям... послать указы», – опущена запятая после слова «обер-прокурор», которая имеется в подлинном тексте, и при отсутствии запятой слова «Святейшаго Правительствующаго Синода», согласно современному словосочинению, естественно относятся к предшествующему им слову «обер-прокурор», а не к последующему «приказы», как должно. Важно это в том отношении, что основное синодальное определение об обер-прокуроре, как и высочайший указ, изложенный в ведении Сената, не называют синодального обер-прокурора обер-прокурором «Святейшаго Правительствующаго Синода», а только обер-прокурором «в» и «при» Святейшем Правительствующем Синоде.

[1353] - ПСП. II, 680.

[1354] - ПСП. II, 680.

[1355] - Ф. Благовидов, «Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия». Казань. 1899. Стр. 27. 33 – 35, 106. – Краткую мою рецензию на эту книгу, с указанием допущенных в ней фактических ошибок за время царствования Петра, см. в «Странник», 1899 г., июнь.

[1356] - Там же 22, и А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт», II, 265.

[1357] - С титулом «генеральный ревизор, или надзиратель указов» – С. Соловьев, «Ист. России» XVI, 134.

[1358] - Н. Кедров, «Дух. Регл.» 61.

[1359] - ОАСС. 1722 г., 758 и прил. LVII.

[1360] - ОАСС. 1722 г., 986.

[1361] - ОАСС. 1722 г., 757.

[1362] - ОАСС. 1722 г., 886.

[1363] - ОАСС. 1722 г., 1048.

[1364] - ОАСС. 1722 г., 1259.

[1365] - ОАСС. 1724 г., 94.

[1366] - ОАСС. 1721 г., 151.

[1367] - ОАСС. 1724 г., 50.

[1368] - ОАСС. 1722 г., 616.

[1369] - ОАСС. 1724 г., 508. – М. Горчаков, «Мон. Пр.», прил. 61 – 62.

[1370] - ОАСС. 1723 г., 81.

[1371] - ОАСС. 1722 г., 558.

[1372] - ОАСС. 1722 г., 886.

[1373] - ОАСС. 1722 г., 707.

[1374] - ОАСС. 1722 г., 1251.

[1375] - ОАСС. 1724 г., 501.

[1376] - ОАСС. 1723 г., 115.

[1377] - ОАСС. 1724 г., 509; 1725 г., 13.

[1378] - ОАСС. 1721 г., 269.

[1379] - ОАСС. 1723 г., 335.

[1380] - ОАСС. 1723 г., 74.

[1381] - ОАСС. 1722 г., 858.

[1382] - ОАСС. 1722 г., 1045.

[1383] - ОАСС. 1723 г., 130.

[1384] - ОАСС. 1723 г., 65.
[1385] - ОАСС. 1722 г., 707.
[1386] - ОАСС. 1723 г., 444.
[1387] - ОАСС. 1723 г., 585.
[1388] - ПСП. II, 901.
[1389] - ОАСС. 1723 г., 536.
[1390] - ОАСС. 1724 г., 50.
[1391] - ПСП. IV, 1428. – ОАСС. 1724 г., 525.
[1392] - АСС. 1722 г., . 886, лл. 135. 136. – ПСП. III, 1112.
[1393] - ПСП. IV, 1282. – ОАСС. 1725 г., прил. II; 1722 г., 858; 1723 г., 335.
[1394] - ПСП. II, 806; IV, 1160.
[1395] - ПСП. IV, 1160. 1376.
[1396] - АСС. 1722 г., 886, л. 165.
[1397] - ОАСС. 1723 г., 224. – ПСП. III, 1053.
[1398] - АСС. 1724 г., 135.
[1399] - ОАСС. 1723 г., 548. – ПСП. IV, 1160. 1376.
[1400] - ПСП. II, 806.
[1401] - ОАСС. 1723 г., 548. – ПСП. IV, 1160. 1376.
[1402] - ПСП. II, 901.
[1403] - ПСП. IV, 1160.
[1404] - ПСП. IV, 1376.
[1405] - ОАСС. 1723 г., 109.
[1406] - ПСП. IV, 1376.
[1407] - ПСП. I, 1. Духовный регламент II, вступление. У Н. Востокова в его очерке: «Святейший Синод и отношения его к другим государственным учреждениям при императоре Петре I» – ЖМНП. 1875 г., кн. VII, г., 73 – дела второго рода неточно названы «относящимися собственно к духовенству, белому и монашествующему, равно и к светским лицам».
[1408] - ПСП. I, 1. Духовный регламент II, вступление.
[1409] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 1.
[1410] - ПСП. I, 1. Дух. регламент.
[1411] - ПСП. II, 596.
[1412] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 5. 7. 8. 9. 12.
[1413] - ПСП. I, 1. Дух. регл. II, дела общие.

[1414] - ПСП. I, 1. Дух. регл. II, дела общие 1. 2.
[1415] - ПСП. I, 1. Дух. регл. II, дела общие 4. 5.
[1416] - ПСП. I, 1. Дух. регл. II, 6. 7. 8; III, 4.
[1417] - ПСП. I, 1. Дух. регл. II, 9. 10.
[1418] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 5. 3; II, 3.
[1419] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 6.
[1420] - ПСП. I, 1. Дух. регл. II, дела общие второго рода.
[1421] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 7. 10. 1.
[1422] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 1; II.
[1423] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 2.
[1424] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 8.
[1425] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 11.
[1426] - ПСП. I, 1. Дух. регл. III, 9. 12. 13.
[1427] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. VII, 78. 79.
[1428] - ПСП. I, 1. Дух. регл. II и III.
[1429] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 358.
[1430] - В. Попов, «О святейшем Синоде и об установлениях при нем в царствование Петра I». ЖМНП. 1881 г., кн. II, 229.
[1431] - ПСП. I, 4. – ОАСС. 1721 г., 201 и прил. XI.
[1432] - ПСП. I, 312. 114. 119. 332.
[1433] - ПСП. I, 3. 15.
[1434] - ОАСС. 1724 г., 394.
[1435] - ПСП. I, 5.
[1436] - ПСП. I, 9.
[1437] - ГА. XVIII, № 47, т. I.
[1438] - ПСП. I, 44.
[1439] - ПСП. I, 3.
[1440] - ПСП. I, 11.
[1441] - ПСП. I, 24. 299.
[1442] - ПСП. I, 64. 70.
[1443] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. VII, 76.
[1444] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. VII, 76 – 77.
[1445] - ПСП. I, 3. 25.
[1446] - ПСП. I, 25. 64.

[1447] - ПСП. I, 76. – ОАСС. 1721 г., 104.
[1448] - ПСП. I, 76.
[1449] - ПСП. I, 172.
[1450] - ПСП. I, 213.
[1451] - ПСП. I, 312.
[1452] - ПСП. I, 312.
[1453] - ПСП. I, 313; II, 349.
[1454] - ПСП. II, 532. 693.
[1455] - ПСЗ. 1823.
[1456] - ПСП. II, 532.
[1457] - ПСП. IV, 1222.
[1458] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 361 – 362.
[1459] - ПСП. II, 847. 940.
[1460] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 362.
[1461] - ПСП. I, 41.
[1462] - ПСП. I, 81.
[1463] - ПСП. I, 313.
[1464] - ПСП. IV, 1300.
[1465] - МАМЮ. 764, лл. 440 – 441.
[1466] - МАМЮ. 764, л. 442.
[1467] - МАМЮ. 764, л. 443.
[1468] - МАМЮ. 764, л. 462. – ПСП. I, 99. – ОАСС. 1721 г., 263.
[1469] - МАМЮ. 764, л. 541.
[1470] - МАМЮ. 764, л. 512.
[1471] - ПСП. I, 129.
[1472] - ПСП. I, 209.
[1473] - ПСП. I, 91.
[1474] - ПСП. I, 113.
[1475] - ОАСС. 1721 г., 270.
[1476] - ПСП. I, 312, п. 26.
[1477] - ПСП. I, 251. 290; II, 903. – Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 375 – 377.
[1478] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. VII, 63. 64.
[1479] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 361.

[1480] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 372.

[1481] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 361.

[1482] - ПСП. I, 123. 212.

[1483] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 365 – 367. – ПСП. II, 710.

[1484] - ОАСС. 1723 г., 503.

[1485] - ОАСС. 1722 г., 26. – Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г. кн. XII, 364.

[1486] - ПСП. II, 346. – Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 374.

[1487] - ПСП. II, 424.

[1488] - ПСП. II, 544.

[1489] - ПСП. II, 871.

[1490] - ПСП. II, 496.

[1491] - ПСП. II, 424.

[1492] - ПСП. II, 389. – Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 374.

[1493] - ПСП. II, 388. 484.

[1494] - ПСП. II, 940; III, 994.

[1495] - ПСП. I, 78.

[1496] - ПСП. I, 99.

[1497] - ОАСС. 1722 г., 558. 1210.

[1498] - ПСП. II, 476.

[1499] - С. Петровский, «О Сенате» 322.

[1500] - ОАСС. 1721 г., 721. 722. 724.

[1501] - ОАСС. 1724 г., 90.

[1502] - ОАСС. 1723 г., 228. 276. 282.

[1503] - ОАСС. 1724 г., 184.

[1504] - ОАСС. 1722 г., 94; 1724 г., 376.

[1505] - ОАСС. 1723 г., 127; 1724 г., 551.

[1506] - ОАСС. 1722 г., 1282.

[1507] - ОАСС. 1721 г., 723; 1723 г., 286.

[1508] - ОАСС. 1723 г., 4. 87.

[1509] - ОАСС. 1723 г., 128. 275.

[1510] - ОАСС. 1721 г., 207. 229. 545. 706; 1722 г., 3; 1723 г., 118; 1724 г.,

310. 362. 363.

[1511] - ОАСС. 1723 г., 4. 85.

[1512] - АПДК. 1724 г., 364.

[1513] - АПДК. 1721 г., 124.

[1514] - АПДК. 1721 г., 59.

[1515] - ОАСС. 1722 г., 714.

[1516] - АПДК. 1721 г., 57.

[1517] - АПДК. 1721 г., 58.

[1518] - АПДК. 1721 г., 3. 56.

[1519] - ПСП. II, 467.

[1520] - ПСП. I, 287.

[1521] - ПСП. IV, 1356. – ОАСС. 1724 г., 369.

[1522] - АПДК., дела 1721 – 1724 г.г.

[1523] - ОАСС. 1722 г., 714.

[1524] - АПДК. 1723 г., 302.

[1525] - АПДК. 1721 г., 56.

[1526] - ПСП. II, 693.

[1527] - ОАСС. 1722 г., 1215.

[1528] - ОАСС. 1723 г., 334.

[1529] - ОАСС. 1722 г., 1063.

[1530] - ОАСС. 1723 г., 86.

[1531] - ОАСС. 1723 г., 291.

[1532] - ОАСС. 1724 г., 38.

[1533] - ПСП. IV, 1340. – ОАСС. 1724 г., 374. – Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 377 – 378.

[1534] - ОАСС. 1724 г., 94.

[1535] - ПСП. V, 1819. – А. Голубев, «Св. Синод». «Внутренний быт» II, 267.

[1536] - А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт» II, 267. 270 – 271.

[1537] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. VII, 80 – 81.

[1538] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. VIII, 154.

[1539] - А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт» II, 232.

[1540] - А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт» II, 232, 253.

[1541] - А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт» II, 232 – 234.

[1542] - А. Голубев, «Св. Синод». «Внутр. быт» II, 252 – 256. – Вслед за Голубевым и рабски следующий за ним Ф. Благовидов, «Обер-прокуроры» 13 – 27.

[1543] - В. Попов, «О Святейшем Синоде и об установлениях при нем в царствование Петра Великого». ЖМНП. 1881 г., кн. II, 256.

[1544] - ПСП. I, 112.

[1545] - С. Петровский, «О Сенате» 322.

[1546] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 358.

[1547] - ПСП. I, 1.

[1548] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. II.

[1549] - ПСП. I, 1.

[1550] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. VII, 81.

[1551] - ПСП. I, 1.

[1552] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. LV.

[1553] - МАМЮ 764, л. 352.

[1554] - МАМЮ. 764, л. 627.

[1555] - См. стр. 138 и 321.

[1556] - ПСП. I, 3.

[1557] - ПСП. I, 2.

[1558] - ПСП. II, 532.

[1559] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. VIII, 155 – 157.

[1560] - ПСП. I, 76.

[1561] - МАМЮ. 764, л. 343.

[1562] - МАМЮ. 764, л. 352.

[1563] - МАМЮ. 764, л. 353.

[1564] - МАМЮ. 764, л. 358.

[1565] - МАМЮ. 764, лл. 354. 355. 359.

[1566] - ПСП. I, 76. – ОАСС. 1721 г., 104.

[1567] - МАМЮ. 764, л. 431. – См. также стр. 307.

[1568] - ПСП. I, 76. – См. стр. 300.

[1569] - ПСП. I, 76. – МАМЮ. 764, а. 759.

[1570] - ОАСС. 1722 г., 623.

[1571] - ОАСС. 1722 г., 891. – ПСП. II, 761.

[1572] - ОАСС. 1723 г., 379. – Это исключительное дело у Востокова выставляется как пример вмешательства Сената в духовные дела. ЖМНП

1875 г., кн. XII, 372 – 373.

[1573] - ОАСС. 1722 г., 609. – ПСП. I, 257; II, 777. 625.

[1574] - ПСП. I, 82; II, 681. – Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 376.

[1575] - М. Горчаков, «Мон. Пр.», прил. 78.

[1576] - ПСП. IV, 1323.

[1577] - ОАСС. 1724 г., 522.

[1578] - ПСП. I, 257. – ОАСС. 1723 г., 379.

[1579] - ПСП. I, 112.

[1580] - ПСП. I, 112.

[1581] - М. Горчаков, «Мон. Пр.», прил. 78.

[1582] - ОАСС. 1723 г., 587.

[1583] - ОАСС. 1722 г., 538.

[1584] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 364.

[1585] - ОАСС. 1724 г., 22.

[1586] - ОАСС. 1724 г., 223.

[1587] - ОАСС. 1723 г., 32.

[1588] - ОАСС. 1724 г., 116.

[1589] - ОАСС. 1723 г., 415.

[1590] - ОАСС. 1722 г., 1115.

[1591] - ОАСС. 1722 г., 430. – ПСП. II, 558.

[1592] - ПСП. II, 751. – ОАСС. 1722 г., 851.

[1593] - ПСП. II, 927.

[1594] - ОАСС. 1721 г., 123. – ПСП. I, 114. – В. Попов в своей статье «О Св. Синоде», – ЖМНП. 1881 г., кн. II, 256 – 257, – на этом инциденте основывает свой вывод, будто «Сенат смотрел на Синод как на установление низшее его и даже ему подчиненное».

[1595] - ПСП. I, 112.

[1596] - ПСП. I, 312, л. 13, также см. лл. 15. 16.

[1597] - ОАСС. 1721 г., 492. 602. – ПСП. I, 302.

[1598] - ОАСС. 1721 г., 118. 156. – ПСП. I, 27.

[1599] - ПСП. I, 114.

[1600] - ОАСС. 1722 г., 1103.

[1601] - ОАСС. 1722 г., 733. – ПСП. II, 710. – Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 366 – 369.

[1602] - ПСП. I, 112. 172.
[1603] - ПСП. I, 312.
[1604] - ПСП. I, 112.
[1605] - ПСП. I, 312.
[1606] - ПСП. I, 312.
[1607] - ПСП. I, 313.
[1608] - ПСП. II, 716.
[1609] - АСС. 1723 г., 30.
[1610] - ОАСС. 1723 г., 565. – Также ПСП. IV, 1301.
[1611] - ПСП. IV, 1163.
[1612] - ПСП. III, 1081.
[1613] - ПСП. III, 1101.
[1614] - ПСП. I, 312; II, 890.
[1615] - ПСП. II, 555.
[1616] - ОАСС. 1723 г., 565. – М. Горчаков, «Мон. Пр.», прил. 73 – 79.
[1617] - ОАСС. 1724 г., 78.
[1618] - ПСЗ. 3534. Генеральный регламент XVI и XIX.
[1619] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. V.
[1620] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXIII.
[1621] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXII.
[1622] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. V и IV.
[1623] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. III.
[1624] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. IX.
[1625] - ПСЗ 3534. Генер. регл. XXIII.
[1626] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. III. XII.
[1627] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. VII. V.
[1628] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. IV.
[1629] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. VI.
[1630] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXIX. XXXIV.
[1631] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXVIII.
[1632] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXIV.
[1633] - ПСЗ. 3534. Генер. регл XXXV.
[1634] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXXIII.
[1635] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XLIII.

[1636] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XV.

[1637] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XIV.

[1638] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XVI.

[1639] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XVIII.

[1640] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XIX.

[1641] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XX.

[1642] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXI.

[1643] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXII.

[1644] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXVII.

[1645] - АСС. 1721 г., 422 и др. – ОАСС 1722 г., 61. 944. 1132; 1723 г., 396.

[1646] - ОАСС. 1722 г., 422.

[1647] - ОАСС. 1722 г., 422.

[1648] - ОАСС. 1722 г., 422.

[1649] - ПСП. II, 693. – ОАСС. 1723 г., 430; 1724 г., 501; 1725 г., прил. II.

[1650] - ОАСС. 1724 г., 500.

[1651] - ОАСС. 1724 г., 313.

[1652] - ОАСС. 1723 г., 397.

[1653] - ОАСС. 1723 г., 430.

[1654] - ПСП. IV, 1323.

[1655] - ПСП. I, 213.

[1656] - ПСП. II, 368. – ОАСС. 1722 г., 75.

[1657] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XIV.

[1658] - ПСП. IV, 1394.

[1659] - ПСП. I, 31.

[1660] - ПСП. I, 2. 206. 207. – АСС. См. книги с копиями высочайших повелений.

[1661] - АСС. 1721 г. и др.

[1662] - ПСП. III, 989. 991. – ПСЗ. 3937. 4165.

[1663] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. II.

[1664] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. IV.

[1665] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. IV.

[1666] - 14 февраля 1721 года. – ПСП. I, 2. 3. – ОАСС. 1721 г., 104. 250. – 1 октября 1721 года. – АСС. 1721 г., 574. – ОАСС. 1721 г., 115. 138. 220. – МАМЮ. 764, л. 576. – 12 ноября 1721 года – ОАСС. 1721 г., 654. 666. –

ПСП. I, 298. – 22 декабря 1721 года. – ОАСС. 1721 г., 742. – 1 января 1722 года. – ОАСС. 1721 г., 574. – 24 декабря 1722 года. – ОАСС. 1722 г., 1287. – ПСП. II, 952. – 4 января 1723 года. – ОАСС. 1723 г., 13. – ПСП. III, 965.

[1667] - ПСП. I, 2. 3, – АСС. 1722 г., 1287. – ПСП. II, 952.

[1668] - ПСП. I, 345; II, 936. 950. 951; III, 965. – ОАСС. 1721 г., 742; 1722 г., 1287; 1723 г., 13.

[1669] - ОАСС. 1721 г., 138.

[1670] - АСС. 1721 г., 574.

[1671] - ПСП. IV, 1246.

[1672] - ОАСС. 1723 г., 374. 449. 469. – ПСП. IV, 1413.

[1673] - ОАСС. 1723 г., 607.

[1674] - ПСП. IV, 1352. – ОАСС. 1723 г., 331.

[1675] - ОАСС. 1722 г., 140.

[1676] - ОАСС. 1724 г., 68. – ПСП IV, 1189.

[1677] - ОАСС. 1723 г. 331.

[1678] - ОАСС. 1723 г., 541. – ПСП. III, 1135; IV, 1200. 1407.

[1679] - ПСП. IV, 1280. 1287. – ОАСС. 1723 г., 468.

[1680] - ОАСС. 1722 г., 1287; 1723 г., 449. 457. 540 – ПСП. III, 1148; IV, 1207. 1325.

[1681] - ОАСС. 1722 г., 375. 424; 1723 г., 180. – ПСП. IV, 1246. 1248 1251.

[1682] - ОАСС. 1723 г., 434. 521. – ПСП. III, 1087.

[1683] - ОАСС. 1723 г., 523.

[1684] - ОАСС. 1723 г., 323. – ПСП. III, 1052.

[1685] - ОАСС. 1721 г., 520. – ПСП. I, 207.

[1686] - ПСП. II, 462.

[1687] - ОАСС. 1723 г., 60. 61. 62.

[1688] - ОАСС. 1723 г., 180.

[1689] - ОАСС. 1723 г., 155.

[1690] - ОАСС. 1723 г., 535.

[1691] - ОАСС. 1722 г., 1070; 1725 г., 10. – ПСП. IV, 1452.

[1692] - ОАСС. 1723 г., 434. – ПСП. III, 1087.

[1693] - ПСП. II, 345; III, 1052. 1135; IV, 1251. 1287. 1325. 1452. – ОАСС. 1722 г., 140. 375. 397; 1723 г., 76. 155. 323. 331. 374. 449. 457. 458. 468. 521. 523. 535. 541; 1725 г., 10.

[1694] - ПСП. I, 207; IV, 1246. 1407. – ОАСС. 1721 г., 520; 1722 г., 246.

1287; 1723 г., 38.

[1695] - ОАСС. 1722 г., 424; 1723 г., 60. 61. 62. 469. 540; 1724 г., 188. – ПСП. II, 462.

[1696] - Словесно: Феодосием – ПСП. III, 1135; IV, 1251. 1287. 1407. 1452. – ОАСС. 1723 г., 449; 1725 г., 10. – Феофаном – ПСП. IV, 1241. 1280. – Обоими – ОАСС. 1723 г., 469. – Феодосием, Феофилактом, Гавриилом, Петром Симоновским и Рафаилом Колязинским – ПСП. IV, 1413.

[1697] - ОАСС. 1723 г., 38. – ПСП. IV, 1200.

[1698] - ОАСС. 1721 г., 671.

[1699] - ОАСС. 1723 г., 607.

[1700] - ОАСС. 1722 г., 581.

[1701] - ОАСС. 1722 г., 295 и прил. XXXV.

[1702] - ОАСС. 1722 г., 623.

[1703] - ОАСС. 1722 г., 111 и прил. VII. – ПСП. II, 373.

[1704] - ОАСС. 1722 г., 494.

[1705] - ОАСС. 1723 г., 526. 538.

[1706] - ОАСС. 1721 г., 532; 1723 г., 339.

[1707] - ОАСС. 1722 г., 1287; 1723 г., 586. – Ср. ПСП II, 951.

[1708] - См. С. Соловьев, «История России» XVI, 214.

[1709] - СИРИО. XL, 181.

[1710] - ПСП. IV, 1201.

[1711] - ОАСС. 1722 г., 92. – ПСП. IV, 1248.

[1712] - ОАСС. 1722 г., 424.

[1713] - ОАСС. 1723 г., 180.

[1714] - ОАСС. 1722 г., 397. – ПСП. II, 493.

[1715] - ПСП. IV, 1280.

[1716] - ОАСС. 1722 г., 532. – ПСП. II, 573.

[1717] - ОАСС. 1721 г., 338.

[1718] - ОАСС. 1724 г., 7.

[1719] - ОАСС. 1721 г., 138.

[1720] - ОАСС. 1722 г., 623.

[1721] - ОАСС. 1721 г., 138.

[1722] - ОАСС. 1722 г., 609. 685. 1182.

[1723] - ОАСС. 1721 г., 760.

[1724] - ОАСС. 1722 г., 609; 1721 г., 760.

[1725] - ОАСС. 1721 г., 138.
[1726] - МАМЮ. 764, л. 757.
[1727] - ОАСС. 1721 г., 138.
[1728] - ОАСС. 1722 г., 169.
[1729] - ОАСС. 1722 г., 997.
[1730] - ОАСС. 1722 г., 997.
[1731] - ОАСС. 1723 г., 179.
[1732] - ОАСС. 1723 г., 602.
[1733] - ОАСС. 1723 г., 540. – ПСП. III, 1148; IV, 1207.
[1734] - ПСП. I, 2. – См. стр. 141.
[1735] - ПСП. I, 3. 2. – АСС. 1721 г., Журналы, кн. I.
[1736] - АСС. 1721 г., Протоколы, кн. I.
[1737] - ПСП. I, 4.
[1738] - АСС. 1721 г., Протоколы, кн. I. – ПСП. I, 6. – ОАСС. 1721 г., 107.
[1739] - ПСЗ. 2982.
[1740] - АСС. 1721 г., Журналы, кн. I.
[1741] - АСС. 1721 г., Журналы, кн. I, л. 183.
[1742] - АСС. 1721 г., Журналы, кн. I, л. 296.
[1743] - ОАСС. 1721 г., 130.
[1744] - ОАСС. 1724 г., 57.
[1745] - ОАСС. 1723 г., 607.
[1746] - ОАСС. 1724 г., 416.
[1747] - ОАСС. 1724 г., 548.
[1748] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 116.
[1749] - ПСП. II, 448.
[1750] - ПСП. II, 826. – ОАСС. 1722 г., 986.
[1751] - ПСП. IV, 1346.
[1752] - При определении одного секретаря Синод выражался: «быть ему в Синоде у дел секретарем и заседание с прочими секретари иметь, когда президент и вице-президенты с прочими члены собрание иметь будут». – ПСП. I, 190.
[1753] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXIII.
[1754] - ОАСС. 1723 г., 383. 430.
[1755] - ПСП. IV, 1249; III, 1080.
[1756] - ПСП. IV, 1270.

[1757] - ОАСС. 1723 г., 383. – ПСП. III, 1080; IV, 1249.
[1758] - ОАСС. 1722 г., 623.
[1759] - ОАСС. 1723 г., 435.
[1760] - ОАСС. 1722 г., 623.
[1761] - ПСП. I, 153.
[1762] - ПСП. II, 448. – ОАСС. 1722 г., 283.
[1763] - ПСП. II, 448 – ОАСС. 1722 г., 283 – ПСЗ. 3534. Генер. регл.
[1764] - См. Т. Барсов, «Синодальные учреждения прежнего времени». СПб. 1897 г. Стр. 41 – 71.
[1765] - ПСП. II, 448 – ОАСС. 1722 г., 283.
[1766] - ОАСС. 1721 г., 495; 1723 г., 585.
[1767] - ПСП. I, 280 – МАМЮ. 764, л. 745 (см. выше стр. 233).
[1768] - Н. Розанов, «Ист. моск. еп. упр.» 1, 24.
[1769] - ОАСС. 1723 г., прил. XL.
[1770] - ОАСС. 1723 г., 536.
[1771] - ПСП. II, 462. – ОАСС. 1722 г., 92.
[1772] - АСС. 1721 г., 665. – ОАСС. 1722 г., 861.
[1773] - ОАСС. 1722 г., 589. 906. 958; 1723 г., 426. 444.
[1774] - ПСП. I, 207.
[1775] - ОАСС. 1721 г., 520. – ПСП. I, 207.
[1776] - ОАСС. 1722 г., 20. – ПСП. I, 312. 313; II, 349.
[1777] - ПСП. II, 716. – ПСЗ. 4051.
[1778] - ПСП. I, 278. – ОАСС. 1721 г., прил. XLII.
[1779] - ПСП. I, 278. – ОАСС. 1721 г., прил. XLII.
[1780] - ПСП. I, 278. – ОАСС. 1721 г., прил. XL.
[1781] - ОАСС. 1721 г., 671. – ПСП. I, 311.
[1782] - МАМЮ. 767, л. 15.
[1783] - ПСП. II, 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. – ОАСС. 1722 г., 410. 470. 474. 480. 753.
[1784] - ПСП. II, 777.
[1785] - ПСП. II, 721; IV, 1323 – ОАСС. 1722 г., 807. 917.
[1786] - ПСП. II, 838.
[1787] - ПСП. II, 841. – ОАСС. 1722 г., 1023.
[1788] - ПСП. II, 777.

[1789] - ОАСС. 1722 г., 1036. – Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 376.

[1790] - МАМЮ. 765, л. 584.

[1791] - АСС. 1723 г., 109. На этой конференции «словесно» положено было членам Синода выдать на руки прогоны, а для канцелярии дать подводы натурою.

[1792] - ПСП. III, 1038.

[1793] - М. Горчаков, «Мон. пр.», прил., стр. 124 – 126.

[1794] - ПСП. IV, 1351.

[1795] - ПСП. IV, 1379. 1374.

[1796] - И. Чистович, «Ф. Прокопович» 115 – 118.

[1797] - ПСП. IV, 1200.

[1798] - ПСП. IV, 1433.

[1799] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 371.

[1800] - ПСП. IV, 1374.

[1801] - См. выше, стр. 168 – 169.

[1802] - ОАСС. 1722 г., 432. – ПСП, II, 530.

[1803] - ОАСС. 1724 г., 137.

[1804] - ОАСС. 1723 г., 9.

[1805] - ПСП. IV, 1442.

[1806] - ПСП. IV, 1454.

[1807] - ОАСС. 1724 г., 394.

[1808] - ОАСС. 1724 г., 351.

[1809] - ОАСС. 1723 г., 376.

[1810] - ОАСС. 1724 г., 332.

[1811] - ОАСС. 1723 г., 267.

[1812] - ОАСС. 1724 г., 188.

[1813] - АСС. 1723 г., 9, лл. 88–90.

[1814] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXX и VI.

[1815] - АСС., журналы 1721 г.

[1816] - АСС., журналы.

[1817] - АСС., протоколы.

[1818] - АСС., дела.

[1819] - АПДК. 1721 г., 55. 65. 77. 81. 121 и др.

[1820] - ПСП. I, 303. – ПСЗ. 3850.

[1821] - ПСП. IV, 1179. 1212. – ОАСС. 1724 г., 54.
[1822] - ОАСС. 1721 г., 138.
[1823] - АСС. 1721 г., протоколы, кн. I.
[1824] - АСС. 1721 г., 422; 1722 г., 886.
[1825] - АСС. 1721 г., 422.
[1826] - ПСП. II, 777.
[1827] - ПСП. I, таблица в конце тома.
[1828] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XLVI.
[1829] - ОАСС. 1724 г., 997.
[1830] - ОАСС. 1723 г., 451.
[1831] - ПСП. II, 868.
[1832] - ОАСС. 1722 г., 609.
[1833] - ПСП. I, 3.
[1834] - МАМЮ. 764, л. 369. – Ср. ПСП. I, 25.
[1835] - МАМЮ. 764, лл. 373 – 374.
[1836] - МАМЮ 764, лл. 379 – 380.
[1837] - МАМЮ. 764, л. 583. – АСС. 1721 г., 200.
[1838] - МАМЮ. 764, л. 500.
[1839] - МАМЮ. 764, л. 583.
[1840] - МАМЮ. 764, л. 612. Указ в московскую рентерею.
[1841] - АСС. 1722 г., 886, л. 83.
[1842] - ОАСС. 1722 г., 678; 1723 г., 597.
[1843] - ОАСС. 1722 г., 929. 944.
[1844] - ОАСС. 1722 г., 1028.
[1845] - ОАСС. 1722 г., прил. XXVIII.
[1846] - ОАСС. 1722 г., 671. 848.
[1847] - ОАСС. 1722 г., 807.
[1848] - ОАСС. 1722 г., 495.
[1849] - ОАСС. 1723 г., 597: «обретающемуся в Псковской епархии, у разыскания раскольников поручику Зиновьеву».
[1850] - ОАСС. 1723 г., 597.
[1851] - ОАСС. 1723 г., 415.
[1852] - ОАСС. 1722 г., 538.
[1853] - ОАСС. 1722 г., 538.

[1854] - ПСП. I, 303.
[1855] - ОАСС. 1722 г., 671. 848.
[1856] - ОАСС. 1724 г., 291.
[1857] - ОАСС. 1722 г., 609.
[1858] - АСС. 1723 г., 483.
[1859] - ОАСС. 1723 г., 597.
[1860] - ОАСС. 1722 г., 1031. – См. также ПСП. IV, 1361.
[1861] - АСС. 1721 г., 342. Письмо 7 сентября 1721 года.
[1862] - АСС. 1722 г., 997, л. 135.
[1863] - АСС. 1722 г., 997; 1724 г., 116.
[1864] - ОАСС. 1721 г., прил. XVIII.
[1865] - ПСП. I, 232.
[1866] - ОАСС. 1724 г., 116.
[1867] - АПДК. 1721 г., 84.
[1868] - ОАСС. 1723 г., 565. – М. Горчаков, «Мон. Пр.», прил. 73 – 79.
[1869] - ААЛ. 1713 г., 26.
[1870] - АПДК. 1724 г., 440. – ААС. 1722 г., 997.
[1871] - ОАСС. 1722 г., 713.
[1872] - ОАСС. 1723 г., 572.
[1873] - ПСП. IV, 1311.
[1874] - ПСП. II, 462. 472. 508; IV, 1314. – ОАСС. 1722 г., 7. 807. 929.
[1875] - ОАСС. 1722 г., 997.
[1876] - АСС. 1721 г., 259, лл. 152. 153 – 154.
[1877] - МАМЮ. 764.
[1878] - ОАСС. 1723 г., 69.
[1879] - ПСП. II, 868.
[1880] - ОАСС. 1723 г., 338.
[1881] - ОАСС. 1722 г., 379.
[1882] - ОАСС. 1722 г., 379.
[1883] - ПСЗ. 2824.
[1884] - ОАСС. 1722 г., 480.
[1885] - ОАСС. 1722 г., 1155.
[1886] - ОАСС. 1722 г., 6. 724. 1155.
[1887] - ПСП. I, 121.

[1888] - ОАСС. 1722 г., 616.

[1889] - ОАСС. 1721 г., 327. – ПСП. IV, 1424. С 1724 года от Петербурга до Новгорода по одной деньге с версты, а от Новгорода до Москвы по алтыну; в других городах, где ямов не было, по 4 копейки за 10 верст, или по деньге с версты и лошади зимою и по копейке летом, до Нарвы, Ревела и Риги по 2 алтына на 10 верст, кто едет по казенной надобности, а кто едет по своей надобности, платить вдвое. За простой полагалось мужику с лошадью по 10 копеек на день, без лошади по 5 копеек. – Прогоны выдавались в обрез, и бывало, что солдат должен был допускать передержку. ОАСС. 1723 г., 423.

[1890] - ОАСС. 1721 г., 350.

[1891] - ОАСС. 1722 г., 678.

[1892] - ОАСС. 1722 г., 1155.

[1893] - ОАСС. 1722 г., 6. – ПСП. III, 1139.

[1894] - По понедельникам и пятницам с 1714 года. – П. Петров, «Ист. СПб.» 127. – ПСП. III, 1139.

[1895] - ПСП, III, 1139.

[1896] - ОАСС. 1721 г., 239. 589. – ПСП I, 150.

[1897] - ПСП. III, 1139.

[1898] - ОАСС. 1723 г., 437.

[1899] - ОАСС. 1721 г., 239; 1722 г., 777; 1723 г., 437. – ПСП. I, 150; III, 1139.

[1900] - ОАСС. 1722 г., 657.

[1901] - ОАСС. 1722 г., 353.

[1902] - ОАСС. 1722 г., 236.

[1903] - ОАСС. 1722 г., 713.

[1904] - ОАСС. 1722 г., 112.

[1905] - ОАСС. 1722 г., 379.

[1906] - ОАСС. 1722 г., 477.

[1907] - ОАСС. 1722 г., 379. – ПСП. II, 482.

[1908] - ОАСС. 1722 г., 477. – ПСП. II, 585.

[1909] - ОАСС. 1722 г., 532.

[1910] - ОАСС. 1722 г., 480.

[1911] - ОАСС. 1722 г., 1155.

[1912] - ОАСС. 1722 г., 500; 1723 г., 579.

[1913] - ОАСС. 1724 г., 116.
[1914] - ОАСС. 1722 г., 538. – ПСП. IV, 1323.
[1915] - ОАСС. 1722 г., 491. 890.
[1916] - ПСП. II, 1323.
[1917] - ОАСС. 1722 г., 424. 871, – ПСП. II, 511. 591.
[1918] - ОАСС. 1722 г., 807.
[1919] - АСС. 1722 г., 997, л. 135.
[1920] - ОАСС. 1722 г., 500.
[1921] - ОАСС. 1724 г., 116.
[1922] - ОАСС. 1722 г., 1270.
[1923] - ОАСС. 1722 г., 538.
[1924] - ОАСС. 1723 г., 579.
[1925] - ОАСС. 1722 г., 707.
[1926] - ПСП. II, 1323.
[1927] - ОАСС. 1722 г., 897.
[1928] - ОАСС. 1722 г., 491.
[1929] - ОАСС. 1722 г., 890.
[1930] - ОАСС. 1724 г., 522.
[1931] - ПСП. IV, 1323.
[1932] - ПСП. IV, 12 8.
[1933] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 363.
[1934] - ОАСС. 1725 г., 5.
[1935] - Н. Востоков, «Св. Синод». ЖМНП. 1875 г., кн. XII, 363.
[1936] - ОАСС. 1722 г., 480. – ПСП. II, 380. 608.
[1937] - ПСП. II, 608.
[1938] - ОАСС. 1722 г., 480.
[1939] - ОАСС. 1721 г., 162.
[1940] - ОАСС. 1722 г., 689. – ПСП. II, 666.
[1941] - ОАСС. 1722 г., 1073.
[1942] - ПСП. IV, 1249.
[1943] - АСС. 1724 г., 322.
[1944] - ОАСС. 1724 г., 37.
[1945] - ПСП. I, 274.
[1946] - ОАСС. 1722., 537. – ПСП. II, 583.

[1947] - ОАСС. 1722 г., 1170.
[1948] - ОАСС. 1722 г., 537. – ПСП II, 583.
[1949] - ОАСС. 1722 г., 495; 1723 г., 357.
[1950] - ОАСС. 1722 г., 1223.
[1951] - ПСП. III, 1056.
[1952] - ОАСС. 1721 г., 178.
[1953] - ОАСС. 1723. г., 636.
[1954] - ОАСС. 1723 г., 596.
[1955] - ОАСС. 1723 г., 362.
[1956] - ОАСС. 1722 г., 11.
[1957] - ОАСС. 1722 г., 919.
[1958] - ОАСС. 1722 г., 678. 495.
[1959] - ПСП. IV, 1295.
[1960] - ОАСС. 1722 г., 1062.
[1961] - МАМЮ. 764, л. 689.
[1962] - МАМЮ. 764, л. 744.
[1963] - ПСП. I, 112.
[1964] - МАМЮ. 764, л. 745.
[1965] - ОАСС. 1721 г., 749.
[1966] - ПСП. IV, 1192.
[1967] - МАМЮ. 764, л. 627.
[1968] - ОАСС. 1721 г., 156.
[1969] - ПСП. II, 368.
[1970] - ОАСС. 1722 г., 75. – ПСП. II, 368.
[1971] - АСС. 1721 г., Протоколы, кн. I. – ОАСС. 1721 г., 104. 281.
[1972] - ПСП. IV, 1160.
[1973] - МАМЮ. 764, л. 291 и др.
[1974] - ПСП. I, 236. 237.
[1975] - ПСП. IV, 1304.
[1976] - ОАСС. 1722 г., 1031.
[1977] - ОАСС. 1723 г., 431. 432.
[1978] - ОАСС. 1723 г., 594; 1724 г., 447.
[1979] - ОАСС. 1721 г., 744.
[1980] - АСС. 1723 г., 483.

[1981] - ОАСС. 1723 г., 410.
[1982] - ОАСС. 1724 г., прил. VI.
[1983] - ОАСС. 1724 г., прил. VII.
[1984] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XIII.
[1985] - ОАСС. 1722 г., 74. – ПСП II, 400.
[1986] - ОАСС. 1722 г., 184. – ПСП. II, 447.
[1987] - АПДК. 1724 г., 440. – МАМЮ. 764. л. 583.
[1988] - ОАСС. 1723 г., прил. XXVI.
[1989] - МАМЮ. 764, л. 576.
[1990] - ПСП. IV, 1454.
[1991] - ОАСС. 1721 г., 139. 152. 203. 427. 449. 458. 623. 621; 1722 г., 61. 118. 127. 179. 471. 599. 767. 768. 771. 773. 784. 785. 786. 795. 799. 801. 802. 811. 812. 856. 863. 944. 1030. 1052. 1074. 1078. 1090. 1188. 1236; 1723 г., 9. 78. 135. 159. 183. 193. 227. 247. 252. 260. 315. 396; 1724 г., 72. 107. 177. 203. 215. 223. 242. 244. 245. 312. 460.
[1992] - ОАСС. 1723 г., 135. 159. 183. 227. 247. 315.
[1993] - ОАСС. 1722 г., 944.
[1994] - ОАСС. 1724 г., 242. 312.
[1995] - ОАСС. 1723 г., 9.
[1996] - ОАСС. 1723 г., 78.
[1997] - ОАСС. 1722 г., 825; 1723 г., 159.
[1998] - ОАСС. 1721 г., 413.
[1999] - ПСП. II, 826.
[2000] - ПСП. II, 846.
[2001] - ПСП. IV, 1239.
[2002] - ОАСС. 1722 г., 1132.
[2003] - ОАСС. 1723 г., 39.
[2004] - ОАСС. 1723 г., 375.
[2005] - ОАСС. 1724 г., 489.
[2006] - ОАСС. 1724 г., 496.
[2007] - ОАСС. 1723 г., 445.
[2008] - ОАСС. 1722 г., 240.
[2009] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXX. – ПСП. I, 281.
[2010] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XVI.
[2011] - ОАСС. 1722 г., 745.

[2012] - ПСЗ. Генер. регл. XXIX.
[2013] - ОАСС. 1725 г., прил. II, 8.
[2014] - ПСП. I, 210.
[2015] - ПСП. I, 274.
[2016] - ОАСС. 1723 г., 460.
[2017] - ПСП. II, 561. 637.
[2018] - ПСП. I, 223. 226.
[2019] - ПСП. I, 233. – АСС. 1721 г., 665. 594. 558 и прил. XLI.
[2020] - ПСП. I, 234. – ОАСС. 1721 г., 554.
[2021] - ПСП. I, 261.
[2022] - ПСП. I, 261. 319. 330.
[2023] - ПСП. I, 324.
[2024] - ПСП. I, 318.
[2025] - ПСП. I, 330.
[2026] - ОАСС. 1721 г., 685.
[2027] - ОАСС. 1722 г., 485, прим.
[2028] - П. Петров, «История СПб.» 209.
[2029] - ПСП. I, 343. – ОАСС. 1721 г., 726.
[2030] - ПСП. I, 324.
[2031] - ПСП. I, 324.
[2032] - АСС. 1721 г., 665; 1723 г., 109.
[2033] - ПСП. I, 318.
[2034] - АСС. 1721 г., 665; 1723 г., 109. – ПСП. I, 324. – ОАСС. 1722 г., 798. – В ОАСС. 1721 г., 665, в счете лиц, отправлявшихся в Москву, вице-президенты почему-то опущены и секретарь только один показан отъезжающим. В ПСП. I, 324, караульных солдат предположено было взять пять.
[2035] - ОАСС. 1722 г., 69.
[2036] - ПСП. I, 324. – АСС. 1721 г., 665; 1723 г., 109.
[2037] - ПСП. I. 261. – ОАСС. 1721 г., 594; 1722 г., 69.
[2038] - ОАСС. 1722 г., 69.
[2039] - ОАСС. 1722 г., 954.
[2040] - ОАСС. 1722 г., 21. 273. – ПСП. II, 443.
[2041] - ОАСС. 1722 г., 711.
[2042] - ОАСС. 1722 г., 252. 273. – ПСП II, 435. 443.

[2043] - ОАСС. 1722 г., 988.
[2044] - ОАСС. 1722 г., 207.
[2045] - ОАСС. 1721 г., 731.
[2046] - ОАСС. 1722 г., 511.
[2047] - ОАСС. 1722 г., 512. 672.
[2048] - ОАСС. 1722 г., 512.
[2049] - ОАСС. 1722 г., 396. 413. 512. 638. 668.
[2050] - ОАСС. 1722 г., 512.
[2051] - ОАСС. 1722 г., 413.
[2052] - П. Петров, «История СПб.» 209.
[2053] - ПСП. II, 629.
[2054] - ОАСС. 1722 г., 924.
[2055] - АСС. 1723 г., 109. – ПСП. III, 1040.
[2056] - АСС. 1723 г., 109.
[2057] - ОАСС. 1723 г., 401.
[2058] - ОАСС. 1723 г., 496.
[2059] - ОАСС. 1723 г., 435.
[2060] - АСС. 1724 г., 61. 311. – ОАСС. 1724 г., 80; 1723 г., 578.
[2061] - ОАСС. 1723 г., 578. 583. 588.
[2062] - ПСП. IV, 1210.
[2063] - АСС. 1724 г., 61. 311. – ОАСС. 1724 г., 80. – ПСП. IV, 1208.
[2064] - АСС. 1724 г., 61. 311. – ОАСС. 1724 г., 80.
[2065] - ОАСС. 1724 г., 217.
[2066] - ПСП. IV, 1306.
[2067] - АСС. 1724 г., 311. – ОАСС. 1724 г., 466.
[2068] - В ОАСС. 1724 г., 311, неверно сказано, будто канцелярия выехала 5 июня.
[2069] - АСС. 1724 г., 311. – ОАСС. 1724 г., 466.
[2070] - ОАСС. 1724 г., 466. – АСС 1724 г., 311. – ПСП IV, 1311.
[2071] - ПСП. I, 340. 342. – ОАСС. 1721 г., 718. – Т. Барсов, «Синодальные учреждения» 93 – 94.
[2072] - ОАСС. 1722 г., 101. 103. 793.
[2073] - ОАСС. 1722 г., 485. 204.
[2074] - ОАСС. 1722 г., 1035.

[2075] - ОАСС. 1721 г., 665.
[2076] - ОАСС. 1722 г., 97.
[2077] - ОАСС. 1722 г., 820. 968. – ПСП. II, 788.
[2078] - ОАСС. 1724 г., 85. – ПСП. IV, 1208.
[2079] - ОАСС. 1724 г., 57.
[2080] - ОАСС. 1724 г., 163. 261.
[2081] - ПСП. IV, 1219.
[2082] - ОАСС. 1724 г., 80.
[2083] - См. стр. 209.
[2084] - АСС. 1724 г., 311.
[2085] - ОАСС. 1724 г., 87. 194.
[2086] - ПСП. IV, 1211. – Т. Барсов, «Синод. учреждения» 94 – 95.
[2087] - ОАСС. 1722 г., 1228. – ПСП. III, 1041. – Т. Барсов, «Синодальные учрежд.» 103 – 105.
[2088] - АСС. 1724 г., 311. – ОАСС 1723 г., прил. CLII.
[2089] - ОАСС. 1722 г., 1228. – ПСП. III, 1041.
[2090] - АСС. 1724 г.. 311.
[2091] - ОАСС. 1722 г., 1228.
[2092] - ОАСС. 1723 г., 388.
[2093] - АСС. 1724 г., 311.
[2094] - ПСП. IV, 1314. 1311.
[2095] - ПСП. IV, 1314. – Т. Барсов, «Синод. учреждения» 106.
[2096] - ПСП. IV, 1311.
[2097] - ПСП. IV, 1311.
[2098] - ПСП. IV, 1328. – ОАСС. 1724 г., 340.
[2099] - ПСП. IV, 1311.
[2100] - АСС. 1724 г., 80.
[2101] - ПСП. III, 1110.
[2102] - ПСП. IV, 1314.
[2103] - ПСП. IV, 1314.
[2104] - АСС. 1724 г., 311. – ОАСС. 1724 г., 466.
[2105] - ОАСС. 1721 г., 260.
[2106] - ОАСС. 1722 г., 1093.
[2107] - МАМЮ. 764, л. 340. – См. стр. 138. – АСС. 1723 г., 563. – П.

Петров, «История Спбурга» 93 203 и прилож. стр. 207. – « Ист.-стат. свед. о СПб. епархии» I, отд. II, стр. 114. – В «Исторической справке» А. Львова, напечатанной в «Церковных Ведомостях» 1896 г., № 6, стр. 206 – 207, неверно сказано, будто первое помещение Синода было в доме Брюса «по Карповке».

[2108] - МАМЮ. 764, лл. 344 – 346. – ГА., Кабинет II, № 50, л. 305. В МАМЮ. содержится опись дома подробная, сделанная при приеме дома в духовное ведомство, а в ГА. – краткая, предварительная и не вполне точная.

[2109] - МАМЮ. 764, лл. 344 – 346. – ГА., Кабинет II, № 50, л. 305.

[2110] - ГА., Кабинет II, № 50, л. 305.

[2111] - МАМЮ. 764, лл. 344 – 346.

[2112] - ПСП. I, 7. – АСС. 1721 г. Протоколы, кн. I.

[2113] - См. стр. 138.

[2114] - АСС. 1723 г., 563.

[2115] - АСС. 1721 г., 326; 1722 г., 195.

[2116] - АСС. 1721 г., 326; 1722 г., 195; 1723 г., 563.

[2117] - АСС. 1722 г., 195.

[2118] - ОАСС. 1724 г., 55. – ПСП. I, 30; IV, 1274.

[2119] - АСС. 1721 г., 169. – ОАОС. 1724 г., 32.

[2120] - ОАСС. 1722 г., 500.

[2121] - ОАСС. 1721 г., 210.

[2122] - ОАСС. 1721 г., 607; 1722 г., 343. 485; 1723 г., 504.

[2123] - АСС. 1721 г., 401.

[2124] - АСС. 1721 г., 401.

[2125] - ОАСС. 1722 г., 462.

[2126] - ПСП. III, 1052.

[2127] - ОАСС. 1723 г., 323. – ПСП. III, 1052; IV, 1189.

[2128] - ОАСС. 1724 г., 32. – ПСП. IV, 1189. 1204.

[2129] - ОАСС. 1724 г., 442.

[2130] - ОАСС. 1724 г., 32.

[2131] - АСС. 1723 г., 563.

[2132] - В ОАСС. 1723 г., 563, неверно сказано, будто в 1723 году Синод уже выстроил себе новый дом и государь отдал прежнее «помещение синодальной канцелярии» купцу Барсукову. В подлинном деле изложено,

что в ноябре 1723 года ладожскому купцу Петру Барсукову с товарищами отдана только Нева против синодального двора, для постройки эллинга, причем Барсукову с товарищами предоставлено было «строить по берегу, сколько успеют, только помешательства синодальной канцелярии не чинить», пока она будет там; и только тогда, когда она будет переведена в палаты, которые «строились» на бывшем гагаринском дворе, Барсуков мог вступить во владение «всем местом». – АСС. 1723 г., 563.

[2133] - АСС. 1723 г., 563.

[2134] - АСС. 1721 г., 574.

[2135] - МАМЮ. 764, л. 745.

[2136] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XXШ.

[2137] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XVII.

[2138] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XL и XLVI.

[2139] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XLVII.

[2140] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XLVIII.

[2141] - ОАСС. 1721 г., 626; 1722 г., 485 – ПСП. I, 280. – Одна чернильница послана была в Москву, где находился Синод, когда чернильницы были изготовлены.

[2142] - ОАСС. 1722 г., 746. – ПСП. II, 695.

[2143] - ОАСС. 1723 г., 28.

[2144] - ОАСС. 1721 г., 211.

[2145] - ОАСС. 1722 г., 162. В пятницу на масляной 1722 года, когда в Синоде (в Москве) горела иллюминация, этот колокольчик был украден стоявшим в синодальных светлицах на карауле солдатом. Сторожа, испугавшись, купили на свой счет новый. Однако пропажа была замечена асессором, возбуждено дело и украденный колокольчик тотчас же был разыскан.

[2146] - АПДК. 1721 г., 21. – ПСП. I, 65.

[2147] - ОАСС. 1722 г., 488. 789; 1724 г., 100. – ПСП. IV, 1354.

[2148] - ПСП. I, 233.

[2149] - ОАСС. 1721 г., 554. 558. 594 и прилож. XLI; 1722 г., 51. 572. 717. 964. 1177; 1723 г., 212 и прил. XL. – ПСП. I, 233; II, 348. 599. 689. 809.

[2150] - ОАСС. 1722 г., прил. XLIV.

[2151] - ОАСС. 1721 г., 343.

[2152] - ОАСС. 1723 г., прил. XXXVIII.

[2153] - ОАСС. 1721 г., 160. 715; 1722 г., 97. 485; 1723 г., 564; 1724 г., 84;

1725 г., 29. – ПСП. I, 36. 50. 98; II, 707.

[2154] - ОАСС. 1723 г., 26. – ПСП. II, 869.

[2155] - ОАСС. 1722 г., 585.

[2156] - ОАСС. 1721 г., 160; 1722 г., 1270; 1723 г., 321. – ПСП. I, 60; III, 1068.

[2157] - ОАСС. 1723 г., 153.

[2158] - ОАСС. 1723 г., 409.

[2159] - ОАСС. 1724 г., 308.

[2160] - ОАСС. 1722 г., 97; 1723 г., 564. – ПСП. II, 707.

[2161] - АСС. 1724 г., 311.

[2162] - ОАСС. 1723 г., 409.

[2163] - ОАСС. 1722 г., 505.

[2164] - ОАСС. 1722 г., 1259.

[2165] - ПСП. II, 707.

[2166] - ОАСС. 1722 г., 488. 789; 1724 г., 100. – ПСП. I, 125; IV, 1354.

[2167] - ОАСС. 1724 г., 453.

[2168] - ПСП. IV, 1354.

[2169] - ПСП. IV, 1354.

[2170] - ПСП. I, 136; IV, 1354, – ОАСС. 1722 г., 97. – В переложении хлебного жалованья на деньги общая сумма выдачи сторожам в октябре 1722 года определялась по 8 рублей 60 копеек в треть. – ОАСС. 1722 г., 1032.

[2171] - ПСП. II, 901.

[2172] - ПСП. II, 901.

[2173] - ПСЗ. 3534. Генер. регл. XLVI.

[2174] - ОАСС. 1722 г., 291; 1723 г., 107. 288. 290.

[2175] - ОАСС. 1721 г., 448.

[2176] - ОАСС. 1722 г., 1.

[2177] - ОАСС. 1723 г., 467; 1724 г., 388.

[2178] - ПСП. I, 233.

[2179] - ОАСС. 1722 г., 1145.

[2180] - ОАСС. 1721 г., 204.

[2181] - ОАСС. 1724 г., 157.

[2182] - ОАСС. 1724 г., 199.

[2183] - ОАСС. 1724 г., 55.

[2184] - ПСП. I, 8. 43. – АСС. 1721 г., протоколы, кн. I.
[2185] - ПСП. I, 8. 43. – АСС. 1721 г., протоколы, кн. I.
[2186] - ОАСС. 1721 г., 398. 452.
[2187] - ПСП. I, 325.
[2188] - ОАСС. 1723 г., 548.
[2189] - ОАСС. 1724 г., 208.
[2190] - ПСП. IV, 1359.
[2191] - ОАСС. 1722 г., 1300.
[2192] - ОАСС. 1721 г., 372.
[2193] - ПСП. I, 142.
[2194] - ОАСС. 1722 г., 1300.
[2195] - ОАСС. 1721 г., 595.
[2196] - ОАСС. 1722 г., 1300.
[2197] - ОАСС. 1725 г., 23.
[2198] - ОАСС. 1721 г., 528. 595; 1724 г., 481. – ПСП. I, 257.
[2199] - ОАСС. 1722 г., 68.
[2200] - ОАСС. 1722 г., 68.
[2201] - ОАСС. 1722 г., 930.
[2202] - ОАСС. 1724 г., 481.
[2203] - ОАСС. 1721 г., 372. – ПСП. I, 142.
[2204] - ПСП. I, 142.
[2205] - ОАСС. 1724 г., 356. – ПСП. IV, 1333. 1297.
[2206] - АСС. 1723 г., 563.
[2207] - ОАСС. 1722 г., 1046.
[2208] - ОАСС. 1723 г., прил. XL.
[2209] - ОАСС. 1723 г., прил. XL. – ПСП. I, 261.
[2210] - ПСП. I, 335.
[2211] - ОАСС. 1722 г., 485.
[2212] - ОАСС. 1722 г., 925.
[2213] - ОАСС. 1722 г., 1046.
[2214] - ОАСС. 1723 г., прил. XL. – ПСП. II, 930.
[2215] - ПСП. I, 223. 226.
[2216] - ПСП. I, 226.
[2217] - ПСП. I, 254.

[2218] - ПСП. I, 255.
[2219] - ПСП. I, 256. 311.
[2220] - ПСП. I, 318.
[2221] - ОАСС. 1722 г., 1238. – ПСП. II, 930.
[2222] - ОАСС. 1722 г., 1274.
[2223] - ОАСС. 1722 г., ч. II, прил. XVI.
[2224] - ОАСС. 1723 г., прил. XL.
[2225] - СИРИО. XL, 4.
[2226] - ОАСС. 1724 г., 447.
[2227] - П. Пекарский, «Наука и лит.» 532.
[2228] - ОАСС. 1722 г., 162.
[2229] - ОАСС. 1722 г., 1238. – ПСП. II, 930.
[2230] - ОАСС. 1722 г., ч. II, прил. XVI.
[2231] - ОАСС. 1722 г., 1238.
[2232] - ОАСС. 1722 г., ч. II, прил. XVI.
[2233] - ОАСС. 1722 г., ч. II, прил. XVI.
[2234] - ОАСС. 1723 г., прил. XL.
[2235] - ОАСС. 1722 г., ч. II, прил. XVI.
[2236] - ОАСС. 1723 г., 10.
[2237] - ОАСС. 1722 г., 1238.
[2238] - ОАСС. 1723 г., 10.

Содержание

Учреждение и первоначальное устройство Св. Синода 1721–1725 Стефан Григорьевич Рункевич 1

I. Преобразования Петра Великого в сфере государственной и состояние церковной жизни в России накануне учреждения Святейшего Синода 3

- I 4
- II 5
- III 7
- IV 9
- V 12
- VI 14
- VII 15
- VIII 17

II. Преобразования в строе церковной жизни в царствование Петра Великого за время до учреждения Святейшего Правительствующего Синода. 21

- I 22
- II 24
- III 26
- IV 29
- V 31
- VI 34
- VII 37
- VIII 39
- IX 41
- X 43
- XI 47
- XII 52
- XIII 55
- XIV 59
- XV 62
- XVI 65
- XVII 70

XVII 70
XVIII 74
XIX 77
XX 79
XXI 81
III. Учреждение Святейшего Правительствующего Синода 84
I 85
II 86
III 90
IV 94
V 96
VI 98
VII 100
VIII 102
IX 103
X 107
XI 109
XII 113
XIII 116
XIV 119
XV 123
XVI 125
XVII 127
XVIII 132
XIX 135
XX 138
XXI 139
XXII 142
XXIII 145
IV. Состав Святейшего Синода. 148
I 149
II 151
III 154
IV 158
V 161
VI 165
VII 168

VII 168
VIII 174
IX 176
X 179
XI 181
XII 185
XIII 188
XIV 192
XV 196
XVI 201
XVII 204
V. Исполнительные органы Святейшего Синода и обер-прокурор 205
I 206
II 207
III 211
IV 216
V 219
VI 223
VII 227
VIII 230
IX 234
X 236
XI 238
XII 240
XIII 242
XIV 245
XV 250
XVI 254
VI. Дела и власть Святейшего Синода 258
I 259
II 264
III 266
IV 271
V 275
VI 278
VII 280
VIII 282

VIII 282
IX 285
X 290
XI 292
VII. Делопроизводство 296
I 297
II 302
III 306
IV 310
V 313
VI 315
VII 318
VIII 319
IX 323
X 327
XI 333
XII 337
XIII 339
VIII. Переезды Синода в Москву. Петербургское и московское синодальные правления 343
I 344
II 346
III 348
IV 349
V 351
VI 353
VII 356
VIII 358
IX. Хозяйственная часть 360
I 361
II 363
III 365
IV 367
V 369
VI 373
VII 375
VIII 378
Примечания 381

Примечания 381